

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ
ЕВРОПА
В НОВОЕ
ВРЕМЯ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ
ЕВРОПА
В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА
ОТ ФЕОДАЛИЗМА
К КАПИТАЛИЗМУ

Под общей редакцией

*В. Н. ВИНОГРАДОВА, Д. Ф. МАРКОВА
и И. С. МИЛЛЕРА*

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В НОВОЕ ВРЕМЯ

Сборник статей

Хронологически сборник охватывает период со второй половины XVIII до 80-х годов XIX в. В нем содержатся статьи по развитию общественно-политических, социально-экономических отношений и истории освободительных движений польского, чешского, словацкого, сербского, хорватского, черногорского, греческого, румынского, венгерского и болгарского народов, а также о прогрессивных связях между ними и Россией. Особый раздел работы посвящен историографии и источниковедению.

Редакционная коллегия:

Н. П. ДАНИЛОВА, В. А. ДЬЯКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
Ю. А. ПИСАРЕВ (отв. редактор), В. И. ФРЕЙДЗОН

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

К числу важнейших проблем истории нового времени относятся закономерности перехода от феодализма к капитализму, складывание буржуазных наций, становление национального самосознания и национальных культур, развитие национальных движений. Через данный исторический этап прошли, хотя и неодновременно, все европейские страны. Изменения, которые происходили при этом в социально-экономической, политической и культурной сферах, были в общем однотипными, но отдельные регионы и страны имели свою специфику. Еще Маркс и Энгельс отметили весьма существенные отличия процесса развития капиталистических отношений на территории Европы к востоку от Эльбы.

На научном значении проблематики, связанной с переходом стран Центральной и Юго-Восточной Европы от феодализма к капитализму, едва ли нужно останавливаться особо, так как об этом уже говорилось в нашей специальной печати¹. Эта проблематика занимает видное место в плане научно-исследовательской работы Института славяноведения и балканистики АН СССР, что дает основание объединить посвященные ей труды в серию «Центральная и Юго-Восточная Европа в период перехода от феодализма к капитализму», которую открывает настоящий сборник. Отдельные выпуски серии вместе с предшествующими изданиями такого типа² посте-

¹ И. С. Миллер. Развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму как проблема комплексного сравнительно-исторического изучения. СС. 1972, № 4; Д. Ф. Марков. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках. ВИ, 1973, № 10.

² «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах». М., 1970; «Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах». М., 1972; «Культура и общество». М., 1974.

пенно образуют надежную основу для предстоящего широкого синтеза.

Болгария, Венгрия, Греция, Польша, Румыния, Чехословакия и Югославия — вот страны, история которых в той или иной мере освещается в статьях настоящего сборника; рассматриваются они, естественно, в тесной связи с общеевропейскими событиями и с тем, что происходило в России, Габсбургской и Османской империях и в германских землях. Разумеется, здесь не могло быть ни единообразия социально-экономических условий, ни полной синхронности развития. Однако с неизбежной в таких случаях дозой условности правомерно рассматривать это столетие — с конца XVIII в. до 80-х годов XIX в. — как единую, более или менее цельную эпоху для всех названных народов. Историческое содержание этой эпохи мы уже определили. В болгарской, чехословацкой, югославской, а отчасти и в советской литературе рассматриваемый период уже давно называется эпохой национального возрождения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что этот термин, условность которого совершенно очевидна, читатель не раз встретит на страницах сборника в прямом и в переносном, расширительном его смысле.

Проблема «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму» имеет несколько аспектов. В соответствии с этим определилась и структура настоящего сборника. Его первый раздел посвящен социально-экономическим предпосылкам национального возрождения, второй — освободительным движениям и их идеологии, третий — межнациональным общественно-политическим и отчасти культурным связям. В четвертый раздел сгруппированы статьи историографического и источниковедческого характера, затрагивающие различные аспекты проблемы.

СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Т. М. Исламов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВЕНГРИИ КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Основное содержание рассматриваемой эпохи, причем не только для Венгрии, но и для других стран восточной части Центральной Европы,— это складывание, постепенное вызревание в недрах феодализма элементов капитализма, вернее, социально-экономических и политических предпосылок перехода к нему¹.

Очевиден, можно сказать, даже бесспорен, переходный характер эпохи. Но далеко не так очевидно и совсем не бесспорно то, как мы понимаем этот процесс и что подразумеваем под ним. Часто и, на мой взгляд, недостаточно правомерно делается акцент на капиталистическое развитие уже в 90-х годах XVIII — начале XIX в. Незаметно для самих себя некоторые ученые склонны «причислить» переходный период к эпохе капитализма, забывая о том, что утверждение последнего в обширной части Центральной Европы точно датируется революцией 1848 г. Из отдельных фактов развития товарно-денежных отношений и появления одного или нескольких предприятий мануфактурного или фабрично-

¹ Ниже речь пойдет преимущественно о тех аспектах исторического процесса переходной от феодализма к капитализму эпохи, которые либо недостаточно разработаны, либо являются дискуссионными.

го типа часто делаются далеко идущие выводы². Нередко упускается из виду, что кризис феодализма и зарождение капиталистических отношений связаны не только с чисто экономическими или техническими показателями, но и с глубокими сдвигами в социальной структуре общества и прежде всего с появлением новых классов.

Происходит это отчасти от недостаточно четкой дифференциации этапов, которые предшествуют развитию новой общественно-экономической формации, когда она становится господствующей во всех сферах деятельности данного общества. Первоначальный период складывания предпосылок капитализма, период который необязательно завершается буржуазной революцией, должен включать, по мнению венгерских историков, следующие условия.

1. Образование внутреннего рынка с отчетливо выраженной тенденцией к расширению.

2. Накопление капиталов, его темпы и объем. Характер и направление инвестиций. Складывание денежно-кредитной системы.

3. Складывание рынка свободной наемной рабочей силы, пригодность (профессиональная) и возможность ее применения в промышленности.

4. Развитие инфраструктуры, прежде всего средств и путей сообщения.

5. Определенный уровень и новые формы организации производства.

6. Преобразование феодальной земельной ренты в капиталистическую.

Примерно такую схему предполагают положить венгерские ученые в основу соответствующих разделов подготавливаемой 10-томной «Истории Венгрии»³.

² Так, преувеличивая уровень развития одной, причем далеко не главной для Венгрии отрасли производства — домашней крестьянской текстильной промышленности и текстильной мануфактуры в 40-е годы XIX в., современный венгерский историк Д. Толнай утверждает, что эта отрасль в сущности играла ту же роль, какую она сыграла в процессе первоначального накопления и индустриализации в Англии и что отклонение от английского пути произошло после 1848 г. (См.: *Tolnai György. A paraszti szö-vő-fonóipar és a textilmanufaktura Magyarországon (1840—1849)*. Budapest, 1964).

³ *Hanák Péter, Lackó Miklós és Ránki György. Gazdaság, társadalom, társadalmi-politikai gondolkodás Magyarországon a kapitaliz-*

Принимая во внимание вышесказанное, можно полагать, что процесс складывания предпосылок капитализма в Венгрии длился в течение целого столетия — вплоть до 50-х годов XIX в., отставая от собственно австрийских и чешских земель примерно на 50—70 лет. Во всяком случае в конце XVIII — начале XIX в. можно говорить о наличии в Венгрии лишь отдельных элементов капитализма, полностью же эти предпосылки вызревают в 40-х годах. Уже начиная с 30-х годов заметно ускоряются и темпы накопления капиталов, и инвестиции их в промышленность и сельское хозяйство. Становится более выразительной тенденция к модернизации сельскохозяйственного производства, делаются первые шаги к созданию новых средств транспорта и путей сообщения. Значительное влияние на эти процессы оказало ускорение темпов промышленного переворота в Центральной Европе, особенно в Австрии и Чехии, сельскохозяйственный рынок которых решающим образом воздействовал не только на ход развития капитализма в Венгрии, но и на характер ее экономической структуры.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на одно обстоятельство, имеющее, на мой взгляд, важное значение. Речь идет о схематической трактовке некоторыми авторами причин экономической отсталости той или иной страны или национальной области в государствах многонациональных, о непомерном преувеличении роли субъективного фактора (т. е. политики господствующей нации, точнее, метрополии) и явной недооценке объективных условий: природных, географических, демографических и т. д. Долгое время в венгерской исторической науке господствовала концепция⁴, сторонники которой причины экономической отсталости своей страны склонны были видеть лишь в политике венского двора и Габсбургов. Делались попытки доказать, что Венгрия якобы была такой же колонией Австрии, как

mus korában. «Vita Magyarország kapitalizmuskori fejlődéséről». Budapest, 1971, 14 old.

⁴ Обстоятельный критический анализ ее см.: *Sándor Vilmos*. Magyarország függőségének jellege a dualizmus korában. «Történelmi Szemle», 1958, N 1-2. Концепция эта была развенчана историками социалистических стран на конференции в Будапеште в 1958 г. (см.: «Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie». Budapest, 1961).

Индия для английской буржуазии. В настоящее время, к счастью, эту концепцию можно считать преодоленной. Венгерские историки отказались также от взглядов, односторонне преувеличивающих роль субъективного фактора, и от ложной трактовки обязательно и исключительно отрицательного влияния на экономическое развитие внешних сил, т. е. Австрии. Это было одним из важных позитивных результатов решительной борьбы венгерских историков против национализма в освещении истории Венгрии, начатой в конце 50 — начале 60-х годов выдающимся ученым, академиком Э. Молнаром⁵.

Отказ от упрощенческих толкований положения Венгрии в системе монархии Габсбургов (как «колониального» до 1867 г. и «полуколониального» после заключения дуалистического австро-венгерского соглашения) открыл путь плодотворным поискам, цель которых — адекватно отразить сложное переплетение взаимоотношений различных компонентов, из которых складывалась Дунайская империя. Шагом вперед явилась предложенная венгерским историком Вильмошем Шандором формула, хотя далеко не безупречная и отнюдь не бесспорная, о «системе зависимости многонационального государства». Она позволила устранить односторонность в понимании отношений Венгрии и Австрии и, по словам автора, заставила венгерских историков «подробнее и многостороннее раскрыть угнетательскую роль венгерской нации, показать иерархию различных национальностей», так как говорить лишь о «зависимости Венгрии от Австрии» означало, по мнению В. Шандора, прикры-

⁵ Начавшаяся в конце 50-х годов по его инициативе дискуссия венгерских историков по национальному вопросу продолжается и поныне и имеет уже довольно солидную литературу. Назовем лишь наиболее важные работы: *Molnár Erik*. A nemzeti kérdés. «Magyar Tudomány», 1960, N 10; *он же*. Nemzet és haza. Magyar Tudományos Akadémia történettudományok Osztályának közleményei. 1961, XI, к., N 1-3; *он же*. Das Problem des Zusammenhanges zwischen nationaler Unabhängigkeit und gesellschaftlichen Fortschritt. «Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie». Budapest, 1961; *Arató Endre*. A nemzet és haza fogalmának alakulása Magyarországon a felvilágosodástól a kiegyezésig. «Az ELTE évkönyve». Budapest, 1966; *Pach Zsigmond Pál*. A «haza» fogalma az osztálytársadalmakban. «Századok», 1962, N 3-4; «A Magyar nacionalizmus kialakulása és története, bev. Andics Erzsébet». Budapest, 1964; «Vita a magyarországi osztályküzdelmekről és függetlenségi harcokról. bev. Pach Zsigmond Pál». Budapest, 1965.

тиё «националистических пережитков», отвлекающих внимание «от истинной роли венгерских господствующих классов»⁶.

Однако похвальное и вполне естественное желание опровергнуть старую концепцию о колониальном положении Венгерского королевства в монархии в XVIII — начале XIX в. приводит некоторых историков к выводам и суждениям противоположного характера. В последнее время на первый план стали выдвигаться ими отдельные факты, призванные подчеркнуть стимулирующую роль и благотворное воздействие на Венгрию её общности с империей, и наоборот, недооцениваться отрицательные для развития национальной промышленности последствия меркантилистской экономической политики Габсбургов, тормозящая роль конкуренции австрийских и чешских фабричных изделий и таможенно-тарифная политика двора⁷. Если раньше отсталость страны объяснялась только этими факторами, то теперь её стали объяснять почти исключительно внутренними причинами. В ряде работ венгерских историков 50-х годов уже можно найти возражения против концепции колониальной зависимости, указания на благоприятные для экономического развития черты таможенно-торговой политики Вены. Более того, даже вполне очевидные антивенгерские финансово-экономические меры венского двора объясняются в таких работах упрямым нежеланием венгерского дворянства добровольно отказаться от своих налоговых привилегий и согласиться с введением всеобщего налогообложения. Не потому, что того требовали вечно пустовавшая из-за бесконечных войн австрийская казна и интересы предпринимателей Австрии и Чехии, а для того, чтобы возместить недостающую сумму от налоговых сборов, имперские правители, по их мнению, были вынуждены душить венгерскую промышленность посредством введения тарифов, грабить казенное имущество, вводить табачную и соляную монополии⁸.

⁶ V. Sándor. Der Charakter der Abhängigkeit Ungarns im Zeitalter des Dualismus. «Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie». Budapest, 1961, S. 318—329.

⁷ См. об этом: Hanák Péter, Lackó Miklós, Pánki György. Указ. соч.

⁸ По мнению известного венгерского ученого Й. Реваи, налоговые привилегии дворянства «несомненно являлись одной из причин

По-видимому, правильней будет не отбрасывать ни один из существенных факторов, определяющих характер и темпы социально-экономического развития, и в то же время не абсолютизировать отдельные факторы.

Среди других проблем этого периода, требующих дальнейшего изучения, можно выделить определение хронологических рубежей промышленного переворота, особенно начального его этапа, и выяснение того, насколько страны этого региона следовали классической английской модели (какую роль в промышленном перевороте сыграла, например, текстильная промышленность Чехии, Венгрии и других стран). Требуется изучения и такой вопрос, поставленный в венгерской исторической литературе: в какой мере наличие независимого национального государства способствует и способствует ли вообще самостоятельному капиталистическому развитию того или иного народа. Некоторые венгерские авторы приходят, например, к выводу, что если бы даже революция и война 1848—1849 гг. завершились полной победой, то и в таком случае капиталистическая индустриализация Венгрии осуществлялась бы скорее по российской модели, нежели по английской, и в более неблагоприятных условиях, чем в России. Сторонники этой точки зрения ссылаются при этом на сравнительные характеристики предшествующего промышленному перевороту этапа, который они называют «предындустриальным», «меркантильным», или «раннекапиталистическим»⁹, который в Венгрии продолжался до 40-х годов XIX в.

«У нас нет оснований предполагать, что полная государственная независимость привела бы к более быстрой и всеохватывающей индустриализации, чем это имело

австрийской колониальной политики, но эта причина имела подчиненное значение». Предоставляя известную защиту венгерским дворянским мануфактурам, указывал Реван, они «до некоторой степени выполняли у нас ту роль, которую абсолютизм играл в других странах». Последнее замечание автора, конечно, грешит явным преувеличением, однако он, безусловно, прав, когда отрицает чуть ли не решающую роль, приписываемую старинной привилегии венгерского дворянства быть свободным от всякого обложения налогами (см.: *Révai József. Válogatott történelmi írások.* Budapest, 1966, 1. k., 161. old).

⁹ *Katus László. A kelet-európai iparosodás és az «önálló tőkés fejlődés» kérdéséhez.* «Történelmi Szemle», 1967, N 1, 30. old.

место на самом деле, и к более самостоятельному капиталистическому развитию». Автор этих строк, Л. Катуш, весьма сведущий исследователь, полагает, что для подобного развития в Венгрии отсутствовали внутренние экономические предпосылки, которых не могла бы возместить и полностью самостоятельная венгерская государственность. Более того, Катуш считает, что, став независимой от Австрии, Венгрия была бы поставлена перед альтернативой экономической стагнации: или очень медленного и мучительного экономического роста за счет понижения жизненного уровня населения, или же более быстрой индустриализации при помощи иностранного капитала ввиду недостатка внутренних ресурсов¹⁰.

Подобного рода «экономический нигилизм», или, лучше сказать, «экономический скептицизм», так или иначе принижает и игнорирует обратное воздействие политики на экономику, недооценивает роль мощных рычагов, пользуясь которыми государство способно сдерживать или, наоборот, ускорять экономическое развитие. Наконец, упускается из виду тот общеизвестный факт, что национальное независимое государство при прочих равных условиях в большей мере благоприятствует развитию буржуазно-капиталистических отношений.

Существует и такой взгляд, что с чисто экономической точки зрения национальная самостоятельность во все не являлась необходимым условием капиталистического развития, но в конкретных исторических условиях монархии стремление к самоопределению способствовало ускорению складывания его предпосылок.

Рассмотрение основных тенденций экономического развития Венгрии в конце XVIII — начале XIX в. достаточно убедительно показывает, что объективную роль в нем играли оба фактора — и внутренний, и внешний.

В общих чертах можно констатировать, что характер перехода от феодализма к капитализму, а тем самым самого венгерского капитализма был предопределен тремя основными факторами, тесно друг с другом связанными: своеобразными особенностями венгерского феодализма, исторически сложившимся международным разделением труда между двумя частями империи и политикой имперских властей.

¹⁰ *Katus László*. Указ. соч.

На характер разделения труда между Австрией и Венгрией глубочайший отпечаток наложили роковые во многих отношениях последствия турецкого господства, антитурецкие и антигабсбургские войны. Ко времени, когда завершился последний акт кровавой венгерской трагедии, т. е. после подавления освободительной войны под руководством Ференца Ракоци II во втором десятилетии XVIII в., большие пространства страны, особенно территории, находившиеся 150 лет под османским игом, оказались опустошенными в буквальном смысле слова. Достаточно сказать, что население королевства в 1720 г. составляло всего около 4 млн. человек, т. е. приблизительно столько же, как и за два столетия назад, в конце XV в. Производительным силам страны, особенно городскому ремеслу, был нанесен страшный урон. Это означало, что на первых порах после присоединения королевства к империи Габсбургов оно не могло служить ничем другим для монархии, как только поставщиком сырья и сельскохозяйственных продуктов, а также рынком сбыта промышленных изделий Австрии. Примерно в одно время с этим Австрия вступила в мануфактурную стадию развития, что активно поддерживалось государством. Уже в середине 20-х годов XVIII в. были изданы распоряжения, ограничивавшие монополию цехов. Поощрение мануфактур в Австрии еще более усилилось с наступлением эры «просвещенного деспотизма», с воцарением Марии-Терезии, в основе экономической политики которой лежали учения меркантилистов и физиократов. Следующий значительный шаг в этом направлении был связан с потерей большей части Силезии, наиболее развитой в промышленном отношении провинции Габсбургов. Чтобы как-то компенсировать эту почти невозполнимую утрату, венскому двору пришлось перейти к планомерному покровительству промышленного развития Чехии, где был отменен целый ряд ограничений, тормозивших расширение производства текстиля, полотна, изделий из железа, стекла и т. д. Чешским аристократам, основывавшим мануфактурные и фабричные предприятия, предоставлялись особые льготы, привилегии и займы. Кроме того, было отменено положение, запрещавшее нектоликам заниматься торговлей и промышленной деятельностью в чешских землях.

Усиленное развитие при государственной поддержке промышленности в Чехии, Нижней Австрии и других наследственных землях, естественно, требовало бесперебойного снабжения ее дешевым сырьем и продовольствием. Эту роль венский двор предназначил Венгрии, а также Галиции и Буковине, приобретенным Габсбургами в 1770-х годах. Эти же области должны были стать рынком сбыта промышленных изделий наследственных земель, тем более что в результате конкуренции Англии и других стран Западной Европы австрийская торговля с Левантом резко упала. Превращения Венгрии в аграрно-сырьевой придаток и рынок сбыта требовали не только фискальные интересы двора, но и интересы нарождавшейся австро-чешской буржуазии. Эти стремления были осуществлены путем проведения особой таможенно-торговой политики в отношении Венгрии, которая нашла свое отражение в тарифном уставе 1754 г. Закрыв границы Венгрии для внешней торговли с другими странами путем установления высоких пошлин, устав 1754 г. позволил Австрии полностью монополизировать венгерский рынок. В результате, констатируют авторы первого тома «Истории Венгрии», экономика Венгрии была полностью подчинена «австрийским интересам, что превратило страну в экономический придаток более развитых в промышленном отношении наследственных областей»¹¹.

Этому, разумеется, не в малой степени способствовала узкоклассовая эгоистическая политика феодального дворянства, упрямо отказывавшегося принять требование двора о введении в Венгрии всеобщего налогообложения. В обоснование своей откровенно дискриминационной в отношении Венгрии и Трансильвании таможенно-торговой и экономической политики австрийские имперские власти неоднократно ссылались на налоговые привилегии венгерского дворянства. Однако аргумент этот был не более чем циничным предлогом. Руководитель имперского высшего финансового ведомства Карл Цинцендорф в 1773 г. признавал, что утверждение о недостаточном участии Венгрии в имперских расходах является «предрассудком». Даже по его собственным расчетам Венгрия ежегодно выплачивала казне боль-

¹¹ «История Венгрии», т. I. М., 1971, стр. 464.

шую сумму, чем приходилось бы на ее долю пропорционально численности населения. Кроме того, она теряла еще несколько миллионов гульденов на натуральных поставках для армии, строительстве казарм, на присвоении казной доходов с рудников и т. д.¹² Из сказанного следует, что исторически сложившееся между двумя частями империи общественное разделение труда уже к концу XVIII в. было углублено и закреплено внеэкономическим принуждением, осуществлявшимся последовательно и систематически на протяжении многих десятилетий. Экономическая политика венского двора, как мы видели, не была лишена некоторых черт, свойственных колониальной политике. Тем не менее Венгрия, конечно, не была ни полуколонией, ни тем более колонией Габсбургов. Последним никогда не удавалось лишить ее до конца всех атрибутов государственности, ее сословные привилегии никогда и никем не отменялись, а, наоборот, неоднократно подтверждались договорами и другими официальными документами. По словам французского дипломата Бартеlemi, в Венгрии «венский двор действует медленно и осторожно, так как этот народ обладает сильным и непокорным характером, который внушает опасения»¹³.

Рассматриваемый период представляет огромный интерес и в плане идейно-духовного развития венгерского общества.

Требуется уточнения прежде всего периодизация эпохи Просвещения в Венгрии, которая не совсем совпадает с периодизацией социально-экономической и политической истории¹⁴. Историк венгерского Просвещения Эва Х. Балаж вполне резонно заметила, что связь, устанавливаемая историографией между двумя последними десятилетиями XVIII и первым десятилетием XIX в., носит

¹² Gy. Mérei. Über einige Fragen der Anfänge der kapitalistischen Gewerbeentwicklung in Ungarn. «Etudes historiques»: Budapest, 1960, p. 732.

¹³ Цит. по кн.: П. Митрофанов. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги. 1780—1790. СПб., 1907, стр. 679.

¹⁴ Иногда периодизацию истории культуры механически связывают с важнейшими событиями и поворотными этапами национальной политической жизни (см., например: M. E. Thurner. Prolegomena zu einer österreichischen Kulturgeschichte. «Anzeiger», 1972, N 1, S. 135).

чисто внешний, механический характер. Она полагает, что общепринятый рубеж эпохи — 1790 год — «искусственно разрывает связанные друг с другом звенья цепи развития, причем там, где эта связь всего теснее»¹⁵. Ее поддерживает автор работы «О периодизации десятилетней «Истории Венгрии» Густав Хекенашт, который указывает, что этот рубеж «разрубают на две части линию развития, ведущую от венгерских йозефинистов до венгерских якобинцев»¹⁶. Исходя из этого и отдавая должное несомненной справедливости аргументов в защиту республиканского движения 1795 г., авторы вышедшей в 1964 г. двухтомной «Истории Венгрии» передвинули искомый рубеж с 1790 на 1795 г. Однако справедливость была восстановлена лишь относительно, ибо это было чисто техническим решением проблемы — за пределами новой истории оставались явления и процессы, порожденные в Венгрии, как и во всей Европе, Великой Французской революцией.

Нельзя не признать и разумность возражений тех, кто утверждает, что ни 1790, ни 1795 г. не внесли ничего существенно нового ни в социально-экономические (остались неизменными аграрные отношения, взаимоотношения помещика с крепостным, а мануфактуры начали появляться намного раньше), ни в общественно-культурные процессы. Знатоки экономической истории полагают, что сдвиги в общественно-экономических условиях наметились уже в середине XVIII в. и заметно проявились в 60-е годы, особенно в связи с развитием мануфактур и майоратного хозяйства¹⁷.

С другой стороны, заслуживает внимания точка зрения Дюлы Мереи, автора многих исследований, в том числе по экономической истории. Оспаривая мнение Яноша Варги, проф. Мереи не без оснований утверждает, что появление в 60—70-е годы в Венгрии крупнопомещичьих мануфактур, причем нередко недолговечных и неустойчивых, ни в коей мере нельзя считать началом мануфактурного периода. Мереи, как и поддерживаю-

¹⁵ *Balázs Éva H. Berzeviczy Gergely reformpolitikus. 1763—1795.* Budapest, 1967, 7. old.

¹⁶ *Heckenast Gusztáv. A tízkötetes «Magyarország története» periodizációjáról.*— «Vita a feudális kori magyar történelem periodizációjáról». Budapest, 1968, 16. old.

¹⁷ Там же, стр. 94.

щий его точку зрения Д. Шпира, ратует за сохранение 1790 г. в качестве водораздела между поздним средневековьем и новым временем в венгерской истории, полагая, что именно после 1790 г. прослеживаются объективные проявления поворота к новой общественной формации. Тогда впервые под влиянием общественных социальных движений, разыгравшихся по всей империи Габсбургов, была поколеблена абсолютная власть династии и начался процесс, логически увенчанный 1848 г.¹⁸

Суровый приговор подобным взглядам выносят П. Ханак, М. Лацко и Д. Ранки. «В конце XVIII — начале XIX в., — утверждают они, — в Венгрии отсутствовали экономические предпосылки капитализма», хотя и не связывают приведенную декларацию непосредственно с проблемой периодизации.

В лучшем случае упомянутые авторы склонны допустить, что в указанное время некоторые предкапиталистические элементы могли существовать в самых развитых областях страны, в ряде отраслей производства и в некоторых поместьях¹⁹.

Очевидно, что при решении проблем периодизации необходимо учитывать не только экономические факторы, но и общественные²⁰. При определении рубежа, открывающего последний период в истории Центральной Европы, период перехода от феодальной эпохи к капиталистической, первостепенное значение приобретает ленинская оценка Французской революции²¹, позволяю-

¹⁸ *Heckenast Gusztáv*. Указ. соч., стр. 137—138.

¹⁹ *Hanák Péter, Lackó Miklós, Ránki György*. Указ. соч., стр. 16.

²⁰ Разумной представляется позиция венгерских историков-экономистов И. Беренда и М. Сухая, изложенная в недавно опубликованной монографии «История капиталистической экономики в Венгрии. 1848—1944». Их подход основан на учете как международных, так и собственно венгерских аспектов проблемы. И для них решающим внешним фактором является Французская революция 1789 г., под влиянием которой «обострились противоречия феодализма в странах, где господствовало крепостничество, т. е. на востоке Европы». «С этого времени, — констатируют авторы, — также и на нашей родине начинается эпоха кризиса феодальных отношений» (*Berend T. Iván—Szuhay Miklós. A tőkés gazdaság története Magyarországon. 1848—1944*). Budapest, 1973, 9. old.).

²¹ «Для своего класса..., — писал В. И. Ленин, — весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком Французской революции. Он во всех концах

щая считать Французскую революцию точкой отсчета начала нового времени и для стран Центральной Европы, органически сочетать общие закономерности смены общественно-экономических формаций с конкретным своеобразием условий развития отдельных стран и народов.

Строго говоря, 90-е годы XVIII в., с которых обычно мы начинаем изучение новой истории Венгрии, не представляют четко определенного рубежа, отделяющего две социально-экономические формации. Но в 90-е годы Венгрия, как и многие другие страны, вступает в новую эпоху, которую открыла Великая Французская революция, нашедшая глубочайший отклик во всех странах Европы. Здесь мы сталкиваемся с парадоксальными на первый взгляд явлениями. Современники Робеспьера, Сен-Жюста и Марата в Венгрии, да и не только в Венгрии, но, наверное, и в некоторых других странах Центральной Европы, люди образованные, с величайшим интересом следившие за тем, что творилось в Париже, подхватывали не буржуазные идеи революции, не радикальные принципы якобинизма, а преимущественно лозунги Просвещения, идеи энциклопедистов. И это не случайно.

Очевидно, что ни с какой точки зрения общество тогда еще не созрело к восприятию революционных идей. И то, что Венгрия и отчасти Австрия были одними из немногих стран к востоку от Эльбы, пожалуй, и к востоку от Рейна, где имело место республиканское движение, по праву получившее название «якобинского», — явление, конечно, исключительное, требующее особого рассмотрения.

90-е годы XVIII в. — пора наивысшего расцвета идей Просвещения в Венгрии. Однако распространяться здесь они начали двумя десятилетиями раньше, уже в 70-е годы.

Произведения Вольтера, Монтескье, Руссо, Локка предоставили в руки дворянства, недовольного габсбургским абсолютизмом и его венгерскими союзниками — аристократией и высшим духовенством, идеологическое оружие. Оно используется в целях развенчания всецельной тогда латыни, являвшейся официальным языком ка-

мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали французские революционеры...»
(В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 367).

толической церкви, государственных учреждений и официальной литературы. Латыни, символизировавшей союз династии, клира и аристократии, противопоставляется родной язык, культивирование которого становится одной из главных задач венгерского Просвещения.

Первое знакомство венгров с идеями европейского Просвещения произошло еще во времена Семилетней войны, когда многие из них, сражаясь в рядах армий Марии-Терезии, оказались в Германии. Помимо студентов, обучавшихся в германских университетах, проводниками идей Просвещения были также протестанты из Саксонии, Силезии, Моравии, Чехии, бежавшие в Венгрию и поселившиеся там в связи с Семилетней войной²²⁻²³. Именно они первыми в Венгрии нашли практическое применение идеям Просвещения, которыми пользовались в качестве аргументов в борьбе за равенство прав протестантской церкви. И, наконец, третьим каналом была венгерская королевская лейб-гвардия, созданная Марией-Терезией. После пяти лет службы в Вене, одном из крупных культурных центров, многие из бывших лейб-гвардейцев возвращались домой духовно обогащенные, остро ощущая отсталость и убожество собственной страны. Из их рядов вышли многие венгерские просветители. Они же составили и костяк венгерских йозефинистов.

Подлинную силу и по-настоящему большое общественно-политическое звучание идеи, почерпнутые передовыми людьми Венгрии у Вольтера, Руссо, Монтескье, получили только тогда, когда стали достоянием дворянского движения сопротивления абсолютизму, достигшего своей наивысшей точки в 1790—1791 гг.

Теория разделения властей, суждения французских мыслителей о природе власти и духе законов и об общественном договоре служили аргументом в борьбе государственного собрания против злоупотреблений королевской власти.

В кругах передовых мыслителей, поэтов, писателей Венгрии большой популярностью в конце XVIII в. поль-

²²⁻²³ *Eckhardt Sándor*. A francia forradalom eszméi Magyarországon. Budapest, 1920, 10—12. old.; *Peter F. Sugar*. The Influence of the Enlightenment and the French Revolution in the eighteenth century Hungary. «Journal of Central European Affairs», 1958, vol. XVII, N 4, p. 331.

зовался Жан-Жак Руссо. По мнению венгерских исследователей, автор «Общественного договора» и «Исповеди» был самым популярным писателем среди венгерских дворян. Широкое распространение среди них получил конституционный проект Руссо «Рассуждения о принципах управления в Польше»²⁴, переведенный на венгерский язык в 1790 г. крупнейшим просветителем и поэтом Ф. Казинци. Интерес к этому произведению, не относящемуся к числу наиболее значительных трудов Руссо, вызван был тем, что изложенные в нем идеи всего больше соответствовали потребностям венгерского общества. Наибольшее внимание привлек тезис Руссо о том, что польская нация отличается не только от своих соседей, но и от всей остальной Европы «по природе, управлению, нравам, языку»²⁵. Право каждой нации самой определять форму правления служило дополнительным аргументом в борьбе венгерского дворянства против абсолютистских поползновений Габсбургов.

Венгерские просветители часто обращались также к определению понятия «национальный характер», данному в проекте польской конституции. У Руссо речь шла о том, что национальный характер есть совокупность обычаев и нравов народа, которые придают только одному ему присущее своеобразие, что именно народ является носителем и хранителем национальных традиций. Эти идеи широко распространились по всей Центральной и Восточной Европе, чаще всего в интерпретации немецкого ученого И. Г. Гердера, в которой свойственные мышлению Руссо социальные моменты были сильно оттеснены на задний план²⁶. Ссылаясь на «естественные права», дворянские собрания комитатов отстаивали сословные привилегии и венгерскую конституцию.

Любопытно, что тем же идейным арсеналом пользовался и антипод поместного дворянства — феодально зависимое крестьянство. Так, в некоторых из многочисленных крестьянских памфлетов и петиций тех лет есть и

²⁴ Szauder József. Felvilágosodás és romantika határán. Budapest, 1970, 90. old.; *Fenyő István*. Nemzet, nép-irodalom. Budapest, 1973, 125. old.

²⁵ J. J. Rousseau. *Considérations sur le gouvernement de la Pologne...* A la Haye, 1783, p. 119.

²⁶ См.: В. М. Жирмунский. Жизнь и творчество Гердера. «Гердер. Избранные сочинения». М.—Л., 1959.

такие, в которых прямо утверждается: «общественный» договор заключен не между королем и дворянством, а между королем и непосредственно народом.

Не последнюю роль в распространении идей Просвещения сыграл «просвещенный абсолютизм», особенно в период царствования Иосифа II.

Справедливо критикуя Иосифа II, вскрывая существенные пороки и ограниченность его реформ, мы, как мне кажется, не всегда замечаем в ряде случаев их объективно прогрессивное значение. Возможно, что иногда это делается в силу тенденции или только по инерции.

Критика Иосифа и йозефинизма не только справа, из лагеря аристократической и клерикальной реакции, но и слева вошла в моду еще при жизни этого «монарха в шляпе». Достаточно вспомнить известные высказывания Фридриха Шлегеля и Гердера.

Современник Иосифа II венгерский экономист Г. Берзевици едко высмеивал короля за скупость и мелочность, за то, что в целях экономии государственных средств император самолично укорачивал рукава солдатских мундиров; за бюрократизм, когда каждая бумажка должна была проходить минимум пять инстанций, за то, что Иосиф правил при помощи бесчисленного множества приказов, распоряжений, декретов, эдиктов, противоречивших друг другу, часто отменявшихся или заменявшихся. Но самое главное, писал Берзевици, Иосиф допустил роковую ошибку, когда попытался лишить «свободную и великодушную венгерскую нацию старинных прав и конституции и ввести совершенно негодную для Венгрии систему правления — деспотию». Но и этот беспощадный критик признает, что Иосиф руководствовался «благородными идеалами»²⁷. Разумеется, у нас иные критерии критики и оценки того или иного политического деятеля. Но мы недостаточно ясно видим не только объективное значение, но и объективные последствия закона о веротерпимости и закона о ликвидации крепостной зависимости, пусть даже отмененного. Мы не можем пройти мимо того факта, что йозефинизм открыл широкий доступ в империю самых передовых идей эпохи, пусть даже в деформированном виде: Духовная

²⁷ *Berzeviczy Gergely. Über Oesterreichs Grundsätze in der Regierung Ungarns; H. Balázs Eva. Berzeviczy Gergely, a reformpolitikus, 1763—1795, 320—323. old.*

жизнь венгерского общества была особенно богатой и интенсивной в годы правления Иосифа и в последующие несколько лет. В той или иной форме новые идеи нашли отклик в самых отдаленных уголках империи. И здесь мы подходим к самому, пожалуй, трудному вопросу — к национальному. В многонациональной Венгрии он появляется почти одновременно со складыванием предпосылок капитализма. Уже в это время закладываются основы будущего межнационального конфликта, вспыхнувшего в 1848—1849 гг.

Национализму венгерских господствующих классов с момента его возникновения была свойственна тенденция к подавлению других народов. Этот факт не отрицается, а подчеркивается нынешней венгерской исторической наукой. Главным врагом венгерского национализма был австрийский абсолютизм, острие же возникших несколько позже национальных движений невенгерских народов было направлено против мадьярской гегемонии в Венгрии.

Однако агрессивный национализм отнюдь не был привилегией одних только венгерских господствующих классов. В роли угнетателей валахов в Банате выступала сербская церковная верхушка, в Захсенланде — саксонский патрициат. Нам предстоит еще многое сделать, чтобы дать правильную, марксистскую оценку роли церкви в национальных движениях угнетенных славян и валахов, особенно на заре буржуазной эпохи. Не имея возможности коснуться всех важных аспектов сложной национальной проблемы в Венгрии, мне хотелось бы лишь отметить, что каким бы важным ни казался национальный вопрос, нельзя его отрывать от социальных и классовых корней, игнорировать его историческую обусловленность и подчиненность.

Между тем кое-где имеют место преувеличение прогрессивной исторической роли национальных движений и даже их фетишизация. Чаще всего мы встречаемся со стремлением выдавать чисто социальные народные выступления и движения за национальные.

Крупные общественно-политические явления этой переходной эпохи воспринимаются как процессы, свойственные феодальной формации исключительно. Из правильной в принципе и неоспариваемой в сущности посылки о том, что не всякое явление, имеющее «нацио-

нальный» характер, должно быть механически и просто отнесено к разряду «прогрессивных», современный венгерский историк Д. Кошари выводит свой тезис о «феодальном национализме», представлявшем, по его словам, главное идеологическое течение эпохи. Под «феодальным национализмом» подразумевается антигабсбургское оппозиционное движение обуржуазивавшегося дворянства, равно как борьба за обновление венгерского языка и расширение его прав. Этот национализм, утверждает автор, не только не выходил за рамки феодализма, но и прямо был направлен на защиту сословных привилегий²⁸. Тем самым полностью игнорируется тот факт, что наряду с сословными интересами движение было отмечено ярко выраженными буржуазно-национальными и буржуазно-националистическими чертами. Их можно обнаружить не только в выступлениях оппозиции в первом десятилетии XIX в., но и в пассивном сопротивлении дворянства 1790—1791 гг., когда традиционная борьба за восстановление феодальной (сословной) конституции впервые перерастает в национальное движение буржуазного типа.

С вышеизложенным непосредственно связана крайне противоречивая трактовка автором движения за обновление венгерского языка и за признание его прав. Признание необходимости создания национального литературного языка как составной части процесса буржуазно-национальных преобразований не мешает автору объявить это движение националистическим. При этом он ссылается на то, что оно разворачивалось не в момент расцвета Просвещения, а во время феодально-абсолютистской реставрации в Австрии и во всей Европе, наложившей отпечаток на все движение, характер которого определялся не столько Просвещением, а скорее борьбой против революции, стремлением защититься от нее.

В силу социально-экономической отсталости и неразвитости классовых противоречий в большинстве стран, расположенных к востоку от Эльбы, влияние Французской революции проявилось в большей мере в сфере языка, литературы, культуры. По такому пути пошла и Венгрия после 1795 г., когда был раскрыт и разгромлен

²⁸ *Kosáry Domokos. Napóleon és Magyarország. «Századok», 1971, N 4—5.*

республиканский заговор во главе с И. Мартиновичем. Крах попытки переустройства общества по французскому примеру, на якобинский лад и якобинскими методами, сделавший невозможной непосредственную политическую конфронтацию сил реакции и прогресса в течение трех десятилетий, не только ограничил поле битвы сферой культуры, но и надолго устранил из арсенала борьбы идеологов Просвещения, сторонников обновления языка и литературы радикальные идеи и средства достижения цели. В идеологии венгерских просветителей конца XVIII — начала XIX в. мы не обнаружим и следа того якобинизма, который воодушевлял Мартиновича, И. Хайноци и их соратников. От якобинизма отвернулись даже уцелевшие якобинцы (например, Ф. Казинци). Разумеется, нельзя упускать из виду то обстоятельство, что движение за обновление венгерского языка и литературы развернулось во всю свою силу в обстановке торжества реакции, в особенности со второй половины 90-х годов, а затем победы контрреволюции и реставрации, когда над всей Европой властвовал мрачный дух «Священного союза».

Ввиду слабости буржуазных элементов, вернее сказать, почти полного отсутствия буржуазии как класса роль последней почти повсюду выполняли другие социальные силы. В обществах с развитой феодальной структурой, обладавших всеми свойственными этой формации атрибутами (сословные учреждения, феодально-зависимое крестьянство, господствующий класс землевладельцев и пр.), поборником капиталистического пути развития выступает дворянство, вернее та его часть, которая переходит к буржуазным формам хозяйствования, и те его слои, которые не в состоянии были спастись от разорения даже путем максимального увеличения эксплуатации крепостного крестьянства. Среднепоместное, обуржуазивавшееся дворянство пробивало путь к новой общественной формации не только в сфере экономики, но и политики, и идеологии. Оно же выступало в роли руководящей социальной силы в процессе формирования буржуазной нации. Однако в силу того, что переход от феодальной народности совершался под эгидой этого феодального по своему происхождению элемента, тысячью нитей связанного со старым, в трансформации народности в нацию не было резкого скачка.

Эволюционный характер перехода нашёл свое проявление и в том, что старая феодальная концепция нации не только не была заменена новой, но и не претерпела существенного изменения. Традиционное, веками складывавшееся представление о «венгерской нации» («*Natio hungarica*») как о совокупности благородных сословий не исчезает вовсе, а лишь видоизменяется. Многие сторонники буржуазного пути развития допускают отныне возможность признания крестьянства частью нации, так как без его поддержки они не в состоянии добиться осуществления собственных целей. Показательно при этом, что за основу берется не рационалистическая французская модель нации, которая органически вытекала из практики Великой Французской революции, а идеалистическая немецкая модель, в разработке которой видную роль сыграл Й. Г. Гердер²⁹.

И в этом нет ничего удивительного, ибо «органическая модель» нации Гердера, в которой определяющая роль отводилась языку, мистическому «национальному» или народному духу, а также историческому прошлому, а нация объявлялась имманентной и неизменной во времени категорией, очевидно, лучше отвечала потребностям отставших в своем развитии обществ Центральной и Восточной Европы. Идеи Гердера дали огромный толчок развитию, складыванию и расцвету в этом регионе национальной идеи, культивированию национальных традиций, языка, истории и фольклора. Вместе с тем повсеместное увлечение вслед за Гердером «национальным» прошлым (историей) передовыми представителями славянских и неславянских народов Центральной Европы свидетельствовало о политической и экономической слабости нарождавшихся буржуазных элементов, вынужденных до поры до времени уклониться от непосредственной конфронтации с феодальной аристократией и ограничить поле боя сферой культуры. Просветители различных народов, особенно лишенных государственности, искали в романтизированном прошлом аргументы для обоснования и отстаивания своих притязаний. История, как, впрочем, и литература, становилась орудием непосредственной идеологической борьбы нового класса.

²⁹ Подробнее см.: *Szücs Jenő. A nemzet historikuma és a történetelmélet nemzeti látószöge.* Budapest, 1970, 14—19. old.

В этих условиях, естественно, она не могла не стать «органическим сплавом элементов действительности, мифов и мифизированных элементов действительности»³⁰. У венгров это выражалось в идеализации средневекового государства, сословной конституции, «идеи короны св. Иштвана»; у чехов и словаков — Великоморавской державы, у трансильванских валахов — в появлении дакороманской концепции, устанавливавшей прямую связь и преемственность их с древним Римом, и т. д.

Для понимания и освещения процессов переходного от феодализма к капитализму периода первостепенную роль приобретает всесторонний учет факторов, воздействующих на общественно-историческое развитие той или иной страны или народа. Это относится и к Венгрии, ибо многие ошибки и недостатки при изучении истории многонациональных государственных образований проистекает оттого, что история каждого народа по существу рассматривается изолированно, в лучшем случае даже в коллективных обобщающих трудах материал излагается параллельно, без органического синтеза, без раскрытия механизмов взаимовлияний.

О. Е. Иванова

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ПОЛЬШЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. В ОЦЕНКЕ Ст. СТАЩИЦА

Труды выдающегося деятеля польского Просвещения Станислава Стащица являются важным источником для изучения общественно-политической жизни Польши. Стащиц выступал с критикой политического строя Польши, но особенно резко осуждал он феодальную монополию на землю и беспощадную эксплуатацию крестьянства. Это было закономерно. Ленин писал, что, когда выступали просветители XVIII в., «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»¹.

³⁰ *Szűcs Jenő*. Указ. соч., стр. 16.

¹ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 520.

Основой экономики Польши во второй половине XVIII в. оставалось сельское хозяйство и его главнейшая отрасль — земледелие. Оценивая последнее, Сташиц был близок к физиократам, считая, что «земледелие — это источник богатства, жизни», «земледелец — это кормилец общества. Всякий иной человек — нахлебник... все другие сословия без земледельца должны погибнуть»². Так же, как и физиократы, Сташиц считал, что возможность производить, а следовательно, получать излишки, обусловлена даром природы — «земля, воздух и вода... становятся стихией самой жизни»³. Но в отличие от них Сташиц понимал связь земледелия с развитием других видов производства и развитием городов: «Деревни положили начало городам. Города дают избытие деревням. Земледелие создает промышленность, рост промышленности совершенствует земледелие»⁴.

Сташиц наметил конкретные пути усовершенствования земледелия. Большое значение он придавал инвестициям в хозяйство. «Земледелие основано на издержках и на труде»⁵, — писал Сташиц. Но шляхта не делает этих вкладов, так как сократился вывоз хлеба за границу, сократился спрос на хлеб в городах, а при уменьшении сбыта сельскохозяйственных продуктов у шляхты нет стимула для вкладов, которые не оплачиваются. В результате сельское хозяйство все больше приходит в упадок. Не развивается и техника сельского хозяйства, она остается такой же, какой была сто лет назад. Еще более затруднены вклады, которые могут делать крестьяне, так как они в большинстве бедны и голодны. Даже более зажиточный крестьянин не делает хозяйственных расходов. «Ему не дозволяет делать этого здравый смысл, так как ни один земледелец не уверен в своем наделе»⁶.

Сташиц понимал, что земледелие тесно связано с общественными отношениями, которые в феодальном обществе определяются феодальной собственностью на землю. Он высказывал буржуазную точку зрения на собственность, считая, что «подлинная собственность — это

² Ст. Сташиц. Избранное. М., 1957, стр. 263.

³ Там же, стр. 261.

⁴ Там же, стр. 310.

⁵ Там же, стр. 267.

⁶ Там же, стр. 304.

полное владение и свобода пользования по желанию не только тем, что кто имеет, но и выгодами, вытекающими из владений»⁷. Но такой собственности не было в феодальной Польше, и Сташиц критикует сложившуюся в стране структуру землевладения. Он выделяет следующие категории земельных владений: шляхетские, королевские и духовенства, возмущаясь тем, что «старства, столовые имения, духовные имения, имения Мальтийского ордена захватили около половины Польши»⁸. Эти земли малопродуктивны, в них хищнически ведется хозяйство, так как «поместья не знают рачения владельца, ибо ими лишь временно пользуются»⁹. Поэтому, писал Сташиц, «наши урожаи — это лишь натуральный плод земли. Большая часть наших нив не знает того доброго питания, которое может дать им навоз»¹⁰.

С шляхетской монополией на землю тесно связаны барщинное хозяйство и крепостничество. Как экономист и практик Сташиц понимал, какой ущерб наносила барщина стране своей нерентабельностью. «При таком варварском способе обработки земли человек в день, когда он отбывает барщину, дороже обходится стране, чем приносит ей пользы»¹¹, ибо «устремляет все свое внимание лишь на то, упражняет ум лишь в том, как бы обмануть в труде надсмотрщика»¹². Барщина носит еще и другое клеймо варварства — она поддерживает в человеке отвращение к труду. Таким образом, «не тому, как получше работать, а тому, как половчей протянуть день, учится в Польше земледелец»¹³.

Сташиц учитывал вредные экономические последствия крепостного права: земли, которыми владеют крепостные и паны, запущены, хозяйство находится в упадке, крепостничество лишает города рабочей силы, ограничивает развитие ремесла. В стране, где господствует крепостничество, мало людей, а следовательно, мало и производительной силы, не развиваются промыслы и ма-

⁷ Там же, стр. 269.

⁸ Там же, стр. 272.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 293.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 294.

¹³ Там же.

нуфактуры. Поэтому «пусть страна отдаст своим обитателям в собственность землю»¹⁴.

Такова позиция Сташица в аграрном вопросе. Однако его конкретные предложения компромиссны. Сташиц предлагал закрепить за крестьянами только наследственно право на землю, сохранить порядок, согласно которому крестьянин не мог бы оставить свой надел, «разве что поставить на свое место другого»¹⁵. Сташиц рекомендовал ввести оброк, но не законодательным путем, так как «Польша еще не находится в том состоянии, чтобы оброк всюду мог удержаться»¹⁶. По его мнению, наблюдение за распределением работ и нормами оброка должно быть вменено в обязанность земледельческих судов, состоящих «из трех лиц: одно из шляхетского сословия, другое из горожан, третье от земледельческого сословия»¹⁷. Все крестьяне должны были получить право обращаться в референдарские суды, где находился бы и представитель крестьянства¹⁸.

Такие изменения должны были произойти в шляхетских поместьях. Что же касается земель духовенства и староств, то Сташиц советовал их «раздать в вечную аренду гражданам»¹⁹, так как «крупные поместья не соответствуют благу страны»²⁰. В этом отношении Сташиц также отличался от физиократов, которые были сторонниками крупной земельной собственности и наемного труда.

После победы Наполеона над Пруссией было образовано Варшавское княжество, и в положении крестьян произошел ряд изменений. Крестьяне получили личную свободу, но основной вопрос о крестьянском праве на землю оставался открытым. В 20-е годы XIX в. вопрос о временном или наследственном владении землей обсуждался в Государственном совете, где заседал и Сташиц. Он и в этот период энергично выступает за наследственное владение землей (которое, однако, не было установлено), но не выдвигает новых конкретных предложе-

¹⁴ *Ст. Сташиц. Избранное. М., 1957, стр. 268.*

¹⁵ Там же, стр. 309.

¹⁶ Там же, стр. 297.

¹⁷ Там же, стр. 296.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 275.

²⁰ Там же, стр. 277.

ний, которые бы принципиально отличались от его прежних высказываний.

Чтобы оценить взгляды Сташица на аграрный вопрос в Польше, нельзя не коснуться Грубешовского земледельческого общества, организованного Сташицем в 1816 г. В 1822 г. был утвержден устав общества, который закреплял за 239 владельцами право на наследственное владение пахотной землей. Общество решало все вопросы о продаже земли и даже о передаче ее по наследству, если кто-либо из его членов не выполнял устава. Крестьянские хозяйства были различны по своим размерам, но никто не имел права иметь более 100 моргов. Таким образом осуществил Сташиц свою идею о создании самостоятельных хозяйств крестьян, освобожденных от крепостного права.

Сташиц был настоящим польским патриотом, глубоко переживавшим все невзгоды своей родины и пытавшимся найти пути к ее спасению. Он был типичным просветителем, боровшимся против крепостного права. Сташиц самобытен в своих взглядах, его нельзя считать физиократом, видящим основу экономики исключительно в земледелии. Он понимал, что для нормального экономического развития необходима связь между городом и деревней, земледелием и промышленностью. Сташиц придавал большое значение внутренней и внешней торговле, средствам коммуникаций. Он не был революционером, но его взгляды по аграрному вопросу носят прогрессивный характер. Даже его конкретная умеренная программа реформ, которая по существу совпадала с идеями либеральной шляхетской группировки, была передовой для своего времени. Глубже многих своих современников Сташиц понимал необходимость социально-экономических перемен в Польше. Особенно это можно отнести к его настойчивому стремлению сделать крестьян самостоятельными производителями, что способствовало бы росту производительности труда и стимулировало развитие капиталистических отношений.

БОЛГАРСКИЕ ФАБРИКИ В ПЕРИОД НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Изучение особенностей первых болгарских фабрик, возникших в период национального возрождения, и определение их удельного веса в промышленном производстве страны имеют первостепенное значение для установления степени развития капитализма в Болгарии к моменту ее освобождения от турецкого ига. Между тем эти вопросы исследованы еще недостаточно и среди болгарских историков по ним нет единого мнения.

Так, если Д. Косев и Н. Тодоров, по нашему мнению, склонны преувеличивать уровень развития болгарской промышленности в период, предшествовавший Освобождению¹, то К. Косев явно его преуменьшает². Ж. Натан отмечает, что в период национального возрождения «промышленная деятельность была еще очень слабой», а болгарские фабрики не все еще были подлинно капиталистическими предприятиями³. К сожалению, вопрос об особенностях первых болгарских фабрик и их месте в промышленности страны обойден и в таком фундаментальном труде, как «Икономика на България». Автор соответствующей главы первого тома, Ст. Цонев, ограничивается лишь перечислением фабричных предприятий, возникших до Освобождения⁴. Указанные расхождения и пробелы в значительной степени объясняются состоянием источников, которое не позволяет пока воссоздать достаточно полную и достоверную картину развития болгарской фабричной промышленности в период национального возрождения.

Первые болгарские фабрики возникли в 30—40-х годах XIX в. преимущественно в текстильной (шерстообработывающей) промышленности. Доступные нам данные

¹ Д. Косев. Новая история Болгарии. М., 1952, стр. 237—238; Н. Тодоров. За наемния труд в българските земи към средата на XIX в. «Исторически преглед», 1959, № 2 стр. 3—35.

² К. Косев. За капиталистическото развитие на българските земи през 60-те и 70-те години на XIX век. София, 1968, стр. 127—130.

³ См.: Ж. Натан. История экономического развития Болгарии. М., 1961, стр. 174—175, 178.

⁴ См.: «Икономика на България», т. I. София, 1969, стр. 246—249.

свидетельствуют о том, что эти фабрики не являлись еще в полном смысле слова капиталистическими предприятиями. Это относится прежде всего к первой болгарской фабрике, основанной в 1834 г. в Сливене Добри Желязковым, история которой нам известна из описания ее западноевропейскими путешественниками, из монографий и статей историка г. Сливена С. Табакова, И. и Г. Козаровых и др. и опубликованных документов из турецких архивов⁵.

То, что принято называть сливенской суконной фабрикой, в действительности представляло собой три разных предприятия, последовательно сменявших друг друга. Только первое из них, основанное в 1834 г. и полностью принадлежавшее Желязкову, являлось частнокапиталистическим предприятием. Его только условно можно назвать фабрикой, так как оно приводилось в движение водяным колесом, число рабочих было весьма малым и все оно размещалось в доме, где жил хозяин с семьей. Второе предприятие, построенное в 1836 г., обладало только некоторыми чертами капиталистической фабрики, так как большая часть его основного капитала принадлежала феодальному государству. Это предприятие было по приказу турецких властей разрушено и на его месте за счет принудительного труда сливенских жителей было построено новое, более крупное, которым управляли турецкие чиновники. Это третье предприятие, которое существовало вплоть до Освобождения, было по существу крупной казенной полумануфактурой-полуфабрикой, где работали преимущественно солдаты.

Не являлось подлинно капиталистической фабрикой и суконное предприятие, основанное в 1848 г. в с. Дермендере близ Пловдива сыновьями Атанаса Гюмюшгер-

⁵ А. Voué. La Turquie d'Europe, v. III. Paris, p. 100—101; F. Ká-nitz. Donau-Bulgarien und der Balkan, Bd. III. Leipzig, 1880, S. 23—24; С. Табаков. История на град Сливен. София, 1929, стр. 97—114; Г. Козаров. Добри Желязков — фабрикаджията. София, 1934; И. Козаров. Отецът на българска фабрична индустрия — Добре фабрикаджията от г. Сливен. «Периодическо списание на българското книжовно дружество в София», год. XV, кн. 5—6, 1903; «Добри Желязков фабрикаджията — родоначалник на българската индустрия». В сб. «100 години българска индустрия. 1834—1937». София, 1937; «Документи за българската история», т. III, ч. 1; «Документи на турските държавни архиви (1564—1872)», София, 1940, док. № 377, 496, 503, 508, 551.

дана. Как следует из работ Хр. Гандева и Н. Тодорова⁶, оно возникло и существовало благодаря поддержке правительства, работало исключительно на армию, а не на свободный рынок; кроме того, на нем были заняты наряду со свободными наемными рабочими и заключенные из пловдивской тюрьмы, которых местные власти предоставляли в распоряжение хозяев⁷. Известно, что Гюмюшгерданы также использовали принудительный труд зависимых от них крестьян. Из доклада русского вице-консула в Пловдиве Н. Герова русскому консулу в Адрианополе Н. Ступину от 5 февраля 1858 г. явствует, что Михаил Гюмюшгердан заставлял крестьян работать на него бесплатно, прибегая для этого к помощи турецких жандармов. Н. Геров отмечал, что Гюмюшгердан обходился с крестьянами «как со своими крепостными»⁸. Таким образом, и это предприятие частично основывалось на внеэкономическом принуждении.

Об особом характере суконных предприятий того времени свидетельствует и тот факт, что, поскольку они работали для нужд армии, сырье для них доставлялось в принудительном порядке. Турецкие власти обязывали производителей шерсти в районах, где работали суконные фабрики, продавать им определенное количество этого сырья по твердой цене⁹.

Кроме указанных выше, известна также суконная фабрика в с. Бейкос близ Сливена. В одном турецком документе от 1847 г. указывается, что эта фабрика также производила сукно для армии¹⁰. В докладе австрийского консула в Рущукe от 14 марта 1852 г. упоминается еще о трех суконных фабриках (в Разграде, Тыр-

⁶ Хр. Гандев, Н. Тодоров. Из истории развития промышленного капитализма в Болгарии в период турецкого ига. «Вопросы истории», 1957, № 5, стр. 143—150; Н. Тодоров. К развитию мануфактуры в Болгарии во второй четверти XIX в., УЗИС, т. XVI, 1958, стр. 135—136; он же. За наемный труд в българските земи..., стр. 12—22.

⁷ Д. Мишайков. Очерк на фабричната вълнена индустрия в България. СБИД, кн. 7—8, 1904, стр. 475.

⁸ «Документи за българската история», т. I. Архив на Найденов, ч. I (1857—1870). София, 1931, док. № 43.

⁹ П. Тодоров. Върху стопанското минало на нашата държава. СБИД, кн. 7, 1912, стр. 475.

¹⁰ «Документи за българската история», т. III, ч. I, док. № 551.

нове и Силистре), но никаких сведений о них не приводится ¹¹.

В период, предшествовавший Крымской войне, были основаны фабричные предприятия и в некоторых других отраслях промышленности. Так, В. Априлов в 1841 г. отмечал, что в Сопоте имелась «стеклянная фабрика, где делают разную стеклянную посуду низких сортов», а в Карлове работала пороховая фабрика ¹². В 1843 г. в Разграде был создан государственный завод по производству селитры ¹³. В том же году два польских эмигранта, К. Пшевловский и Э. Врубровский, образовали акционерное общество, которое построило в Старой Загоре спиртозавод, просуществовавший до 1857 г. ¹⁴ В 1850 г. австрийским врачом А. Унтербергером был основан стекольный завод, который работал пять лет ¹⁵. Известны также два промышленных предприятия фабричного типа, появившиеся в годы Крымской войны: спиртозавод в Радомире ¹⁶ и пороховой завод в Рущуке ¹⁷.

Возникновение указанных фабрик не дает оснований утверждать, что в 30—40-х годах XIX в. в Болгарии начался переход от мануфактуры к фабрике. В эти годы, когда процесс первоначального накопления капитала только наметился, а болгарская мануфактура делала первые шаги, естественно, не было еще предпосылок для возникновения фабричной промышленности. Большинство предприятий, о которых выше шла речь, не были действительно частными капиталистическими фабриками.

¹¹ «Документи за българската история», т. VI. Документи из виенските държавни архиви, 1830—1877», ч. 2. София, 1951, док. № 288а.

¹² В. Априлов. Денница ново-болгарского образования, ч. 1. Одесса, 1841, стр. 110.

¹³ «Документи за българската история», т. III, ч. 1, док. № 524; Д. Младенов. Поява на фабричен пролетариат в България. София, 1961, стр. 10.

¹⁴ А. Илиев. Спомени. София, 1926, стр. 20.

¹⁵ К. Иречек. Княжество България, ч. I, Пловдив, 1899, стр. 243; ч. II, стр. 662; А. Spassow. Der Verfall des alten Handwerks und die Entstehung des modernen Gewerbes in Bulgarien während des 19. Jahrhundert. Greifswald, 1900, S. 59; Ch. Russeff: Die Fortschritte der staatlich unterstützten Fabrikindustrie in Bulgarien. Halle, 1914, S. 144.

¹⁶ Ж. Натан, Л. Беров. Монополистическият капитализъм в България. София, 1958, стр. 51.

¹⁷ См.: Д. Младенов. Указ. соч., стр. 13.

Обязанные своим возникновением и существованием инициативе турецких феодальных властей и использовавшие методы внеэкономического принуждения, эти предприятия представляли собой скорее государственные или полугосударственные мануфактуры, чем фабрики.

Только после Крымской войны в связи с начавшимся процессом первоначального накопления и ускорившимся развитием капитализма, с увеличением количества мануфактур образовались предпосылки для возникновения фабричной промышленности и появились первые промышленные предприятия, обладавшие всеми основными признаками капиталистической фабрики. Они также возникли в текстильной промышленности, но не в шерстяной, а в шелковой и были созданы при участии иностранного капитала. К ним относятся: вступившая в строй в 1860 г. шелковая фабрика братьев Боннал в Старой Загоре¹⁸, шелковая фабрика в Тырнове с филиалом в Габрове, основанная в 1861 г. смешанным итало-болгарским обществом, но перешедшая затем к болгарину Стефану Карагьозову¹⁹, шелкопрядильня во Враце, принадлежавшая выходцу из Софии Соломону Сапитаю²⁰. Все три шелковые фабрики приводились в движение паровыми двигателями.

В 60—70-х годах текстильная промышленность пополнилась еще несколькими шерстяными фабриками. Одна из них была основана турецкими властями в 1867 г. в с. Бали Эфенди (с 1881 г. — с. Княжево) близ Со-

¹⁸ К. Иречек. Указ. соч., ч. 1, стр. 242; А. Илиев. Указ. соч., стр. 20; Ю. Юрданов. Наченки на нашата индустрия преди Освобождението. СБИД, кн. 5, 1938, стр. 293; К. Ламбрев. Положението на работническата класа в България от освобождението до началото на XX век (1878—1904). София, 1954, стр. 45; он же. Наченки на работническото и профсъюзното движение в България, 1878—1891. София, 1960, стр. 23; Д. Младенов. Указ. соч., стр. 16, 17; С. Дамянов. Френското икономическо проникване в България (1878—1914). София, 1971, стр. 193—194.

¹⁹ К. Иречек. Указ. соч., ч. 1, стр. 242; П. Цончев. Из стопанското минало на Габрово. София, 1929, стр. 328; Хр. и П. Гъбенски. История на града Габрово и габровските възстания. Габрово, 1903, стр. 39; К. Попов. Стопанска България. София, 1916, стр. 271; Ю. Юрданов. Указ. соч., стр. 293; Д. Младенов. Указ. соч., стр. 16; G. Entscheff. Die Industrie Bulgariens mit besonderer Berücksichtigung der Mehl- und Wollindustrie. Zürich und Leipzig, 1915, S. 97; F. Kanitz. Указ. соч., т. 1, стр. 175; т. III, стр. 39—40; А. Spassow. Указ. соч., стр. 61.

²⁰ F. Kanitz. Указ. соч., т. II, стр. 253; А. Spassow. Указ. соч., стр. 61.

фии²¹; другую основали в 1874 г. в Сливене братья Маноловы, Канаа Заде Хасан и Д. Балев²²; третья была построена в 1873—1875 гг. в Карлове Иваном Грозевым²³. Имеются также упоминания о шерсто-ткацких фабриках в Ломе, Панагюриште и Самокове²⁴, о фабрике одеял Личо Дончева в Пирдопе²⁵, о красильной фабрике Ламби Владимирова в Тырнове, основанной в 1860 г., и о шнуровой фабрике Иосифа Бацурова в Калофере, основанной в 1864 г.²⁶

В эти же годы фабричные предприятия возникли и в других отраслях промышленности. Так, по подсчетам Хр. Гандева, накануне Освобождения в болгарских землях насчитывалось более 20 паровых мельниц²⁷. (Как известно, В. И. Ленин считал, что «паровые мельницы — характерный спутник эпохи крупной машинной индустрии», и относил их к фабричному производству²⁸). Большинство паровых мельниц являлось государственными предприятиями, производившими муку для турецкой армии. Появилось также шесть усовершенствованных крупных водяных мельниц²⁹ (которые, как указывает В. И. Ленин, «носят, разумеется, тоже характер фабрик...»³⁰). Известно также о существовании двух фабрик по очистке риса — в с. Кочериново и в Пловдиве³¹.

В тот же период в ряде городов и в некоторых селах возникло много спиртозаводов³². Согласно

²¹ *F. Kanitz*. Указ. соч., т. II, стр. 220; *К. Иречек*. Указ. соч., ч. II, стр. 72—73; *Д. Младенов*. Указ. соч., стр. 18—19.

²² *Ch. Russeff*. Указ. соч., стр. 127; *С. В. Николчов*. Вълнено-текстилна индустрия в България. В сб. «100 години българска индустрия», стр. 83; *Д. Младенов*. Указ. соч., стр. 19.

²³ *Г. Т. Д.* Първата българска текстилна фабрика. СБИД, кн. 9, 1902, стр. 568—570.

²⁴ *Хр. Ботев*. Съчинения, т. II, 1949, стр. 250; «Икономика на България», т. I, стр. 247; *Х. Гандев*. Априлското въстание. София, 1956, стр. 35.

²⁵ *К. Косев*. Указ. соч., стр. 78.

²⁶ *К. Попов*. Указ. соч., стр. 327.

²⁷ *Хр. Гандев*. Указ. соч., стр. 35, 41.

²⁸ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 480.

²⁹ *Хр. Гандев*. Указ. соч., стр. 35; *Д. Младенов*. Указ. соч., стр. 19; *К. Косев*. Указ. соч., стр. 120; *G. Entscheff*. Указ. соч., стр. 95.

³⁰ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 480, примечание.

³¹ *К. Косев*. Указ. соч., стр. 115; *Хр. Гандев*. Указ. соч., стр. 42.

³² *H. Barth*. Durch das innere der Europäischen Türkei. Berlin, 1864, S. 6; *G. Entscheff*. Указ. соч., стр. 95; *С. Табаков*. Указ. соч.,

Хр. Гандеву, в 70-х годах насчитывалось более 20 спирто-заводов «с европейским промышленным оборудованием»³³. В 1865 г. француз Пармос построил в Софии спирто-водочный завод³⁴. В Шумене, Тырнове, Рущуке и в с. Бали Эфенди были созданы пивоваренные заводы³⁵.

В Сливене, Рущуке, Пловдиве, Чирпане, Тырнове, Дупнице и Старой Загоре в общей сложности появилось 11 табачных фабрик³⁶. В Софии, Станимаке и в селах Килифарево (Тырновский округ) и Катунца (Пловдивский округ) были построены четыре бумажные фабрики³⁷. В 1875 г. были основаны два мыловаренных завода — в Тырнове и Габрове³⁸. Известно о существовании до Освобождения двух государственных пороховых заводов — в Сливене и в с. Сотир близ Пловдива³⁹, государственного предприятия по производству селитры в Татар-Пазарджике⁴⁰ и спичечной фабрики в Самокове, основанной в 1870 г.⁴¹

стр. 140; Ю. Юрданов. Указ. соч., стр. 295, 296; Г. Джумалиев. Икономическото развитие на град Шумен през спохата на турското владичество, «Известия на народния музей Коларовград», кн. 1. Варна, 1960; К. Косев. Указ. соч., стр. 110—111.

³³ Хр. Гандев. Указ. соч., стр. 35.

³⁴ М. Георгиев. Икономическото минало на гр. София и Софийско. София, 1926, стр. 142; С. Дамьянов. Указ. соч., стр. 194.

³⁵ Г. Н. Колушки. Нашето пивоварство. СБИД, 1898, кн. 1, стр. 2; Г. Джумалиев. Указ. соч., стр. 97; К. Косев. Указ. соч., стр. 110—111.

³⁶ С. Табаков. Указ. соч., стр. 139—140; Г. Козаров. Един крупен стопански деец на българското възраждане — тырновският кожухарин Хаджи Славчо. «Българска мисъл», кн. IV—V, 1934, стр. 271; Хр. Гандев. Указ. соч., стр. 24, 42; К. Косев. Указ. соч., стр. 112.

³⁷ См.: СБИД, кн. 1, 1897, стр. 45; «Военно-статистический обзор княжества Болгарского и стратегическое его значение в случае войны России с Турцией и Австрией». СПб., 1881, стр. 92; П. Тишков. Възможността за съществуването на една книжна фабрика в България, СБИД, кн. 9—10, 1901, стр. 619; Ю. Юрданов. Указ. соч., стр. 295—296; Хр. Гандев. Указ. соч., стр. 43; G. Entscheff. Указ. соч., стр. 95.

³⁸ Ю. Юрданов. Указ. соч., стр. 297; П. Цончев. Указ. соч., стр. 353—354.

³⁹ «Сведения по икономическото състояние на България». София, 1888, стр. 104; С. Табаков. Указ. соч., стр. 61; F. I. prinz von Battenberg. Die volkswirtschaftliche Entwicklung Bulgariens von 1879 bis zur Gegenwart. Leipzig, 1891, S. 77.

⁴⁰ И. Багаклиев. Град Татар-Пазарджик. София, 1923, стр. 166.

⁴¹ А. Д. Атанасов. Българската индустрия. В сб. «100 години българска индустрия», стр. 10.

Хр. Ботев сообщает о фабрике по резке папиросной бумаги в Тырнове, которую турецкие власти в 1874 г. разрушили⁴². В 1876 г. болгарский торговец Хр. Христов основал в Казанлыке первый в стране завод по производству розового масла, который был разрушен во время русско-турецкой войны еще до введения в эксплуатацию⁴³.

В 60-х годах в Русуке были созданы два предприятия, обслуживавшие железнодорожный и водный транспорт, — паровозо-вагоноремонтная мастерская, принадлежавшая английской компании, и государственная судоремонтная мастерская⁴⁴. Тогда же в Русуке был построен государственный арсенал⁴⁵.

К предприятиям фабричного типа следует также отнести основанную в 1865 г. государственную типографию в Русуке, в которой работало 52 рабочих, в том числе 25 заключенных⁴⁶, государственные угольные копи близ Трявны, где было занято 50 чел.⁴⁷, и лесопильню с паровым двигателем в с. Кричим (Пловдивский округ), на которой насчитывалось 100 наемных рабочих⁴⁸.

Таким образом, период между Крымской войной и освобождением Болгарии от турецкого ига характеризуется возникновением значительного числа промышленных предприятий фабричного типа. Точно определить количество фабрик, существовавших в Болгарии накануне ее освобождения, не представляется возможным. Главным образом это объясняется отсутствием промышленной статистики, скудостью и недостаточной достоверностью сведений, вследствие чего у нас нет достаточно

⁴² Хр. Ботев. Съчинения, т. I, 1950, стр. 431—432, 452—453.

⁴³ А. Павлов. Опыт за проучване миналото и настояще икономическо положение на гр. Казанлък. СБИД, кн. 7, 1907, стр. 441.

⁴⁴ Хр. Гандев. Указ. соч., стр. 24; Д. Младенов. Указ. соч., стр. 17—18; «Enquête sur l'industrie encouragée par l'état en 1909». Sophia, 1913, p. 18.

⁴⁵ Хр. Гандев. Указ. соч., стр. 24.

⁴⁶ К. Косев. Указ. соч., стр. 118.

⁴⁷ «Избранные произведения болгарских революционных демократов». М., 1959, стр. 541—543; А. Мошнин. При-Дунайская Болгария (Дунайский вилайет). Статистико-экономический очерк. «Славянский сборник», т. II. СПб., 1877, стр. 384; К. Ламбрев. Наченки..., стр. 23.

⁴⁸ Хр. Гандев. Указ. соч., стр. 42.

убедительных критериев для определения принадлежности существовавших тогда промышленных предприятий к категории фабрик. Часто в источниках и литературе фабриками именуется более крупные предприятия, которые сколько-нибудь выделяются из общей массы ремесленных мастерских, безотносительно к тому, имеются ли на этих предприятиях машины и механические двигатели. Между тем, как известно, В. И. Ленин, говоря о научном значении термина «фабрика», подчеркивает, что «наука ограничивает его применение только крупной машинной индустрией»⁴⁹.

Различные авторы по-разному определяют количество фабрик, существовавших в болгарских землях к концу периода национального возрождения, не указывая при этом на критерии, которыми они руководствовались, относя перечисленные ими предприятия к этой категории. Именно этим последним обстоятельством и объясняется весьма большая разница в оценках. Так, С. Станев считает, что накануне Освобождения в Болгарии насчитывалось всего 9 фабрик⁵⁰. Согласно К. Косеву, всех фабрик было 11⁵¹. Г. Энчев перечисляет 16 существовавших в разное время до Освобождения фабрик⁵². Х. Русев же считает, что их было 19⁵³, а по подсчетам Д. Младенова, в 1875—1876 гг. в Болгарии насчитывалась 21 фабрика⁵⁴. Ссылаясь на турецкую статистику, Д. Косев утверждает, что в 1869 г. в Дунайском вилайете вместе с 44 кричными железоплавильными горнами Софийского санджака насчитывалось 214 предприятий фабричного типа. Правда, он оговаривается, что в число этих предприятий, по его мнению, «включены наиболее крупные мануфактурные предприятия»⁵⁵.

Выше нами было перечислено примерно около 110 основанных в течение всего периода возрождения предприятий, которые в источниках и литературе фигурируют в качестве фабрик и заводов. Возможно, что их

⁴⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 183. Примечание.

⁵⁰ S. Staneff. Das Gewerwesen und Gewerbepolitik in Bulgarien. Rustschuk, 1901, S. 87.

⁵¹ К. Косев. Указ. соч., стр. 127—130.

⁵² G. Entscheff. Указ. соч., стр. 95.

⁵³ Ch. Russeff. Указ. соч., стр. 84.

⁵⁴ Д. Младенов. Указ. соч., табл. 1—2.

⁵⁵ Д. Косев. Указ. соч., стр. 238.

было несколько меньше или больше, однако существенно то, что многие из перечисленных предприятий не были фабриками в научном понимании этого термина. Это относится, по-видимому, к подавляющему большинству спиртозаводов, к табачным и значительной части текстильных предприятий, к мыловаренным и пороховым заводам и, вероятно, к некоторым другим предприятиям. Следует также учесть, что многие из перечисленных предприятий просуществовали недолгое время и закрылись еще задолго до Освобождения. Таким образом, в действительности накануне Освобождения в болгарских землях, по приблизительным подсчетам, насчитывалось не более 30—35 фабрик, включая паровые и крупные водяные мельницы.

Фабричная промышленность периода национального возрождения характеризуется рядом особенностей. Во-первых, часть фабрик носила государственный, а не частнокапиталистический характер; это были фабрики, полностью или частично принадлежавшие турецкому феодальному государству и работавшие исключительно на армию. Во-вторых, на некоторых фабриках, главным образом государственных, применялся труд не только наемных рабочих, но и принудительный труд заключенных, солдат и полукрепостных крестьян. В-третьих, значительная часть фабрик была основана иностранцами на их капитале, при этом иностранцы-предприниматели импортировали в Болгарию не только оборудование для этих фабрик, но и часть рабочей силы. В-четвертых, частные владельцы первых болгарских фабрик не были промышленниками в полном смысле; они были также торговцами, ростовщиками, землевладельцами и т. п. В-пятых, большинство фабрик представляло собой небольшие предприятия с несложным оборудованием; только часть предприятий имела паровые двигатели. В-шестых, фабрики возникли в основном в легкой и пищевой промышленности, предприятий фабричного типа по производству средств производства не было.

Указанные особенности свидетельствуют о том, что в фабричной промышленности периода национального возрождения, являвшейся в основе своей капиталистической, сохранялись еще элементы феодальных производственных отношений и что болгарский национальный капитал, тогда еще относительно слабый, не был в состоя-

нии заложить основы подлинно крупной машинной индустрии.

Успешному развитию фабричной промышленности препятствовали господство турецкого феодального режима, политическое бесправие и национальное угнетение болгарского народа, а также растущая зависимость Османской империи от иностранного капитала. Эти факторы тормозили процесс первоначального накопления капитала и образования внутреннего рынка для крупной промышленности, они также закрывали путь инициативе болгарской буржуазии, о чем свидетельствуют многочисленные неудачные попытки основать фабричные предприятия, которые делались в 60-70-х годах Г. Раковским, И. Богоровым и другими⁵⁶.

Пытаясь определить степень развития капитализма в болгарской промышленности, мы должны исходить из соотношения различных форм промышленного производства. К моменту освобождения страны от турецкого ига процесс формирования капиталистических отношений в промышленности достиг той стадии, когда уже сложилась мануфактура, хотя преимущественно в неклассической ее форме, и появились зачатки фабричной промышленности. Годы, предшествовавшие Освобождению, мы можем определить как эмбриональную стадию в развитии болгарской фабрики. Однако господствующими в промышленности вплоть до Освобождения оставались докапиталистические отношения; ремесленное производство, совершавшееся в рамках феодальной цеховой организации, и домашняя промышленность поставляли львиную долю промышленной продукции, производившейся в стране.

Хотя большинство перечисленных выше предприятий закрылось еще до Освобождения или же было разрушено во время войны 1877—1878 гг., а количество фабрик, унаследованных освобожденной Болгарией от ту-

⁵⁶ См.: «Документи за българската история», т. IV. «Документи из турските държавни архиви, ч. 1. Архив на великото везирство (1863—1879)». София, 1942, док. № 2; С. Шишков. Пловдив в своето минало и настояще. Пловдив, 1926, стр. 242; Ю. Юрданов. Указ. соч., стр. 295; Н. С. Державин. История Болгарии, т. IV. М.—Л., 1948, стр. 50; М. Георгиев. Указ. соч., стр. 142—144; С. Бочев. Акционерното дело в София. В сб. «Юбилейна книга на град София (1878—1928)». София, 1928, стр. 266; К. Ж. Горов. Икономически възгледи на Г. С. Раковски. София, 1962, стр. 22.

рецкого режима, было совершенно незначительным и практически фабричная промышленность после Освобождения создавалась заново, будет неправильно отрицать преемственность в развитии болгарской капиталистической промышленности. Возникновение после Освобождения новых фабрик не было только результатом коренного изменения социально-экономического и политического строя страны, оно было подготовлено всем развитием капиталистических форм промышленности в предыдущий период. Дальнейшее развитие промышленности после Освобождения началось с той высшей точки, которой оно достигло в период национального возрождения.

Е. П. Наумов

**К ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕРБИИ
в 30—50-е ГОДЫ XIX в.**

Проблемы развития социальной структуры сербского общества после антитурецких восстаний 1804—1813 и 1815 гг. и создания самостоятельной автономной государственности во взаимосвязи с ростом городов и развитием товарно-денежных отношений в первой половине XIX в. все еще не нашли подробного освещения в советской и югославской историографии.

Вполне понятна значимость данной проблематики, в особенности вопроса о социальных сдвигах в первой половине XIX в., для понимания многих эпизодов политической борьбы внутри княжества, для выяснения социальной базы различных политических группировок и течений, формирующихся в эту эпоху и определяющих всю внутривнутриполитическую жизнь Сербии в период первоначального накопления и становления буржуазного общества. Эти вопросы весьма важны и в плане широких историко-сравнительных обобщений, для оценки экономической роли и политических устремлений отдельных классов и прослоек тех югославянских и других балканских стран, которые освободились от турецкого ига в XIX — начале XX в. Между тем данная пробле-

матика применительно к Сербскому княжеству почти вовсе не представлена специальными исследованиями. Она обычно рассматривается лишь в общих работах и в учебных пособиях, в некоторых трудах по экономической истории, истории сербской внутривосточной борьбы и политической мысли, преимущественно времени правления уставобранителей¹. Поэтому в литературе мы можем встретить весьма неодинаковые, нередко противоречивые определения социальных сил и прослоек сербского общества и их роли в первой и второй трети XIX в. Вместе с тем эти характеристики классовой структуры общества в Сербском княжестве не всегда вполне соотносятся с оценками социального развития страны в предшествующую эпоху (конец XVIII — начало XIX в.) либо не учитывают различия сословных и классовых подразделений в формировавшемся тогда сербском буржуазном обществе. Вследствие этого нам представляется полезным остановиться здесь на некоторых вопросах истории социальных отношений в Сербии в 30—50-е годы XIX в., которые, на наш взгляд, особенно показательны для процессов развития сербского общества на первом этапе его существования в рамках автономного государства.

Именно для этого периода, оценивая социально-экономические изменения в стране и их влияние на развитие отдельных прослоек сербского общества в первой и второй трети XIX в., мы можем, используя исследования советских и югославских историков, сделать следующие выводы. После образования автономного Сербского княжества и ликвидации турецкой аграрной (спа-

¹ См., например: *Д. Јанковић*. О политичким странкама у Србији XIX века. Београд, 1951; *В. Г. Карасев*. Основные черты социально-экономического развития Сербии в конце 60—начале 70-х годов XIX в. УЗИС, т. V, 1952; *Н. Вучо*. Распадање еснафа у Србији, т. 1—2. Београд, 1954—1958; он же. Привредна историја Србије до првог светског рата. Београд, 1955; «История южных и западных славян». М., 1957 (2-е изд. 1969); *В. Чубриловић*. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958; *Д. Милић*. Trgovina Srbije (1815—1839). Београд, 1959; «Преглед историје југословенских народа», д. 1—2. Београд, 1960—1965; «История Югославии», т. I. М., 1963; *А. Раденић*. Светоандрејска скупштина. Београд, 1964; *Е. П. Наумов*. К вопросу о социальной структуре сербской деревни в 30—50-х гг. XIX в. «Études balkaniques», 1970, N 2. Ср. также: *И. Војић* и др. Istorija Jugoslavije. Београд, 1972.

хийской) системы, т. е. политического и экономического освобождения от турецкой феодальной власти, завершилось преобразование социальной структуры Сербии, начатое в годы антитурецкой национально-освободительной борьбы конца XVIII — начала XIX в. Сербия стала страной преимущественно мелкобуржуазной, где численно преобладало свободное крестьянство, а городское сербское население (ремесленники и торговцы) было малочисленным и не так влиятельным, пока еще не начались резкий подъем и рост сербских городов (вторая треть XIX в.)².

Такая оценка несколько не подкрепляет тезисов, распространенных в буржуазной югославской историографии, о «едином крестьянстве народе» и об отсутствии классовых противоречий при Милоше Обреновиче (1815—1838) и уставобранителях (1839—1858), о господстве в Сербском княжестве некоего «крестьянского», «баштинного» строя. Как известно, буржуазные югославские историки старались изобразить Сербию той поры страной, где был установлен «идеальный имущественный строй», «строй мелких собственников»³. После ликвидации спахилуков, заявлял, например, Е. Петрович, «Сербия была настоящей крестьянской страной мелких собственников... классическим примером крестьянской страны мелких и независимых собственников и всеобщего собственностичества»⁴. Такие утверждения буржуазных историков и публицистов имели своей целью затушевать классовые противоречия в Сербии, вступившей уже на путь буржуазного развития. Для этого, в частности, они старались приравнять классовые противоречия к сословным различиям чиновничества и «народа», которые не имели будто бы тогда особого значения из-за значительных социально-экономических изменений, совершившихся в первой трети XIX в.

Между тем анализ социально-экономической истории Сербии XIX в., проведенный в советской и современной югославской исторической литературе, наглядно показы-

² Ср. в нашей статье «К истории аграрного переворота в Сербии в 30-х годах XIX века» (СС, 1971, № 5):

³ *Ј. Петровић*. Окућје или заштита земљорадничког минимума. Београд, 1930, стр. 66, 80, 88.

⁴ Там же, стр. 87, 88; ср.: *Б. Куниберт*. Српски устанак и прва владавина Милоша Обреновића (1804—1850). Београд, 1901, стр. 485.

ваёт, что наряду с численно преобладавшей мелкой буржуазией (и в ее среде — в силу «раскрестьянивания») существовали и росли иные социальные силы. В стране наибольшим политическим и экономическим влиянием пользовалась сербская сельская буржуазия (позднее и городская); на другом полюсе находились городские низы и беднейшее крестьянство. Ввиду общей экономической отсталости страны на этой стадии развития общества сербская сельская буржуазия в первой трети XIX в. (отчасти и позднее) представляла еще прослойку полуфеодального типа, в известной мере сходную с болгарскими чорбаджиями.

По нашему мнению, следует особо подчеркнуть, что социальные различия в Сербии второй трети XIX в. дополнялись и достаточно четкими сословными подразделениями. Это сделать тем более необходимо, что в имеющейся литературе даже последних лет мы нередко наблюдаем смешение сословных и классовых подразделений (таковы, например, формулировки вроде «буржуазно-бюрократический класс», «новый буржуазно-бюрократический слой», «торгово-старейшинская прослойка» и т. п.)⁵. Эта терминологическая путаница во многом препятствует пониманию и выяснению классовых отношений внутри сербского общества. В связи с этим нам представляется необходимым дать здесь характеристику сословных категорий, существовавших в Сербии в 30—50-х годах XIX в.

Так, например, в правительственной переписке уставобранительских властей и в тогдашней публицистике (в частности, в сочинениях иностранных наблюдателей, путешественников и дипломатов) четко различаются следующие сословные подразделения: чиновники, крестьяне, духовенство, торговцы и ремесленники. Таким образом, сословное деление сербского общества той поры признавалось правительством княжества, хотя сербский Устав (конституция) 1838 г. не зафиксировал строгого разграничения этих сословий, если не считать постановлений о чиновниках и духовенстве.

Однако, несмотря на отсутствие в Уставе специального перечисления сербских сословий, население страны

⁵ См.: Д. Јанковић. О политичким..., стр. 80, 82, 89; «Преглед...», д. I, стр. 221, 225 и др.

представлялось тогда глазам современников именно в виде довольно однообразной массы, распадавшейся на сословия, между которыми, впрочем, и это особенно бросалось в глаза иностранным наблюдателям при сравнении с западноевропейскими странами, как будто не имелось резких социальных противоречий.

Приведем, например, несколько свидетельств иностранных авторов, которые освещают в своих записках и сочинениях и проблемы социального строя Сербии того времени. Так, путешествовавшему в 1829 г. по Сербии прусскому офицеру Пирху один из видных сербских чиновников Ц. Райович следующим образом охарактеризовал социальную структуру страны: «Мы имеем всего три сословия: крестьян, священников и горожан», что же касается чиновников, то «они набираются из крестьян и так тесно связаны с ними, что не составляют какого-то особого сословия»⁶.

Подобным же образом описывает сербское общество в 1834 г. французский дипломат Боа ле Конт, который в противоположность Валахии с ее засилием помещиков-бояр в Сербском княжестве «не нашел никаких общественных различий, никаких привилегий и льгот, никаких исключений ни для кого, [не нашел] ни среднего класса, ни высшего сословия»⁷. Эти наблюдения и выводы Боа ле Конта, разумеется, также основывались во многом на тех сведениях, которые он получал от сербских чиновников, приближенных князя Милоша Обреновича, и, следовательно, отражали те взгляды и представления, которые сложились уже в те годы в сербской социальной верхушке. Тем любопытнее, например, заявление Боа ле Конта, что «население Сербии принадлежит почти исключительно к сельскому сословию и живет земледелием»⁸.

Сходную характеристику социальных отношений в Сербии 30-х годов XIX в. мы находим в брошюрах Эммануила Талья и Вильгельма Рихтера. Так, Э. Таль, сведения которого относятся к 1835—1836 гг., отмечал, что «жители княжества разделяются только на классы землевладельцев и бюргеров», т. е. сельских жителей

⁶ О. Д. Пирх. Путовање по Србији у год. 1829. Београд, 1899, стр. 29.

⁷ «Споменик Српске краљевске Академије», XXIV, 1894, стр. 20.

⁸ Там же, стр. 25.

и горожан, причем «в Сербии крестьянин считается первым сословием»⁹. Рихтер, наблюдавший жизнь княжества в 1838—1839 гг., прямо заявлял, что «различие сословий здесь выступает еще не так резко, как где-либо в другом месте»¹⁰, и насчитывал в стране только два сословия — крестьянское и торговое (или «чиново-торговое»)¹¹.

Не менее любопытны соображения о социальной структуре княжества, которые высказаны в анонимно изданной брошюре «Размышления о княжестве Сербии»¹². Автор ее находил в этом полузависимом и слабом княжестве большие социальные преимущества не только по сравнению с Валахией, как это делал Боа ле Конт, но и с развитыми западноевропейскими государствами. В самом деле, «в стране вовсе нет дворянства», господствует равенство всего населения в суде, в налогообложении¹³, в народных массах господствуют довольство и всеобщая зажиточность¹⁴.

«Словно в противовес,— продолжает автор этой брошюры,— если не в виде вознаграждения за вышеупомянутое (т. е. отсутствие дворянства.— *Е. Н.*), следует та особенность княжества Сербии, что оно не имеет пролетариата и не знает пауперизма, этой раковой язвы всего европейского общества»¹⁵. «О прославленная, древняя, могущественная, ученая, богатая и жадная Европа, взгляни с уважением на эту крохотную страну тех, кого ты называешь полуварварами!» — восклицает автор, — на эту страну «без дворян и пролетариев», которая «вообще не имеет, не нуждается и не желает сословий, каст, разрядов и классов граждан»¹⁶. По словам анонимного автора, здесь живут только крестьяне и го-

⁹ *E. Thal. Serbiens Neuzeit. Leipzig, 1840, S. 121.*

¹⁰ *W. Richter. Serbiens Zustände unter dem Fürsten Milosch (bis 1839). Leipzig, 1840, S. 40.*

¹¹ Там же, стр. 43.

¹² В литературе недавно была высказана точка зрения, что ее автором был известный пражский публицист Зигфрид Каппер, однако аргументация в пользу этого мнения не приводилась (См.: *Z. Konstantinović. Deutsche Reisebeschreibungen über Serbien und Montenegro. München, 1960, S. 68.*)

¹³ «Betrachtungen über das Fürstenthum Serbien», Wién, 1851, S. 7,

¹⁴ Там же, стр. 8.

¹⁵ Там же, стр. 10—11.

¹⁶ Там же, стр. 13.

рожане (последние немногочисленны и невлиятельны), а «крестьянин больше всего имеет в Сербии, больше всего платит и делает для государства, а поэтому влиятельнее кого бы то ни было»¹⁷.

Разумеется, в этих описаниях и наблюдениях иностранных путешественников и публицистов наличествует (особенно в названной анонимной брошюре, изданной в 1851 г.) неумеренная идеализация общественного строя сербского княжества 30—50-х годов XIX в. Но в некоторых случаях этим иностранным авторам нельзя отказать и в наблюдательности, что касается различий социальной структуры Сербии и других стран. В оценке сословных делений Сербии, впрочем, они не всегда единодушны.

Поэтому, на наш взгляд, следует особо подчеркнуть то, что различия сословных делений сербского общества, которые прослеживаются в исторических источниках рассматриваемого периода, вовсе не ограничивались чисто формальным определением рода занятий или места жительства, а имели своим следствием реальные различия юридических и имущественных прав. Например, постановление княжеского правительства от 27 марта 1840 г. относилось к числу собственно горожан (жителей городов и местечек) только тех, кто не имел земли помимо своих городских участков. «А прочие все жители городов и местечек, имеющие свои земли, хотя и не пахут их, но пользуются, как лугами и виноградниками, или другим дают для возделывания и плодами этого пользуются,— пусть относятся к категории крестьян»¹⁸. Такое различие крестьян и горожан, по нашему мнению, было обусловлено прежде всего тем, что горожане в Сербии в ту пору были по преимуществу ремесленниками и торговцами, которые объединялись в ремесленные и торговые цехи, т. е. организации сословно-корпоративного типа. Существование таких сословных организаций горожан вызывалось в свою очередь необходимостью борьбы с конкуренцией не только иностранных купцов и ремесленников, но и местных крестьян (прежде всего сельской буржуазии), которые именно с 30-х

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Сборник законâ и уредбâ и уредбены' указâ изданы' у княжеству Србском», књ. 2. Београд, 1845, стр. 3.

годов XIX в. постепенно все активнее начинают включаться во внутреннюю торговлю страны.

Еще более заметными были отличия и сословные привилегии менее многочисленных, но влиятельных категорий — духовенства и чиновников. Как известно, представители этих двух сословий согласно § 43 Устава 1838 г. были освобождены от телесных наказаний; кроме того, § 60 провозглашал полное освобождение духовенства от государственного налога, предусматривая одновременно для чиновников уплату налога «по соразмерности». На практике же это означало освобождение всех чиновников от поголовного налога, составлявшего часть общегосударственного налога, и обложение лишь их имущества¹⁹. Эти постановления свидетельствуют, с одной стороны, о больших льготах двух упомянутых сословий (в особенности в части налогообложения) и, с другой стороны, о неправильности приводившихся выше утверждений иностранных наблюдателей о «полном» равенстве сербов и «равном» налогообложении в Сербском княжестве. В данной связи, касаясь положения духовенства как особого сословия, необходимо отметить также и определенную специфику имущественных прав сербской православной церкви, приобретенных после создания автономной государственности и перестройки турецкой аграрной системы.

Так, например, некоторые сербские монастыри еще до ликвидации спахийской системы владели немалыми землями как на правах полной собственности, так и в рамках спахилуков (мы подразумеваем в данном случае подчиненные монастырям селения — «приявори»). Между тем и после уничтожения спахийской зависимости монастырские крестьяне из этих селений не получили полного освобождения: их наделы оставались в собственности монастыря, они не могли расширять свои участки корчевкой или продавать, а выморочные наделы переходили в полное владение монастыря. Вследствие этого монастырские крестьяне, как с полным основанием замечал автор «Размышлений о княжестве Сербии», «теперь ближе наследственным арендаторам, чем полноправным землевладельцам»²⁰. Точно так же был

¹⁹ См. например: *С. Јовановић, Уставобранитељи и њихова влада (1838—1858)*. Београд, 1912, стр. 31—32.

²⁰ «Betrachtungen...», S. 41.

решен уставобранительским правительством и вопрос о судьбе зависимых крестьян, которые возделывали земли мусульманских церковных корпораций (вакуфов). В частности, постановлениями от 4 августа и 29 ноября 1839 г. все вакуфные земли были переданы православной церкви. Даже югославский историк Б. Неделькович, во многом идеализировавший аграрные отношения той поры, был вынужден признать, что такое решение было «более чем несправедливо по отношению к крестьянам — чивчиям, которые жили и трудились на вакуфной земле. Они и далее были вынуждены оставаться чивчиями. Для них нет никаких перемен, сменился только хозяин: магометанскую сменила христианская церковь»²¹.

В свою очередь, говоря о реальном значении сословных подразделений в Сербии той поры, мы должны отметить, что внутри отдельных сословных категорий и групп (например, чиновников) имущественная дифференциация была весьма велика, что рост новых буржуазных прослоек происходил внутри прежних сословных рамок, которые постепенно все более теряли социальное значение. Весьма характерно, в частности, что большую часть чиновничества составляла так называемая чиновничья беднота — низшие чиновники, скудно оплачиваемые и не имевшие других доходов, кроме жалования. Уставобранительское правительство даже отнесло низших чиновников в качестве налогоплательщиков к категории «бечаров» (слуг), что достаточно характеризует их положение. Другие документы того времени также содержат яркие примеры значительного расслоения внутри чиновничьего сословия (например, в 1849 г. упоминаются два профессора: один — имевший только единственный дом, другому принадлежали два больших дома и восемь лавок)²². Разумеется, такие материалы позволяют усомниться в правомерности встречающихся в литературе тезисов о господствующей буржуазно-бюрократической верхушке или бюрократии, единой, без подразделений и оговорок, как правящем эксплуататорском классе в Сербии²³.

²¹ Б. Неделькович. Историја баштинске својине у новој Србији од краја XVIII века до 1931 г. Београд, 1936, стр. 188.

²² См.: «Сборник закона...», т. 5. Београд, 1853, стр. 53.

²³ См.: В. Маслеша. Светозар Марковић. Београд, 1946, стр. 15, 17, 19, 29, 43, 45, 76.

Иными словами, оценивая процессы развития социальных отношений в Сербии 30—50-х годов XIX в., формирования новых буржуазных прослоек и классов сербского общества, мы можем сделать вывод, что в Сербии, освободившейся от ига турецкого феодализма и ставшей уже на путь капиталистического развития, в этот переходный период все еще существовали определенные сословные подразделения и различия, которые, естественно, вовсе не совпадают с намечавшимися и постепенно все более четко выступавшими различиями и противоречиями новых буржуазных классов. Таким образом, анализируя пути и тенденции социально-экономического развития страны в эпоху первоначального накопления, классовую природу отдельных политических течений и группировок, нам следует обращать особое внимание на эту важную особенность общественного строя, зафиксированную в исторических источниках той поры. В соответствии с этим, по нашему мнению, было бы неправомерно смешивать употреблявшиеся тогда в Сербском княжестве XIX в. сословные термины (в частности, «крестьяне», «горожане», «торговцы» и т. д.) с четкими оценками классової сущности и принадлежности, применяемыми в марксистской историографии. Вместе с тем, как уже указывалось выше, сложность и неизученность проблем социальной структуры Сербии XIX в. заставляют признать настоятельно необходимым дальнейшее исследование этой проблематики, основанное не только на всестороннем изучении материалов 30—50-х годов, но и сохранившихся источников последующего периода (в особенности 60-х годов), когда происходит значительное расширение их круга за счет появления чрезвычайно важных переписей городского сербского населения (за 1862—1863 гг.) и других документов²⁴.

²⁴ См., например: *Б. Перуничий*. Једно столеће Краљева 1815—1915. Краљево 1966; *Б. Перуничий*. Чачак и Горњи Милановац 1815—1865. Чачак, 1968; *Л. Павловић*. Смедерево у XIX веку. Смедерево, 1969; *Б. Илић*. Историја Крушевца 1371—1941. Крушевац, 1971; *Б. Перуничий*. Управа вароши Београда 1820—1912. Београд, 1970.

Л. Н. Алексашкина

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАССЛОЕНИЕ
ЧЕШСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА
НАКАНУНЁ РЕВОЛЮЦИИ 1848—1949 гг.

Проблема социального расслоения чешского крестьянства в первой половине XIX в. привлекла внимание историков сравнительно недавно. Буржуазные исследователи сознательно исключали ее из круга своих интересов, хотя в некоторых трудах этих ученых (например, К. Крофты¹, К. Гоха²) и в мемуарной литературе³ содержатся данные, свидетельствующие об экономической и социальной неоднородности чешской деревни в период позднего феодализма. В чешской послевоенной историографии одним из первых обратил внимание на данную проблему Ф. Кутнар⁴, отдельные аспекты ее рассматривались в работах Э. Яноушека, Й. Канёвой, В. Пешака, Й. Свободы⁵. Среди немногочисленных пока исследований обобщающего характера, затрагивающих данную проблематику, следует назвать работы Ф. Рубика и Й. Кочи⁶.

Из источников в нашем распоряжении имеются материалы по аграрной истории Чехии конца XVIII — первой половины XIX в., собранные в 25-м томе «Чешского архива» (главным образом, официальные распоряжения и договоры между феодалами и крестьянами)⁷, петиции

¹ *K. Krofta. Dějiny selského stavu. Praha, 1949.*

² *K. Hoch. Čechy na prahu moderního hospodářství, Praha, 1936.*

³ *J. A. Prokůpek. Jak se hospodařilo na venkovských hospodářstvích na počátku XIX a XX st. «Časopis pro dějiny venkova», roč. 18. 1931.*

⁴ *F. Kutnar. Dějinný pohled na vesnické společenské vrstvy. «Český lid», 1949.*

⁵ *Em. Janoušek. Z dějin podřipské vesnice na sklonku feudalismu. «Sborník severočeského musea v Liberci. Historia», 4, 1964; J. Kaňová. Vývoj sociální diference a robotních povinností na panství města Litomyšle v letech 1781—1848. «Sborník příspěvků k dějinám Litomyšle a okolí. Pardubice, 1959; V. Pešák. Populační a sociální stav poddanských rodin ve východních Čechách v první polovině 19. století. «Český lid», 1947, 1948; J. Svoboda. Ke studiu sociálního rozvrstvení venkovského lidu v Čechách v druhé polovině 18. st. ČSČH, 1957, č. 3.*

⁶ *Fr. Roubík. Revoluční rok 1848 a rolnictvo. Praha, 1955; J. Kocí. Příspěvek k rolnické otázce v Čechách v r. 1848. ČSČH, 1957, č. 1, 2.*

⁷ «Archiv česky, čili staré písemné památky české i moravské, sebrané z archivů domácích i cizích», d. XXV. Praha, 1910.

чешских крестьян, адресованные созданному в ходе революции 1848—1849 гг. Национальному комитету⁸, дневниковые записи крестьян⁹, воспоминания¹⁰. Большинство источников находится в местных архивах и разработано далеко не достаточно. Отрицательно сказывается недостаток статистических данных. Однако и имеющиеся материалы, взятые в совокупности, позволяют составить представление по интересующему нас вопросу.

Прежде всего они свидетельствуют о том, что социальное расслоение чешской деревни к 40-м годам XIX в. достигло значительной глубины. Процесс этот не везде проходил с одинаковой интенсивностью. Так, на севере и востоке Чехии он отличался большей остротой, что было обусловлено экономическим развитием данных районов. Численность бедноты почти повсеместно составляла 50—60% всего населения деревни¹¹, а в отдельных районах превышала 70%¹². Зажиточных хозяйств насчитывалось около 15—20%¹³. По подсчетам крестьян из Хрудимского края в их панстве лишь в $\frac{1}{3}$ дворов доход от хозяйства обеспечивал семье прожиточный минимум¹⁴.

Имущественному и социальному расслоению крестьянства в первую очередь способствовали товарное производство, применение наемного труда, замена барщины денежными платежами, неравномерное распределение феодальной ренты. Факты неравномерного распределения барщины, приводимые в крестьянских жалобах¹⁵, подтверждаются выводами исследователей о меньшем обременении барщиной наиболее зажиточных хозяйств (из расчета на единицу площади)¹⁶. Немаловажную роль в дифференциации чешского крестьянства в первой половине XIX в. сыграли кризисы 20-х — начала 40-х годов. Их

⁸ «Petice venkovského lidu z Čech k Národnímu výboru z roku 1848» (далее — «Petice...»). Praha, 1954.

⁹ «Paměti Františka J. Vaváka, souseda a rychtáře milčického z let 1770 až 1816», kn. III, č. 3. Praha, 1918, č. 4. Praha, 1924; kn. IV, Praha, 1936; «Paměti sedláka Josefa Dlaska». Praha, 1941.

¹⁰ J. A. Prokůpek. Указ. соч.

¹¹ J. Kočí. Указ. соч., стр. 67; J. Svoboda. Указ. соч., стр. 459.

¹² J. Kaňová. Указ. соч., стр. 129.

¹³ V. Pešák. Указ. соч., стр. 87; M. Bělohlávek. Plzeňské vesnice v polovině XIX. st. «Český lid», 1962, str. 128.

¹⁴ «Petice...», č. 174.

¹⁵ Там же, стр. 50, 174.

¹⁶ J. Svoboda. Указ. соч., стр. 463.

результатом было разорение значительного числа мелких производителей, связанных с рынком, а также обнищание и голод среди сельской и городской бедноты.

Согласно источникам, земледельческое население Чехии в первой половине XIX в. делилось на следующие категории. Две основные группы крестьян — это «грунтовники», или «контрибуенты», которые имели пахотную землю и платили государству поземельный налог — контрибуцию, и малоземельные и безземельные крестьяне. В зависимости от размеров надела и формы выполняемой ими барщины «грунтовники» в свою очередь делились на «седлаков» и «халупников». «Седлак» мог быть полнонадельным, половинонадельным и четвертьнадельным. За единицу надела принимался 1 лан, равнявшийся приблизительно 17,5 га. К середине века имущественное различие между «седлаком» и «халупником» возрастает. Термин «халупник» все реже упоминается в источниках. Слой малоземельных и безземельных крестьян составляли «домкаржи» и «пóдруги». Первые, как правило, имели дом и клочок земли под огород. Если «домкарж» владел только домом, его называли «барачником». «Пóдруги» не имели ни земли, ни дома и нанимались в работники к пану или к зажиточным «седлакам».

Зажиточное крестьянское хозяйство, производившее продукты на рынок, являлось значительной экономической единицей. Основной товарной продукцией было зерно. Из записок «седлаков» видно, что они находились в курсе всех изменений цен на зерно и другие продукты. Это свидетельствует о тесной связи с рынком. Не будет преувеличением сказать, что спрос на сельскохозяйственную продукцию и его изменение отражались в это время на зажиточном крестьянском хозяйстве сильнее, чем рост повинностей. Однако это обстоятельство не только не останавливало «седлаков» в их стремлении освободиться от барщины и феодальной зависимости вообще, но побуждало добиваться скорейшего освобождения от барщины, хотя бы и за выкуп. В обеспеченности тягловой силой и орудиями труда, в умении эксплуатировать рабочую силу в полную меру, не применяя внеэкономического принуждения, хозяйство «седлака» часто оставляло позади даже панское поместье. «Седлаки» не раз более высокой платой переманивали работников у панов. По свидетельствам источников, в зажиточных хозяйствах насчитывалось

до четырех категорий работников, не считая женской прислуги, причем каждый выполнял определенные функции¹⁷. Для отбывания барщины «седлаки» нанимали работников особо, чаще всего неимущих односельчан.

Малоземельные «домкаржи» получали дополнительные средства к существованию за счет поденной работы на пана или «седлака», домашнего прядения и ткачества, аренды земли. Но и это не помогало сводить концы с концами. За поденную работу крестьянин получал плату, которой едва хватало на пропитание в течение дня ему самому. Домашнее прядение и ткачество были распространены главным образом в малоурожайных горных областях. Умение прядь и ткать высоко ценилось на селе. Но и здесь результатами труда крестьян пользовался скупщик. А с 40-х годов XIX в. в ходе промышленного переворота домашнее прядение и ткачество стали приходить в упадок. Аренда земли тоже редко себя оправдывала, так как доведенный до крайней бедности крестьянин соглашался на высокую арендную плату и после сбора урожая практически ничего не получал. К тому же участки сдавались в аренду на слишком короткий срок (от 3 до 6 лет). Крестьянин не был заинтересован в улучшении качества земли, так как не имел уверенности, что по истечении срока найма ее не отнимут или не повысят плату. Стремление выжать из земли максимум, не делая никаких затрат, вело к истощению земли, разорению самого арендатора. Высокая задолженность мелких крестьянских хозяйств была явлением, широко распространенным в чешской деревне середины столетия. Показательно, что долги за невыполненные повинности по отношению к государству или пану составляли незначительную часть. Преобладали долги частного характера — зажиточным «седлакам», ростовщикам, скупщикам. Сами бедняки писали: «...Мы все находимся в руках «грунтовников» или более имущих соседей, у которых являемся рабами»¹⁸.

Все возрастающий разрыв между экономическим положением «седлака» и «домкаржа» имел своим результатом не только различие, но и более частые столкновения их интересов. Особенно ярко они выступают в уже

¹⁷ J. A. Prokůpek. Указ. соч., стр. 32.

¹⁸ «Petice...», č. 342.

упоминавшихся петициях крестьян. Современные чешские историки не без основания считают эту петиционную кампанию «политической школой для широких народных масс»¹⁹. В крестьянских жалобах и требованиях отразилась не только позиция всего феодально-зависимого крестьянства в революции 1848—1849 гг., но и все обостряющаяся борьба между беднотой и сельской верхушкой.

Камнем преткновения в отношениях между ними была земля. «Седлаки» являлись опаснейшими конкурентами «домкаржей» при найме панских, государственных и церковных земель. Сдача в аренду производилась с торгов, что обеспечивало все преимущества зажиточным крестьянам и позволяло им искусственно взвинчивать цены. Беднота лишена была возможности пользоваться и общинными землями, так как безземельные крестьяне в общине не состояли. Лучше всего об этом свидетельствуют сами «домкаржи»: «Члены общины твердо выступают против нас: где есть какой-нибудь участок поля получше, они для себя его держат, хотя имеют и своих земель достаточно и их толком не используют»²⁰.

Сильное недовольство безземельных крестьян вызывало то, что они, не являясь общинниками, должны были нести дополнительные повинности в пользу общины. Нужно было платить за пользование общинными угодьями наравне со всеми. Платили за место перед хлевом, за место, где были сложены дрова, и т. д. Особенно тягостной была плата за содержание скота и птицы. Эти платежи, так же как и различные дополнительные работы, причитались общине, не говоря о том, что «домкаржи» наряду с «седлаками» платили все повинности пану, государству, церкви (барщина, плата с дома, на постройку дорог, на посыльных, на ночного сторожа, «за колокольный звон» и т. д.). Беднота не участвовала в распоряжении общинным имуществом и в общинном самоуправлении вообще. Она, например, отстранялась от подписания договоров общины с паном о выкупе барщины или о замене ее денежными платежами. Таким образом, вражда между общиной и сельской беднотой росла. Но и в самой общине, единодушно выступавшей

¹⁹ J. Kočí. Указ. соч., стр. 257.

²⁰ «Petice...», ч. 43.

там, где дело касалось «голытьбы», обострялись разногласия между руководством и рядовыми общинниками.

Нередко поводом к столкновениям между бедными и зажиточными крестьянами служила воинская повинность. Хотя она распространялась на всех крестьян в равной степени, сельская верхушка откупалась от рекрутского набора, и вся тяжесть его падала на бедняцкие семьи: «Бедный и в поте лица своего хлеб добывающий крестьянин, наконец и в том по сравнению с седлаком угнетен, что сыновей своих, которых едва дождался к старости себе в помощь, должен отдать на службу родине и королю, тогда как сын седлака в роскоши дома нежится...»²¹. Сельский староста Й. Дласк приводит случай, когда его чуть не убили из-за рекрутского набора и, лишь прибегнув к заступничеству пана, он смог все же оставить своего сына дома²².

Источники свидетельствуют об обострении отношений между зажиточным «седлаком» и его работником.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что для чешской деревни середины XIX в. характерны значительное расслоение крестьянства, все более резко проявляющееся различие интересов отдельных слоев сельского населения. Росли противоречия между безземельным и зажиточным крестьянином, между необщинником и общиной, внутри общины — между рядовыми ее членами и верхушкой, между батраком и хозяином-«седлаком». Однако накануне 1848 г. общим классовым врагом для всех крестьян по-прежнему оставались феодалы. И работавший на барщине 25 дней в году «домкарж», и «седлак», для которого все более важными становились связи с рынком, одинаково выступали против феодальной зависимости, против барщины. Зависимое положение крестьян, необходимость сообща бороться против панов в известной мере притупляли остроту межкрестьянских противоречий, отодвигали их на задний план. Новый этап в их развитии начался после революций 1848—1849 гг., в эпоху капитализма.

²¹ «Petice...», č. 312.

²² «Paměti Dlaska...», str. 46.

II

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И ИХ ИДЕОЛОГИЯ

Г. Л. Арш

И. КАПОДИСТРИЯ И ГРЕЧЕСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ (1809—1822 гг.)

В обширной греческой литературе, посвященной И. Каподистрии, высказываются весьма противоречивые суждения о характере его национально-патриотической деятельности в период пребывания в России. Хранящиеся в советских архивах документы, не введенные еще в научный оборот, позволяют всесторонне исследовать этот важный вопрос.

Активная дипломатическая деятельность Каподистрии в России началась в 1811 г. Через три года он стал ближайшим советником Александра I по внешнеполитическим делам и сохранял это положение до 1821 г. Будучи на русской дипломатической службе, Каподистрия оставался греческим патриотом и прилагал большие усилия для использования политики России в интересах Греции. Это проявилось прежде всего в ионическом вопросе.

С 1813 г. Каподистрия предпринимал демарши перед Александром I в пользу восстановления Республики Семи Соединенных островов. В силу создавшейся международной обстановки демарши эти оказались безрезультатными. Все же Каподистрия постарался в ходе порученных ему дипломатических переговоров о судьбе Ионических островов обеспечить для них максимально

благоприятный для тех условий политический статус. Когда статус этот был нарушен Англией, русское правительство по инициативе Каподистрии предприняло официальные демарши перед лондонским кабинетом, с тем чтобы побудить его соблюдать положения Парижского договора 1815 г. об Ионических островах. Для Каподистрии судьба Ионических островов неразрывно была связана с проблемой национального освобождения Греции. Обязательной предпосылкой начала вооруженной национально-освободительной борьбы он считал распространение просвещения в Греции и «нравственное усовершенствование» греков. Практической реализацией этих идей занималось основанное Каподистрией в конце 1814 г. национально-просветительское общество «Филомузос Этерия». Общество оказывало материальную помощь школам в Греции, а также содержало греческих студентов, обучавшихся в европейских университетах. Каподистрия вынашивал план расширения деятельности общества, предусматривавший создание в России большого греческого учебного заведения, которое должно было стать основным центром национально-просветительской деятельности.

В силу своего мировоззрения и политических взглядов Каподистрия занял отрицательную позицию в отношении тайного революционного общества «Филики Этерия», готовившего восстание против османского ига. Он отказался сотрудничать с тайным обществом в какой бы то ни было форме. По этим же причинам Каподистрия первоначально отнесся отрицательно и к революционным событиям 1821 г. в Дунайских княжествах и в Греции. Но когда подготовленное этеристами восстание переросло в общенациональную освободительную революцию, Каподистрия встал на ее сторону.

Все его усилия были направлены теперь на то, чтобы сделать русскую политику более благоприятной для Греции и помешать вмешательству на стороне султана враждебных Греции держав, прежде всего Австрии и Англии. Ряд объективных факторов благоприятствовал деятельности Каподистрии. Восстание греков вызвало огромное сочувствие среди самых различных кругов русского общества. Кроме того, ограничительные меры против русской черноморской торговли, предпринятые Портой после начала восстания, наносили ущерб государственной

казне и доходам помещиков Новороссии. Поэтому Каподистрия, выступая в пользу решительных действий против Порты, действовал как защитник вполне реальных интересов и требований части господствующего класса России.

Каподистрия сыграл активную роль в подготовке ряда дипломатических акций России, благоприятствовавших греческой революции. Наиболее важной из них была нота русского посланника Г. А. Строганова Порте от 18(30) июля 1821 г. с требованием прекращения репрессий против христианского населения Османской империи и соблюдения русско-турецких договоров. Объективно этот демарш являлся первым официальным выступлением великой державы в защиту греков. Его результатом был разрыв русско-турецких отношений.

Однако дальнейшие усилия Каподистрии в пользу военной акции России против Порты, которая ускорила бы освобождение Греции, не дали в тот период результатов. Для наиболее реакционной части господствующего класса России сохранение Священного союза, борьба с революцией имели приоритет перед другими государственными задачами. Кроме того, Англия и Австрия оказали сильное давление на правительство Александра I. Лидер европейской реакции Меттерних предпринял все усилия для того, чтобы подорвать служебное положение Каподистрии. В августе 1822 г. Каподистрия получил фактическую отставку.

Национально-патриотическая деятельность Каподистрии в 1809—1822 гг. в России имела большое значение. Объективно она способствовала распространению в греческом обществе убеждения в благоприятном отношении России к делу национального освобождения Греции. Именно в этот период Каподистрия приобрел вес и авторитет как национальный деятель общегреческого масштаба.

О СОЦИАЛЬНОМ ОБЛИКЕ И КЛАССОВОЙ СУЩНОСТИ
ПОЛЬСКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
30—40-х ГОДОВ XIX в.

Подавляющее большинство работ, посвященных польскому освободительному движению на допролетарском этапе его истории, связано с теми крупными вооруженными выступлениями, которые происходили в 1794, 1830—1831, 1846, 1848, 1863—1864 гг. Вполне понимая естественность и правомерность такого явления, хотелось бы подчеркнуть, что для глубокого проникновения в социально-политическую сущность борьбы, развернувшейся на польских землях, для правильной оценки наиболее существенных изменений в направлении, размахе и характере движения весьма важное значение имеют периоды относительно мирного развития. Одним из таких периодов является десятилетие с 1835 по 1844 г., стоящее на рубеже между восстанием 1830—1831 гг., которое Ф. Энгельс справедливо определил как консервативную революцию¹, и Краковским восстанием 1846 г., которое, по словам К. Маркса, дало «славный пример всей Европе, отождествив национальное дело с делом демократии и с освобождением угнетенного класса»².

Указанное десятилетие довольно подробно изучено с точки зрения истории польской политической эмиграции, игравшей в тот период выдающуюся роль в движении³, с точки зрения развития конспиративных организаций в Галиции, на Украине, в Литве и Белоруссии⁴. Что же касается конспиративных организаций в Королевстве Польском, которое было главным центром освободительной борьбы польского народа, то они изучены значитель-

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 492.—

² Там же, стр. 490.

³ Итоги работы в данной области подведены в недавно вышедшей книге польского историка С. Калембки (см.: *S. Kalembka. Wielka emigracja. Warszawa, 1971*).

⁴ См.: *S. Kieniewicz. Konspiracje galicyjskie (1831—1845). Warszawa, 1950*; *И. С. Миллер. Накануне отмены барщины в Галиции. УЗИС, т. II. М., 1949*; *А. Ф. Смирнов. Революционные связи народов России и Польши. 30—60-е годы XIX в. М., 1962, стр. 58—143*; *Г. Я. Сергієнко. Суспільно-політичний рух на Україні після повстання декабристів. 1826—1850. Київ, 1971, стр. 113—174.*

но слабее. Этой теме и посвящает автор настоящую статью. Она основана главным образом на хранящихся в Советском Союзе и неизвестных ранее многотомных судебнo-следственных делах по трем организациям, которые существовали в 1836—1844 гг. и действовали преимущественно в Варшаве и Люблине.

Первая из них возникла в 1836 г. и была разгромлена царскими властями летом 1838 г. Она являлась варшавским ответвлением «Содружества польского народа», созданного по инициативе польской демократической эмиграции на территории Галиции и вольного города Кракова, а оттуда распространившегося на Королевство Польское и западные губернии России. Руководитель организации, воспитанник Краковского университета Густав Эренберг, вовлеченный в «Содружество» в студенческие годы, после возвращения в родную Варшаву поселился вместе со своими ближайшими соратниками на улице Свентокшижской, в связи с чем участников организации называют обычно «свентокшижцами»⁵. К следствию по делу «свентокшижцев» было привлечено 62 человека, примерно половину из них можно считать установленными участниками организации⁶.

Прямой преемницей «свентокшижцев» стала конспиративная организация, руководителями которой были Гервазий Гзовский, Адам Гросс, Владислав Венцковский и Александр Карпинский. Она сложилась в 1839 г. и просуществовала около четырех лет. Имея основное ядро в Варшаве, организация была связана с периферией, особенно с Люблином и его окрестностями. Идеологом организации, а в 1842—1843 гг. и руководителем ее практической деятельности являлся выдающийся революционный демократ Эдвард Дембровский, тесные контакты которого с революционным подпольем неопровержимо подтверждаются новыми материалами⁷. По делу

⁵ См., например: А. Kraushar. Świętokrzyżcy. Warszawa, 1916.

⁶ ЦГВИА СССР, ф. 16233, оп. 3/29, д. 77, т. 1—7. Названное дело содержит, между прочим, важнейшие программные документы организации и материалы, проливающие новый свет на характер ее идейных и организационных взаимоотношений с возникшей в 1837 г. «Конфедерацией польской нации».

⁷ См.: В. А. Дьяков. Эдвард Дембровский: новые материалы о революционной деятельности. СС, 1972, № 6, стр. 48—57; W. A. Dja-kow. Edward Dembowski i rewolucyjne spiski na początku lat czterdziestych XIX wieku. «Pamiętnik literacki», 1973, N 2, str. 261—283.

Г. Гзовского и его товарищей были привлечены 88 человек, около 40 из них были действительными участниками организации⁸.

Организация Петра Сцегенного (1840—1844) существовала одновременно с только что описанной организацией, была тесно связана с ней, а после ее разгрома включила оставшихся на свободе варшавских подпольщиков, объединив фактически все революционные силы в Королевстве Польском. Центром организации Сцегенного были Люблин и его окрестности; кроме Варшавы организация имела постоянные контакты с городами Радом и Кельце. Восстание предполагалось начать в октябре 1844 г. в районе Кельце, где Сцегенный как уроженец тех мест рассчитывал поднять значительную часть крестьянства. В источниках по организации Сцегенного так или иначе упоминается около 150 чел.⁹ Представляется, что ее фактическими участниками можно считать лишь две трети из них¹⁰.

Имеющиеся источники и в особенности вновь обнаруженные архивные материалы позволяют разносторонне изучить историю каждой из трех названных организаций. Остановимся здесь лишь на данных о социальном составе и политической программе.

В варшавской организации «Содружества польского народа» были представлены, как показывают подсчеты, мещане и шляхта, причем выходцы из шляхты составляли $\frac{5}{6}$ общего числа участников. Из 62 лиц, привлеченных к следствию, род занятий удалось установить для 49 чел. Среди них преобладали аппликанты (так назывались не получавшие жалованья кандидаты на занятие самых низших чиновничьих должностей в государственных учреждениях) и мелкие чиновники, далее шли учащиеся (гимназисты старших классов и студенты); вместе эти две категории насчитывали 40 чел., т. е. более 80%. Организация Гервазия Гзовского и других имела такой же социальный облик: каждый шестой

⁸ ЦГВИА СССР, ф. 16233, оп. 3/29, д. 82, т. 1—4.

⁹ Z. Młynarski. W kręgu sprawy ks. Piotra Sciegiennego. Warszawa, 1961, str. 83.

¹⁰ Об организации Сцегенного подробнее см.: В. А. Дьяков. Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801—1890). М., 1972; он же. Piotr Sciegienny i jego spuścizna. Warszawa, 1972.

в ней были выходцем из мещан, а остальные являлись шляхтичами, из которых одна треть не имела признанных властями документов об их «благородном» происхождении. Что касается рода занятий, то аппликанты и чиновники занимали здесь еще более преобладающее положение (55%), за ними следовали учащиеся (около 9%). Суммируя данные по двум названным организациям, получаем следующие цифры: из 123 чел., род занятий которых установлен, 68 были аппликантами и мелкими чиновниками (55%), 21 (17%) — учащимися, 21 (17%) — учителями, врачами и представителями так называемых свободных профессий, 7 (около 6%) — помещиками, 6 (около 5%) — ремесленниками и торговцами.

Из тех кто привлекался к следствию по делу организации Сцегенного, примерно половина (45 чел.) были крестьянами, не считая самого Сцегенного, родившегося в крестьянской семье, но ставшего ксендзом, и его брата Кароля, с трудом выбившегося в землемеры. Среди остальных участников организации насчитывалось: мещан — 11, выходцев из шляхты — 35 (в том числе не утвержденных герольдией 18). Если же рассматривать не сословную принадлежность, а род занятий, то подсчеты дают следующие результаты: два помещичьих сына, несколько арендаторов имений и ремесленников, остальные — мелкие чиновники и аппликанты, а также учителя, частные служащие, гимназисты, студенты. Таким образом, в организации Сцегенного, как и в других конспиративных организациях рассматриваемого периода, ведущее место занимали аппликанты, мелкие чиновники и учащаяся молодежь, по своему происхождению связанная либо с неимущей шляхтой, либо с мещанами.

Судебно-следственные дела содержат сведения о материальном положении этого в сущности единого социального слоя. Не имея возможности сколько-нибудь подробно рассказать об этом, приведу лишь выдержку из показаний Александра Карпиньского — одного из руководящих деятелей подполья начала 40-х годов и близкого друга Эдварда Дембовского. Еще в гимназические годы Карпиньский вынужден был обеспечивать себя сам. «В тяжком труде провел я юношеские лета свои, — рассказывал он на следствии. — Шесть часов занят был в

классе, восемь — преподаванием частных уроков, два часа уходило на то, чтобы помолиться, одеться, поесть. Следовательно, оставалось мне неполных восемь часов в сутки на отдохновение и учение». Во время аппликантуры, помогая больной матери, малолетним братьям и сестре, Карпинский так бедствовал, что целую зиму прожил в совершенно неотопливаемом помещении, тратя несколько грошей в день. Но и впоследствии, по словам Карпинского, положение изменилось не так уж существенно: «Пробывши несколько лет бесплатным аппликантом, выдержав экзамен и перенеся все трудности, я получил, наконец, место патрона (т. е. адвоката.— В. Д.). Я два года уже патроном и постоянно испытываю недостатки»¹¹.

Познакомившись с социальным обликом рассматриваемых организаций, перейдем к их политической программе.

Организатор и первый руководитель варшавского филиала «Содружества польского народа» Густав Эренберг являлся автором широко известного в те годы антишляхетского стихотворения, на слова которого была создана песня, весьма популярная среди заговорщиков. Вина за поражение повстанцев в 1831 г. возлагалась в песне исключительно на шляхту и магнатов, а будущая победа революции прямо связывалась с уничтожением шляхетского сословия. В основном программном документе «свентокшижцев» говорилось, что по естественному закону природы люди должны жить в условиях свободы, равенства и братства, что член конспиративной организации обязан неустанно бороться за возрождение Польши и установление народовластия, что ему всегда надлежит быть последователем демократических принципов и защитником прав человека¹². «Послание израэлитам», кратко излагающее политическую платформу «свентокшижцев», также резко осуждает шляхетское сословие и содержит следующее высказывание: «Будущая Польша не будет ни аристократической, ни католической; в ней все должны иметь равные права, ибо все вместе их завоюют»¹³.

¹¹ ЦГВИА СССР, ф. 16233, оп. 3/29, д. 82, т. 1, лл. 135—138.

¹² ЦГВИА СССР, ф. 16233, оп. 3/29, д. 77, т. 4, л. 373а.

¹³ Там же, л. 46.

Варшавская конспиративная организация начала 40-х годов, теснейшим образом связанная с выдающимся революционно-демократическим деятелем Польши Эдвардом Дембовским, не случайно получила во время следствия название «Демократического общества». Программных документов этой организации не сохранилось, но многочисленные, вполне подтверждающие друг друга показания ее активных участников позволяют видеть, что речь шла о борьбе за восстановление польской государственности на основе коренных преобразований существующих социально-экономических отношений. Вот как изложена программа организации в одном из показаний: «Вельможи и шляхта всегда изменяли нам и доводили нас до пагубы; но теперь мы уже знаем их. Дóлжно нам подумать самим о себе, снести с ремесленниками и крестьянами, а когда возьмемся дружно, то исподволь и осторожно свергнем с себя это иго. Надобно сказать крестьянам, что земля, которую они теперь обрабатывают, будет их собственной, что помещиков не будет, что имения их разделены будут между крестьянами в награду за столь долговременную их неволю и труды [...], что установлено будет народное правление или республиканское, что каждый будет солдатом только в случае надобности, что потому никто уже платить податей не будет...»¹⁴

Социальные требования Петра Сцегенного и его соратников сводились к ликвидации феодально-крепостнических порядков, к уничтожению сословного, национального и религиозного неравенства, к объявлению земли всенародной собственностью с выделением в наследственное пользование земельных участков тем крестьянам, которые их обрабатывают. Они были уверены, что осуществление этих требований создаст общество, в котором все будут счастливы, и навечно установятся свобода, равенство и братство. Фактически их программа под оболочкой утопического социализма выражала интересы трудящихся, прежде всего крестьянских масс, в буржуазной революции. В частности, требование уравнительного землепользования отражало естественное стремление крестьянства к тому пути развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве, который принято

¹⁴ ЦГВИА СССР, ф. 16233, оп. 3/29, д. 82, т. 1, л. 335.

называть фермерским, или американским. Что касается политической программы, то она выражалась в требовании народовластия и выборности управления во всех его звеньях. Будущее государство Сцегенный и его единомышленники представляли в форме многонациональной республиканской федерации под названием «Всевластие славян», в которой ведущую роль играл бы польский народ. Границы федерации предполагалось установить по Одре, Нисе, Западной Двине и Днепру; высказывалось убеждение, что к федерации присоединятся славяне, находившиеся в составе Австрийской империи¹⁵.

Отталкиваясь от этого конкретного материала, попытаемся поставить некоторые вопросы, имеющие существенное значение для оценки всего польского освободительного движения допролетарской эпохи.

Один из них касается существа тех сдвигов, которые произошли в движении на протяжении рассмотренного десятилетия. Крестьянский вопрос как выражение важнейших социальных противоречий на польских землях возник еще в XVIII в., но понимание этого среди участников движения широко распространилось лишь после поражения восстания 1830—1831 гг. Одновременно произошли отмеченные выше изменения в социальном составе конспиративных организаций и их политической программе. Заговорщики теперь, писал И. Ф. Паскевич о Сцегенном и его соратниках, имеют «целью не только ниспровергнуть русское правительство в Польше, но вместе с тем уничтожить и польских дворян — помещиков»¹⁶. Движение ощутимо демократизировалось, в нем возникло политическое течение, о котором в «Коммунистическом Манифесте» говорится, что оно «ставит аграрную революцию условием национального освобождения»¹⁷. Именно поэтому после Краковского восстания 1846 г. К. Маркс заявлял: «...это уже не феодальная, а демократическая Польша...»¹⁸. Совершенно очевидно, что при этом он имел в виду не социально-экономический или

¹⁵ В. А. Дьяков. Идейные истоки мировоззрения Петра Сцегенного. «Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX в.». М., 1971, стр. 235—264.

¹⁶ А. П. Щербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность, т. V. СПб., 1896, стр. 337—338.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 458.

¹⁸ Там же, стр. 491.

политический строй (здесь все осталось неизменным), а существенные сдвиги в польском освободительном движении, открывающие новый этап в его истории.

Второй вопрос — об основных движущих силах борьбы, другими словами, о тех классах и социальных прослойках, на которые могло опираться и фактически опиралось революционное движение. Такими силами являлись в рассматриваемый период: а) крестьянство, б) городские низы (ремесленники, рабочие, мелкие торговцы, прислуга и т. п.), в) мелкая и неимущая шляхта, трудовая интеллигенция, шляхетско-мещанская по происхождению учащаяся молодежь. Наибольшими потенциальными возможностями обладало крестьянство. Но самой активной была третья из перечисленных социальных групп; именно она давала большинство участников конспиративных организаций, именно от нее все движение получало совершенно очевидную шляхетскую окраску.

Третий вопрос прямо вытекает из предшествующего — он связан с содержанием термина «шляхта», который играет решающую роль в правильном понимании существа дела. Еще в 1790 г. известный деятель эпохи Просвещения Гуго Коллонтай возмущался теми, кто неосмотрительно пользуется этим термином, и заявлял: «Шляхтич в Варшаве является законодателем, королем, сенатором, епископом, министром..., но... также каменщиком, плотником, сапожником, шинкарем, кучером, сторожем и даже прислуживает у некоторых ремесленников, шинкарей, кучеров»¹⁹. Польский исследователь Ежи Едлицкий, специально изучавший проблему эволюции польского дворянства с середины XVIII в. до восстания 1863 г., пришел к выводу, что в начале XIX в. шляхта фактически уже не являлась единым сословием²⁰. Процесс его разложения зашел очень далеко: за бортом сословия осталась его неимущая часть, составлявшая 55% его состава и лишенная с 1790 г. почти всех шляхетских привилегий; постепенно «окрестьянивалась» мелкая шляхта, удельный вес которой доходил до

¹⁹ См.: *Jerzy Jedliński. Klejnot i bariery społeczne. Przeobrażenia szlachectwa polskiego w schyłkowym okresie feudalizmu. Warszawa, 1968, str. 244—245.*

²⁰ Там же, стр. 237—238.

40% ²¹. Эта часть шляхты вращалась в другие социальные слои и группы, входила в складывавшуюся структуру буржуазного общества, превращаясь в крестьян, буржуа, интеллигентов и даже в рабочих. Этот факт, как совершенно правильно отметил польский исследователь Т. Лепковский, оказал большое влияние на общественную психологию, нравы и обычаи польской буржуазной нации, наложив на них значительный шляхетский отпечаток ²². С другой стороны, из той же шляхетской среды, вобрав в себя не более 5% ее состава, сформировался класс помещиков, за которым прежде всего и сохранилось в дальнейшем наименование шляхты.

Сложность и противоречивость указанных процессов создавали и до сих пор создают весьма досадные, иногда чисто терминологические расхождения во взглядах на польское освободительное движение. Некоторые историки, употребляя термин «шляхетское движение», подразумевают, что речь идет о движении, защищающем сословные привилегии польской шляхты или классовые интересы польских помещиков. Между тем польское освободительное движение в 30—60-х годах XIX в., а отчасти и в более ранний период по своему основному социальному смыслу было антифеодальным, а это значит, что оно с большей или меньшей полнотой отражало чаяния всех сословно-классовых групп, заинтересованных в уничтожении существующих порядков, в том числе интересы крепостного крестьянства. Забывая об этом, невозможно понять приводившиеся выше и многие другие формулировки К. Маркса и Ф. Энгельса, относящиеся к истории Польши, нельзя правильно истолковать ту высокую оценку, которую дал шляхетскому движению В. И. Ленин ²³.

Четвертый вопрос — о соотношении между социальной и национальной сторонами движения. «Никто,— заявлял К. Маркс в 1848 г.,— не станет отрицать, что в Польше политический вопрос связан с социальным. Они всегда неотделимы друг от друга» ²⁴. И в самом деле, наличие указанной взаимосвязи никто не отрицает, но о

²¹ Т. *Łepkowski*. *Polska — narodziny nowoczesnego narodu. 1764—1870*. Warszawa, 1967, str. 141.

²² Там же, стр. 142.

²³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 297.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 489.

соотношений между национальными и социальными задачами движения спорили очень много, да и сейчас споры далеко не закончились. Долгое время национальный аспект польского освободительного движения подгонялся под рубрику «национализм». Сейчас с этим покончено бесповоротно, но иногда еще кое-кто перегибает палку в противоположном направлении, пытаюсь рассматривать это движение как чисто национальное, ставя аристократическое его крыло на одну доску с демократическим. Идеологи правого крыла выдвигали на первый план вопрос о восстановлении независимости Польши и проблему границ не потому, что они не имели социальной программы, а потому, что эта программа была консервативна. Идеологи левого крыла тоже говорили о независимости и о границах, но главным для них была демократизация общественных отношений²⁵. Разница здесь есть и весьма существенная. Совершенно прав Т. Лепковский, когда, характеризуя политическую программу польских демократов 1840-х годов, восклицает: «Не государство тут и не границы на первом плане, но общество, нация, народ!»²⁶

Буржуазные польские ученые и российские историки дореволюционного периода пытались доказать, что левизна составляла немногочисленную, обособленную и слабую часть польского освободительного движения. Теперь положение коренным образом изменилось, но иногда все еще высказываются необоснованные опасения, будто выпячивание роли демократической левизны непременно приводит к искажению исторической истины. Хотелось бы противопоставить такого рода опасениям, во-первых, тот фактический материал, который приводился выше, а во-вторых, основанный на фактах и совершенно справедливый вывод того же Лепковского: «Правда заключается в ином. При всех ее несовершенствах и слабостях польская радикальная левизна была главным инициатором, творцом и вдохновителем национально-освободительного движения»²⁷. На мой взгляд, изучение левизны и ее роли в движении было и остается одной из

²⁵ В запальчивости один из «свентокшищцев» заявлял даже: «Мы не признаем в своем ученье ничего такого, что бы имело связь с патриотизмом» (ЦГВИА СССР, ф. 16233, оп. 3/29, д. 77, ч. 2, л. 72).

²⁶ Т. *Łepkowski*. Указ. соч., стр. 314.

²⁷ Там же, стр. 340.

важнейших исследовательских задач, успешное решение которой не искажает, а восстанавливает правду истории. Блестящее подтверждение тому — капитальный труд о восстании 1863—1864 гг., написанный крупнейшим специалистом по истории Польши XIX в. Стефаном Кеневичем, который специально подчеркнул, что, давая широкое обобщение соответствующего исторического материала, он считает необходимым сосредоточить свое внимание на деятельности лагеря «красных»²⁸.

Н. П. Митина

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕОЛОГИИ УЧАСТНИКОВ ПОЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ 30-х ГОДОВ XIX в.

Среди бумаг, отобранных при арестах у польских ссыльных, подозреваемых в подготовке восстания на Урале и в Сибири в 1833 г., особое внимание привлекают два документа.

Один из них носит название «Записки учебные»¹. Установить авторство «Записок» не представляется возможным. Ссыльный, у которого они были отобраны, на вопрос пермского губернатора, кто писал «Записки учебные» или от кого они получены, ответил, что списал их у одного польского ссыльного в г. Екатеринбурге, фамилии которого не помнит². Время написания «Записок» также не поддается точной датировке. Упоминание в «Записках» проекта Пестеля о государственном устройстве, о котором автор вероятнее всего узнал из повстанческой прессы, а также утверждение, что народ имеет «право и волю переменить короля» (по-видимому, связанное с детронизацией Николая I), позволяют в качестве начальной даты создания «Записок» считать январь 1831 г., а конечной — 14 июля 1833 г. — день кануна обыска.

²⁸ S. Kieniewicz. Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972, str. 5.

¹ ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 82/26, 1836 г., д. 8, ч. 3, лл. 9—16.

² ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 82/26, 1836 г., д. 8, ч. 1, л. 44.

Коротко остановимся на характеристике ссыльного, у которого были обнаружены «Записки». Им был Иероним Голштейн. При аресте в августе 1831 г. он назвался Яном Каменским. По происхождению — шляхтич (отец его арендовал имение в Волынской губернии). Учился Голштейн в лицее г. Кременца, одном из важнейших центров передовой польской культуры. 19-летним юношей Голштейн вступил в корпус генерала Дверницкого. По суду был отдан в солдаты и должен был отбывать службу в Оренбургском отдельном корпусе. В июне 1832 г. прибыл в 13-й линейный батальон в г. Екатеринбург, откуда через год был переведен во внутреннюю стражу г. Перми. Это был образованный молодой человек со знанием нескольких языков. Он читал и писал по-французски, по-немецки и по-русски.

По отзывам ссыльного Журавицкого, Иероним Голштейн пользовался симпатией и уважением не только товарищей по ссылке, но и местных жителей. «В нем видели истинного товарища, человека, желающего общего счастья. Товарищи восторгались его умом и эрудицией, называли философом³.

Записки написаны по-русски рукой Голштейна. Они состоят из четырех разделов: «О человеке», «Об обществах», «О правлениях и их обязанностях», «Об обязанностях людей частных». Каждый раздел имеет дробное деление с названиями. Объем «Записок» 15 рукописных страниц.

Ознакомление с «Записками» позволяет сделать заключение, что они не являются конспектом какой-либо одной работы. В сжатой форме они затрагивают разнообразные вопросы — от морально-философских до социально-политических.

И построение «Записок», и содержание свидетельствуют о влиянии просветительской идеологии на их составителя, в частности прогрессивного польского мыслителя Станислава Сташица.

Проблема личности и общества, которая ярко прорывается в «Записках», являлась одной из черт буржуазной идеологии, ее новых, отличных от феодально-церковных представлений о мире и человеке в нем, об обществе и государстве.

³ ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 64/5, д. 5, ч. 4, лл. 68—69.

«Человек создан для счастья» — этот постулат просветительской идеологии нашел в «Записках» большое признание. Как известно, просветители провозгласили благо человека целью общества, а высшим законом государства — счастье народа.

Хотя развернутого ответа на то, что автор «Записок» подразумевает под счастьем, нет, однако содержание их свидетельствует о том, что счастье отдельного человека он связывал с обществом и его государственным устройством. В «Записках» отмечается, что далеко не каждый на земле счастлив, но высказывается твердое убеждение, что непременно настанет «другое житие», в котором это желание человеческое будет исполнено.

В разделе «Об обществах» отчетливо проступает буржуазная идея общественной пользы. Люди созданы, чтобы жить в обществе. Добродетелью и пороком, моральным добром и злом считалось то, что полезно или вредно обществу. «Не для себя создан человек, но по большей части для других,— читаем в «Записках». — И поелику получил он от природы силы души и тела, то и должен их употреблять не только в свою пользу, но и в пользу общества. Общество есть собрание людей в намерении взаимной для себя помощи и защиты».

В параграфе «О работе» говорится следующее: «Хотя всякое общество, как и каждый человек, имеет право занимать землю и управлять оную, переходить с одного места на другое, выгоднейшее, но со временем за умножением людей право сие уступило перед насилием сильнейших, которые не только воспретили слабейшим земли, но и их самих обратили в рабство — первые назвались помещики, господа, владельцы, другие — рабы, крестьяне, подданные и прочие, но сколько сие есть неправильно, всякий видит».

В этом отрывке затрагивается ряд принципиально важных вопросов. В духе буржуазных просветителей исторически решается вопрос о частной собственности и власти. Положение об изначальном равенстве людей решительно утверждал Руссо. По-видимому, здесь говорится и влияние известного польского историка-демократа Лелевеля, который выдвинул ценное и прогрессивное положение о первоначальнообщинном строе, не знавшем частной собственности и социального неравен-

ства. Автор «Записок» не только констатирует насильственный захват земли и превращение части людей в зависимых, но, что самое главное, осуждает существующее сословное и имущественное неравенство.

Что же касается вообще частной собственности, то автор далек от мысли об ее уничтожении. В тексте под рубрикой «Обязанности человека в обществе» указывается, что «добрый гражданин отдает всякому, что кому принадлежит и не нарушает ни в чем собственности, ни спокойствия сограждан, ибо под сим только договором занял он место в обществе».

Противоречие между «счастьем наибольшего числа людей» и господствующим злом социального неравенства представляло собой проблему, которую даже наиболее радикальные буржуазные просветители XVIII в. были неспособны разрешить. Они остались верны принципам частной собственности.

Затрагивает автор «Записок» и вопрос об обязанностях обществ или государств друг перед другом. Суть их заключается, по его словам, в том, чтобы не нарушать ни в чем спокойствия, ни собственности других обществ, исполнять принятые на себя обязанности или договоры, повиноваться установленной власти и «учреждать для всякого жития счастье».

При характеристике взаимоотношений обществ автор «Записок» не обходит проблемы войн, «поелику одно общество есть в праве употреблять защиту напротив другого, возмущающего его спокойствие». Глубокая трактовка войн содержалась к моменту написания «Записок» в трудах Ст. Сташица, в частности в его «Предостережениях Польше». К справедливым войнам Сташиц относил те, которые велись народами для защиты прав и для освобождения от захватчиков. Последнему пункту Сташиц уделял большое внимание, с осуждением говоря о насильственных порабощениях народов. Автор «Записок» говорит также о справедливых войнах, характеризуя их как «защиту от нападения возмутителей».

В «Записках» подробно рассматривается вопрос о солдатах и присяге. По мнению автора «Записок», «солдат есть сограждан, который добровольно обязуется быть защитником прочих. Присяга солдата должна быть сво-

бодная, вынужденная угрозами и насильем она не обязывает выполнять ее».

В разделе «О правлениях» автор «Записок» признает за всеми обществами и государствами «право устанавливать для себя правительства, выбирая промежду себя начальников и предписывая оным правила, по которым владеть они обязаны». При этом они должны «не только не угнетать подвластных себе граждан, но напротив, пектись о их благе».

Правления разделяются в «Записках» на верховные и подчиненные. Верховные в свою очередь делятся на деспотические, конституционные и народные.

Деспотическое правление, которое, как указывается в «Записках», существует в России, Турции и Австрии, подвергается резкой критике как самое тягчайшее для народа. Автор отмечает такие черты, как произвол и насилие одного лица, переходящие в тиранию, полную безответность в поступках и действиях.

Наиболее развернутая характеристика дается конституционному правлению, указывается, что оно «есть лучшее и достойнейшее, ибо оно соответствует достоинству общества и достоинству человеческой природы». Такие правления, заявляет автор, заводят у себя все просвещенные народы Европы. Это же, по его мнению, хотел учредить в России Пестель.

Какие же черты конституционного правления отмечаются в «Записках»? Это прежде всего управление страной по предписанным обществом правилам — конституциям и отчетность перед народом, который имеет «волю и право» переменить короля.

Особо следует отметить положение автора о том, что перед лицом закона все должны быть равны, иметь право выбирать правление и быть сами избранными. Даже такие наиболее радикальные политические мыслители XVIII в., как Руссо, Мабли, теоретически придерживаясь позиции абсолютного политического равенства, высказывались против предоставления избирательного права лицам, не владеющим собственностью. Лишь у Марата и в нескольких памфлетах 1789 г. встречается прямое требование предоставления избирательного права людям, лишенным такового. Это положение нашло осуществление в якобинской конституции 1793 г., которая практически хотя и не была осуществлена, но слу-

жила примером для революционно-демократических движений последующего времени. Таким образом, утверждение, что все должны иметь право выбирать и быть избранными, свидетельствует о передовых демократических взглядах автора «Записок».

Иллюзии относительно конституционных правлений имели место во взглядах многих мыслителей XVIII—XIX вв. Так, Ст. Сташиц в «Человеческом роде» ограничивался требованием конституционной монархии и высоко оценивал польскую Конституцию 3 мая и французскую конституцию 1791 г. Стронниками конституционного правления были некоторые декабристы.

Народное, или республиканское, правление, при котором весь народ через своих посланников устанавливает права и законы и сам наблюдает за их исполнением, автор «Записок» находит неприемлемым, ибо частая смена верховной власти нарушает, по его мнению, спокойствие в обществе.

Автор «Записок» не только критикует феодальный строй, но и намечает контуры нового общественного порядка. Среди двух основных занятий общества — хлебопашества и промыслов «самое полезнейшее и достойнейшее почитания, по его мнению, есть общество земледельцев». Труд должен быть наемным, основанным на человечности и справедливости. Тяжелая рекрутская повинность должна уступить место добровольной защите государства.

Таково краткое содержание «Записок учебных». Прежде всего бросается в глаза антикрепостнический и антимонархический их характер. В основе взглядов на общественное устройство лежит просветительская теория естественного равенства.

Буржуазная идеология, характерная для эпохи перехода от феодализма к капитализму, несмотря на ряд противоречий, выступает в «Записках» с явной очевидностью.

Рассмотренные выше «Записки учебные» царскими властями были квалифицированы как «вредные против правительства и наполненные духом вольнодумства», а ссыльный Голштейн, у которого они были найдены, предан военному суду.

Просветительская идеология была той почвой, на которой развивались общественно-политические и соци-

альные воззрения польских конспиративных организаций 10—20-х годов XIX в. Дошедшие до нас «Записки» представляют интерес в том отношении, что, будучи отобранными у рядового участника восстания 1830—1831 гг., свидетельствуют о распространении буржуазной идеологии. Это не противоречит тому общеизвестному факту, что в 20-е годы, в период развития польского романтизма с его пламенным призывом к активной борьбе с миром зла и несправедливости, резкой критике подверглись реформаторские и лоялистские черты просветительства.

Несколько слов нужно сказать и о текстах стихотворений, которые при обыске были отобраны у Голштейна. Наряду с повстанческой поэзией, простой и неприятельской по форме и патриотической по содержанию — мазурками и полонезами, посвященными Костюшке, Конституции 3 мая, генералу Хлопицкому, маршами повстанцев, молитвами, большое место занимает поэзия Адама Мицкевича. Здесь находились значительные произведения великого польского поэта-романтика («Конрад Валленрод», «Гражина», «Иоахиму Лелевелю», «Дзяды» и др.).

Автором второго документа является участник подпольной организации ссыльных, один из ее руководителей — Ян Сероциньский. Он родился в 1798 г. в Липовецком уезде Киевской губернии, учился в Виленском университете, с 1825 г. был ксендзом в г. Овруче. Восстание застало его управляющим Овручским базилианским монастырем. «За приведение повстанцев к присяге, а также за содействие вооружению крестьян» Сероциньский был приговорен к смертной казни, замененной по конфирмации главнокомандующего 1-й армией отдачей в солдаты в сибирские линейные батальоны⁴. В Омск прибыл летом 1832 г.

На формирование мировоззрения Яна Сероциньского, несомненно, огромное влияние оказало как пребывание в Виленском университете, в котором в годы его учебы существовали тайные студенческие организации и читал лекции ученый-демократ И. Лелевель, так и деятельность в Волынской губернии ячейки польского «Патриотического общества» и поэта-революционера С. Гоциньского.

⁴ ЦГВИА СССР, ф. 809, оп. 109/86, 1832 г., св. 2, д. 11, п. 1—3.

Документ, написанный рукой Яна Сероциньского, был отобран при обыске в г. Екатеринбург у ссыльного Журавицкого⁵. Переписка Сероциньского с Журавицким омской следственной комиссией установлена не была, Журавицкий переписывался с Дружиловским, отбывающим ссылку в Тобольске, а последний имел связь с Сероциньским.

Речь идет о записке небольшого формата, написанной мелким почерком с двух сторон по-польски, кроме четырех последних слов, написанных по-русски. Сверху на записке, очевидно по требованию следственной комиссии, сделана помета: «Писал я, Сероциньский».

Вот текст этого документа.

«Szlachcie dana jest władza zupełna nad chłopami, z krzywdą, ludzkości i wszelkich praw natury. Wszakże od jednego Adama pochodzimy.

Urzędnicy sprawiedliwość sprzedają za pieniądze i zamiast porządku sami pierwszy ugnietają naród. Panujący zabiera podatki i rekrutów, a żadnego rachunku przed narodem nie daje, a gdzie podziewa.

Toczy wojny dla swojej tylko dumy, rozszerzając granice pomnaża nieszczęśliwych w państwie.

Aby zaś naród nie mógł podnieść głowy i upomnieć się o swoje, trzyma go w ciemności i nieoswieceniu, co jest największą krzywdą ludzkości, zabronione pisma druki, zabronione wojaże.

Żołnierze najgorzej utrzymywani i płatni, wleką jednak jarzmo niewoli i nawet krew przelewają, bo i tu idzie rzecz za oświeceniem.

Reforma na to w krótkich może być zamknięta słowach: нет господ, нет государя».

(«Дворянству предоставлена полная власть над крестьянами с попранием человечности и всех естественных прав. А ведь все мы от одного Адама приходим.

Чиновники справедливость продают за деньги и вместо порядка сами первые угнетают народ.

Царь берет подати и рекрутов и никакого отчета народу не дает, куда [все это] деваает.

Он ведет войны для своей только славы, расширяя границы государства и увеличивая число несчастных.

⁵ ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 64/5, д. 5, ч. 7, л. 146, 405.

А чтобы народ не мог поднять головы и потребовать своего, он держит его в невежестве и безграмотности, что является самым большим ущемлением человечности; запрещены свобода печати, путешествий и т. д.

Солдаты, хуже всех содержащиеся и оплачиваемые, влекут ярмо неволи и даже проливают кровь, так как и здесь все дело в отсутствии просвещения.

Изменение всего этого коротко может быть выражено словами: нет господ, нет государя»).

Где была написана эта «Записка?» По всей вероятности, в Сибири. По-видимому, она являлась программным документом организации ссыльных. Написана она в такой сжатой прокламационной форме, что вполне могла быть проектом листовки организации ссыльных.

Прежде всего бросается в глаза антикрепостнический и антимонархический характер этого документа. В нем резкой критике подвергается вся абсолютистско-монархическая система вплоть до требования уничтожения царя и господ. Последнее свидетельствует о крайнем радикализме взглядов автора «Записки».

Большое место в документе уделяется просвещению. Последнее рассматривалось буржуазными мыслителями как путь к торжеству справедливости.

Из-за лаконичности этого документа, а может быть, не до конца еще осознанных и четко оформленных взглядов автора в нем не затрагивается целый ряд принципиальных вопросов, в том числе и вопрос о земле.

Документ позволяет нам констатировать, что в Сибири среди определенной части ссыльных, участников восстания 1830 г., возникали и развивались революционно-демократические и социально-утопические взгляды.

Рассмотренные архивные документы недостаточны для научных обобщений и выводов. Однако они расширяют наши представления о мировоззрении участников польского национально-освободительного движения начала 30-х годов XIX в.

Н. И. Хитрова

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЧЕРНОГОРИИ (конец XVIII в.— 1878 г.)

Черногория первая на Балканах добилась фактического освобождения от гнета Турции. Рубежом при определении этой даты принято считать победу, одержанную черногорцами в сражении при Крусах (1796 г.) над армией шкодринского визиря Махмуда-паши Бушати. После этой победы черногорцы не только прекратили платить дань Порте, но приступили к созданию своих государственных органов. Процесс превращения Черногории в централизованное государство протекал в условиях почти постоянной борьбы с Турцией, которая по-прежнему считала ее частью своей империи. Только в 1878 г. Черногории удалось добиться международного признания фактической независимости.

В современной югославской историографии предпринимались попытки подойти с марксистских позиций к вопросу о социальной основе черногорского освободительного движения. В своем труде, посвященном созданию черногорского государства, Б. Павичевич не только показал влияние на этот процесс социально-экономических факторов, но и рассмотрел роль государственных органов в борьбе с Турцией за независимость и участие в освободительном движении различных социальных слоев¹. Вслед за ним Т. Никчевич на основе изучения черногорских социально-экономических условий рассмотрел вопрос о социальных слоях, которые поддерживали сепаратистские тенденции в Черногории и выступали в качестве проводника турецкого влияния².

В конце XVIII в. на Балканах, где под властью Турции продолжало находиться громадное большинство населения, господствовал феодальный способ производства. Однако в недрах феодального строя происходили серьезные социально-экономические сдвиги и наметилась новая расстановка классовых сил. Эти изменения,

¹ Б. Павичевић. Стварање црногорске државе. Београд, 1955.

² Т. Никчевић. Политичке струје у Црној Гори у процесу стварања државе у XIX вијеку. (Отпор стварању државе). Цетиње, 1958.

проистекавшие в социальной структуре населения балканских областей, обновили также социальную основу национально-освободительного движения.

Эти сдвиги оказывали влияние и на Черногорию, которая в то время являлась одной из самых отсталых балканских стран. Значительная часть черногорской территории состояла из гористой местности, поэтому земледелие было развито слабо. Население занималось скотоводством отгонно-пастбищного типа. Разводили преимущественно мелкий рогатый скот (овцы и козы).

Из-за недостатка обрабатываемых земель и низкого уровня развития производительных сил большинство населения с трудом обеспечивало себя средствами существования. Особенно тяжелым становилось его положение в неурожайные годы. К тому же небольшие посевы черногорцев неоднократно уничтожались во время турецких нападений.

После завоевания черногорцами независимости на первое место была выдвинута задача создания своего централизованного государства и достижения его международного признания. Поскольку в результате турецкого завоевания черногорцы были лишены плодородных земель и почти изолированы от внешнего мира, то они стали добиваться освобождения захваченных Турцией пограничных сербских территорий. Это их стремление отвечало интересам и проживавшего там этнически родственного сербского населения, которое совместно с ними выступило против турецкого гнета.

В конце XVIII в. Черногория представляла собой союз военно-политических (административно-территориальных) единиц, так называемых племен. Между племенами существовали слабые экономические связи. Каждое из них пользовалось самоуправлением, и только духовная власть митрополита распространялась на всю страну. Хотя в Черногории еще не было создано условий для развития капиталистического производства, однако товарно-денежные отношения подтачивали старые патриархально-феодалные отношения и способствовали экономической консолидации черногорских земель.

В условиях племенного сепаратизма возросло значение митрополита, который, будучи главой черногорской церкви, одновременно стал фактическим правителем черногорских земель. Первоначально митрополиты избира-

лись на всенародной скупщине. После избрания в 1697 г. Данилы Петровича из Негошей митрополичий престол стал в династии Петровичей-Негошей наследственным.

Укреплению власти митрополита способствовало его экономическое положение в стране как самого богатого собственника. В его ведении находились земельные владения Цетинской митрополии, которая не только сохранила их после турецкого завоевания, но в дальнейшем расширила за счет пожалований, купли, завещаний, дарений и присвоения крестьянских земель, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы того времени³. Помимо земельных угодий и пастбищ Цетинский монастырь располагал большими стадами, несколькими мельницами и рыбными запрудами⁴.

В распоряжении митрополита были также все государственные доходы, причем личный капитал не был отделен от государственного. Однако митрополит обязан был тратить все средства на государственные нужды и не мог завещать капитал побочным наследникам. Сосредоточение в его руках доходов Черногории (сначала церковных, а затем и государственных) создавало некоторую, хотя и крайне ограниченную, экономическую базу для организации отпора Турции. Митрополит имел право духовной юрисдикции не только над черногорцами, но и над соседним сербским населением, проживавшим в Приморье и Герцеговине, что способствовало расширению его влияния в пограничных сербских землях.

В борьбе с Турцией выдвинулись в качестве идейных руководителей черногорского народа Петр I (1782—1830) и Петр II (1830—1851) из династии Петровичей-Негошей. Они были не только правителями и военачальниками, но и видными деятелями просвещения. Петр II Негош, являвшийся знаменитым югославянским поэтом, основал в стране первую светскую школу и типографию.

Несмотря на то что в Черногории была теократическая форма правления, низшее духовенство не обла-

³ Т. Никчевић. Указ. соч., стр. 9, 21; «Црногорске исправе XVI—XIX вијека». «Историјска грађа», књ. II. Цетиње, 1964, стр. 2, 3, 5, 7, 11—16, 21, 23—28, 30, 35, 37 и др.

⁴ АВПР, ф. Главный архив, Политический отдел, д. 1, лл. 2 об.—3; М. Медакович. Финансовое состояние или доходы и расходы Черной Горы. СПб., 1862.

дало государственной властью, поскольку власть в племенах принадлежала старейшинам.

Относительно церковной собственности в Черногории в нашем распоряжении имеются только сведения, что в 50-х годах XIX в. там было 10 монастырей, 150 церквей и 400 священников⁵. Каждый монастырь располагал небольшими земельными владениями⁶.

Во время господства Турции на Балканах черногорцы держались православия. Отдельные попытки распространить среди них магометанство и католичество встречали сильный отпор. Православная религия в Черногории, так же как и повсюду в условиях турецкого гнета на Балканах, в какой-то мере способствовала сохранению народного самосознания. Монастыри являлись очагами культуры. В них хранились рукописи и поддерживалась славянская письменность.

В Черногории духовенство принимало активное участие в борьбе с Турцией. Некоторые священники отличились воинскими подвигами и получили титул сердаря или капетана.

Вторым лицом после митрополита являлся гувернадур (губернатор). Должность эта была учреждена в 1717 г. митрополитом Данилой Петровичем для исполнения высших судебно-административных обязанностей. Вскоре после введения гувернадурства в Черногории образовались две политические группировки. Во главе одной находились Петровичи, а другую возглавляли Радоничи, из семьи которых назначались гувернадуры. Каждая из этих группировок стремилась возглавить борьбу за укрепление централизованной власти.

Гувернадуры пытались сосредоточить в своих руках верховное правление, а в ведении митрополита оставить только церковную власть. В 1830 г. Петр II Петрович ликвидировал должность гувернадура⁷. Это обстоятельство имело положительное значение, так как по-

⁵ АВПР, ф. Главный архив, Политический отдел, д. 5, б/г, л. 6.

⁶ См. *Н. Мартиновић*. Валтазар Богишић, I. Цетиње, 1958, стр. 136—137; Сохранились данные о движимой и недвижимой собственности монастыря Челия в Пиперах, который имел 17 рал пахотной земли, 16 кос луга, 23 головы мелкого скота, 2 коровы, 28 улей пчел и свиней. (Архив СР Црне Горе (далее — АСРЦГ), ф. Правителствујушчиј сенат црногорски и брдски, књ. 10, Протокол дације, 1867—1868 гг.)

⁷ *Б. Павићевић*. Стварање црногорске државе, стр. 101—108.

стойнное соперничество между гүвернадуром и митрополитом отрицательно влияло на успешное завершение освободительной борьбы с Турцией.

При ограниченном количестве пригодной для возделывания земли в Черногории не было условий для создания крупных землевладений. Племенные старейшины владели земельной собственностью в 10—40 рал земли и несколькими десятками кос луга. Но главным их богатством являлся скот. Владея несколькими сотнями голов мелкого рогатого скота, старейшины имели большие возможности по сравнению с остальным крестьянством в использовании племенных и общинных пастбищ.

В XIX в. происходил процесс постепенного обогащения старейшин путем торговли и ростовщичества. Кроме того, в целях наживы они использовали свое положение: получали право на торговлю отдельными товарами, поставки хлеба, соли и ряд льгот. Таким путем в Черногории возникла группа привилегированных торговцев. Большой доход приносила торговля хлебом. В неурожайные годы торговцы продавали хлеб, закупленный в Приморье или Албании. Таким образом, в процессе развития товарно-денежных отношений происходило укрепление экономических позиций старейшин — увеличение их движимого и недвижимого имущества и накопление небольших капиталов.

В первую очередь митрополита поддержали те старейшины (воеводы, сердари и капетаны), которые занимались торговлей и были заинтересованы во внутривосточной стабильности и утверждении государственной независимости Черногории. По мере укрепления в стране централизованной власти они становились государственными чиновниками.

Вплоть до середины XIX в. старейшины из пограничных областей Черногории (Пиперы, Кучи и др.) в некоторых случаях выступали против создания в стране централизованной власти и были готовы сотрудничать с Турцией, с которой имели торговые связи. Турецкие власти, пользуясь этим обстоятельством, подкупали некоторых из них и тем самым добивались временного восстановления турецкого господства в пограничных областях Черногории⁸.

⁸ См. об этом: *Т. Никчевић*. Указ. соч.

В 30—50-е годы XIX в. господствующее положение в экономике захватили Петровичи: брат митрополита Петра II, председатель сената Перо Томов, его отец, Томо Марков, и их родственники, которые имели монополии на торговлю различными товарами.

Главным богатством Томо Маркова являлись земельные владения, которые он расширил за счет присоединения крестьянских участков. Об этом свидетельствует его завещание от 29 августа 1854 г. Томо Марков пожертвовал только на помин души различным церквям шестнадцать земельных владений своих должников (последние взяли у него под залог участков в долг около 261 талера⁹.

Воевода Перо Томов оставил наследникам капитал в 450 талеров¹⁰, нажитый им благодаря активной торгово-ростовщической деятельности. Используя свои родственные связи с митрополитом, он не только завладел монополией на торговлю рыбой и солью, но и препятствовал сделкам других торговцев. В его распоряжении имелись склады для хранения соли в различных местах Черногории, которую он продавал черногорцам и в соседнюю Герцеговину¹¹. Накопленные денежные средства Перо Томов ссужал в долг крестьянам за большие проценты.

Богатыми торговцами были также сердар Мило Мартинович, Стеван Перович, Цуца, Машан и Георгий Петровичи. После смерти митрополита Петра II они утратили свое привилегированное положение¹².

В середине XIX в. завершился процесс превращения Черногории в централизованное государство, окончательным актом которого было провозглашение ее в 1852 г. княжеством. В ходе укрепления централизованной власти было ликвидировано племенное самоуправление.

После преобразования Черногории в княжество руководство освободительным движением стала осуществлять государственная власть (князь и правительство) и оно приобрело более организованный характер.

⁹ Р. Драгићевић. Његошеви родитељи и браћа. «Историјски записи», књ. II, 1948, св. 1—2.

¹⁰ Там же, стр. 34.

¹¹ Т. Никчевић. Указ. соч., стр. 142.

¹² М. Буровић. Трговачки капитал у Црној Гори у другој половини XIX и почетком XX вијека. Цетиње, 1958, стр. 59—60.

С середины XIX в. господствующее положение в экономике захватил председатель черногорского сената воевода Мирко Петрович, брат князя Данилы (1851—1860) и отец князя Николая (1860—1918). Воевода владел многими мельницами в Риеке, которые приносили ему большие доходы, и торговал хлебом¹³. С приходом к власти князя Николая Мирко Петрович стал играть видную роль и в управлении страной. Используя свои служебные и родственные связи, он начал широкую торговлю зерном, присылавшимся в Черногорию в качестве помощи из других стран. На спекуляции хлебом наживал огромные барыши и сам князь Николай. В 1862 г. воевода Мирко Петрович распродал по 14 цванцигеров (3 руб. серебром) за пуд хлеб, купленный за счет пожертвований (большой частью из России)¹⁴. Русский консул в Дубровнике К. Петкович подсчитал, что продажа хлеба принесла князю доход, за вычетом расходов по транспортировке, до 15 тыс. червонцев¹⁵. Хотя самоуправство и корыстолюбие Мирко Петровича неоднократно вызывали недовольство народа, он пользовался большим авторитетом среди черногорцев благодаря своим воинским способностям, мужеству и самоотверженности. Упомянутый нами консул Петкович дал высокую оценку командирским качествам воеводы, проявленным им во время черногорско-турецкой войны 1862 г.

Наряду с обогащением старейшин в Черногории происходил рост торговой буржуазии. Она также занималась продажей скота, рыбы и различных сельскохозяйственных продуктов, поставляла хлеб и соль, стараясь завладеть контрактами на откупы и сделки. Многие ограничения, существовавшие в Черногории, тормозили развитие свободной торговли и, чтобы обойти их, некоторые торговцы заключали договоры о поставке товаров со старейшинами¹⁶. Так, на почве развития товарно-денежных отношений происходило сближение интересов некоторых представителей господствующего класса, связанных с рынком, с нарождавшейся торговой буржуазией.

¹³ М. Буровић. Трговачки капитал у Црној Гори, стр. 61—62.

¹⁴ АВПР, ф. Главный архив, V — А₂, д. 248, лл. 108—108/об.

¹⁵ АВПР, ф. Главный архив, V — А₂, д. 726, лл. 193 об, 244 об.

¹⁶ Т. Никчевић. Указ. соч., стр. 201; М. Буровић. Трговачки капитал у Црној Гори, стр. 62—64; он же. Црногорске финансије. 1860—1915. Титоград, 1960, стр. 52—53, 55.

Немногочисленная торговая буржуазия пока еще не осознала своих классовых интересов. Она поддерживала внешнеполитические устремления династии Петровичей и старейшин, направленные на то, чтобы добиться международного признания независимости Черногории, расширения ее территории и выхода на Адриатику. Только после присоединения к Черногории плодородных земель с городами, где были развиты ремесло и торговля, и части прибрежной полосы Адриатического моря (1878 г.), начавшееся в ней развитие капиталистических отношений ускорило формирование классов буржуазного общества. Черногорская буржуазия выдвинула свою национальную программу только в начале XX в. (программа так называемой Народной партии, 1907 г.).

Черногорское крестьянство было кровно заинтересовано в борьбе с Турцией. Основная масса его являлась юридически свободными общинниками, за исключением небольшого числа зависимых крестьян на монастырских землях. Крестьяне владели мизерными клочками земли в 1—3 рала (0,18—0,5 га) и небольшим количеством мелкого рогатого скота (1—20 овец).

Личная свобода и право частной собственности на землю, хотя и осуществленная в минимальных размерах из-за недостатка земли в стране, были завоеваны черногорцами в ходе освободительной борьбы с Турцией. Этот процесс завершился раньше лишь в центральных районах Черногории, где завоевание фактической независимости привело лишь к ликвидации уплаты дани. Более коренная ломка старых социальных устоев была совершена в Брде (часть Герцеговины), в которой при турецком господстве существовали феодально-зависимые отношения. После объединения Брды с Черногорией (окончательно вся территория вошла в ее состав в 1820 г.) землевладения турецких феодалов перешли в собственность крестьян (чифчиев), обрабатывавших эти земли.

Крестьяне в Черногории платили только государственные налоги. Налогообложение было введено в 1798 г. митрополитом Петром I Петровичем (с каждого дома по 60 динаров)¹⁷. Однако в условиях межплеменной раздробленности государственные органы сначала не смогли обеспечить их регулярного сбора.

¹⁷ Б. Павићевић. Указ. соч., стр. 143,

С созданием государственного аппарата стало возможным осуществить налогообложение всего населения. В 1853 г. был установлен подоходный налог (дация) на движимую и недвижимую собственность, который регулярно платили все черногорцы¹⁸.

В 1855 г. был принят свод законов, который ввел некоторые нормы буржуазного права — равенство граждан перед законом и охрану государством частной собственности¹⁹.

В сравнении с черногорцами значительно тяжелее было положение соседнего сербского населения, находившегося в составе Боснийского и Шкодринского санджаков. В противоположность Черногории с ее крайне бесплодной почвой эти области располагали значительным количеством плодородных земель, которые, однако, в своем большинстве были захвачены мусульманскими землевладельцами. Значительная часть христианского населения находилась в феодальной зависимости и подвергалась жестокой эксплуатации со стороны землевладельцев и турецких чиновников²⁰.

Налогообложение в Турции было распределено таким образом, что всей своей тяжестью ложилось на христианское население. После уплаты всех прямых и косвенных налогов у крестьян оставалась незначительная часть урожая, за счет которой они должны были содержать себя и свою семью²¹.

В несколько лучшем положении было население юго-восточных и восточных округов Герцеговины, территория которых стала в 50—начале 60-х годов XIX в. центром антитурецких восстаний. Население этих округов, почти сплошь состоявшее из христиан, владело земельной собственностью. Свое право на землю герцеговинцы отстаивали с оружием в руках при поддержке черногорского народа²².

¹⁸ См.: М. Буровић. Црногорске финансије, стр. 23.

¹⁹ См.: «Законик Данийла првог князя и господара слободне Црне Горе и Брдах установлен 1855 године на Цетиње». Нови-Сад, 1855, стр. 5.

²⁰ См.: В. Н. Кондратьева. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60—70-е годы XIX в.). М., 1971; И. Г. Сенкевич. Албания в период Восточного кризиса (1875—1881). М., 1965, стр. 37—41.

²¹ См.: В. Н. Кондратьева. Указ. соч., прилож. 1, стр. 208.

²² Там же, стр. 203.

Под действием развивавшихся товарно-денежных отношений в Черногории происходили социально-экономические сдвиги, проявившиеся особенно отчетливо в 70-е годы XIX в. Помимо отмирания родовых пережитков они нашли свое выражение в зарождении буржуазных отношений и в дальнейшем расслоении крестьянства.

К этому времени население увеличилось на 40—50 тыс. человек, а территория оставалась в прежних размерах. В связи с этим ухудшилось его материальное положение, так как поземельная собственность постепенно дробилась на отдельные участки и крестьянам стало еще труднее прокормить свои семьи.

В 70-е годы в Катунской нахии богатые крестьяне имели в собственности от 10 до 20 рал пахотной земли; 15—20 кос луга, 50—300 овец и 15—20 волов и коров а сельская беднота — 1—3 рала земли, $\frac{1}{2}$ косы луга, 1—20 овец и одну или несколько голов крупного рогатого скота²³. Часть крестьян совсем не имела земли. Этот процесс еще более резко обозначился в относительно развитых областях Черногории (Рекская нахия, Белопавличи).

Бедственное положение народа отметил и русский консул Петкович, который сообщал в Петербург, что большая часть черногорцев доведена до крайней нищеты из-за постоянных неурожаев и государственных поборов в виде податей, пошлин, штрафов и т. п. Крестьяне должны были уплачивать поземельный налог и таможенные пошлины за продажу своих продуктов и покупку товаров²⁴.

Вследствие непосильного налогового обложения многие семьи, чтобы погасить задолженность, были вынуждены продавать свои земельные участки. Ввиду отсутствия спроса на рабочую силу в стране, обезземелившееся крестьянство эмигрировало за границу. В поисках заработка в 70-е годы XIX в. из Черногории уезжало ежегодно по 2—3 тыс. человек. Черногорцы находились на заработках в Стамбуле, участвовали в строительстве Суэцкого канала, выезжали в Сербию,

²³ См.: Б. Павићевић. Указ. соч., стр. 340—341.

²⁴ АВВР, ф. Посольство в Константинополе, 1865—1866 г., д. 2130, л. 160.

Россию, Болгарию, Грецию, Румынию и даже Америку. Крестьяне стали основной движущей силой освободительного движения. Они надеялись, что успешное завершение борьбы с Турцией будет способствовать разрешению аграрного вопроса.

Только в результате освободительной войны с Турцией (1875—1878 гг.) при поддержке России Черногории удалось частично добиться осуществления своих внешнеполитических требований и улучшить свое экономическое положение. После присоединения плодородных земель с городами Подгорица, Никшич, Колашин, Бар и Улцинь в стране возникли более благоприятные условия для развития капиталистических отношений. Увеличение почти в два раза пахотных земель сделало возможным большей части населения заниматься земледелием.

В. Н. Виноградов

УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РУМЫНИИ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

13 (25) сентября 1848 г. турецкие войска Осман-паши ворвались в Бухарест. Буржуазно-демократическая революция в Валахии была задущена. Те из ее участников, которым удалось избежать расправы, бежали за границу.

Революция 1848 г. в Дунайских княжествах осталась незавершенной. Ни одна из стоявших перед ней задач, ни одно из требований буржуазии, даже самое скромное, даже самое умеренное, не было претворено в жизнь. По конвенции в Балта-Лимане, заключенной между царским и султанским правительствами в мае 1849 г., автономия княжеств была нарушена. Им навязали князей по выбору дворов. Царские уполномоченные, напуганные событиями 1848 г., пожертвовали значительной долей автономных прав княжеств, завоеванных при решающей помощи России, и пошли на укрепление в них влияния султана.

В Яссах и Бухаресте воцарилась реакция. Все государственные посты заняли представители консервативного боярства; была введена строжайшая цензура, выступления крестьян против барщины свирепо подавлялись.

Но все же вычеркнуть из памяти и из истории 1848 год и оставить все по-старому не удалось. Не мог долго держаться строй без сколько-нибудь прочной социальной опоры, иностранные штыки были бессильны приостановить разложение феодальных отношений. Местные реакционеры и их высокие покровители в Стамбуле и Петербурге жестоко ошибались, воображая, что надолго искоренили «крамолу». Наступивший после 1848 г. период не был временем общественного застоя в княжествах. Все классы, прослойки и группировки сознательно или неосознанно обобщали опыт неудавшейся революции и старались извлечь из него уроки.

Два комплекса тесно связанных между собой проблем заняли доминирующее положение в истории Румынии на несколько десятилетий. Один из них был связан с необходимостью объединения Дунайских княжеств, создания единого румынского государства и завоевания национальной независимости; другой — с проведением буржуазных социально-экономических и политических преобразований.

После 1848 г. очевидной стала пагубность продолжающегося раздельного существования княжеств. Потребности экономического развития, необходимость расширения рынка, борьба против феодальной реакции в самих княжествах, противодействие явно проявлявшемуся стремлению Турции подчинить себе Молдову и Валахию и сохранить в них старые порядки требовали объединенных усилий двух государств.

Завещанные 1848 г. задачи буржуазных преобразований предстояло осуществить в новых условиях и новых формах.

Объединение Дунайских княжеств, образование единого румынского государства — вот лозунг, который зрел и креп в те годы среди самых широких кругов молдавано-валахской общественности. Его осуществление привело бы к созданию на Юго-Востоке Европы сравнительно крупной страны, способной оказать серьезное сопротивление давлению внешней реакции, восстановить и рас-

ширить автономию княжеств, а в дальнейшем поставить вопрос о полной государственной независимости.

Никто не представлял унию как механическое слияние двух существовавших порознь безнадежно отсталых феодальных государств. Все понимали, что на другой день после объединения и даже в ходе борьбы за него встанут большие задачи по преобразованию хозяйственного и политического строя, по проведению социальных, политических и административных реформ.

Крестьянство связывало объединение с решением аграрного вопроса и наделением земель.

Вопрос о земле был той осью, вокруг которой вращалось все остальное. Аграрная проблема нависла над планами экономических и социальных преобразований. Она незримо присутствовала на политических совещаниях, повестка дня которых, казалось, не имела с ней ничего общего. От времени и способа ее решения зависла расстановка сил в ходе борьбы за объединение. Сам способ этого объединения — пойдет ли оно путем революционно-демократического движения «снизу» или дело ограничится верхушечными комбинациями, зыбкими дипломатическими маневрами, стремлением заручиться благосклонностью той или иной державы зависел от позиции буржуазии, естественного руководителя движения, от ее решимости посягнуть на феодальные основы собственности и государства в княжествах, от ее готовности пойти навстречу требованиям народных масс и опереться на них.

Румынская буржуазия без колебаний повернулась к народу спиной и пошла на сделку с феодалами-помещиками. 1848 год явился своего рода репетицией при выработке генеральной линии румынского капитала на целое столетие. Размах выступлений крестьянства и городских низов, их стремление осуществить свои требования отшатнули от них буржуазию и усилили ее тягу к союзу с мелким и средним боярством на почве умеренных реформ.

Промышленная буржуазия — наиболее решительный противник феодализма — в княжествах только зарождалась. Тон в буржуазных кругах задавали торговцы, тесно связанные с помещичьим землевладением. Значительную и даже преобладающую прослойку в руководстве движением за объединение составляли мелкие и

средние бояре, убедившиеся в невыгодности стародедовских форм и методов хозяйства, но цеплявшиеся за каждый гектар «своей» земли.

Эмигранты из Молдовы и Валахии прибыли в Западную Европу, окруженные ореолом революционеров, хотя в действительности участие в событиях 1848 г. явилось для многих из них первым и последним революционным актом. Ион Страт, один из этих молодых изгнанников, с жаром протестовал против попыток представить его и его товарищей потрясателями основ «с томиком Прудона в кармане и революционными идеями в голове». «Это бесцельная клевета,— восклицал Страт.— Все это люди чести, вынужденные покинуть свою страну, ибо хотели, чтобы закон пришел на смену феодальной системе... Так называемые революционеры не были революционерами в том смысле, который придают этому слову в большинстве стран Европы. Их требования не выходили за рамки самых скромных условий, существующих в каждом государстве, где закон не является химерой, а положение, когда все перевернуто вверх дном, не составляет нормального порядка вещей»¹.

Революционность румынской буржуазии завяла, не успев расцвести. «Конно, людно и оружно» она переходит в лагерь реформаторов, да и тут держится осторожно: как бы не переступить грань, не ущемить чрезмерно помещичьи интересы, не перечеркнуть наметившиеся контуры сделки с ними. С этой позиции она подходила и к вопросу об объединении Молдавского и Валашского княжеств, о создании единого румынского государства!

* * *

С началом Крымской войны возникли реальные условия для объединения княжеств. Конфликт между державами, подавившими здесь в 1848 г. революционное движение, в который оказалась втянутой половина Европы, резко повысил шансы унионистов. Но в их среде после того как сошел в могилу революционный демократ Николае Бэлческу, не осталось ни одного человека, которого можно было бы назвать последовательным сторонником объединения Румынии «снизу». Союз с револю-

¹ *I. Strat. Un coup d'oeil sur la question roumain. Paris, 1858, p. 12.*

ционными народами при возможном использовании противоречий держав в качестве вспомогательного средства — так мыслил развитие событий Бэлческу. Либералы поставили на первое место союз с правительствами некоторых держав при использовании энергии народных масс, их стремления к объединению и начисто устранили сотрудничество с революционными народами. Они поспешили объявить о своей готовности служить стражем «западной цивилизации» на Юго-Востоке Европы, благо имелся самый что ни на есть благовидный предлог: они подражались на борьбу с агрессивным и хищным царизмом.

Надо сказать, что хвала «бескорыстию» западных держав и восторженная оценка будто бы обуревавшей их страсти к насаждению демократии в отдаленных балканских углах были демагогией чистейшей воды. Валашские эмигранты немало прожили в Париже и Лондоне, ознакомились с изнанкой «западного образа жизни» и слишком долго терлись в дипломатических прихожих, чтобы верить в «высокие идеалы», вдохновлявшие их собеседников. Поэтому в документах, предназначенных не для «публики», а для узкого круга посвященных, они изъяснялись с полной откровенностью: «Без заинтересованности,— писал Н. Голеску,— никто сейчас не поможет». «Если смотреть без иллюзий», следует признать, что Англия никогда не делала ни шагу без материальной выгоды и вступила в Крымскую войну, чтобы обеспечить свои владения в Индии и «открыть Черное море для своей торговли». Что касается Франции, то она воюет потому, что «ее государь счел нужным укрепить свой трон»². Кое-кто из унионистов не гнушался предложением помощи турецким властителям в подавлении национально-освободительного движения южных славян³.

Так вырисовывались основные черты стратегии и тактики румынской буржуазии и связанных с нею помещиков. Они заключались в следующем: отказ от объединения «снизу», опираясь на народ; поиски компромисса

² G. Fotino. Din vremea renașterii naționale a Țării Românești. Boerii Golești, v. IV. București, 1939, p. 128—129.

³ «Acte și documente relative la istoria renașterii României», ool. III. București, 1889, p. 6.

с феодалами. Стремление избежать революционной ломки феодальных отношений вело к сделке с боярами на основе приемлемой для последних, а стало быть, половинчатой и тяжелой для крестьян аграрной реформы.

Во внешнеполитическом плане — отказ от сотрудничества с революционными народами, расчет на использование разногласий между европейскими монархиями и поддержку некоторых из них.

Политическое устройство будущего государства не служило в то время предметом детального обсуждения. Сторонники либерального направления явно избегали возможных трений. Но поправение румынской буржуазии сказывалось в отречении от республиканских идеалов. Теперь она грезил наследственной монархией, и выборный принцип всячески ею поносился: он-де препятствовал бы консолидации и развитию страны, питал бы «партийный дух», способствовал бы коррупции, затруднял исполнение законов, увековечил бы неустойчивость, похоронил идею власти, породил всеобщее недоверие⁴.

Внешнеполитическая история борьбы за объединение достаточно хорошо известна. Здесь уместно сказать, что унионисты имели возможность опираться на поддержку двух держав, подходивших к вопросу с разных точек зрения. У них оказался такой ценный союзник, как опытная, хорошо знавшая обстановку на Балканах и руководимая тогда крупным политическим деятелем А. М. Горчаковым русская дипломатия. Отношения русских консулов с унионистами были сложными. Стороны питали друг к другу сильнейшую антипатию. Но трезвый анализ обстановки, понимание того, что методы нажима и военных вторжений, практиковавшиеся в 1848 г., провалились, боязнь потерять свое влияние на Балканах в пользу Австрии и Турции заставили русскую дипломатию переступить через политические предубеждения и вернуться к старой и в общем оправдавшей себя политике поддержки христианских народов, подвластных Турции...

Другим союзником унионистов оказалась наполеоновская Франция, преследовавшая в княжествах сразу две

⁴ «Acte și dokumente relative...», p. 215.

цели: укрепиться здесь экономически и политически и потеснить как бывших союзников по Крымской войне, так и царскую Россию.

Русские представители сражались знакомым им оружием. Их усилия направлялись на то, чтобы в максимальной степени оградить автономию Молдовы и Валахии от посягательств Турции, Австрии и стоявшего за их спиной Сен-Джемского кабинета. В этом они преуспели. Они добились вывода с территории Дунайских княжеств австрийских и турецких войск. Нечего и говорить, что эта умело проведенная дипломатическая операция подрывала влияние двух самых упорных внешних противников объединения.

Международная обстановка благоприятствовала унионистам. Пресловутый «европейский концерт» раздирался противоречиями. О силе царивших в нем разногласий можно судить по тому, что летом 1857 г. посланники России, Франции, Пруссии и Сардинии в Стамбуле затребовали свои паспорта. Четыре державы стояли на грани разрыва дипломатических отношений с Османской империей.

Политика России и Франции позволила избежать открытого вмешательства враждебных объединению княжеств держав в пользу их сепарации. С помощью продуманной акции — избрания на престолы сперва в Молдавском, а затем в Валашском княжествах одного и того же лица — полковника Александра Иона Кузы унионистам удалось заложить в январе 1859 г. основы единого румынского государства. Через два с небольшим года объединение стало полным.

Одновременно с борьбой за унию шел сложный процесс консолидации буржуазно-помещичьих сил, не обходившийся без столкновений, маневров, трений, но неизменно заканчивавшийся компромиссом. Воспользовавшись «миролюбием» буржуазии, ее готовностью к сделке, бояре настояли на почти полном исключении социальных вопросов из программы движения, ослабив тем самым, но не подорвав его притягательную силу в глазах крестьянства и городских низов. Принятые двумя чрезвычайными собраниями в Яссах и Бухаресте в 1857 г. почти идентичные пожелания насчет будущего государственного устройства княжеств включали следующие пункты: уважение прав княжеств, в особенности их ав-

тономии; объединение Молдовы и Валахии в одно государство под названием Румыния; установление наследственной монархии с приглашением на престол иностранного принца; провозглашение постоянного нейтралитета; предоставление законодательной власти народному собранию⁵.

Здесь прежде всего надо отметить отказ румынской буржуазии от былых республиканских увлечений и прочих «крайностей». Она с обидой отрещивалась от возводимой на нее «клеветы» в приверженности революционным принципам. Хурмузаки говорил: «Противники наши называют нас революционерами, ибо мы не хотим увековечивать нынешнее положение вещей. А что это означает? Что мы должны увековечить? Деморализацию, коррупцию, nepotизм, бесстыдные пороки?... Мы требуем объединения, ибо объединение обеспечивает безопасность, безопасность приводит к доверию, доверие воодушевляет и двигает вперед торговлю и цивилизацию»⁶.

Второе, на что следует обратить внимание,— это явное стремление отложить решение и даже обсуждение самых жгучих социально-экономических вопросов. Присмилел даже пугавший раньше своим экстремизмом республиканец и радикал К. А. Росетти, старавшийся идти «в ногу» со всей умеренной буржуазно-помещичьей ротой. «В политике,— писал он тогда,— как и в земледелии, сперва надо вспахать, затем засеять и лишь потом собирать урожай...»⁷ Сказано хоть и аллегорично, но вполне ясно: автор опасался внутренних потрясений и твердо стоял на реформистских позициях, не слишком торопя ход реформ.

Но разногласия, загонявшиеся внутрь в годы борьбы, неминуемо должны были всплыть на поверхность, когда на карте появилось новое государство — Румыния. В центре всей экономической, политической и социальной жизни на несколько лет встал один вопрос — аграрный.

Мера терпения румынской деревни была исчерпана до конца. Участились случаи отказа работать на помещика, тайной порубки лесов, нарушения границ участ-

⁵ См.: «Acte și documente relative la istoria renașterii României», vol. VI, pt. 1. București, 1890, p. 68; pt. 2, p. 22—34.

⁶ Там же, ч. 1, стр. 72.

⁷ С. А. Rosetti. Gînditorul. Omul. București, 1969, p. 240.

ков, поджогов боярского имущества. В январе 1862 г. вспыхнуло крупное восстание в окружавших Бухарест селах.

С точки зрения либералов, массы, сделав свое дело, сыграв свою роль в процессе объединения княжеств, должны были удалиться со сцены. В их поддержке больше не было нужды. Их вмешательство могло лишь затруднить достижение договоренности с консерваторами-помещиками.

И если обсуждение аграрного вопроса даже в этой обстановке вылилось в серию ожесточенных столкновений, то это объяснялось упрямством консервативных помещичьих группировок, не желавших создавать маломальски сносные условия для капиталистического предпринимательства. Суть представленного правительством летом 1862 г. проекта можно охарактеризовать коротко: «освободить» крестьян от земли, превратить их в целиком зависящих от помещиков арендаторов. Правда, провести до конца эту линию они не решились: землевладелец за выкуп должен был предоставить общине землю из расчета от 0,75 до 1,5 га на семью⁸. Но эта уступка не меняла сущности грабительского для крестьян проекта.

Крупнейший представитель буржуазно-демократического течения в Румынии в эпоху объединения Михаил Когэлничану, понимая экономическую пагубность и социальную опасность задуманного ограбления крестьян, дал консерваторам бой. Приведем отрывки из его знаменитой речи, произнесенной 25 мая 1862 г.

Когэлничану заверил слушателей, что и не помышляет о каких-то крайностях в аграрном вопросе, а придерживается умеренных взглядов: «Я требую для наших крестьян,— сказал он,—... того, что император Александр II и русское дворянство сделали для рабов, для крепостных. Вы не можете сказать, что вас толкают на проведение коммунистических или социалистических мер; от вас добиваются решения, подобного тому, что было принято в самом консервативном государстве Европы». От уговоров оратор перешел к запугиванию. «Собственность,— втолковывал он в головы упрямым ретроgrадам,— лишь там пользуется уважением, только там

⁸ «Istoria României», v. IV. București, 1964, p. 344—347.

обеспечена, где у нее имеется много защитников, где помещики проявляют достаточно патриотизма и ума, чтобы лично возглавить проведение реформы, сделать уступки, необходимые для блага страны; иначе произойдет ужасная катастрофа, первой жертвой которой станут они же». Оратор категорически выступил против намерения лишить крестьян земли как акта «деспотического и чреватого беспорядками»⁹.

Откровеннее не скажешь. Нужны реформы «сверху», чтобы избежать революции «снизу». Когэлничану исчерпал весь возможный запас аргументов. Он взывал к справедливости оппонентов, к здравому смыслу, классовому благоразумию, уговаривал их и пугал. Все было напрасно. Его доводы не подействовали.

Князь Куза, понимая, что принятую консерваторами, с позволения сказать, реформу можно навязать деревне только силой, призвал к власти Когэлничану и, столкнувшись с упрямым сопротивлением реакции, решился на государственный переворот (май 1864 г.). Только таким путем удалось провести по сути своей половинчатую и умеренную аграрную реформу 1864 г. Два реформатора-помещика, Когэлничану и Куза, учли при этом в полной мере интересы крупных землевладельцев. Наделение производилось в первую очередь за счет государственных фондов. У помещиков отрезали всего 1,2 млн. га или менее четверти принадлежавшей им земли. Крестьяне были разбиты на три категории в зависимости от количества имевшегося у них скота. Лишь зажиточные крестьяне, имевшие 4-х быков, получили (за выкуп) участки, достаточные для развертывания собственного хозяйства (до 5,5—7,3 га в зависимости от места); те, кто имел двух быков, получили столько, что должны были арендовать дополнительно несколько полос (до 4,4 га); бедняки, лишенные рабочего скота, — и совсем недостаточно (по 2,9 га). 60 тыс. семей приобретали лишь приусадебные участки. О 108 тыс. крестьян вообще «забыли» — они не получили ничего¹⁰.

Реформа дала известный простор развитию капиталистических отношений. О том свидетельствовали рост

⁹ М. Когэлницеану. Texte social-politice alese. București, 1967, p. 241—262.

¹⁰ Н. П. Фролов. Аграрные отношения в буржуазно-помещичьей Румынии. Кишинёв, 1958, стр. 34.

обрабатываемых площадей, усилившееся расслоение крестьянства, увеличение числа сельскохозяйственных рабочих, хоть и медленный, но несомненный подъем промышленности, рост городов.

Но малоземелье, превратившееся в хроническую болезнь румынской деревни, привязывало крестьянина к своему бывшему боярину. Он должен был арендовать у него землю либо наниматься обрабатывать помещичье поле. В обоих случаях работа велась не только руками крестьянина, но и с помощью его инвентаря и рабочего скота. В Румынии получила распространение та отработочная система, которая, по характеристике В. И. Ленина, являлась «подновленным, подкрашенным, перелицованным крепостническим хозяйством»¹¹. Развитие капитализма в румынской деревне пошло по одному из самых тяжелых для крестьянства вариантов «прусского пути».

Как же относилась к этим процессам румынская буржуазия?

Политические события говорят об этом вполне определенно.

В ночь на 12 февраля 1866 г. толпа заговорщиков ворвалась в спальню князя А. И. Кузы и заставила его подписать акт об отречении. В заговоре участвовали как консервативные, так и либеральные и радикальные группировки. Недовольство последних объяснялось неразберихой и казнокрадством в государственном аппарате, тяжестью налогов, взимаемых с мелкой и средней буржуазии, многочисленными нарушениями гражданских свобод и склонностью князя к установлению режима личной власти.

Современники нарекли группировку, свергшую Кузу с престола, «чудовищной коалицией». Им казалось странным и неестественным объединение тех, кто за полтора десятилетия до этого противостоял друг другу.

На самом деле создание коалиции было внешним проявлением вполне закономерного процесса — оформления в Румынии блока буржуазии и помещиков для сохранения и укрепления своего классового господства.

Господствовавший в Румынии экономический и общественно-политический строй по праву именуют буржуазно-помещичьим.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 131,

Союз буржуазии с потерпевшими поражение силами феодализма — не исключение, а скорее правило в истории. В. И. Ленин писал об этом: «Буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции; чтобы эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самостоятельности, инициативы и энергии простонародья, т. е. крестьянства и особенно рабочих...»¹².

История свидетельствует о глубоком «внимании», которое буржуа проявлял к своему «брату во собственности», помещику. Пионерами их союза выступили британские капиталисты. Почти двести лет после революции XVII в. британская буржуазия управляла экономикой, а земельная аристократия вершила политику. Вплоть до 1832 г., когда предприниматели и купцы выступили против «гнилых местечек», парламент, дипломатия, армия находились в руках титулованных и нетитулованных лендлордов. Звон тогда еще полновесных гиней отвлекал торговцев от мыслей о политической власти.

Но британская аристократия управляла в интересах буржуазии. Более того, она сблизилась и слилась с буржуазией в главном — в способе производства. Через полтора века после революции английское крестьянство исчезло с лица земли, распавшись на предпринимателей-фермеров и сельскохозяйственных рабочих.

Самая решительная буржуазная группировка, известная истории, — французские якобинцы — не посягнула на земли помещиков. «Гильотины веселый нож» отхватил тысячи голов дворян, но не за их социальную принадлежность, а за политическую деятельность. Перед принципом «священной и неприкосновенной» помещицкой частной собственности склонились знамена с гордым призывом к свободе, равенству и братству.

Немецкая буржуазия, взращенная у придворной кормушки и прусской казармы, готова была ползать на четвереньках перед «фонами и баронами». В. И. Ленин по праву охарактеризовал германский милитаризм как

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 38.

юнкерски-буржуазный — столь важные позиции в экономике, политике и армии сохранила за собой дворянская каста. Крайнее почтение к самодержавию с его обветшалыми институтами проявляла российская буржуазия.

В чем же тогда специфика союза буржуазии и помещиков в старой Румынии?

По-моему, в том, что для пореформенной Румынии более, чем для какой-либо страны, был характерен двойной процесс. Помещики хотя и очень медленно, но шли к капиталистическому производству, а буржуазия пятилась назад, приспособлялась и приспособилась к значительным пережиткам феодализма, сохранившимся в деревне. Румынские капиталисты далеко перешли за ту грань, которую можно назвать просто уступками или терпимостью к полуфеодалным явлениям. Они сжились с ними и научились извлекать выгоду из их сохранения: они эксплуатировали крестьянство не только с помощью рынка, не только прибегая к «ножницам цен», но и самым непосредственным образом — как землевладельцы. Румынский буржуа или был по происхождению помещиком, или, разбогатевав, становился им, покупая имение. Обладание поместьем давало не только изрядный доход, но и приносило тот вес в обществе, то социальное положение, которое одним банковским счетом приобрести было трудно. И «нувориши» наперегонки скупали земельные угодья. Так в Румынии образовалась та неразрывно связанная между собой общность интересов правящая верхушка, которая быстро приобрела название олигархии.

Дешевый отработочный труд глушил у помещиков интерес к поискам новых, капиталистических путей хозяйствования. Помещик владел землей и извлекал огромный доход, не затрачивая ни денег, ни умственной энергии. Зачем боярскому потомку было ломать голову над тем, где достать кредиты, чтобы обзавестись скотом и инвентарем, когда начиная с зимы в усадьбу являлись толпы крестьян и просили предоставить им в аренду землю или подряжались на работу на самых тяжелых условиях.

Это предопределило затянувшийся на многие десятилетия мучительно трудный для крестьян процесс изживания пережитков феодализма в сельском хозяйстве; это тормозило развитие промышленности; это вызывало к

жизни те уродливые явления в общественной и политической жизни, коими «прославились» Румынское королевство.

Все это не означало, что румынская буржуазия капитулировала перед полуфеодалами-помещиками. Румыния переходила на рельсы капиталистического развития, переходила бесповоротно, но столь медленно и трудно, что у современников порой рождалась мысль: а не топчется ли она на месте?

Малочисленность, слабость, хилость румынской буржуазии приводили к тому, что она вела наступление не по всему фронту, а на отдельных его участках, стремясь прежде всего сконцентрировать в своих руках более или менее значительные капиталы, развить по мере возможности промышленное производство, наладить кредитно-банковскую систему и приспособиться к феодальным пережиткам на других участках хозяйственной жизни, прежде всего в земледелии, хотя и здесь объективный ход развития приводил к тому, что ростки капитализма пробивались на поверхность.

Разумеется, сращивание помещиков и буржуазии в единую буржуазно-помещичью олигархию не происходило безболезненно и гладко. Но при всем значении поднимаемых вопросов борьба велась не вокруг направления общественно-политического развития и не о принципах государственного устройства. Эти вопросы были решены. Речь шла о темпах экономического роста и о способах завоевания государственной независимости. И борьба велась так, чтобы не обострять несомненно существовавшие между ними противоречия до степени, грозившей похоронить их союз.

* * *

Итак, подводя итоги, надо сказать, что в истории Румынии середины XIX в. доминировали две проблемы: национально-государственная, в результате решения которой на карте появилось единое Румынское государство, и тесно связанный с нею комплекс социально-экономических вопросов, главным из которых был аграрный. В ходе их решения в результате слабости революционно-демократических сил образовавшемуся буржуазно-помещичьему блоку удалось навязать стране свою схему решения основных социальных, экономических и полити-

ческих вопросов. Это оказало определяющее влияние на развитие Румынии на много десятилетий вперед. Корни последующих явлений лежат в бурной эпохе 50—60-х годов XIX в.

Румынская буржуазия, сомкнувшись с полуфеодалами, потеряла всякий интерес к демократическим преобразованиям, но не успела, да и не захотела менять свой идеологический багаж. Она щеголяла в сохранившихся со времен подъема павлиньих перьях конституционных принципов и показных свобод. В Румынии, писала социал-демократическая газета «Лупта зилникэ», «родились... шарлатанский либерализм и капитализм, уникальный по своему отталкивающему двуличию»¹³. Либеральная фраза сочеталась там с махровой реакцией на практике, с беспощадным подавлением рабочих и крестьян, с готовностью залить кровью города и села ради укрепления господства буржуазно-помещичьей олигархии. В условиях, когда основные прослойки буржуазии не помышляли о структурных изменениях в общественно-экономической и политической системе, на неокрепшие еще плечи румынского рабочего движения легла тяжесть борьбы не только за классовые интересы пролетариата, но и за демократизацию общественного строя.

Э. А. Джапаридзе

ЗАГОВОР Д. ФИЛИПЕСКУ

(Из предыстории революции 1848 г. в Валахии)

Во второй четверти XIX в. крупнейшей вехой в истории Дунайских княжеств явился Адрианопольский договор, завершивший русско-турецкую войну 1828—1829 гг. Договором были зафиксированы широкие автономные права Валашского и Молдавского княжеств, ликвидирована османская монополия на внешнюю торговлю. Богатейшие сельскохозяйственные районы оказались приобщенными к европейскому зерновому рынку, и в княже-

¹³ «Lupta zilnică», 27.XI 1915.

ствах наступил быстрый подъем сельскохозяйственного производства.

В 1831—1832 гг. в Валахии и Молдове были выработаны так называемые Органические регламенты — «конституции, положившие основу учреждениям современной Румынии»¹. Они ввели в княжествах принцип разделения власти, несколько упорядочили судебную и административную системы, санкционировали уничтожение внутренних таможен, определили некоторые меры покровительства местным предпринимателям. Все это дало толчок экономическому развитию княжеств. В 30—40-х годах наряду с быстрым подъемом сельского хозяйства начинает развиваться промышленное производство главным образом на ремесленной основе, что не могло не повлечь за собой и социальных изменений — стали быстро расти и обуржуазиваться такие категории населения, как ремесленники, мелкие служащие, торговцы и т. д.² 30-е годы явились временем интенсивного культурного развития. В княжествах происходит процесс становления румынского литературного языка, появляются первые газеты и журналы, начинает распространяться просвещение.

Все эти процессы развивались в упорном борении нового со старым, ибо Органические регламенты были глубоко противоречивыми по своей социальной сущности документами. Они, несомненно, давали какую-то возможность развитию новых, буржуазных отношений, но возможность малую и слабую. Иначе и быть не могло, если учитывать, что эти документы были выработаны при активном участии представителей крупных феодальных землевладельцев — великих бояр. Интересы боярской верхушки отражали аграрные разделы Органических регламентов, сохранившие в видоизмененной форме феодальную систему землевладения и землепользования, что позволило боярам вести дальнейшее наступление на крестьян. Это дало основание К. Марксу назвать Органические регламенты «кодексом барщинных работ»³.

¹ См.: А. *Ofetea*. *Geneza Regulamentului organic*. Studii și articole de istorie, v. II. București, 1957, p. 387.

² Об изменении социального состава городского населения — см.: D. *Berindei*. *Orașul București. Reședința și capitala Țării Românești (1459—1862)*. București, 1963.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 249.

Возможности развития сѣльского хозяйства на феодальной основе, вполне естественно, оказались ограниченными и исчерпали себя за какие-либо полтора-два десятка лет. Крестьянские выступления против барщины не прекращались.

Поэтому в Валахии и Молдове в 30-х — начале 40-х годов растет недовольство Органическими регламентами, причем носителями его являлись не только крестьяне и городская буржуазия, но и среднее и мелкое боярство, заинтересованное в переходе к более интенсивным и производительным формам земледелия на буржуазной основе.

Обстановка в княжествах осложнялась из-за распрей многочисленных политических группировок, находившихся в оппозиции к правлению крупных боярских сил. Так, бѳльшая часть среднего и мелкого боярства, выступая против привилегий крупного, одновременно работала за расширение своих привилегий. В ассамблее (совещательном собрании при господаре) также шла борьба между различными боярскими группировками. Правление господаря А. Гики ознаменовалось из ряда вон выходящими злоупотреблениями. Его родственники беззастенчиво грабили государственную казну, использовали занимаемые ими высокие посты для наживы. Это рождало всеобщее недовольство в стране.

В печати стали появляться статьи и памфлеты, направленные против правительства Ал. Гики. На формирование общественной мысли в княжествах заметное влияние оказали идеи Великой Французской революции, проникавшие различными путями: через непосредственное общение с революционными кругами, через литературу и демократическую прессу, которая имела широкое распространение в княжествах. Оживлению общественного движения способствовали французы, долгое время жившие в Валахии, — Ваян, Кольсон, Тавернье и др. Их статьи и книги по истории и культуре Молдовы и Валахии сыграли определенную роль в формировании общественного мнения.

Таков исторический фон заговора Дмитрия Филипеску.

Тайное общество в Валахии было создано в мае 1840 г. В общество принимались лица не моложе 18 лет. Вступая в общество, каждый приносил присягу хранить в

тайне принадлежность к нему и беспрекословно выполнять все приказы его руководителей. Организаторами и вдохновителями общества были: Д. Филипеску — молодой адвокат, доктор права⁴, Е. Мургу — философ, профессор права и логики в лицее св. Саввы в Бухаресте, француз Ваян, приехавший сюда в 1829 г. и много лет посвятивший изучению истории и культуры княжеств, профессор в лицее св. Саввы, Д. Македонский — бывший командир отряда во время восстания Тудора Владимиреску (1821 г.), в момент заговора — переводчик в карантинной канцелярии в Бухаресте, Н. Бэлческу — тогда юнкер валашской милиции, Марин Сергиеску и Сотир Цэрану — писари в казначействе, Константин Тележеску — землевладелец, бывший офицер, в момент заговора — землемер, Константин Баронеску — адвокат и землемер, Константин Пановский — помощник управляющего, профессор Брезояну и др. Основную часть членов общества составляли мелкие служащие государственных учреждений, офицеры. Есть сведения о том, что общество имело связи в Молдове и Трансильвании⁵.

Для характеристики уровня развития общественно-экономической мысли в княжествах документом исключительной важности является законопроект по аграрному вопросу, выработанный обществом Дмитрия Филипеску. Он определял размер земельного участка и условия, на которых крестьянин получал этот участок в наследственное владение. Участники заговора считали нужным заявить «крестьянам, вольным арендаторам о наследственном праве на участки, которыми они пользуются, и обязанности платить номинальному собственнику вместо обязательной отработочной ренты по денно или сдельно ренту в денежной стоимости, установленную раз и навсегда по образцу земель, сданных навечно долгосрочным договором, и основанную на действительной стоимости земли»⁶. На следствии Филипеску и его то-

⁴ Д. Филипеску — племянник председателя Высокого дивана Иордаке Филипеску, одного из влиятельных людей княжества и ярого врага господаря. Это родство позволило Ал. Гике в первые дни заговора заявить, что это заговор оппозиционных бояр.

⁵ I. Filiti. Turburări revoluționare în Țara Românească între anii 1840—1843. «Analele Academiei Române, 2 serie XXXIV, 1911—1912. București, 1912, p. 283.

⁶ N. Bălcescu. Opera, V. I, p. 53.

варищей обвинили в желании «уничтожить собственность». Это ни в коей степени не соответствовало действительности. Законность частной собственности не ставилась под сомнение участниками заговора. Они выступали не за ее отмену, а за уничтожение крупной собственности феодалов, за укрепление мелкой крестьянской собственности при личной свободе крестьянина.

Другой проблемой, решение которой должно было «удовлетворить желания и нужды народа», были изменения политического порядка. Руководители заговора исходили из того, что существующие законы не отвечают воле народа, покровительствуют боярам, которые присвоили себе право управлять государством. Заговорщики выступали против этой привилегии и выработали конституцию, содержащую ряд важных требований буржуазно-демократического характера.

В историю Румынии движение, возглавляемое Д. Филлипеску, вошло под названием заговора, что не соответствует его подлинному значению. Карбонарским, по мыслям его участников, заговор должен был быть только на начальном этапе. В дальнейшем заговорщики надеялись поднять на борьбу народные массы и превратить заговор в широкое народное движение. По словам И. Гики, общество рассчитывало сыграть «роль отважного человека и вызвать народное восстание в час, наиболее благоприятный с точки зрения международной ситуации»⁷.

Руководители общества рассчитывали в основном на поддержку сельского населения, особенно горных районов, где еще живы были воспоминания о восстании Тудора Владимиреску в 1821 г. О подготовке больших вооруженных отрядов в Бухаресте и в провинциях сообщала и иностранная пресса. Как отмечал С. Н. Палаузов, «почти все княжество принимает участие в заговоре»⁸. Подтверждение этому мы находим и в материалах следствия, в тех обвинениях, которые были выдвинуты против участников заговора («они хотели поднять весь народ», «их поддерживали низшие классы»). Много лет спустя Н. Бэлческу, оценивая события 1840 г., писал, что

⁷ Цит. по кн.: «Studii și materiale de istorie moderne», v. III, 1963, р. 190.

⁸ С. Н. Палаузов. Румынские господарства Валахия и Молдовия в историко-политическом отношении. СПб., 1859, стр. 297.

«национальная партия стремилась с помощью народа освободить народ».

Тактический план общества Филипеску заключался в следующем. Восстание должен был начать отряд из 500 человек, сосредоточенный недалеко от Бухареста. Это должно было послужить сигналом для выступлений в провинции. По одним сведениям, начало восстания приурочивалось ко времени, когда господаря не будет в столице, по другим — во время бала во дворце господаря или посещения им театра. Господарь и члены правительства должны были сразу же быть арестованы. Одновременно предполагалось обратиться к милиции с воззванием и предложить ей принести присягу «во имя румынской нации».

Но в ходе подготовки к выступлению были допущены серьезные просчеты. Руководители общества не сумели воспользоваться благоприятной внутренней обстановкой, искали поддержки среди сельского населения далеко от Бухареста и не обратились за помощью к населению столицы. Задумав применить повстанческую тактику, они не сумели вовремя поднять народные массы. Заговор был раскрыт, и в октябре 1840 г. начались массовые аресты. Процесс над участниками движения продолжался с 21 февраля по 9 апреля 1841 г. Его материалы в определенной мере помогают воссоздать программные установки общества.

Изучая материалы следствия, воспоминания современников, можно сделать вывод, что участники движения по-разному представляли будущее румынского государства. Одни видели его республикой, другие — монархией. Одни были за назначение нового господаря в лице И. Кымпиняну, другие предлагали договориться с господарем Ал. Гикой⁹. В обвинительном заключении было записано, что заговорщики хотели установить республиканское правительство, создать директорию из шести членов, президента и законодательный корпус. До нас не дошел текст конституции, разработанный руководителями общества, но она существовала. В обвинении, выдвинутом против участников движения, говорится, что они подготовили конституцию страны, «основанную на мнимых законах, выработанных ими». В конституции

⁹ I. Filitti. Указ. соч., стр. 259; G. Zane. Указ. соч.

провозглашалось равенство прав. «Заговорщики намеревались предоставить одинаковые права всем слоям общества. Они готовили революцию, чтобы каждый румын получил свои права»,— говорится в обвинительном заключении. Мы имеем, таким образом, дело с чисто буржуазным требованием уничтожения всех средневековых сословных привилегий.

В числе важных государственных проектов, выработанных обществом Дм. Филипеску, следует назвать проект создания новой, революционной армии, «армии народа». Существовавшая в Валахии милиция стояла на страже феодальных порядков. Солдат нового государства «должен служить народу и заступаться за него... В ссорах между народом и боярами место солдата — на стороне народа»,— говорилось в проекте¹⁰. В разработке этого проекта чувствуется влияние молодого Н. Бэлческу, который и в последующие годы отводил в своих трудах особую роль новой, революционной армии.

Объектом серьезной критики со стороны общества была и церковь — именно церковь во главе с митрополитом Неофитом, а не религия вообще, как это было записано в обвинительном заключении. «Церковь представляет социальную аномалию, образует государство в государстве. Она получает несколько миллионов дохода и ничего не вносит для улучшения общества. Богатство церкви резко контрастирует с нищетой крестьян»,— писал Д. Филипеску¹¹.

Валашское правительство полностью отдавало отчет в большом значении выдвинутой обществом Д. Филипеску программы и в опасности, которую таило для него движение. Поэтому для расследования дела господарь создал специальную комиссию, а для вынесения приговора — чрезвычайный трибунал из самых реакционных бояр. Согласно приговору от 11 апреля 1841 г., 10 человек были признаны виновными. Марин Сергиеску, Сотир Цэрану, Константин Тележеску, Гр. Радошану — были приговорены к 10 годам каторжных работ в соляных копиях, Д. Македонского (участника движения 1821 г., соратника Тудора Владимиреску), Константина Бароне-

¹⁰ G. Zane. Le mu man revolucioner de 1840. Bucurest, 1964, 91—92; АВПР, Ген. конс. в Бухаресте. Ясский катехизис.

¹¹ «Revue des études sud-est européennes», VII, 1970, N 1, p. 119.

ску, Константина Камарашеску, Д. Филипеску приговорили к 9 годам заключения в монастырь. Ефтимие Мургу, как австрийский подданный, был передан австрийским властям. Ваяну с помощью французского консула удалось бежать в Молдову, но обвинения, предъявленные ему, были очень серьезными, он был признан одним из руководителей общества, и ему навсегда был запрещен въезд в княжества. Ч. Боллиак был заключен в монастырь. Все военные участники заговора лишались званий. Македонский, Филипеску и Тележеску были исключены из списков боярства, а Филипеску лишился гражданских прав.

Заключенным было запрещено читать и писать, они были лишены свиданий и права переписки с родными. Чтобы воспрепятствовать их общению друг с другом, они были отправлены в разные тюрьмы — одни в арестный дом при префектуре полиции, другие — в комиссариаты кварталов или в центральную тюрьму. Н. Бэлческу содержался в тюрьме военного коменданта милиции. Особенно строго был изолирован Дм. Филипеску. Его перевозили из одной тюрьмы в другую, пока, наконец, не поместили в уголовную тюрьму.

Несмотря на это, комиссии по расследованию не удалось получить в свое распоряжение какие-либо важные документы заговорщиков, обнаружить оружие, боеприпасы, списки членов тайного общества, его устав. Не была доказана и связь членов общества со своими сторонниками в Молдове и Трансильвании, хотя правительству об этом было точно известно. Предполагалось, что эти связи осуществляли Мургу и Ваян. При обысках были найдены только проект прокламации, которая призывала народ к восстанию, черновик манифеста, перевод статей из французских газет, несколько запрещенных книг (например, Тувенеля «Венгрия и Валахия»). У Ч. Боллиака были найдены письма с критикой правительства, памфлет на митрополита и другие бумаги.

Заговор 1840 г. имел большой отзвук в стране¹². В 1842 г. господарь вынужден был смягчить приговор: несколько осужденных были помилованы, а другим уменьшено наказание. Руководитель движения Д. Филипеску умер через несколько дней после получения поми-

¹² АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, 1840, д. 640, лл. 164—165 об.

лования (он, как и большинство участников заговора, был помилован новым господарем Г. Бибеску в 1843 г.).

Заговор 1840 г., руководимый Д. Филипеску, занимает важное место в цепи событий, подготовивших революцию 1848 г. в княжествах. Он носил антифеодальный характер. Своей программой и социальным составом общество, руководимое Д. Филипеску, отличалось от всех предшествующих ему либеральных движений (движение И. Кымпиняну в Валахии, «конфедеративного» заговора Л. Раду в Молдове в 1839 г.). Последние состояли главным образом из бояр, заговор Филипеску поддерживали «низшие классы». Общество Д. Филипеску было первым, которое хотело сделать крестьянина свободным землевладельцем. Ни И. Кымпиняну, выразитель идей либерального боярства, ни Л. Раду не предполагали широкого народного движения, а хотели путем узкого заговора сменить господаря и несколько урезать права и привилегии крупного боярства. Движение 1840 г. выдвинуло программу гораздо более широких экономических и социальных преобразований, явно носивших буржуазный характер. Его связь с революцией 1848 г. в Валахии несомненна. Недаром после освобождения (акт о помиловании 21 февраля — 11 марта 1843 г.) группа участников заговора 1840 г. продолжала свою революционную деятельность. Среди активных участников революции 1848 г. мы встречаем Н. Бэлческу, Ч. Боллика, К. Тележеску, М. Сергиеску, Сотира, Брезояну и других.

И. И. Лещиловская

ХОРВАТСКИЙ ВОПРОС

В-ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ РЕВОЛЮЦИИ 1848 г.

Мартовская революция 1848 г. в Пеште обусловила серьезную перестройку социально-политической системы Венгерского королевства. Ломка феодальных отношений, введение парламентарного строя на основе народного представительства, провозглашение буржуазно-демократических свобод при всей ограниченности и компромисс-

ности мартовского законодательства Государственного собрания означали коренной поворот в историческом развитии многонациональной страны. В Венгрии, раньше чем в других областях монархии, был положен конец феодальной эксплуатации и было юридически закреплено установление буржуазной собственности на землю. Освобождение крестьян в Венгрии оказало революционизирующее влияние на трудящиеся массы многонациональной Австрийской империи.

Революция в Венгрии нанесла удар по всей системе государственного устройства реакционной Габсбургской монархии. Сам факт установления самостоятельности Венгрии означал победу принципа национального суверенитета над абсолютистским произволом и национальным бесправием. Возникновение самостоятельной буржуазной Венгрии было не только первым, но и самым серьезным шагом на пути разрушения реакционной Габсбургской монархии. Революционная Венгрия явилась важнейшим оплотом антигабсбургского лагеря и воплотила в себе самую значительную военно-политическую силу, противостоявшую феодально-абсолютистской имперской реакции.

Благодаря мартовским завоеваниям венгерского народа становился возможным развал Габсбургской монархии. Тем самым венгерская буржуазная революция подрывала систему государственно-политических отношений в Европе, установленную Венским конгрессом 1815 г. и охраняемую «Священным союзом» Романовых, Гогенцоллернов и Габсбургов.

«Национально-освободительное и революционно-демократическое восстание в Венгрии»¹ было составной частью общеевропейского революционного процесса и фактором, способствовавшим дальнейшему развитию демократического освободительного движения в Европе.

Объективное содержание и объективный смысл происходивших в Венгрии событий были столь глубоки и значительны, что их не могли подорвать, хотя и ослабляли, непоследовательность и компромиссность среднепоместного венгерского дворянства — руководящей силы венгерской буржуазной революции. Но диалектика истории была такова, что ограниченность венгерских рево-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 38.

люционеров, их классовая позиция в отношении невенгерских народов в значительной мере обусловили поражение революции и освободительной войны венгерского народа.

В Венгрии в 1848 г. ни одно из общественно-политических направлений, хотя исходные позиции их во внутринациональном вопросе были различны, не преодолело традиционных представлений о границах исторической Венгрии и не поднялось до признания прав невенгерских народов на самостоятельное национально-политическое развитие как залога единства антигабсбургского фронта. Во внутренней национальной политике венгерское правительство исходило из принципа территориального единства страны и супремации венгерского государственного языка при гражданском равноправии представителей всех национальностей и вероисповеданий². Позиция венгерских революционеров в отношении малых угнетенных народов была выражением социальной ограниченности носителей венгерской революции.

Хорватские средние слои, которые сами страдали под гнетом габсбургского абсолютизма и феодальных порядков, с пониманием приняли политическую сторону венгерской буржуазной революции. Ее освободительное содержание отвечало их общественно-политическим стремлениям, оформившимся задолго до 1848 г.

Революция открыла новую страницу в хорватско-венгерских отношениях. Ломка феодальных форм политической жизни означала ликвидацию старинных муниципальных прав Триединого королевства³, которые в предреволюционные годы в какой-то мере ограждали хорватов от мадьяризации и давления венгерского дворянства. В то же время мартовское законодательство Венгерского собрания, исходя из принципа целостности и территориально-политического единства страны, ничем не гарантировало самобытного развития хорватского народа. Л. Кошут, призывая 28 марта венгерское министерство договориться с хорватской стороной по национальному вопросу, выдвинул в качестве основы для со-

² Золтан И. Тот. Кошут и национальный вопрос в 1848—1849 гг. Будапешт, 1954, стр. 44; Дј. Шпира. Национална политика левице у пештанској револуцији марта 1848. «Зборник за историју», I. Нови-Сад, 1970, стр. 31, 32, 34.

³ Так именовались королевства Хорватии, Славонии и Далмации.

глашения общность правительства, единство законов и «равенство перед лицом свободы»⁴. О национально-политической самостоятельности хорватского народа в Венгрии никто и не помышлял. Хотя в исходивших из Венгрии обращениях к хорватам, официальных и неофициальных, не было недостатка в декларациях о свободе и братстве, правительство Л. Баттяни с самого начала заняло в отношении Загреба жесткую позицию.

В условиях революции хорватские либералы выдвинули буржуазный принцип свободы и равноправия не только граждан, но и народов. В первое время буржуазно-дворянские деятели, хотя они и задумывались над судьбами Австрийской империи, не имели четкой позиции и не ставили вопрос ни о ее реорганизации, ни об отношении Венгрии к Австрии и т. д. В центре их внимания были хорватско-венгерские отношения, и они представляли их себе как отношения равноправных союзников. Требование национально-политического равенства хорватов и венгров составляло основную мысль брошюры Ив. Мажуранича «Хорваты венграм», которая вышла в апреле 1848 г. и которой либералы придавали важное значение⁵. Это требование было справедливым с точки зрения права каждого народа на свободу. Но в сложных условиях 1848 г. существовала опасность использования имперской реакцией национального конфликта в Венгрии в своих интересах.

В 1848 г. хорватский вопрос как вопрос о национальных судьбах народа вышел за локальные рамки хорватско-венгерских взаимоотношений и стал частью конфликта Венгрии и Австрии.

После мартовских событий кабинет Л. Баттяни, удовлетворенный государственным положением страны, стоял на легитимистских позициях, стремясь к мирным отношениям Венгрии с Австрией. «Если я не ошибаюсь,— писал английский посол в Вене Понсонби министру иностранных дел Г. Д. Пальмерстону 12 мая,— венгерские министры сейчас чувствуют, что в их интересах поддерживать теснейшую связь с императором, а император

⁴ D. Rapant. Slovenské povstanie roku 1848—49. Dějiny a dokumenty, I. Turčianský Sv. Martin, 1937, str. 53, 54.

⁵ M. Živančević. Pisma Ivana Mažuranićabratu Antunu. «Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду», књ. V. Нови-Сад, 1960, стр. 230.

всячески заинтересован в том, чтобы поощрять это содружество»⁶.

К компромиссу с Австрией Венгрию склоняла также боязнь России и внутренних славянских движений. «Поддержка Австрии была бы очень кстати венграм», — констатировал Понсонби в связи со славянским вопросом⁷.

Желая сохранить стабильность в австро-венгерских отношениях, венгерское правительство стремилось разрешить хорватско-венгерский конфликт, к которому императорский двор проявлял большой интерес, легальным образом. В свою очередь кабинет Л. Баттани ставил лояльность Венгрии к Габсбургам, в которой так нуждалась обесиленная династия, в зависимость от решения хорватского вопроса.

Немаловажным обстоятельством, вынуждавшим венгерское правительство к соглашению с Хорватией, была сила и организованность хорватского национального движения, имевшего опору и в Военной Границе. Область военных поселений, где все проживающее мужское население от 16 до 60-летнего возраста было обязано нести военную службу, поставляла лучшие части для императорской армии. Однако пока отборные граничарские части находились на итальянском фронте, сама по себе Хорватия не представляла опасности для Венгрии.

Весьма существенное значение имела и традиция хорватской государственности. Хорватия и Славония, являясь составной частью Венгерского королевства, истари пользовались автономией, которая, однако, в XVIII в. Габсбургами была весьма урезана. Социальное же родство господствующих классов в Венгрии и Хорватии создавало возможность для венгеро-хорватского компромисса.

Указанные выше факторы заставили венгерское правительство пойти на некоторые уступки хорватам. 22 марта Кошут публично признал за Хорватией право пользования во внутренних делах национальным языком, настаивая на употреблении венгерского языка лишь в ее

⁶ «Korespondencija o događajima u Ugarskoj 1847—1849». «Starine», knj. XXXVI. U Zagrebu, 1918, str. 304. В начале мая венгерское правительство проявляло готовность предоставить в распоряжение двора 100 тыс. рекрутов (там же, стр. 289).

⁷ Там же, стр. 275.

сношениях с Венгрией⁸. 6 апреля Венгерское собрание утвердило прокламацию к Хорватии в этом духе⁹. Однако на другие хорватские области эта уступка не распространялась. Новое венгерское законодательство рассматривало Славонию и Приморье как интегральную часть Венгрии. Правительство добилось юридического присоединения Военной Границы к королевству и требовало возвращения Далмации, но это не означало подчинение их хорватским властям. Министерство Л. Батяни придерживалось традиционной политики административно-политического расщепления хорватской территории, игнорирования национального единства хорватского народа, отрицания национальных прав за весьма значительной частью хорватского населения.

Решения Народной скупщины (публичного собрания деятелей национального движения 25 марта в Загребе), выразившей отчетливое стремление к политической самостоятельности воссоединенных хорватских земель, а также назначение баном Елачича в обход венгерских властей подтолкнули правительство Венгрии к действиям. Елачич был вызван в Пешт, чтобы принять присягу перед палатином. Но бан приехать отказался¹⁰. На заседании кабинета 15 апреля Л. Кошут предложил сместить Елачича и назначить на должности в хорватские жупании мадьяронов, сторонников Хорвато-венгерской партии, придерживавшейся принципа изоляции Хорватии и Славонии от других хорватских земель и полного политического слияния их с Венгрией. Однако большинство венгерского правительства высказалось пока за умеренность в хорватском вопросе¹¹.

Елачич, полностью преданный династии, через близкого ко двору Кульмера, хорватского аристократа, а также из постоянной конфиденциальной переписки с братом императора, эрцгерцогом Францем-Карлом, знал о заинтересованности придворной камарильи противопоставить Хорватию революционной Венгрии. Этим определялась антивенгерская политическая линия Елачича. Хорватская общественность из иных, чем у двора, побуждений, тоже стремилась к отделению Хорватии от Венгрии.

⁸ Золтан И. Тот. Указ. соч., стр. 4.

⁹ D. Rapant. Slovenské povstanie..., str. 53.

¹⁰ См.: «Die Constitution», 6.V 1848, S. 600—601.

¹¹ Золтан И. Тот. Указ. соч., стр. 18.

Антагонизм в отношении Венгрии создавал возможность политического сотрудничества Елачича с хорватским либерально-консервативным блоком.

19 апреля бан издал циркуляр, запрещавший хорватским властям до созыва сабора подчиняться венгерскому правительству. Были прекращены также финансовые поступления в венгерскую казну: Тем самым Хорватия и Славония стали практически независимыми от Венгрии. Этот шаг Елачича вызвал восторг в либеральных кругах. «Бан полностью наш. Все благо от него, — писал в эти дни А. Т. Брлич. — ...Он — человек, который сделает эпоху»¹². Так в славянских буржуазных кругах империи складывалась легенда о Елачиче как о защитнике национального дела славян.

Венгерские политические круги, столкнувшись с упорным сопротивлением Хорватии, прониклись сознанием о неизбежности дальнейших уступок в хорватском вопросе. Правительство разработало проект о назначении статс-секретарей Хорватии в министерства внутренних дел и юстиции. Права употребления хорватского языка расширялись вплоть до переписки с венгерскими властями¹³.

Тревога и озабоченность венгерского правительства усилились, когда отчетливо обнаружилось сближение славян в Венгрии, особенно сербско-хорватское политическое сотрудничество. «Венгры, кажется, понимают всю угрожающую для них серьезность завязывающейся борьбы, — сообщал русский консул в Белграде Данилевский в Петербург. — Они уже предпринимали немало попыток, чтобы привлечь на свою сторону хорватского бана, но безрезультатно — бан, хотя и католик по религии, все свои симпатии отдает своим сербским собратьям»¹⁴. В данном случае нет надобности в критике позиции самого Данилевского и его взглядов на роль Елачича в развитии сербско-хорватских отношений. Важно свидетельство о том, что венгерское правительство не закрывало пути для переговоров с хорватской стороной. Однако министерство допускало лишь национальное разви-

¹² «Iz korespondencije A. T. Brlića». Priredila I. Brlić Mažuranić. «Građa za povijest književnosti hrvatske», kni. 16. Zagreb, 1948; str. 107. А. Т. Брлич-А. Сукичу. Вена, 11.IV 1848.

¹³ «Die Constitution», 11.V 1848, S. 634.

¹⁴ АВПР, ф. Главный архив, V — А 2, д. 229, лл. 16, 17.

тие хорватов при сохранении политического господства Венгрии.

Отношение династии и австрийского правительства к хорватскому национальному движению было сложным. Весной 1848 г. придворные круги находились в состоянии полной растерянности и бессилия. По словам министра внутренних дел Сербии И. Гарашанина, сам австрийский консул в Белграде Ф. Майергофер считал, что от империи ничего не осталось¹⁵. Дабы удержаться на престоле, династия стремилась использовать национальные противоречия в империи, но в такой мере, чтобы это не осложнило и без того запутанную ситуацию и не повлекло за собой новых политических бурь.

Видя в возвышении самостоятельной Венгрии смертельную опасность для целостности империи, династия придавала Хорватии важное значение как противовеса Венгрии. «Императорская власть,— писал царский дипломат Ф. П. Фонтон в донесении К. В. Нессельроде в начале июля,— явно руководствовалась до сих пор намерением использовать оппозицию хорватов и сербов и опасности, которые могут из этого проистекать для власти венгров, чтобы привести эту последнюю к соглашению и заставить ее отказаться от своих сепаратистских проектов»¹⁶.

Уже в самом начале революционных событий с целью привлечения хорватской буржуазии и дворянства к престолу со стороны императорского двора Хорватии были оказаны знаки расположения. В короткое время Елачич сделал головокружительную карьеру. Дотоле неизвестный граничарский полковник, получив высокий административный пост, он был произведен в фельдмаршалы и наделен высшей военной властью в Хорватии, включая и соответствующую часть Военной Границы. В середине апреля лидеру либералов Л. Гаю было присвоено звание королевского советника. Как и предполагалось, действия императорского двора наводили политически мыслящих хорватов на «всевозможные размышления»¹⁷. По словам царского дипломата, двор

¹⁵ «Грађа за историју српског покрета у Војводини 1848—1849», серија I, књ. 1, Март — јуни 1848. Београд, 1952, стр. 128.

¹⁶ АВПР, ф. Канцелярија МИД, 1848 г. д. 181, л. 34.

¹⁷ I. A. Brlić. Pisma sinu Andriji Torkvatu, 1836—1855, knj. II. Zagreb, 1943, str. 13.

«поощрял исподтишка движение умов в Хорватии, чтобы противопоставить славянский элемент венгерскому элементу»¹⁸.

Но была и другая причина, которая определяла особую заинтересованность придворных кругов в Хорватии,— это ее тесная связь с Военной Границей. «В итальянской армии,— доносил советник русского посольства Ф. П. Фонтон в Петербург,— имеется 20 000 человек хорватских войск¹⁹, и высказаться за венгров означало подвергнуться опасности увидеть эти хорватские войска покинувшими армию и вернувшимися к своим очагам»²⁰. Возвращение граничар из Италии, по свидетельству официальных лиц, поставило бы правительственную армию в «наипрашнейшее положение»²¹.

В первой половине 1848 г., когда императорский двор был парализован, в его ближайшие планы не входило углубление политического кризиса в восточной части империи.

В обстановке нарастания революции в самой Австрии и освободительного движения в Италии придворная партия нуждалась в венгерских финансах и рекрутах. Династия добивалась также, чтобы Венгрия взяла на себя часть государственного долга²².

Осложнение отношений между Загребом и Пештом не только усилило бы давление венгерского кабинета на императора, но и угрожало бы в случае открытой поддержки австрийским правительством Хорватии разрывом Венгрии с Австрией.

Для австрийского двора было важно также сохранить политическую стабильность в самой Венгрии. Хорватский вопрос мог послужить поводом к отставке правительства Л. Баттяни и радикализации политического

¹⁸ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1848 г., д. 179, л. 419 об. В мае Ф. Майергофер считал целесообразным поддерживать и сербское национальное движение, умело направляя его в интересах двора против Венгрии, пока и поскольку оно оставалось в рамках лояльности династии и ограничивалось защитой национальных прав перед лицом Венгрии («Грађа...», стр. 308).

¹⁹ Летом в Италии сражалось 35 000 граничар (S. Pejaković. Aktenstücke zur Geschichte des kroatisch-slavonischen Landtages und der nationalen Bewegung vom Jahre 1848. Wien, 1861, S. 92).

²⁰ АВПР, ф. Канцелярия МИД, 1848 г., д. 180, л. 563.

²¹ «Грађа...», стр. 406, 472.

²² «Korespondencija o događajima u Ugarskoj...», стр. 291.

курса Венгрии, что привело бы к неблагоприятным для двора политическим переменам²³.

Наконец, крайне нежелательной для династии была и активизация хорватского национального движения, конечные цели которого были для двора не совсем ясны. Национальный подъем в угнетенной провинции, действия, выходявшие за рамки законности, в обстановке революции грозили перерасти в освободительную акцию против всякой иноземной власти. Осложнение обстановки на славянском юге империи неизбежно повлекло бы возбуждение в Сербии и в пограничных с монархией турецких провинциях, что представлялось чреватым далеко идущими последствиями. Принимался во внимание и возможный поворот в настроениях граничар, воевавших в Италии за интересы правящего дома, в случае углубления хорвато-венгерского конфликта.

Вот почему, по образному выражению Понсонби, при дворе желали, чтобы бан ограничился «тихой непокорностью»²⁴.

Позиция австрийского двора и правительства в хорватском вопросе складывалась под воздействием вышеуказанных факторов, но главным образом в зависимости от развития австро-венгерских отношений. В первые месяцы революции императорский двор вынужден был идти на уступки и считаться с требованиями венгерского правительства, в том числе и в хорватском вопросе. За лояльность со стороны Венгрии, позиция которой имела жизненное значение для империи, династия расплачивалась в известной мере национальными правами хорватского народа, используя в то же время хорватский вопрос для принуждения Венгрии к соглашению.

Сложное переплетение разнородных факторов обуславливало колебания, неустойчивость, противоречивость и кажущуюся неясность политической линии австрийского двора и правительства в отношении хорватского национального движения. «Такая неясность дел у здешнего правительства,— писал А. Т. Брлич Л. Гаю из Вены 5 мая,— что неизвестно, куда человеку повернуться и что еще из этого выйдет»²⁵.

²³ «Korespondencija o događajima u Ugarskoj...», str. 304.

²⁴ Там же.

²⁵ V. Deželić. Pisma pisana d-ru Luđevitu Gaju i neki njegovi sastavci (1828—1850). Zagreb, 1909, str. 30.

Для династии трудности нарастали с каждым днем. В мае двор полностью утратил инициативу и мог только лавировать.

Под нажимом венгерского министерства²⁶ император 7 мая потребовал от Елачича безоговорочного подчинения венгерским властям и санкционировал назначение королевского комиссара в Хорватию, Славонию и Военную Границу. 11 мая палатин назначил комиссаром генерала Храбовского, командующего славонско-сремской Военной Границей. В распоряжение Храбовского были предоставлены вооруженные силы. Императорский двор, предпринимая репрессивные акции в отношении Хорватии, рассчитывал на политическую интуицию бана. По словам Понсонби, при дворе считали, что «бану Хорватии (как представлялось) очень хорошо известно о случившемся в Вене²⁷ и он будет знать, что хорватам нет надобности принимать во внимание эту акцию, и ему ничего другого не надо делать, как игнорировать ее и не подчиняться приказу»²⁸.

Назначение королевского комиссара вызвало бурю возмущения в Загребе. На центральной площади были публично сожжены портреты палатина и венгерских министров²⁹. Положение становилось все более напряженным. С тревогой и надеждой ожидали все открытия хорватского сабора, которое было назначено без санкции императора на 5 июня 1848 г. Современники понимали принципиальное значение деятельности сабора. Профессор белградского лицея Д. Матич писал из Сремских Карловцев С. Стефановичу-Тенке: «Это будет исключительно важный сабор»³⁰. От позиции хорватского форума в национальном вопросе во многом зависела дальнейшая судьба хорватского народа.

Формировавшаяся хорватская нация с ее стремлением к суверенитету оказалась в 1848 г. в крайне сложном положении. Она была вынуждена противостоять гнету феодально-абсолютистской реакции, давле-

²⁶ «Korespondencija o događajima u Ugarskoj...», str. 305—306.

²⁷ Имелось в виду давление венгерского правительства на императора.

²⁸ «Korespondencija o događajima u Ugarskoj...», str. 305.

²⁹ Там же, стр. 305—306.

³⁰ «Грађа...», стр. 278.

нию нового правительства Венгрии, националистическим претензиям австро-немецкой буржуазии.

Наиболее активные в политической жизни хорватские либеральные круги добивались политического равноправия Хорватии. Само по себе национальное равноправие являлось необходимой составной частью политической демократизации. Но уже в это время в идейно-политической позиции либералов, не говоря уже о консервативном течении, проявились черты, которые позволяли Габсбургам видеть в хорватском национальном движении возможность использования его в своих интересах. Главное состояло в тяготении хорватского либерально-консервативного блока к союзу с двором и сохранению империи. Продинастическая ориентация была свойственна буржуазии, не говоря уже о дворянстве, разных национальностей в империи, но тем опаснее была она для революции. Хорватский либерально-консервативный блок в своем стремлении к национальной самостоятельности игнорировал всякие попытки венгерского правительства достигнуть соглашения, и в этой жесткой непримиримости, в этом нежелании контактов с венгерской стороной, в этой конфронтации были заложены предпосылки дальнейшего обострения конфликта.

С. М. Фалькович

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ ПЕЧАТЬ В БЕЛЬГИИ В ПЕРИОД ВОССТАНИЯ 1863—1864 гг.

В феврале 1863 г., почти одновременно с началом восстания в Королевстве Польском, в Париже возникла новая польская эмигрантская организация — «Союз поляков всех исповеданий». Среди ее основателей и активных членов большинство составляли демократы как польские (Я. Чиньский, Я. Ледуховский, Л. Люблинер, Л. Круликовский, Вл. Вольский, Э. Хоецкий и др.), так и иностранные (Й. Фрич). Отдельные представители аристократической польской эмиграции (например, Жаба) также участвовали в создании «Союза», ставив-

шего целью объединение людей различных вероисповеданий вокруг лозунга восстановления независимой Польши. В связи с этой целью наряду с польскими католическими ксендзами (Ружаньским, Блавчиньским и др.) в «Союз» входили представители иудейской религии (великий раввин французской консистории Ульманн). В ознаменование начала деятельности «Союза» была отслужена месса, на которой присутствовали евреи, а затем состоялась служба в синагоге при участии католиков¹.

Цель объединения всех исповеданий в Польше провозгласил и журнал «Польска» («Польша»), выходивший в Брюсселе с 1 марта 1863 г. по 15 января 1864 г. У колыбели его стояли те же люди, что создали «Союз поляков всех исповеданий». Главную роль в издании играли Чиньский, Ружаньский, Люблинер (впоследствии отошёл от журнала)². Всего вышло 11 номеров; в одном из последних редакция сообщала о новом брюссельском еженедельнике на французском языке «Ля Полонь» («Польша») ³, целью которого было воздействие на общественное мнение за границей в пользу Польши и польского восстания. За период с 15 октября 1863 г. по 10 апреля 1864 г. было издано 26 выпусков газеты. Официальными издателями были К. Урбановский и полковник А. Гавроньский, фактическое же руководство изданием осуществлял Я. Чиньский⁴.

Таким образом, «Польска» и «Ля Полонь» заслуживают совместного рассмотрения и анализа как органы одного направления, хотя и адресованные каждый своему читателю («Польска» рассчитывала на читателя внутри Польши, «Ля Полонь» — на заграничного читателя). Связь между двумя брюссельскими изданиями определялась не только участием в них одних и тех же

¹ «Polska» (Bruksela), N 1, 1, III 1863; W. Mickiewicz. Emigracja polska 1860—1890. Kraków, 1908, str. 130; Н. И. Павлицев. Седьмичи польского мятежа 1861—1864, т. 4. СПб., 1887, стр. 212; А. Ślisz. Współpraca polskich i rosyjskich sił postępowych w polskiej prasie emigracyjnej i konspiracyjnej lat 1859—1864. «Z dziejów współpracy rewolucyjnej Polaków i Rosjan w drugiej połowie XIX wieku». Wrocław, 1956, str. 37.

² W. Mickiewicz. Указ. соч., стр. 152; «Polska», N 1, 1, III 1863.

³ «Polska», N 10, 22. IX 1863.

⁴ W. Mickiewicz. Указ. соч., стр. 152.

лиц, но и постановкой одних и тех же вопросов, иной раз прямой перекличкой, взаимными ссылками.

Присутствие в редакциях журнала «Польска» и газеты «Ля Полонь» Чиньского, Люблинера, Ружаньского и других активных членов «Союза поляков всех исповеданий» не могло не наложить отпечатка на оба издания, хотя ни одно из них не признавало себя органом этой организации, а «Ля Полонь» даже заявила о своей полной независимости (в том числе и от «Союза») ⁵. На страницах обоих брюссельских изданий печаталась постоянная информация о «Союзе» и выпускаемой им литературе, сообщалось о признании «Союза» повстанческим правительством ⁶, обсуждались проблемы, связанные с вероисповеданием. Уже в первом номере «Польска» поместила статью о свободе совести и впоследствии часто обращалась к вопросу о признании равенства польских граждан еврейского происхождения, о единении католиков и евреев в общей борьбе за независимую Польшу ⁷. Против преследования евреев в Королевстве Польском выступала и «Ля Полонь» ⁸. Брюссельская демократическая эмиграция резко критиковала католические круги, оказывавшие поддержку царизму в борьбе с польским национальным движением. Комментируя послание папы к Александру II, «Польска» подчеркивала, что не первый раз Рим предает Польшу ⁹.

Таким образом, вопрос о свободе совести рассматривался брюссельскими изданиями с точки зрения интересов борьбы за независимость. Обеспечить эти интересы должно было единство, к которому «Польска» призывала в специальной статье ¹⁰. При этом имелось в виду единство не только людей различных религиозных исповеданий, но и различных социальных слоев. В этом плане рассматривался и решался крестьянский вопрос. «Польска» одобрила программу наделения землей крестьян, причем не только крестьян-хозяев, но и безземельных ¹¹. Ссылаясь именно на это разрешение вопроса

⁵ «La Pologne» (Bruxelles), N 3, 1.XI 1863.

⁶ См. «La Pologne», N 1, 15.X 1863; N 8, 6.XII 1863; N 11, 27.XII 1863.

⁷ «Polska», N 1, 1.III 1863; N 6, 10.VI 1863; N 9, 25.VIII 1863.

⁸ «La Pologne», N 1, 15.X 1863.

⁹ «Polska», N 7, 5.VII 1863.

¹⁰ «Polska», N 4, 15.IV 1863.

¹¹ Там же.

о «паробках», «Ля Пóлонь» считала польскую программу освобождения крестьян выше русской¹². Однако наделение крестьян землей даже наиболее радикальные деятели брюссельских изданий мыслили возможным лишь при вознаграждении помещиков повстанческим правительством¹³. «Польска» подчеркивала, что всегда выступала в защиту патриотической шляхты, шедшей на жертвы для разрешения крестьянского вопроса, поддерживавшей лозунг свободы вероисповеданий. В результате этой шляхетской «сознательности» крестьяне должны были стать полноправными гражданами, «соседями и братьями» помещиков¹⁴. Такую картину «братства» и «единения» крестьян и шляхты в повстанческих рядах рисовала на своих страницах и «Ля Пóлонь», стараясь убедить иностранного читателя в том, что в отличие от России, где сохранилась полная зависимость крестьян от помещиков, в Польше уже разрешен «социальный вопрос, вопрос жгучий, опасный, неразрешимый для рутинеров, вопрос, регулирующий отношения между трудящимися и собственниками». Газета уверяла, будто декрет повстанческого правительства о наделении крестьян землей полностью принят и одобрен всей Польшей, не встретив никакого протеста или возражения, и теперь крестьяне и помещики вместе сражаются за общее дело против общего врага¹⁵.

Такая позиция брюссельских издателей «Польски» и «Ля Пóлонь» — позиция единства во что бы то ни стало — была продиктована их своеобразными представлениями об интересах польского народа и его борьбы за независимость. Под знаком интересов восстания рассматривался и вопрос об отношении к повстанческому правительству. Требуя укрепления его власти, «Польска» резко осуждала диктатуру Лянгевича как проявление интриг «белых», как попытку их вырвать руководство из рук правительства. В специальном обращении к последнему журнал призывал его не выпускать руля; осуществлять самостоятельную твердую политику¹⁶. Он

¹² «La Pologne», N 15, 24.I 1864.

¹³ См. письмо Чиньского к Гавроньскому от 10.III 1862 г. («Polska», N 8, 31.VII 1863).

¹⁴ «Polska», N 11, 15.I 1864.

¹⁵ «La Pologne», N 6, 22.XI 1863; N 12, 3.I 1864; N 15, 24.I 1864.

¹⁶ «Polska», N 3, 1.IV 1863; N 5, 20.V 1863.

стремился помочь в решении различных вопросов восстания, выступал с конкретными предложениями и планами¹⁷. Так, выдвинутый в первом номере журнала «Польска» план организации финансов восстания позже был поддержан «Ля Полонь»¹⁸. На страницах журнала получила освещение и идея созыва всеобщего ополчения («*prospolite ruszenie*») ¹⁹.

Лозунг единства и подчинения повстанческому правительству определял взгляд польской демократической печати в Бельгии на роль и задачи эмиграции. Весной и летом 1863 г. «Польска» выступала с критикой Мерославского, нападала на созданный Мерославским и Высоцким в Париже комитет, на орган мерославчиков в Лондоне «Глос вольны»²⁰. Но когда Мерославский был назначен Национальным правительством генеральным организатором вооруженных сил восстания, «Ля Полонь» одобрила это назначение и призвала всех польских патриотов оказывать генералу всемерную поддержку и содействие. Газета заявляла, что отныне спокойна за дело создания освободительной польской армии, так как оно находится в надежных и опытных руках²¹.

Демократические симпатии обоих брюссельских изданий ясно проявлялись, когда речь заходила об аристократическом лагере. Это особенно относилось к журналу «Польска», который в силу своей специфики более подробно, чем «Ля Полонь», освещал вопросы внутренней борьбы в польском национальном движении. «Польска» постоянно печатала статьи, осуждавшие отношение аристократии к восстанию, разоблачавшие интриги «белых» как в Польше, так и в эмиграции. Она неоднократно выступала против аристократического «Польского комитета» в Париже²². Тем не менее тяга к пресловутому «единству» заставила «Ля Полонь» произнести панегирик в честь Вл. Чарторыского за то, что он стал дипломатическим агентом повстанческой власти и «ради

¹⁷ «Polska», N 6, 10.VI 1863; N 7, 5.VII 1863; N 8, 31.VII 1863.

¹⁸ «Polska», N 1, 1.III 1863; «La Pologne», N 2, 25.X 1863.

¹⁹ «Polska», N 7, 5.VII 1863.

²⁰ «Polska», N 4, 15.IV 1863; N 5, 20.V 1863; N 9, 25.VIII 1863.

²¹ «La Pologne», N 2, 25.X 1863.

²² «Polska», N 1, 1.III 1863; N 3, 1.IV 1863; N 4, 15.IV 1863; N 7, 5.VII 1863; N 9, 25.VIII 1863.

того, чтобы показать пример патриотизма и повиновения Национальному правительству, не поколебался сесть рядом с теми самыми людьми, которые наиболее яростно осуждали политику его отца»²³.

Правда, демонстративные заявления о единстве демократического и аристократического направлений в Польше были рассчитаны скорее на европейского читателя «Ля Полонь». Если газета и питала какие-либо иллюзии насчет «чарторыщины» и ее дипломатии, то очень скоро ей пришлось от них отказаться. «Польская дипломатия парализовала движение, чтобы нравиться Австрии, которая ее морочит»,— писала «Ля Полонь» 6 марта 1864 г.²⁴ Однако разочарование в дипломатии Чарторыского не означало отрицания бруссельскими изданиями дипломатии вообще. Значение этой стороны деятельности повстанческого правительства и эмиграции постоянно подчеркивалось на страницах журнала «Польска», указывались основные линии внешней политики восстания²⁵. Главной цели — привлечь на сторону восстания правительства и народы Европы — были посвящены и митинги в Брюсселе, созывавшиеся теми же эмигрантами, которые группировались вокруг изданий «Польска» и «Ля Полонь»²⁶.

Расставляя акценты внешней политики Польши, польские демократы в Брюсселе делали ставку, в частности, на союз со Швецией и особенно с Турцией, подчеркивая общность интересов этих стран с интересами польского восстания. «Наше дело — общее с делом султана. Сегодня это наш естественный союзник, у нас один и тот же враг»,— заявляла «Ля Полонь»²⁷. Интересно, что, провозглашая Османскую империю естественным союзником Польши, польская пресса в Бельгии одновременно указывала на связь польского дела с делом освобождения всех славян. Этому вопросу «Польска» посвятила специальную статью в своем первом номере²⁸,

²³ «La Pologne», N 2, 25.X 1863.

²⁴ «La Pologne», N 21, 6.III 1864.

²⁵ «Polska», N 2, 15.III 1863; N 3, 1.IV 1863; N 4, 15.IV 1863; N 6, 10.VI 1863; N 7, 5.VII 1863.

²⁶ «Polska», N 2, 15.III 1863; N 3, 1.IV 1863.

²⁷ «Polska», N 2, 15.III 1863; «La Pologne», N 1, 15.X 1863; N 13, 10.I 1864.

²⁸ «Polska», N 1, 1.III 1863.

а позже отводила на своих страницах место «Чешскому голосу» Фрича²⁹.

Подчеркивая большую роль для человечества славянских народов, «Польска» и «Ля Полонь» распространяли свои симпатии и на русский народ, видя в нем не врагов, а несчастных единоплеменников, угнетенных царизмом³⁰. Само польское восстание они называли «братской борьбой славян, в которой дело идет о том, кто победит — царь или свобода, кнут или вольность»³¹. «Ля Полонь», намекая, видимо, на немецкое происхождение царской династии, писала, что русские и поляки имеют одного опаснейшего врага в лице немцев, которых нужно изгнать из Польши и из России³².

Так на основе славянской общности формулировалась задача совместной борьбы поляков и русских против самодержавия, провозглашалась идея русско-польского революционного союза. Уже в первых номерах «Польска» обратилась с призывом к «Колоколу» дать сигнал всеобщего восстания в России, выдвинула план создания легиона из перешедших на сторону восстания и пленных русских. Журнал отмечал, что такой легион мог бы оказать большое влияние, став ядром будущей армии освобожденной России³³. Это предложение горячо поддержал полковник Гавроньский, чье письмо журнал также опубликовал, обратив внимание повстанческого правительства на мнение старого военного, участника восстания 1831 г.³⁴

Ссылки на опыт совместной борьбы и традиции русско-польского революционного союза постоянно встречались на страницах брюссельских изданий. Уже в первом номере «Польска» вспоминала о «самоотверженности и мученичестве первых апостолов свободы» в России, о «друзьях и соратниках Лукасиньского»³⁵. Когда ксёндз Ружаньский попытался изобразить восстание как борьбу против «татарской Москвы», журнал дал отпор Ружаньскому и всем тем, кто «вместо того, чтобы бороться

²⁹ «Polska», N 2, 1.IV 1863.

³⁰ Там же.

³¹ «Polska», N 9, 25.VIII 1863.

³² «La Pologne», N 26, 10.IV 1864.

³³ «Polska», N 1, 1.III 1863; N 2, 15.III 1863.

³⁴ «Polska», N 3, 1.IV 1863.

³⁵ «Polska», N 1, 1.III 1863.

против царизма, борется против России». «Называя русских братьями,— писала «Польска»,— мы идем по пути, указанному великими мучениками, по пути, указанному Лукасиньским, Кшижановским, Солтыком». Журнал напоминал, что «в тот самый день, когда сейм сверг с престола Николая, Варшава почтила траурной процессией память апостолов русской свободы»—декабристов³⁶.

О том же писала и «Ля Полонь», выступая против антинаучных «теорий» Ф. Духиньского относительно татари-монгольского происхождения русских. Призывая уважать исторические воспоминания и традиции, завещанные великими польскими патриотами, газета называла погибших на эшафоте Пестеля, Бестужева, Каховского, Муравьева-Апостола, Рылеева братьями Лукасиньского и Кшижановского. «Память об этих великих жертвах священна для польских патриотов»,— заявляла она. Вновь напоминая о торжественной панихиде по декабристам, «Ля Полонь» подчеркивала, что лозунг «За нашу и вашу свободу» был выдвинут в момент жестокого подавления польского восстания царизмом. Отвергая предложенный Духиньским путь разжигания национальной ненависти, «Ля Полонь» заявляла о своей верности идеям, завещанным Лукасиньским, Кшижановским, Завишей и Конарским. «Мы боремся против бесчеловечных царей, против тщеславных и эгоистичных бояр,— писала газета,— но мы протягиваем братскую руку наследникам Пестеля и Рылеева»³⁷.

О том, что эти наследники живы, что пример декабристов «зажег святым огнем многочисленных последователей», оба брюссельских издания не уставали напоминать. «Даже в рядах неприятеля мы видим благородные души, не желающие быть помощниками палачей»,— писал журнал «Польска» уже в самом начале восстания. Он подчеркивал заслуги «Колокола» как «официального органа революции», концентрирующего «дух русской свободы»³⁸, «Ля Полонь» одобрительно отзывалась о каждом голосе передовой русской печати, протестующей против насилия на Польшей, хвалила выступле-

³⁶ «Polska», N 9, 25.VIII 1863.

³⁷ «La Pologne», N 6, 22.XI 1863.

³⁸ «Polska», N 1, 1.III 1863; N 2, 15.III 1863.

ния И. Головина в защиту поляков³⁹. План создания русского легиона был выдвинут редакцией журнала «Польска» в связи с известиями о переходе русских на сторону польских повстанцев. О симпатиях к полякам в русской армии, о поддержке и помощи русских повстанцам сообщала «Ля Полонь» осенью 1863 г.⁴⁰

Но призыв к русско-польскому революционному союзу и вера в возможность его осуществления не означали полного согласия брюссельских издателей с русскими революционерами по всем вопросам. Их разделяло в первую очередь различное понимание социальных проблем: верная солидаристским взглядам, «Ля Полонь» упрекала Герцена в «излишнем» акцентировании классовых антагонизмов, в том, что он в России видит «только крепостных и помещиков»⁴¹. Остро стоял вопрос о «забранных землях». Та же «Ля Полонь», которая дала отпор расовым теориям Духиньского, пыталась доказать, что «пять миллионов малорусов и белорусов являются, так же как и собственно поляки, людьми чистой славянской и европейской расы и абсолютно чужды москалям по происхождению и нравам». Газета считала абсолютно польскими все элементы цивилизации у этих народов, а потому говорила о Вильно, Киеве, Каменец-Подольске как о безусловно польских городах. Даже евреев и литовцев, живших на Буге, она называла «в полной мере поляками по сердцу»⁴². В то же время на страницы газеты порой проникали и передовые взгляды по национальному вопросу⁴³.

Главным пунктом, по которому польская демократическая эмиграция в Брюсселе направляла критику в адрес русских революционеров, были темпы и интенсивность помощи, оказываемой польскому восстанию. Уже в марте 1863 г. в статье ««Колокол» и восстание» «Польска» упрекала русских демократов в отсутствии деятельной поддержки борьбы поляков, в том, что Герцен вместо призыва к вооруженной борьбе в своем «Ressurexit!» сокрушался по поводу преждевременности польского восстания, опередившего намеченные ранее

³⁹ «La Pologne», N 6, 22.XI 1863; N 26, 10.IV 1864.

⁴⁰ «La Pologne», N 7, 29.XI 1863.

⁴¹ «La Pologne», N 19, 21.II 1864.

⁴² «La Pologne», N 9, 13.XII 1863; N 17, 7.II 1864.

⁴³ См. в частности: «La Pologne», N 26, 10.IV 1864.

сроки совместного выступления. Доказывая, что выступление поляков не было преждевременным, что польский народ не мог не восстать, «Польска» предупреждала о тяжелых последствиях гибели восстания для «русского народного дела»⁴⁴.

А спустя несколько месяцев журнал от имени «поляков, которые любят свободу», призывал «укорять свободомыслящих русских», требуя от них не слов, а «дела». Под «делом» «Ля Полонь» в марте 1864 г. подразумевала немедленное создание русского легиона⁴⁵.

Такая позиция свидетельствовала о том, что группа, издававшая «Польску» и «Ля Полонь», не могла правильно оценить ситуацию в России и Польше и революционные возможности момента, не понимала существа польско-русского революционного союза. Это было не удивительно: демократические эмигранты в Бельгии были оторваны не только от Польши, но и от других эмигрантских групп. Им было неизвестно, что правое крыло повстанческой организации не стремилось к реализации русско-польского революционного союза, что оно отказалось и от осуществления плана создания русского легиона. Поэтому скорее удивления заслуживают стойкость брюссельских демократов в отстаивании лозунга русско-польского революционного союза, твердая вера в его необходимость, энергичный отпор националистическим расистским взглядам — качества, справедливо отмеченные польским историком А. Слишем, который первым исследовал позицию журнала «Польска» в вопросе польско-русского революционного сотрудничества⁴⁶.

«Польска» и «Ля Полонь» являлись единственными (если не считать «Глос вольны») эмигрантскими органами, регулярно выходившими в разгар восстания. Поэтому так интересны для истории восстания их взгляды, так важна оценка их позиции. Позиция эта даже при беглом обзоре представляется достаточно сложной и противоречивой: с одной стороны, налицо подлинный патриотизм и демократизм, борьба против внутренней и внешней реакции, стремление к союзу с другими на-

⁴⁴ «Polska», N 2, 15.III 1863.

⁴⁵ «Polska», N 8, 31.VII 1863; N 9, 25.VIII 1863; «La Pologne», N 23, 20.III 1864.

⁴⁶ См.: А. Slisz. Указ. соч., стр. 39.

родами, и в первую очередь к революционному сотрудничеству с народом русским; с другой — солидаристские, компромиссные взгляды на социальные проблемы, непоследовательность в национальном вопросе, непонимание обстановки.

Все это было свойственно идеологии шляхетского демократизма, хотя, конечно, однозначное определение позиции издателей «Польска» и «Ля Полонь» являлось бы несколько упрощенным. В редакциях обоих изданий существовали трения и борьба различных, иногда крайних точек зрения, позиция их менялась в ходе восстания, когда рушились иллюзии шляхетского демократизма. Окончательное поражение восстания знаменовало полный крах этих иллюзий. Вместе с эпохой шляхетских демократов закончили свое существование и польские эмигрантские издания в Брюсселе.

Отмечая это, А. Слиш дал высокую оценку журналу «Польска» как прогрессивному органу польской эмиграции периода шляхетского демократизма⁴⁷. Этой оценки заслуживает и тесно связанная с ним газета «Ля Полонь». Историк не может пройти мимо тех передовых идей, которые стремились нести в массы польские демократы в Бельгии, издававшие оба органа. Это составляло сильную сторону шляхетского демократизма и было унаследовано последующими поколениями польских революционеров.

Д. Ф. Поплыко

**ВАСО ПЕЛАГИЧ.
ПУТЬ ОТ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА
К РЕВОЛЮЦИОННОСТИ**

Относительно 60-х годов XIX в. — первого периода общественной деятельности В. Пелагича — мы не располагаем документальными данными, которые позволили бы говорить о том, что он придерживался революционных взглядов. Его работы, относящиеся к этому време-

⁴⁷ А. Ślisz. Указ. соч., стр. 39.

ни, свидетельствуют, что по своим общественно-политическим воззрениям он был просветителем-демократом. Однако на рубеже 60—70-х годов в своей публицистике он вплотную подошел к постановке вопроса о революционном пути решения национальной проблемы для Боснии и Герцеговины¹.

Из сочинений В. Пелагича видно, что и в 1871 г. он продолжал высказываться в духе мирного просветительства, призывая сербское общество к самообразованию, самосовершенствованию, трудолюбию, патриотическому служению народу. Ставя вопрос о том, «каким образом каждый народ скорее всего может достигнуть счастья, славы, свободы и благосостояния», он отвечал: «Посредством трудолюбия, единения, знаний, жертвований ради общего дела, смелости духа и искреннего патриотизма»².

Хотя мирная просветительская линия еще преобладала во взглядах Пелагича, в это время в его сочинениях уже появляется и новый мотив. В условиях нынешнего века, писал он, нужно бороться «наряду со словом и мечом, и оружием»³. «Без борьбы физической или духовной,— говорилось далее,— невозможно уничтожить никакое зло, достичь личного и народного счастья и благосостояния»⁴. Уравнивая еще «физическую» и «духовную» борьбу, он уже выражал надежду, что сербский народ поднимется «с мечом в руке» на борьбу за свободу⁵. В 1871 г. Пелагич впервые в своих произведениях открыто призвал сербов к вооруженной борьбе за свержение османского ига. «Не жди больше, серб,— писал он,— что турецкие и христианские султаны тебе свободу подарят или дадут на нее согласие... запомни очевидную истину, серб, что свободу не просят, а берут силой»⁶.

Более того, он доказывал необходимость немедленных действий: «Мы не можем больше ждать и медлить... С потерей одного года мы теряем целое столетие...

¹ Подробнее о мировоззрении В. Пелагича в 60-е годы см.: Д. Ф. Поплыко. Васо Пелагич в России. «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах». М., 1970, стр. 126—159.

² В. Пелагий. Покушаји за народно и лично унапређење. Београд, 1871, стр. 218.

³ Там же, стр. 17.

⁴ Там же, стр. 20.

⁵ Там же, стр. 12.

⁶ Там же, стр. 18.

а кому, как не вам, отвечать перед потомками, в случае нерадивости быть заклеяменными перед историей»⁷. В качестве вдохновляющего примера Пелагич приводил борьбу буров, не побоявшихся выступить с оружием против сильных англичан. Он цитировал П. П. Негоша, призывавшего черногорцев к борьбе за свободу⁸.

Обе линии — и мирного и революционного преобразования — нашли свое выражение в большой работе Пелагича «Мысли о развитии народа и личности». Почти вся книга — более двухсот страниц — представляла собой программу по преобразованию существовавшего строя мирным путем. Революционные же идеи были выражены в двух его проповедях к народу, помещенных в начале книги (около пятнадцати страниц).

Количественное соотношение двух основных частей книги и композиционное ее построение не случайны. Большая часть книги была написана Пелагичем еще в ссылке в Малой Азии до 1871 г.⁹ и, естественно, выражала тогдашнее мировоззрение автора. Проповеди же писал Пелагич в начале 1871 г. уже в Сербии, где в середине того же года книга вышла из печати. Следовательно, за короткий отрезок времени произошел скачок в развитии мировоззрения Пелагича от просветительства к революционности. Сделан был первый, самый трудный шаг. Причины его лежат в общественно-политической обстановке, создавшейся на родине Пелагича после его возвращения. Обострение социальных, национальных и религиозных противоречий в Боснии и Герцеговине как выражение глубокого кризиса всего общественного строя и османского господства имело следствием нарастание недовольства всех антифеодальных сил общества. Оно выразилось, в частности, в откликах в Боснийско-герцеговинском вилайете на волнения в Албании, в подъеме общественного движения в Сербии и Воеводине, в активизации деятельности Омладины по подготовке восстания против османского ига. Революционизирующее влияние на обстановку оказала и Парижская Коммуна. Для этого скачка в мировоззрении Пелагича большое значение имело знакомство с идеоло-

⁷ В. Пелагић. Покушаји..., стр. 22.

⁸ Там же, стр. 23—24.

⁹ Об этом свидетельствует запись в конце книги: «1870 г. В Кутяе, месте моего заточения».

гией и деятельностью сербских революционных демократов, социалистов, личное знакомство со Светозаром Марковичем. Центральным вопросом для югославянских деятелей, среди которых находился Пелагич, стал вопрос о подготовке восстания в Боснии и Герцеговине.

Необходимой предпосылкой для кардинального сдвига к революционности был радикальный демократизм Пелагича, проявившийся на рубеже 60—70-х годов. Достаточно было окончательно увериться в том, что Турция неспособна ликвидировать пороки своего управления в Боснии и Герцеговине, расстаться с остатками иллюзий на этот счет, чтобы прийти к выводу о том, что надо браться за оружие и перейти от критики строя к его уничтожению.

Чем же объяснить издание Пелагичем противоречивой по своему содержанию книги? Каким образом могла сочетаться в ней идея мирного устранения недостатков существующего строя силами всех слоев сербского общества путем просвещения, распространения идей добра и самовоспитания с идеей немедленной и решительной вооруженной борьбы?

К 1871 г. относится начало революционной агитации Пелагича, когда он, осознав необходимость вооруженной борьбы, вместе с тем явственно ощущал полезность для современного ему патриархального общества национально-патриотического воспитания и образования и не видел иных форм для осуществления последних, кроме предложенных им ранее. Видимо, Пелагич сохранял надежду на возможность постепенного занятия сербами ряда общественных и государственных должностей мирным путем¹⁰.

В начале 1871 г. Пелагич еще не мог стать последовательным революционером, поскольку он высказывался в равной степени «и за физическую, и за духовную борьбу». Но он был уже на пути к тому, чтобы стать идеологом вооруженной борьбы, выражавшим интересы той части сербского народа, которая находилась под османским игом.

В последующие месяцы 1871 г. Пелагич усилил агитацию за свержение османского ига вооруженным путем. В ноябре он призывал каждого серба быть готовым

¹⁰ См, об этом.: Д. Ф. Поплыко, Указ, соч., стр. 142—144.

по первому же зову встать под «святое знамя борьбы», быть готовым к любым жертвам. «Кто человек, кто серб — пусть возьмется за оружие!» — писал он¹¹. В начале 1872 г. в работах Пелагича уже нет прежней двойственности, а есть прямая ориентация на вооруженную борьбу.

В это время В. Пелагич и Дж. Каранович выступили от имени пятидесяти шести патриотов со статьей «Гарантам Турции». Обращаясь к правительствам европейских держав, авторы предупреждали последних, что если с их стороны не будут сделаны шаги для принуждения Турции выполнить в Боснии и Герцеговине хотя бы ее собственные хатты, то народ начнет восстание, предаст своих тиранов огню и мечу, а ответственность за то, что произойдет, ляжет на тех, «кто не отозвался вовремя на справедливый глас народа»¹². От сознания необходимости восстания Пелагич приходит к мысли о его неизбежности. Тем самым он оправдывает вооруженную борьбу и все ее последствия. Весной 1872 г. вопрос о неотвратимости вооруженной борьбы Пелагич ставил еще более категорично. Он писал, что «свобода — это плод борьбы за свободу»¹³. В правильности такого представления убеждали Пелагича примеры из истории и изучение работ Г. Бокля, Д. Милля и других буржуазных ученых¹⁴, которые в 1872 г. складываются уже в теоретическое построение: «борьба — это жизнь», «борьба — двигатель и творец всего, что есть полезного в мире»¹⁵. Мы будем бороться, писал он, выступая от имени сербского народа, «пока не осуществим высоких задач, стоящих перед сербами и человечеством, не опуская молодецких крыльев ни перед какими невзгодами, ибо истинно патриотическая борьба за святую свободу и право должна закончиться только победой или смертью, но никак не примирением, которое наносит ущерб науке, прогрессу, народу и человечеству»¹⁶. Таким образом, весна

¹¹ См.: В. Пелагич. Сербам в Турции. «Застава», 1871, № 142, стр. 2.

¹² См.: «Застава», 1872, № 27, стр. 2.

¹³ В. Пелагич. Наши позиви или низ користних поука, Нови-Сад, 1872, стр. 11.

¹⁴ В. Пелагич. Наши позиви..., стр. 12—14. В это время Пелагич впервые употребил термин «революция» (см.: там же, стр. 9).

¹⁵ Там же, стр. 14.

¹⁶ Там же.

1872 г. явилась заметным этапом в развитии мировоззрения Пелагича, ознаменовавшим важный шаг на его пути к революционности. От просветительства как доминирующей системы взглядов остается у него лишь проблема просвещения (образования) народа¹⁷. Об этом свидетельствуют его переговоры с революционерами — социалистами в 1873 г. Тогда Пелагич писал К. Угриничу: «Во всем мы едины, кроме того, что я еще хочу действовать, чтобы достигнуть цели, и просвещением, и знаниями»¹⁸. В 1872 г. Пелагич выступил с четкой программой буржуазно-демократических преобразований. После завоевания национальной независимости он считал необходимым обеспечить введение гражданских свобод, создание демократического национального государства¹⁹. Годы, непосредственно предшествующие Боснийско-герцеговинскому восстанию 1875—1878 гг., были для Пелагича временем формирования революционно-демократического мировоззрения. Эти его взгляды проявились уже в 1873 г., когда он поставил вопрос о ликвидации спahiйских (феодальных) отношений и передаче земли ее законному хозяину — крестьянству²⁰.

Переход Пелагича на революционно-демократические позиции определило складывание революционной ситуации в Боснии и Герцеговине, быстро идущий процесс революционизирования крестьянства. Способствовали переходу и активная деятельность самого Пелагича, его более глубокое знакомство с социалистическими идеями и социалистами.

Когда восстание вспыхнуло, Пелагич принял в нем самое активное участие. Он был не только руководителем вооруженных отрядов и членом повстанческого комитета в одном из районов северной Боснии (Боснийской Костайницы), но и деятелем левого, революционно-демократического крыла, занимал последовательно революционную позицию, пытаясь на практике осуществить лозунг «свобода или смерть». Пелагич рассматривал восстание как массовое движение в противоположность

¹⁷ Следует оговорить, что горячим сторонником и деятелем народного просвещения Пелагич оставался до конца своей жизни.

¹⁸ Цит. по кн.: «Васо Пелагић и Војводина». Нови-Сад, 1956, стр. 82.

¹⁹ См.: В. Пелагић. Наши позиви..., стр. 11, 37.

²⁰ См.: В. Пелагић. Босанска скупштина у Сарајеву. «Застава», 1873, № 23, стр. 1.

стихийным вспышкам гайдуцких мятежей и видел не только разрушительные последствия, но и созидательные цели, во имя которых народ взялся за оружие. Выступление Пелагича накануне и в период восстания с рядом программ говорит о том, что он считал невозможным достигнуть успеха в нем без подготовки, организации и четкой постановки цели.

Идейно-теоретическое развитие Пелагича во второй половине 70-х годов шло очень быстрыми темпами. После восстания, поражение которого сопровождалось для народа Боснии и Герцеговины новым, австро-венгерским гнетом, Пелагич приступил к анализу происшедших событий. Он подходил к ним с глубокой верой в неодолимость прогресса, в необходимость продолжения активной борьбы народа за демократические права и свободу. Являясь сторонником социализма, он выступал за революционное низвержение всякого рода тирании. И в конце 70-х годов он оставался убежденным революционером-демократом²¹.

Защита интересов народных масс, прежде всего обездоленного крестьянства, демократизм и революционная активность, стремление провести свои идеалы в жизнь заставляли Пелагича более глубоко осмысливать общественные отношения. Отсюда у него — элементы материализма и диалектики в вопросах, связанных с общественной жизнью, отсюда — и превращение вопроса о вооруженной борьбе за свободу в целое учение о революции, ее причинах и движущих силах, ее роли в истории. Фактически этот вопрос становится в конце 70-х годов для Пелагича одним из основных, в нем концентрируется его представление о законах развития человеческого общества.

Осмыслением всего опыта деятельности Пелагича явилась вышедшая в 1879 г. его большая книга «Борьба за освобождение, или История боснийско-герцеговинского восстания». Являясь одним из лучших произведений Пелагича, она содержит большой теоретический раздел «О причинах восстаний», позволяющий составить полное представление о взглядах ее автора на вопрос

²¹ См.: В. Пелагић. Историја босанско-герцеговачке буне у свези са српско-влашко-бургаско и руско-турецким ратом у години 1875—1878. Београд, 1882, стр. XX—XXI, XXVI, 15, 28—29, 77—78, 81, 208—220.

о революционном преобразовании мира²². Один из важных тезисов этого раздела — развитие положения о закономерности революционной борьбы там, где господствует насилие. Рассматривая в качестве примера восстание в Боснии и Герцеговине, он назвал в числе основных причин его не религиозный или национальный фанатизм, а социальный и политический гнет. Оно было вызвано, резюмировал Пелагич, всеми несправедливостями государственного строя²³. В конечном же счете все революционные потрясения он объяснял господством частной собственности. Вооруженная борьба, считал Пелагич, будет продолжаться до тех пор, пока не будут устранены причины, вызывающие ее, и уничтожен главный источник всех общественных зол — частная собственность²⁴. Пелагич неоднократно подчеркивал мысль о том, что народ поднимается на борьбу не для того, чтобы одних угнетателей заменить другими, а для уничтожения всего старого строя и построения на его развалинах нового общества²⁵. Он продолжал доказывать неизбежность революционных столкновений и оправдывать их, стоял на позициях новой, революционной морали.

У Пелагича в годы после восстания сложились зачатки представления о революции как движущей силы истории. Он писал, что опыт истории всего мира свидетельствовал о том, что народы из одного общественного строя переходили в другой путем революции «и ни одно общество не преобразовывалось другим путем»²⁶.

Представляет интерес постановка Пелагичем вопроса о причинах народных восстаний. Он отмечал, что вооруженная борьба народа начинается тогда, когда особенно ухудшается положение масс, которые уже не могут более переносить гнет, начинают сознавать свое положение и искать выход²⁷. Пелагич в данном случае особо подчеркивал роль сознания и горячо верил в конечную

²² Понятие «восстание» Пелагич здесь также приравнивает к понятию «революция». Оба термина прочно вошли в его политический лексикон.

²³ В. Пелагич. Историја... буне, стр. 39, 42—44.

²⁴ Там же, стр. 143—144.

²⁵ Там же, стр. 96.

²⁶ Там же, стр. 1.

²⁷ Там же, стр. 7—8.

победу народа. Он замечал по этому поводу (на основании опыта и истории), что никакие гонения не могут остановить развитие передовой мысли и деятельности революционеров. «Угнетатели,— писал Пелагич,— обманываются временной победой, не зная, что прогресс неодолим — он возьмет свое»²⁸. Что касается Боснии и Герцеговины, то и здесь, предупреждал он, революция не закончена, а лишь усмирена, и борьба вспыхнет с еще большей силой.

Следовательно, после поражения восстания Пелагич не только не изменил революционному делу, подобно многим из руководителей восстания, но даже расширил пропаганду революционных идей. Продолжение вооруженной борьбы он считал необходимым вплоть до установления строя, отвечающего интересам народа. И позднее, в период австро-венгерского захвата, Пелагич оставался на позициях революционера.

С первых же мероприятий правительства Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине он не дал обмануться официальной версией о ее «цивилизаторской» миссии, а увидел носителей нового гнета²⁹. Австро-венгерским войскам пришлось буквально завоевывать вилайет. В 1880—1882 гг. он писал о том, что Австрия толкает народ к новому восстанию и что рано или поздно народ поднимется на борьбу. Восстание будет неизбежным, считал Пелагич, если «освободительница» Австрия будет устанавливать свои антинародные законы. Антинародная суть этих законов заключалась для него в сохранении прежних производственных отношений в сельском хозяйстве, возвращении на старых условиях бежавших во время восстания турецких феодалов, увеличении налогов. Он отмечал резкое ухудшение экономического положения крестьянства в результате австрийской политики. «Австрия создает вулкан,— писал он,— который рано или поздно учинит хаос в виде нового восстания. Это должно произойти, так как австрийские законы создают общее недовольство среди населения всех вероисповеданий этих провинций. Недовольство же — это народная болезнь, которую должно лечить. Лекарством от этой

²⁸ В. Пелагич. Историја..., буне, стр. 10—11.

²⁹ В. Пелагич. Јавно писмо Гледстону, инглеском министру спољњх послова. Београд, 1881, стр. 3—5, 7, 14 и др.

болезни является революция. Эту истину подтверждает история»³⁰. Пелагич анализировал создавшуюся обстановку с позиций революционера-демократа.

Вплоть до 1886 г. он вел в печати активную борьбу с австро-венгерским оккупационным режимом. Во второй половине 80-х — начале 90-х годов у Пелагича не встречается непосредственных призывов к восстанию. Очевидно, для него стало ясным отсутствие условий для вооруженного выступления. Основным направлением его деятельности вновь стало просвещение. Революционный демократизм Пелагича вступил в период кризиса, в котором отразилось завершение целой эпохи революционного движения в истории Боснии и Герцеговины.

Что касается представления Пелагича о законах развития человеческого общества, то по сути дела он оставался идеалистом. Научного понятия революции у него не было и не могло быть, ибо он не понимал законов развития самой материальной основы человеческого общества. Из его рассуждений видно, что, не затрагивая сферу базисных отношений, он свои выводы делал на основе опыта политической истории. Достижения его в области понимания материалистического и диалектического развития общества были лишь небольшими островками в море идеалистических представлений.

Пелагич руководствовался идеями «чистого разума», «справедливости», «естественных прав человека». В терминологии и в абстрактной постановке вопроса сказался антропологизм. Элементы материализма во взглядах Пелагича свидетельствуют, что ему был присущ вульгарный, механический материализм (чем сильнее давление на народ, тем активнее его отпор). В подходе к явлениям общественной жизни Пелагич был субъективистом. Будучи убежденным в необходимости и неизбежности революции, он в то же время считал возможным искать средства «для устранения причин, вызывающих революции». Для этого было нужно, по его мнению, «серьезное изучение ряда общественных наук, которые указывают выход». В числе таких общественных наук он называл социологию, национальную экономику, физиологию, гигиену, педагогику, статистику, историю³¹.

³⁰ В. Пелагић. Јавно писмо Гледстону..., стр. 14.

³¹ В. Пелагић. Историја... буне, стр. 15.

Национальный вопрос он ставил в зависимость от социальных интересов народных масс, в первую очередь крестьянства. Его лозунгом была борьба за «подлинную свободу», за освобождение широких слоев народа от всякого вида гнета — социального, политического, национального. В тех конкретно-исторических условиях это означало самую непримиримую борьбу с феодализмом во имя прогресса. Недаром речь у него идет о восстаниях против Турции и Австро-Венгрии, а не о революции в Сербии. Даже в годы революционного спада он всегда живо откликался на те события, которые были связаны с борьбой за национальное освобождение.

Пелагич формировался как революционер-демократ в годы революционной ситуации 70-х годов на Балканах. Он находился на переднем крае борьбы, возглавляя демократические силы страны в борьбе за освобождение от османского и австро-венгерского гнета.

Л. С. Кишкин

М. АЛЕШ

И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Все виды искусства, в том числе и изобразительное, неотделимы от жизни общества и всегда прямо или опосредствованно участвуют в борьбе определенных социальных групп, классов, народов. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя», — писал В. И. Ленин в статье «Партийная организация и партийная литература»¹. Наиболее ярко взаимосвязи искусства и общественной идеологии проявляются в ходе революционной и национально-освободительной борьбы. Об этом убедительно свидетельствует творческое наследие таких чешских художников, как Йозеф Манес (1820—1874), Ярослав Чермак (1830—1878), Миколаш Алеш (1852—1913).

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 104.

Творчество Алеша особенно характерно в этом отношении. Являя собой ярчайший пример участия крупного художника в освободительной борьбе народа, оно заслуживает специального рассмотрения.

Творческая деятельность М. Алеша началась в конце 1870-х годов и закончилась в 1913 г.

Алеш принадлежал к художникам, которые особенно глубоко вторгались в жизнь своих современников, воздействовали на становление национального самосознания и выработку исторического мышления. Исторические взгляды Алеша, а в соответствии с ними и художественное видение прошлого и настоящего, были предопределены главными прогрессивными событиями и явлениями чешской национальной истории. Прославление освободительной борьбы чешского народа красной нитью проходит через все его творчество. Прошлое художник видел в его связях с настоящим и будущим. Он брал из истории то, что помогало бороться с национальным и социальным угнетением. Исторические образы Алеша были действенным идеологическим фактором в освободительной борьбе чешского народа.

Алеш понимал огромное воспитательное значение истории и потому всеми силами стремился зрительно воскресить прошлое чешского народа и тем самым способствовал пробуждению в нем патриотических чувств и стремлений к свободе.

Не имея возможности даже бегло коснуться всех жгучих вопросов национальной чешской жизни и освободительной борьбы чешского народа, которые ставил и решал с народных, глубоко демократических позиций Алеш в своем творчестве (его наследие составляет около 8000 различных работ), коротко, в самой общей форме, остановимся лишь на двух из них: интерпретации национальной истории и отражении славянской темы.

Характеризуя исторические воззрения Алеша, чешские исследователи обычно указывают на то, что его внимание особенно привлекали «кирилло-мефодиевская», «сватовацлавская» и «гуситская» традиции. При этом они отмечают, что в отличие от некоторых других деятелей чешской культуры художник не противопоставлял эти традиции, не ставил одну выше другой, а, извлекая из каждой те положительные черты, которые видел в них народ, стремился использовать их в интересах осво-

бодительной борьбы, на службу которой сознательно ставил свое искусство². Все это в основном верно, если, конечно, иметь в виду то, что удельный вес каждой из названных традиций в процессе развития чешской общественной мысли не был одинаков. Однако сказанным все же не исчерпывается представление об исторической концепции Алеша. Для нее столь же показательны острый интерес и положительное отношение к крестьянским восстаниям XVII—XVIII вв., эпохе чешского национального возрождения и всевозможным проявлениям освободительной борьбы во второй половине XIX в. (революция 1848 г., таборное движение 60-х годов, забастовки и массовые выступления рабочих, общедемократическая борьба за всеобщее избирательное право). В этом отношении характерны такие произведения Алеша, как «Из времен сельских восстаний» (1899), «Уж та липа наша» (1891), «Год 1848» (1881), «В добрый час достойному» (1881), «Австрийская германизаторская политика в Северной Чехии» (1908), многие карикатуры для журнала «Рашпле» и др.

Воздействие на становление национального сознания народа, выработку у современников прогрессивного исторического мышления и стремления к активной борьбе за освобождение Чехии, помимо уже названных, оказали и другие произведения Алеша: графический цикл «Родина» (1880—1881), воспроизведенный в люнетах фойе национального театра, и различные изображения легендарного князя Вацлава, покровителя земли чешской, картины «У могилы божьего воина» (1877), «Гуситский табор» (1877), «Встреча Иржи из Подебрад с Матиашем Корвином» (1878), большое количество рисунков на гуситскую тему («Божьи воины», «После битвы при Усти над Лабой», образы Гуса и Жижки, изображения гуситских воинов) и рисунки, посвященные крестьянским восстаниям («Из времен сельских бурь», «Ян Козина»).

Если взять все произведения Алеша на историческую тему, а это основная и главная часть его творчества, то они со всей определенностью подтверждают необычайно широкий диапазон его исторических интересов. Трудно назвать какие-либо важные события чешской на-

² См.: «Vlast a národ». Praha, 1940, стр. 37.

циональной истории, которые художник так или иначе не отразил бы в своем творчестве.

Весьма существенна и вторая черта, свойственная историческим произведениям Алеша. Мы имеем в виду патристическую и демократическую направленность интересов художника. Поэтическое воспевание древнего чешского государства и защиты его независимости, прославление и возвеличивание многовековой освободительной борьбы чешского народа — все это необычайно показательно для творчества Алеша и составляет характерную особенность его исторической концепции. Прошлое у него при этом всегда переключается с сегодняшним днем.

Подобно многим выдающимся деятелям чешской культуры XIX в. (Эрбену, Неруде, Дворжаку, Сладеку и др.) Алеш вышел из народа, подобно им, глазами народа смотрел он на прошлое Чехии и с народных позиций воссоздавал национальную историю средствами изобразительного искусства.

Алеш — видный деятель чешской культуры, особенно много сделавший для того, чтобы его соотечественники узнали и увидели, именно увидели свою национальную историю, научились соединять в единую цепь события прошлого и настоящего, понимать их как непрерывное продолжение жизни народа. Не менее важно и то, что Алеш особенно ясно сказал простым чешским людям, что именно они, а не короли и паны всегда были и есть самой действенной силой исторического развития. В этом художник стоял выше многих современных ему чешских историков. До него в чешском изобразительном искусстве участие народных масс в борьбе за независимость Чехии и свободу с такой силой не раскрывал никто.

Так же как и художественное наследие всех выдающихся деятелей чешского национального возрождения, творчество Алеша никак не укладывается в рамки одного лишь искусства. В силу особых условий развития чешской жизни оно выполняло большую общественно-культурную роль, воспитывало и учило народ, обогащало его знанием истории, утверждало в нем веру в лучшее будущее и в какой-то мере указывало пути к нему. Последовательным был демократизм художника в понимании истории, близко и доступно простым людям пат-

риотическое раскрытие смысла истории. Именно поэтому Алеш и стал «властителем дум» своего времени, именно поэтому его творчество, столь характерное и показательное для своей эпохи, таит в себе ее живое дыхание. Пользуясь словами Чернышевского, можно сказать, что Алеш был и тем, кто объяснил ее, и тем, кто выносил ей приговор.

Глубоко прав, на наш взгляд, был Верещагин, когда писал: «Искусство должно и будет защищать общество. Влияние его мало заметно и не ощущается резко, но оно велико, можно даже сказать, что влияние его на умы и сердца и на поступки народов громадно, непреодолимо, не имеет себе равного»³. К Алешу, более чем к кому-либо, могут быть отнесены эти слова. Когда чешский художник умер, поэт Франтишек Гельнер с полным основанием писал, что «вдохновенная рука» Алеша сильнее, чем «слова», оживляла в памяти предков «славные деяния», «пламенные песни народа», «красоты / родины».

Прошлое и настоящее чехов в сознании Алеша было неразрывно связано с жизнью и историческими судьбами всех славянских народов. В Чехии он видел часть большого славянского мира. Освободительную борьбу угнетенных славянских народов Алеш связывал с мыслями о свободе всех стран и народов. Художником было создано много произведений из жизни славян. Они также явились существенным вкладом в освободительную борьбу чешского народа.

Все работы Алеша на славянскую тему (а их несколько сот) могут быть разделены на две группы: посвященные древнему, дохристианскому, периоду истории славян, и работы, касающиеся конкретных исторических событий отдельных славянских народов (словацкого, русского, польского, сербского, хорватского, болгарского и т. д.). К первой группе следует отнести графические циклы «Славянские боги» (не закончен), «Жизнь старых славян» (1891), один из ранних циклов «Чувства» (1876). Среди работ другой группы особенно много посвящено Словакии (графические работы «Яношик», «Збойники», «Над Татрой сверкают молнии» и др.) и России (картина «Дозор», рисунки «Русский воин», «Полки Игоревы» и т. д.).

³ «Мастера искусства об искусстве», т. IV. М.—Л., 1937, стр. 312.

Если сравнить содержание основных осуществленных и задуманных Алешем работ на славянскую тематику, то в них отчетливо обозначится одна особенность. Все они посвящены или должны быть посвящены решающим моментам в истории славянских народов, определяющим их судьбу. В одних случаях — это решающие сражения с захватчиками славянских земель: борьба с татарским нашествием в России, Косово поле, битва у Самокова, оборона Сигета, Полтавская битва, Отечественная война 1812 г. в России, наконец, если иметь в виду Чехию, — Белогорская битва. В других случаях Алеш стремился посредством своих произведений рассказать зрителям об исчезнувших славянских народах (название листа «Прибалтийская элегия» в одной из программ «Славии» и др.), о больших древнеславянских государствах, в частности «Великой Моравии», в состав которой входили чешские и словацкие земли (лист «Сватоплук»), о величии и славе этих государств в прошлом (лист «Люблинская уния», изображение легендарного славянского правителя, главы союза чешско-моравских племен в VII в. Само, 1888). И все это было подчинено одной общей цели — привлечь внимание к судьбе угнетенных славянских народов, помочь их освободительной борьбе.

Многочисленные произведения Алеша на славянскую тему, так же как и произведения, посвященные национальной чешской истории, сами стали действенным идейным фактором этой борьбы.

Произведения Алеша оказывали сильное воздействие на сознание людей, так как широко распространялись в печати и, будучи использованы архитекторами, по существу выполняли монументально-агитационную функцию.

Раскрытие национально-освободительных идей сочтлось в творчестве Алеша с глубоким демократизмом, революционностью и интернационализмом. В своей совокупности творческое наследие Алеша оказало огромное воздействие на широкие народные массы, укрепляя в них волю к борьбе за национальную и социальную свободу. Оно подтверждает большое значение изобразительного искусства в формировании и развитии национально-освободительных идей и достойно в этом отношении самого пристального внимания исследователей.

III

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

М. Н. Акопян

ОСВОБОЖДЕНИЕ ГРЕЦИИ И АРМЯНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ

В исторических судьбах армянского и греческого народов есть много общего. На протяжении нескольких столетий и армянский, и греческий народы томились под тяжелым турецким игом, и тот, и другой длительное время вели упорную борьбу с турецкими завоевателями. Армянская общественность с огромным вниманием следила за ходом освободительного движения греческого народа, а после обретения Грецией независимости ее пример вдохновлял армян на борьбу за освобождение от турецкого господства.

Еще в период Кандийской войны (1645—1669), считаясь с возможностью ее благоприятного исхода, была разработана единая программа освобождения греков и армян из-под турецкого ига. Ее авторами были наместник греческого патриарха Козма Палеолог и армянский купец Махтеси Мурад (Шахмурад). Создатели программы возлагали надежды также на помощь русских, валахов, эфиопов. Эта программа долгое время (1666—1683) обсуждалась в международных кругах, в частности в Ватикане и при дворе французского короля, но так и осталась на бумаге¹.

¹ А. С. Анасян. Освободительные движения в Западной Армении в XVII веке. Ереван, 1961 (на арм. яз.).

Большой интерес представляет программа, выдвигнутая революционером-демократом, поборником идей совместного вооруженного восстания балканских народов Ригасом Велестинлисом (1757—1798)². Известно, что Ригас провел много лет в Константинополе и Бухаресте и, очевидно, имел связи с армянскими купцами этих городов. Будучи секретарем Александра Ипсиланти, он не мог не знать одного из сподвижников семейства Ипсиланти армянина Погоса Себастьяна³. Не исключено, что Ригас знал и Манукбея Мирзаяна (1769—1817), имевшего тесные связи с Портой (в частности, с Мустафой-пашой Байрактаром) и игравшего определенную роль в русско-турецких связях, в том числе в заключении Бухарестского мира. Этот армянский деятель, между прочим, имел переписку с И. Каподистрией⁴. Ригас, безусловно, знал об армянских колониях, существовавших в XVIII в. как в самой Греции, так и на Балканах.

Учитывая все эти связи, Ригас возлагал определенные надежды и на армян. В своем пламенном гимне Ригас назвал армян в числе тех народов, которые должны сообща с оружием в руках восстать против турецкой тирании:

Булгары и албаны, армяне, греки,
Черные и белые арапы, обще ополчимся
За вольность, мечами все вооружимся
И мужественно загремим⁵.

В соответствии со своей программой Ригас в проекте конституции будущей греческой республики предусмотрел для армян широкие демократические права

² О деятельности Ригаса см.: *Г. Л. Арш.* Ригас Велестинлис — греческий революционер-демократ, борец против османского ига. «Балканский исторический сборник», вып. I. Кишинев, 1968, стр. 7—37; *он же.* К вопросу об идейном воздействии Великой Французской революции на балканские народы (Неизвестный текст конституции и «Военного гимна» Ригаса Велестинлиса). «Французский ежегодник 1963», М., 1964, стр. 320—344; *он же.* Тайное общество «Филики этерия». М., 1965; *он же.* Этеристское движение в России. М., 1970.

³ Тетрадь записей П. Себастьяна хранится в фонде № 182 Восточных рукописей Архива АН СРР.

⁴ *А. Дж. Сируни.* Страницы из жизни Манук-бея. «Вестник архивов Армении», 1969, № 3; 1970, № 2, 3 (на арм. яз.); *А. Ф. Миллер.* Мустафа-паша Байрактар. М., 1947.

⁵ «Французский ежегодник 1963», стр. 340—341.

наравне с греческим и другими народами. В главе «Начало Законоположительного устава. Способы, как управлять Демократиею» (т. е. республикой.— М. А.) в двух статьях (7 и 122) он конкретно называет армян, указывая на то, что они представляют «самовластие народа... без изъятия закона и языка», что они будут иметь «вольность, твердость, власть над своим именем... свободное богочитание... одно общее воспитание, народное вспоможение, где надлежит по законам, неограниченную свободу типографиям, право каждому просить и жаловаться, право собираться во всенародном обществе, и напоследок пользоваться всеми народными правами»⁶.

Видимо, тогда мало кто знал о проекте конституции Ригаса и его призыве. Лишь в 1877 г. армянский поэт Г. Бархударян перевел «Военный гимн» Ригаса на армянский язык. Он был опубликован во втором номере прогрессивного журнала «Пордз» («Опыт»), издававшегося в Тифлисе. Но в армянском, как и в послужившем ему основой русском переводе гимна, сделанном М. Михайловым, не было упоминания об армянах, а авторство приписывалось другому греческому деятелю — Адамантиосу Кораису. Поэтому в 70-х годах XIX в. «Военный гимн» Ригаса воспринимался русским и армянским читателем как призыв к борьбе против поработителей вообще.

О большом внимании армянских общественных кругов к революционному движению греков во главе с Ипсиланти свидетельствуют недавно опубликованные письма архиепископа бессарабских армян Григора Захаряна, датированные мартом — июлем 1821 г.⁷ Хотя в этих письмах нет упоминания об этеристах или об их тайном обществе, тем не менее они представляют определенный интерес не только для армянских, но и для греческих, молдавских и сербских историков. Они по существу являются записями непосредственного очевидца о первых сражениях греческой революционной армии, о событиях, происходящих у колыбели восстания в самый начальный его период. Одновременно эти письма являют-

⁶ «Французский ежегодник 1963», стр. 331, 339.

⁷ С. Коланджан. Новые армянские документы о национально-освободительных движениях балканских народов. «Вестник Ереванского университета», 1971, № 3, стр. 122—140 (на арм. яз.).

ся непосредственным откликом некоторых армянских кругов на происходившие события.

В первом из найденных писем (выявлены десять из предполагаемых тридцати⁸), датированном 2(14) марта 1821 г., архиепископ бессарабских армян сообщает архиепископу всех армян в России о «знаменитых и замечательных» новостях. Он извещает об убийстве взбунтовавшимися греками турецкого каймакама г. Галаца! Как известно, это послужило началом восстания⁹.

Гр. Захарян рассказывает о последующих битвах между повстанцами и турками, о победе греков, выступивших «небольшими силами, но с большими приготовлениями», о сборе сил «по полкам», о провозглашении греками своего предводителя правителем. В письме говорится о Тудоре Владимиреску, о котором, как пишет автор, «очевидцы говорят много хвалебного», расценивают «как разумного и храброго мужа». Весьма интересны сведения о том, что местные греки в массовом порядке получили паспорта у управляющего и перешли на другую сторону реки, «чтобы присоединиться к греческим войскам». Касаясь пребывания генерала Ипсиланти в Кишиневе, Гр. Захарян дает также некоторые сведения и о его отце. Обращает внимание хорошая осведомленность автора писем не только о военных силах греков, но и об их действиях на греческих островах. Гр. Захарян, например, сообщает, что греки имеют 200 военных судов, немало агентов на Крите и на других островах, где они готовы свергнуть османское ярмо. Понимая сущность этих событий, Гр. Захарян констатирует, что «волнение христиан будет на руку нашему милосердному царю» (Александру I.—М. А.). Более того, он видит признаки будущей войны. Как представитель духовного сословия, Гр. Захарян высказывается против социальных сторон революционного движения христиан, проявляет явный страх перед их требованием равноправия и особенно перед страшными последствиями для греков в случае поражения. Тем не менее он знает цену сообщаемым сведениям. Епархиальный на-

⁸ Подлинники писем см.: Научно-исследовательский институт древних рукописей при Совете Министров Армянской ССР — Матенадаран, Ф. Лазаревых, п. 39, 105; ф. Католикоса, п. 35, 38; ф. Нерсеса Аштаракеци, п. 165.

⁹ См.: Г. Л. Ари. Этеристское движение в России, стр. 292.

чальник армян в России архиепископ Ованес Гарнакэрян отмечал в сопроводительной записке к письму князю Овакиму Лазареву, видному богачу, имевшему тесные связи с царской верхушкой, что греческое восстание «предвещает великие дела нынешних времен»¹⁰.

Другие письма архиепископа Гр. Захаряна заключают в себе новые, не менее интересные сведения о греческом движении в марте—июле 1821 г. в Одессе, Константинополе, Яссах, Галаце, особенно о бесчинствах и варварстве турок в отношении греков, армян, молдаван и других христианских народов. Характерно, что в последующих письмах отношение автора меняется. В период поражения греческой революции он выражает свое отрицательное отношение к движению, именуя восставших греков «сбродом», «толпой» и т. д. Тем не менее о поражении греков он отзывается с глубокой болью; ибо с их победой связывал чаяния армян.

О том что греческие события в армянских кругах имели конкретные отзвуки, говорят следующие факты. Накануне греческого восстания католикос армян в Сисе Киракос I, развернувший большие строительные работы в Киликийской Армении, был заподозрен султанскими властями в том, что под видом церковных и гражданских строений воздвигает крепости и готовит народ к восстанию. Имеются прямые указания на то, что власти города Измира связали с греческим восстанием и строительство в 1825 г. двухэтажного здания армянской школы. Дело дошло до ареста ряда национальных деятелей¹¹.

Отклики армянской общественности на греческие события и на освобождение Греции отражены и на страницах армянской периодической печати, и в некоторых других армянских изданиях.

Периодический журнал «Тарегрутюн» («Летопись»), издававшийся католической конгрегацией в Венеции, члены которой известны под именем мхитаристов¹², по-

¹⁰ «Вестник Ереванского университета», 1971, № 3, стр. 131 (на арм. яз.).

¹¹ «Ашхатанк», 1912, № 104 (на арм. яз.).

¹² Мхитаристы — члены армянской католической конгрегации, основанной в 1701 г. в Константинополе. С 1717 г. мхитаристы переехали в Венецию, в 1803 г. часть их обосновалась сначала в Триесте, а позднее в Вене. В течение почти двух веков мхитаристы вели большую издательскую работу, чем внесли весомый вклад в развитие армянской культуры.

местил сообщение о событиях в Греции и на Ионических островах¹³. Мхитарист М. Джахджахан в 1829 г. написал три стихотворения, в которых предвещал светлое будущее свободной Греции¹⁴.

Еще четче было выражено одобрительное отношение армянской общественности к освободительной борьбе греков в армянской периодике более позднего времени.

В 1822 г. армянский журнал «Штемаран» («Житница»), издававшийся в Калькутте, отозвался об освободительной борьбе греков с большим воодушевлением и призвал армян следовать их примеру. Журнал восхвалял храбрость, героизм, единство греков, подчеркивал их умение использовать поддержку других христианских народов. В статьях выражалась надежда на то, что армянами овладеют такие же патриотические чувства и появятся столь же подготовленные, как у греков, руководители освободительного движения¹⁵.

Армянская периодическая печать с конца 50-х годов XIX в. стала сосредоточивать свое внимание на борьбе сулиотов, проявлять интерес как к отдельным периодам их героического единоборства, так и к деятельности их предводителей¹⁶.

В 1859 г. в одном из французских журналов появился исторический очерк греческого посла в Париже Евгения Емменица, который воспроизвел яркие страницы борьбы сулиотов в конце XVIII — начале XIX в. во главе с Фотосом Цавеласом. Через несколько месяцев этот очерк («Фотос Цавелас») был опубликован и армянским прогрессивным журналом Степана Восканяна «Аревмутк» («Запад»), тоже издававшимся в Париже¹⁷.

Исторический очерк о Цавеласе Ст. Восканян напечатал под рубрикой «Богатыри новой Греции» и сопроводил его предисловием, в котором выразил восхище-

¹³ «Тагегрутюн», 1801, стр. 50 (на арм. яз.).

¹⁴ «Тахк Мхитарян вардапетац», т. 2, 1853, стр. 62—65 (на арм. яз.).

¹⁵ «Штемаран», 1922, стр. 80 (на арм. яз.).

¹⁶ Сулиоты — греко-албанское горное племя православного вероисповедания. Благодаря своему героическому сопротивлению, сулиотам удалось в течение XVIII в. сохранить свою самостоятельность. В 1803 г. после неоднократных походов Али-паша Янинский подавил сопротивление нескольких тысяч жителей Сули, возглавляемых Фатосом Цавеласом. В период греческого восстания и освободительной войны за независимость Греции многие сулиоты прославились отвагой и героизмом.

¹⁷ «Аревмутк», 1859, № 23, 24 (на арм. яз.).

ние мужественной борьбой сулиотов и призвал соотечественников из Западной Армении следовать их примеру.

В 1861 г. журнал «Крунк айоц ашхарин» («Армянский жаворонок») опубликовал рассказ Р. Патканяна «Томас Боцарис (подлинный случай). Из истории борьбы греков на одном из островов Архипелага в XV в.»¹⁸

Интересно отметить, что в армянской периодической печати в разное время появились четыре варианта этого рассказа, созданные тремя армянскими авторами. Цель, которую преследовали эти публикации, ясна и определена: поднять армянский народ по примеру греков на вооруженную борьбу против турецкого ига.

В 1877 г. журнал «Пордз» опубликовал большой очерк «Независимость Греции», свидетельствующий о стремлении его издателей показать армянскому читателю, каким путем греческий народ добился независимости¹⁹. Это было сделано накануне русско-турецкой войны 1877—1878 гг., с которой армянский народ связывал надежды на освобождение Западной Армении от турецкого владычества. Обзорную статью о независимой Греции в нескольких номерах за 1880 г. публиковал журнал прогрессивного армянского деятеля М. Мамуряна «Аравелян мамул» («Восточная печать»), издававшийся в Измире²⁰.

В том же году в первом номере измирского журнала «Метэора» появился новый перевод исторического очерка Емменица «Фотос Цавелас»²¹.

Характерно и отношение армянского духовного центра Эчмиадзина к освободительному движению в Греции. Официоз Эчмиадзина журнал «Арарат» в этом вопросе не отставал от армянских прогрессивных органов печати. Еще в 1883 г. в двух своих номерах он поместил очерк «Восстание и обновление Греции», где говорилось о каз-

¹⁸ «Крунк айоц ашхарин», 1861, № 10, стр. 783—791 (на арм. яз.). Под именем Томаса Боцариса армянские писатели изображали бунтовщика грека, организатора восстания жителей одного из островов в Средиземном море против турок. Пока не выяснено, действительно ли существовал Томас Боцарис или это вымышленная личность, самостоятельно ли армянские писатели создали этот образ или заимствовали его у греков.

¹⁹ «Пордз», 1877—1878, № 2, стр. 163—229 (на арм. яз.).

²⁰ «Аравелян мамул», 1880, стр. 391, 528 и след. (на арм. яз.).

²¹ «Метэора», кн. 1, 1880, стр. 93—150 (на арм. яз.). Об отражении греческих освободительных движений в журнале «Метэора» см.: «Из истории армянской периодической печати», ч. 1. Ереван, 1963, стр. 273—296 (на арм. яз.).

ни Ригаса, о тайном революционном обществе, отмечались героические подвиги Колокотрониса, Марка Бацариса, Андрея Миаулиса, Меселонгиона, Дж. Байрона²².

Не случайно, что как султанская, так и царская цензура всячески препятствовали появлению на армянском языке материалов о греческом освободительном движении. Оттоманская Порта через дипломатические каналы потребовала от царского правительства запретить проникновение в Турцию некоторых армянских периодических изданий, в их числе упомянутый журнал «Пордз»²³.

Борьба греческого народа за свою независимость нашла широкий отклик не только на страницах армянской периодической печати. Начиная с 60-х годов армянские деятели, следуя примеру греков, предпринимали конкретные шаги по организации тайных революционных обществ. Об этом свидетельствует письмо П. Норатункяна к М. Хримяну от 21 октября 1863 г.²⁴ Организационная структура и методы борьбы «Филики этерии» были использованы в 1881—1883 гг. созданным в г. Карине (Турция) армянским тайным обществом «Паштпан айрентяц» («Защита отечества»)²⁵. Распространенная среди членов местной организации общества «Инструкция» начиналась следующими словами: «Армяне, пора проснуться, хватит дремать! Смотрите на отвагу греков и сербов и берите пример у них. Эти народы, хотя и малочисленны, бесконечными мучениями, силою оружия восстановили свои троны»²⁶.

Как свидетельствуют приведенные факты, армянская общественная мысль живо откликалась на борьбу греков за освобождение родины от турецкого ига. Независимая Греция служила примером для армянского народа, воодушевляла его на освободительную борьбу против турецкого ига и во многом способствовала разворачиванию этой борьбы.

²² «Арарат», 1883, № 6, стр. 229—239; № 7, стр. 283—298 (на арм. яз.).

²³ См.: «Страницы истории и филологии армянского народа». Ереван, 1971, стр. 290 (на арм. яз.).

²⁴ «Диван айоц патмутян», кн. 13. Тифлис, 1915, стр. 56—57 (на арм. яз.).

²⁵ Р. П. Оганесян. Национально-освободительное движение западных армян и каринская организация «Паштпан айрентяц». Ереван, 1965 (на арм. яз.).

²⁶ ЦГИАА, ф. 51, оп. 2, д. Г/115, лл. 1—23.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ
В ПОЛЬСКОМ ВОССТАНИИ 1831 г.
НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ**

Восстание, вспыхнувшее на Правобережной Украине в апреле—мае 1831 г., было следствием активной поддержки проживающим здесь польским населением национально-освободительной борьбы народа Польши за свою независимость. Свыше ста сорока лет отделяют нас от этих событий, однако в их изучении имеются существенные пробелы. В частности, малоисследованным остался вопрос о политических течениях в восстании, вопрос, который является очень важным как для характеристики движущих сил, так и для оценки событий в целом. Пока что первым серьезным вкладом в изучение данной проблемы является совместный труд советских историков В. А. Дьякова, В. М. Зайцева и Л. А. Обушенковой, в котором есть специальный раздел, касающийся социального состава участников польского восстания 1830—1831 гг. на Правобережной Украине¹.

Польское национально-освободительное движение на Правобережной Украине было неразрывно связано с событиями в Королевстве Польском и находилось под его непосредственным влиянием. В то же время следует различать в этом регионе некоторые особенности формирования и размежевания политических сил.

В Королевстве Польском становление политических группировок произошло в условиях победившего восстания. Потому мы отчетливо видим сложившиеся здесь и противостоящие друг другу самостоятельные политические направления, влияющие на ход событий, такие, как аристократически-консервативный лагерь, «калишане», «Патриотическое общество», состоявшее из «левых», «умеренных» и «правых». На Правобережной Украине процесс формирования и размежевания политических

¹ См.: В. А. Дьяков, В. М. Зайцев, Л. А. Обушенкова. Социальный состав участников польского восстания 1830—1831 гг. (По материалам западных губерний Российской империи). «Историко-социологические исследования (на материалах славянских стран)». М., 1970, стр. 19—168.

сил происходил в два основных этапа. На первом этапе (декабрь 1830 г.— апрель 1831 г.) в условиях усилившегося террора и репрессий со стороны царской администрации по отношению к польскому населению происходит процесс создания конспиративных организаций с задачей подготовки вооруженного выступления поляков края. В этих организациях и оформляются постепенно политические течения. Во время второго этапа (апрель— май 1831 г.) конспиративные организации приняли непосредственное участие в повстанческом движении.

Изучая программы и политические взгляды повстанцев, мы можем выделить три основных политических направления: во-первых, сторонников варшавского «Патриотического общества», во-вторых, течение конституционалистов, т. е. сторонников Конституции 3 мая 1791 г. и, в-третьих, консервативно-аристократический лагерь. Эти течения формировались в общих тайных обществах и повстанческих отрядах, хотя главенство в этих организациях часто захватывали представители какого-то определенного направления. Так, в конспиративной организации «Патриотическое общество» южной Подолии, руководителями которой были конституционалисты братья Еловицкие, Собаньские, В. Жевуский и др., находились также представители консервативного лагеря в лице крупного помещика К. Саббатина и его двух сыновей².

Прогрессивное течение сторонников варшавского «Патриотического общества» было на Правобережье еще малочисленным и слабым. Оно не могло оказывать решающего влияния на ход восстания. Его представители — Кирилл и Николай Гродецкие из Луцкого уезда на Волыни — члены варшавского «Патриотического клуба»³, Анастас Дунин (Дубенский уезд Волынской губернии), принимавший вместе с И. Лелевелем и М. Мохнацким деятельное участие в создании в Варшаве «Патриотического клуба» и вошедший в его руководство⁴, сторонник И. Лелевеля С. Служевский, повстанец в отряде

² К. А. Пушкаревич. Из истории польской революции 1830—1831 гг. «Труды Института славяноведения АН СССР». Л., 1932, стр. 339—340; ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 109/86, 1835 г., св. 12, д. 6, л. 10.

³ ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 109/86, 1831 г., св. 1, д. 9, л. 2; 1834 г., св. 7, д. 8, лл. 360, 362, 363.

⁴ «Polski Słownik Biograficzny», t. V. Kraków, 1946, str. 473—474.

Н. Олизара на Во́лыни⁵, Станислав Ворцель и другие стремились к решению в ходе восстания социальных проблем, придерживались республиканских взглядов.

Чиновники III отделения правильно объяснили, например, истоки прогрессивного мировоззрения Т. Дубецкого, бывшего одним из организаторов восстания на Во́лыни, которое, по их словам, оформилось как республиканское «под влиянием времени... тогдашнего воспитания в Кременецком лицее и библиотеки отца, состоявшей преимущественно из философских (в основном французских) сочинений XVIII века»⁶.

Варшавское «Патриотическое общество» пыталось распространить свое влияние на Правобережье, образовать там свои филиалы. С этой целью самые активные деятели и руководители общества Т. Кремповецкий, К. Пулаский, И. Шинглярский, К. Брониковский⁷, А. Дунин⁸ и другие приняли участие в волынском походе корпуса генерала Ю. Дверницкого. Их кратковременное пребывание на Украине сыграло положительную роль в деле пропаганды русско-польского революционного союза под девизом «За нашу и вашу свободу!»⁹. Все же выполнить вышеставленную задачу им не удалось. Однако варшавское «Патриотическое общество» не оставило мысли о привлечении на свою сторону поляков из Украины и успешно пополняло свои ряды за счет повстанцев, прибывавших из Правобережья в Королевство Польское. В целом неудача волынского предприятия резко радикализовала деятельность варшавского «Патриотического общества», оформила левицу организации. Наиболее многочисленным и влиятельным был лагерь конституционалистов, в ходе восстания часто захватывавший инициативу в свои руки. Социальной базой его была главным образом мелкая и отчасти средняя польская шляхта. Представители этого течения выступали под девизом «Да здравствует Третье Мая, долой Нико-

⁵ «Dyaryusz Sejmu z r. 1830—1831», t. IV. Kraków, 1910, str. 623.

⁶ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., оп. 6, 1857 г., д. 11, ч. 12, лл. 5, 7; ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 109/86, 1834 г., св. 7, д. 8, лл. 20, 21.

⁷ W. Zajewski. Walki wewnętrzne ugrupowań politycznych w powstaniu listopadowym 1830—1831. Gdańsk, 1967, str. 145.

⁸ «Polski Słownik Biograficzny», t. V, str. 473—474.

⁹ J. Bartkowski. Wspomnienia z powstania 1831. Kraków, 1967, str. 74—75.

лая!»¹⁰, т. е. за введение в независимой Польше Конституции 3 мая 1791 г. Так, В. Головинский, предводитель повстанцев в Овручском уезде на Волыни, обещал местному населению в случае победы восстания предоставить все выгоды конституционного правления¹¹. В решении аграрного вопроса этот лагерь выдвигал требование ликвидации крепостного права без наделения крестьян землей, уменьшения податей, срока службы в армии и т. д.

Взгляды представителей конституционалистов по украинскому национальному вопросу были весьма сходны с программой лагеря «калишан» в Королевстве Польском. «Калишане» также требовали расширения и введения конституции со всеобщими правами и политическими свободами, в Литве и на Правобережной Украине¹².

В течении конституционалистов можно выделить «левое» и «правое» крыло. Последнее добивалось только ограничения барщины и в этом вопросе смыкалось с консервативно-аристократическим лагерем, в политическом вопросе оно ратовало за введение на Правобережье конституции Королевства Польского 1815 г.

Более радикально выступило «левое» крыло конституционалистов на Подолии во главе с Еловицкими. Братья Еловицкие образовали подпольную организацию для подготовки восстания, охватившую южные уезды губернии, которая только формально была филиалом подольского «Патриотического общества». В отличие от всех остальных тайных польских организаций, возникших на Правобережной Украине в начале 1831 г. («Патриотическое общество» Подолии, «Союз косиньеров» на Волыни и др.), в программу этого общества было записано решение предоставить крестьянам личную свободу, гражданские права и земельную собственность¹³. Еловицкие не ограничились только декларативным заявлением, а пытались в ходе восстания осуществить данное обязательство и таким образом поднять всеобщее

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., оп. 6, 1832 г., д. 222, л. 2.

¹¹ ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 109/86, 1831 г., св. 1, д. 13, лл. 2, 3.

¹² W. Zajewski. Указ. соч., str. 122; «Dyaryusz Sejmu z r. 1830—1831», t. III, str. 226, 630; «Kurier Polski». Warszawa, 6.V, 3.VII.1831.

¹³ F. Wrotnowski. Powstanie na Wołyniu, Podolu i Ukrainie w r. 1831, t. 1. Paryż, 1837, str. 160.

крестьянское восстание¹⁴. Позиция Еловицких, поддерживаемая сторонниками варшавского «Патриотического клуба», дала некоторые положительные результаты. Они собрали повстанческий отряд в Гайсинском уезде численностью 450 чел., из которых, согласно подсчетам Л. А. Обушенковой, активными повстанцами оказались 188 крестьян¹⁵. Отряд Еловицких был самым большим на Правобережье.

Под давлением сторонников И. Лелевеля и часто смыкавшейся с ними «левицы» конституционалистов консервативному руководству приходилось идти на некоторые уступки, особенно при составлении программы восстания. Так, на совещании членов «Патриотического общества» Подолии в конце февраля 1831 г., где с отчетом о поездке в восставшую Варшаву выступил Николай Дениско, под нажимом «левых» большинство присутствовавших вынуждены были высказаться за поддержку И. Лелевеля и тех, кто желал революции¹⁶. До этого времени съезды делегатов тайных обществ Правобережья, на которых преобладали консервативно-шляхетские элементы, отказывались рассматривать крестьянский вопрос, ссылаясь на то, что в начальной стадии восстания можно обойтись без помощи крестьян¹⁷. Однако уже 8 марта на объединительном съезде польских конспиративных организаций Подольской и Киевской губерний под натиском «левых» было записано в программу готовящегося восстания решение о ликвидации крепостного права без наделения крестьян землей и введении конституции¹⁸. Консервативное руководство не могло примириться даже с такой умеренной постановкой аграрного вопроса, посягавшей на феодальные устои, и в ходе восстания стремилось сорвать его практическое осуществление.

Рассматривая в перспективе развитие политического течения конституционалистов в целом, следует отметить, что после неудачи восстания на Украине оно рас-

¹⁴ Там же, т. II, Paryż, 1838, str. 63, 67; *A. Jełowicki. Moje wspomnienia*. Lwów, 1933, str. 170, 190—191, 197, 201.

¹⁵ «Историко-социологические исследования...», стр. 127, 139.

¹⁶ *R. O. Spazier. Historia powstania narodu polskiego w r. 1830—1831*, т. II. Paryż, 1845, str. 216—217.

¹⁷ Там же, стр. 217.

¹⁸ *F. Wrothowski*. Указ. соч., т. 1, стр. 208.

палось и его представители пополнили в эмиграции в основном ряды «Польского демократического общества» и консервативный лагерь А. Чарторыского. Аристократическо-консервативное течение на Правобережье (М. Чайковский на Волыни, К. Браницкий на Киевщине, Г. Любомирский на Подолии и др.), состоявшее из магнатских кругов и клиентски зависимой шляхты, имело сильную поддержку в лице А. Чарторыского и других членов польского повстанческого правительства. Однако его представители (крупные помещики, магнаты), боясь потерять экономические и политические позиции на Украине, опасались принимать личное участие в вооруженном восстании, предпочитали влиять на ход событий через своих агентов — зависимую шляхту. Некоторые из них (К. Браницкий и др.) вели тайные переговоры с царским правительством¹⁹. Составленные польским историком Ф. Гавроньским списки польских повстанцев на Правобережной Украине, имения и ценности которых были секвестрированы царской администрацией, свидетельствуют о том, что на Волыни только 15 представителей магнатского сословия, имевших более 2 тыс. крепостных, на Подолии — 10 и на Киевщине — 5 вступили в повстанческие отряды²⁰.

Политическая программа этого течения была направлена на установление монархической власти в Польше, на возврат Речи Посполитой в «золотой век» и на восстановление для магнатов и шляхты прежнего политического влияния в государстве, на сохранение феодальных устоев. Уже в ходе восстания польский консервативный блок Правобережной Украины выставил кандидатом на польский трон А. Чарторыского, имевшего здесь крупные поместья. Многие пропагандисты этого лагеря в агитации среди населения следовали примеру Э. Добровольского, управляющего Меджибожским имением на Подолии, который объявлял, что «князь Чарторыский уже является польским королем и просит их (крестьян Украины.— Л. Б.) помощи»²¹. Впоследствии выходец из Волыни граф Нарциз Олизар и его сторон-

¹⁹ ЦГИА УССР (г. Киев), ф. 1342, оп. 1, д. 12, л. 6.

²⁰ F. Rawita-Gawroński. Konfiskata ziemi polskiej przez Rosję po roku 1831 i 1863. «Uwagi i materiały do statystyki Ukrainy, Podola i Wołynia». Kraków — Poznań, 1917, str. 9—15.

²¹ «Pamiętniki Polskie. Wyd. X. Bronikowski», t. I. Paryż, 1845, str. 133.

ники провозгласили в эмиграции А. Чарторьского королем де факто²². Программа консервативного течения обещала крестьянам только некоторое ограничение барщины и так называемое «отеческое» отношение помещика к крестьянам, взаимную любовь и уважение²³. Впрочем, тот же Н. Олизар, предводительствуя повстанческим отрядом на волынском Полесье, демагогически обещал здешним крестьянам предоставить личную свободу в обмен на их участие в восстании. Однако и сам он в такое обещание не верил²⁴.

Все перечисленные течения игнорировали национальный вопрос на Правобережной Украине. Они рассматривали последнюю как часть единой Польши, сводя дело к равноправию всех вероисповеданий и, в частности, к лояльному отношению к православной церкви.

После неудачи восстания на Правобережье свыше тысячи активных повстанцев ушло в Королевство Польское²⁵. Они приняли деятельное участие в свержении диктатуры Сквинецкого, в событиях 15 августа 1831 г., выступили против капитуляции Круковецкого и т. п. Под влиянием различных политических направлений в Польше значительная часть повстанцев с Правобережья пополнила «Патриотическое общество» и сеймовую оппозицию «левых». Окончательно завершился процесс размежевания лишь в первые годы эмиграции. Станислав Ворцель в тот период окончательно разорвал отношения с консервативными кругами и стал одним из первых польских социалистов-утопистов²⁶. В то же время А. Еловицкий, известный в период восстания конституционалист, на чужбине с середины 30-х годов перешел на крайние клерикально-консервативные позиции и посвятил свою жизнь борьбе с демократическими силами польского национально-освободительного движения²⁷.

²² *B. Limanowski*. Stanisław Worcell. Kraków, 1910, str. 41.

²³ *Н. Л. Рубинштейн*. Помещики и крестьяне в польском восстании 1831 года. «Каторга и ссылка», 1926, № 1, стр. 132—134; ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 экзп., оп. 6, 1831 г., д. 27, лл. 3—4.

²⁴ *F. Wrotnowski*. Указ. соч., т. II, стр. 11—13; *B. Limanowski*. Указ. соч., стр. 59.

²⁵ «Wybór źródeł do powstania listopadowego. Oprac. J. Dutkiewicz». Wrocław, 1957, str. XLIX.

²⁶ *B. Limanowski*. Указ. соч.; *W. Lukaszewicz*. Stanisław Gabriel Worcell. Warszawa, 1951.

²⁷ «Polski Słownik Biograficzny», т. XI. Kraków — Warszawa, 1964—1965, str. 160—162. *A. Jełowicki*. Указ. соч., стр. 202—203, 368.

РУССКИЕ ОФИЦЕРЫ И СОЛДАТЫ В ДЕЛЕ
Ш. КОНАРСКОГО И А. Н. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА
(К вопросу о тайном обществе «L'Humanité»)

Советские и польские историки, касавшиеся в своих исследованиях дела русского офицера А. Н. Кузьмина-Караваева и его соучастников, связанного с делом Ш. Конарского, использовали многие архивные источники и раскрыли ряд важных моментов этого дела, имеющего большое значение в истории русско-польских революционных связей¹. Однако в литературе до сих пор не были использованы богатейшие материалы военно-судной комиссии, хранящиеся в ЦГВИА СССР. Это обусловило некоторые неточности, а также неполноту в освещении дела Кузьмина-Караваева и причастных к нему лиц в работах названных историков. В частности, в монографии В. Г. Вержбицкого остался невыясненным вопрос о тайном обществе «L'Humanité» («Человечность»). В работе названы далеко не все офицеры, причастные к делу, не даны им характеристики и совершенно ничего не сказано о солдатах.

В. Г. Вержбицкий утверждает, что по признанию де Люсине, «Мошинский и Гильдебрандт примерно 10 или 11 апреля 1839 г. открыли ему, что они состоят в обществе под названием «L'Humanité», целью которого является продолжение пропаганды Конарского в демократическом духе. Де Люсине показывал: «Цель общества состояла в том, чтобы уничтожить подданство, свергнуть иго самовластия и посредством революции восстановить Польшу». Следствию не удалось установить, дей-

¹ А. Ф. Смирнов. Революционные связи народов России и Польши (30—60-е годы XIX в.). М., 1962, стр. 110—112; В. Г. Вержбицкий. О выступлении русского офицера Кузьмина-Караваева и его товарищей в защиту польского революционера Ш. Конарского. УЗИС, т. XXV. М., 1962; он же. Революционное движение в русской армии. М., 1964, стр. 161—173; А. И. Бортников. К истории русско-польских революционных связей в 30-х годах XIX в. «Славянский сборник», вып. 1. Воронеж, 1958; он же. О связях А. Н. Кузьмина-Караваева с польскими революционными организациями. «Вопросы истории славян», вып. 2. Воронеж, 1966; М. Вежховский. Польское национально-освободительное движение в Царстве Польском, Литве, Белоруссии и на Украине и русско-польские революционные связи 1830—1849 гг. (автореф. дисс.). М., 1958.

ствительно ли существовало общество. Тем не менее цели его отражали, очевидно, настроения заключенных, а также тех русских офицеров, которые сочувствовали им². Далее на основании показаний де Люсине автор пишет об обществе так, как будто оно действительно существовало, говорит о группе русских офицеров, которые будто бы были подготовлены и готовились к вступлению в общество. В действительности следствие установило непричастность всех арестованных гражданских и военных лиц к тайному обществу «L'Humanité», версия о котором явилась результатом мистифицирования прапорщика де Люсине заключенными польскими революционерами Каролем Гильдебрандтом и Александром Мошиньским.

Делом Кузьмина-Караваева поочередно занимались четыре следственные комиссии, не считая комиссии по делу Конарского. Следствие велось на протяжении четырех лет. Препровождая И. Ф. Паскевичу следственные материалы предыдущих комиссий, председатель последней из них — генерал-адъютант Кавелин сообщал, что по ходу производившегося под его председательством следствия «оказались совершенно неосновательными все последние изветы, взведенные на причастных к прежним делам лиц (т. е. о принадлежности к тайному обществу «L'Humanité), что никаких других против них показаний не имеется»³.

Виленский генерал-губернатор Ф. Миркович в рапорте военному министру от 7 октября 1840 г. сообщал, что де Люсине не подтвердил вынужденных ложных показаний некоторых арестованных, «оставаясь при прежних показаниях своих, сделанных в прошлом, 1839, году, то есть, что только слышал о существовании общества «L'Humanité», но что ни организации оной, ни самого эмиссара Залесского (который будто бы был организатором общества. — А. Б.) вовсе не видал»⁴.

Как возникла версия о тайном обществе «L'Humanité»? Распропагандированный Кузьминым-Караваевым во время караула при нем прапорщик Эстляндского егерского полка де Люсине, француз по происхож-

² См.: В. Г. Вержбицкий. Революционное движение в русской армии, стр. 165—166.

³ ЦГВИА СССР, ф. 16233, оп. 3/29, д. 78, т. 17, л. 47 об.

⁴ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 12999, ч. 1, л. 117.

дению, сблизился затем с другими заключенными, в частности с польскими революционерами Гильдебрандтом и Мошиньским. Общаясь с ними во время несения караульной службы, он затем стал их навещать каждый день; при этом не раз обсуждался план побега заключенных. В разговорах де Люсине с Гильдебрандтом и Мошиньским речь шла также о характере и деятельности организации Конарского, о восстании декабристов и их связях с поляками. При этом пылкий, общительный и непосредственный де Люсине допытывался, к какой конспиративной организации принадлежат Гильдебрандт и Мошиньский, изъявляя готовность вступить в тайное общество. Уступая настойчивым расспросам, Гильдебрандт и Мошиньский, по словам последнего, решили заявить де Люсине, что они принадлежат к обществу «L'Humanité». В своих вынужденных рассказах они наделяли выдуманное общество некоторыми чертами организации Конарского⁵. Пообещав принять и де Люсине в это общество, они поставили ему условие, чтобы он подготовил себя к этому достойным, выдержанным поведением и осторожной демократической пропагандой среди офицеров и солдат.

Гильдебрандт и Мошиньский заметили в де Люсине наряду с признаками ума и образованности также слабые черты характера: разговорчивость, граничащую с болтливостью, склонность к пьянству. Поэтому они не могли доверять де Люсине, тем более что вскоре были предупреждены и Кузьминым-Караваяевым, который советовал быть с ним осторожными⁶. Ни Гильдебрандт, ни Мошиньский не сообщили де Люсине о тех тайных обществах, которые действительно существовали, а именно: об организованном Гильдебрандтом тайном обществе студентов Дерптского университета, которое было связано с «Содружеством польского народа» и с Конарским, о «Польском демократическом обществе», действовавшем в эмиграции.

Предостережение Кузьмина-Караваяева оправдалось. Легковерный де Люсине сблизился с двумя уголовниками и с подпоручиком Григорьевым, вынужденным уйти в отставку из-за бесчестного поведения. Де Люсине по-

⁵ ЦГВИА СССР, ф. 16233, оп. 3/29, д. 78, т. 1, л. 628.

⁶ Там же, л. 345.

святил их в свои планы, рассказал о беседах с Кузьминым-Караваемым, Гильдебрандом и Мошинским, пригласил готовиться к вступлению в тайное общество «L'Humanité». Они же не только сообщили об этом властям, но и стали агентами-провокаторами, по доносам которых была арестована большая группа офицеров, унтер-офицеров и солдат, распропагандированных Кузьминым-Караваемым, Гильдебрандом, Мошинским, а отчасти и самим де Люсине. «Случай открыл зло,— доносил виленский генерал-губернатор,— и оно не могло распространиться, ибо не было достаточно к тому времени...»⁷

Во время следствия никто из арестованных даже под пытками не признался в существовании общества «L'Humanité» и своей принадлежности к нему, даже де Люсине, который признавался только в том, что ему говорили об обществе Гильдебрандт и Мошинский и что он готовился к вступлению в него. Пытки и истязания были исключительно жестокими. Гильдебрандт на суде показал, что его секли розгами более двух недель ежедневно утром и вечером, так что он был весь окровавленный. Затем его заковали в цепи, и он был лишен возможности пользоваться руками, был заперт в темную комнату без всякой постели, даже без соломы, и в течение пяти недель только один раз в день получал кусок хлеба. «Умалчиваю,— говорил он,— все ругательства, обиды и угрозы, которые я [...] испытал, и это все для открытия общества, о котором никогда я не знал и не знаю»⁸. Некоторые были доведены пытками до отчаяния. Намеревался покончить самоубийством де Люсине, но ему помешали караульные. Офицеры Литвинов и Квицинский заболели умственным расстройством. Умер в госпитале от пыток рядовой Трофим Иванов, подозревавшийся в передаче де Люсине оловянной ложки будто бы от Кузьмина-Каравая с надписью, в которой упоминалось общество «L'Humanité»⁹. Этой ложке, кстати сказать, посвящен целый том следственного дела. В действительности она, по-видимому, с провокационной целью была подсунута одним из членов следственной комиссии.

Существование общества «L'Humanité» и причаст-

⁷ ЦГВИА СССР, ф. 16233, оп. 3/29, д. 78, т. 1, л. 428.

⁸ Там же, д. 78, т. 16, л. 35/ об.

⁹ Там же, т. 17, л. 93.

ность к нему кого-либо из заключенных не были доказаны. Но когда решение суда еще находилось на рассмотрении в Полевом аудиториате, была задержана группа студентов Виленской медико-хирургической академии, пытавшихся бежать за границу. Последовали новые аресты. Создана была новая следственная комиссия. Она угрозами и обещаниями заставила ученика уездного училища Серафима Заливаку и гимназиста Павловского дать показания о существовании тайного общества «L'Humanité». Последовали новые провокации, злоупотребления, пытки, новые жертвы, вызвавшие возмущение виленской общественности. Особенной жестокостью отличился присланный Бенкендорфом жандармский офицер Лобри. Под давлением нараставшего недовольства и протестов Николай I распорядился расформировать следственную комиссию. Представ перед новой комиссией, заключенные отказались от данных ими ранее ложных показаний. Комиссия пришла к отрицательному заключению об обществе «L'Humanité». Генерал-полицеймейстер 1-й армии А. Я. Стороженко писал в своем рапорте И. Ф. Паскевичу от 20 июля 1839 г.: «Видно дурное направление умов против правительства; видны вредные разговоры, но формального тайного общества ничем не обнаруживается»¹⁰.

Итак, общества «L'Humanité» не существовало. Но если бы не провал де Люсине, то организация, вероятно, сложилась бы из распропагандированных Кузьминым-Караваевым, Гильдебрандтом и Мошиньским офицеров и из оставшихся на свободе участников организации Конарского. Во всяком случае знаменателен сам факт солидарности передовых русских офицеров и солдат с поляками, явившийся продолжением традиции декабристов, которые установили связи с «Польским патриотическим обществом».

К делу Кузьмина-Караваева оказались причастными десятки офицеров и 123 солдата из двух полков, несших караулы в Вильно. В своих прежних статьях о Кузьмине-Караваеве автор настоящего сообщения приводил данные в доказательство того, что по крайней мере сам он был участником организации Конарского еще до ареста ее руководителя. Офицеры 2-го батальона Но-

¹⁰ ЦГВИА СССР, ф. 14014, оп. 1, д. 44, 1839 г., л. 265 об.

воингерманландского полка, в котором служил тогда Кузьмин-Караваев, посещали имение Броньца, где скрывался Конарский. Именно в это время последний писал Лелевелю, что «завязал отношения с русской армией» и что «недели через три мы сблизимся с ней еще лучше»¹¹. Среди однополчан Кузьмина-Караваева были такие, как подпоручик Эристов, с которым он одно время вместе квартировал и который «за разные непозволительные сочинения был уже под судом [...] Говорят, что этот офицер есть вольнодумец»,— доносил о нем агент полицейского отдела штаба армии¹².

Когда Конарский был арестован и оказался в заключении, Кузьмин-Караваев под предлогом хлопот об отпуске немедленно прибыл в Вильно и прикомандировался к батальону, который охранял арестованных участников «Содружества польского народа». На первом же карауле Кузьмин-Караваев вошел в контакт с Конарским и другими заключенными¹³. Он передавал записки внутри тюрьмы и за ее пределы, предложил Конарскому бежать вместе с ним¹⁴.

Позже, когда Кузьмин-Караваев сам оказался под стражей, его батальон уже находился в Вильно. Будучи в карауле, офицеры батальона посещали арестованного и брали у него книги¹⁵. Вероятно, среди них были и соучастники Кузьмина-Караваева по организации Конарского. Де Люсине их не знал, а ни сам Кузьмин-Караваев, ни Конарский никого не выдали. Если Кузьмин-Караваев сумел распропагандировать ряд офицеров в короткое время, пока они несли караул при нем, то, конечно, он оказывал более сильное влияние на офицеров своего полка и батальона, которые, судя по агентурным данным, все были очень высокого мнения о нем. О военнослужащих, которые побывали на карауле у камеры Кузьмина-Караваева, де Люсине говорил Мошиньскому, что «офицеры, возвращающиеся с того поста, делятся уже с другими мнениями»¹⁶.

¹¹ «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей», т. II. М., 1956, стр. 417.

¹² ЦГВИА СССР, ф. 14014, оп. 7, д. 12, л. 38.

¹³ Подробнее об этом см.: А. И. Бортников. К истории русско-польских революционных связей в 30-х годах XIX в. М., 1958.

¹⁴ ЦГВИА СССР, ф. 16233, оп. 3/29, д. 78, т. 1, лл. 517—518, 612.

¹⁵ Там же, л. 47 об.

¹⁶ Там же, л. 618.

Д. Б. Кацнельсон

К ИСТОРИИ УЧАСТИЯ СЛАВЯН
В ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 гг.
(По материалам львовских архивов)

Участие славян в революции и национально-освободительной борьбе венгерского народа, огромное общеевропейское значение которой отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, издавна привлекало внимание писателей и историков многих стран¹. Этот вопрос, связанный с изучением революционных традиций народов, их солидарности, стал еще более актуальным в наше время, когда Венгерская Народная Республика тесно сотрудничает со славянскими странами в едином социалистическом содружестве. За последние 20 лет появилось много интересных работ на эту тему советских, венгерских и польских ученых — Р. А. Авербух, А. С. Нифонтова, Э. Ковача, И. Чапляроша, П. Ханака, Э. Андич, Э. Козловского и многих других². Однако отклики на венгерскую революцию 1848—1849 гг. в славянских странах были так сильны и многосторонни, что многие факты остаются еще недостаточно исследованными.

Обширные материалы об участии славян, преимущественно поляков и украинцев, в венгерской революции имеются во Львове — в ЦГИА УССР, ГАЛО, Отделе рукописей Научной библиотеки АН УССР. Это прежде всего разнообразные официальные документы, датированные 1848—1852 гг., например, переписка австрийского министра внутренних дел Баха с галицийским наместником графом А. Голуховским и губернатором Стадио-

¹ См.: А. И. Герцен. Война и мир. Собр. соч. в 30 томах, т. XIV. М., 1957; I. Франко. Лук'ян Кобилиця. «Твори», т. XIX, Київ, 1956; L. Russjan. Polacy i sprawa polska na Węgrzech w r. 1848—1849. Warszawa, 1934.

² Р. А. Авербух. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии. 1848—1849. М., 1965; А. С. Нифонтов. Россия в 1848 г. М., 1949; E. Kovács. Vem József. Budapest, 1954; он же. A lengyel kérdés a reformkori Magyarországon. Budapest, 1959; I. Csapláros. Polaki Węgier — dwa bratanki. Debrecen, 1964; П. Ханак. Угнетенные народы Австрийской империи и венгерская революция 1848—1849 гг. Будапешт, 1953; E. Andics. A Habsburgok és a Romanovok szövetsége. Budapest, 1961; E. Kozłowski. General József Bem. Warszawa, 1958; A. Divéky. Bem a Petöfi, Kraków, 1924.

ном о мерах борьбы против возраставшего в Галиции движения солидарности с революционной Венгрией; распоряжения галицийского наместничества дирекции полиции и окружным правлениям о розыске и наказании скрывавшихся после разгрома революции ее участников; донесения и списки «скомпрометированных» лиц; переписка Голуховского с киевским генерал-губернатором Бибиковым и житомирским губернатором Васильчиковым о передаче царскому правительству его подданных, арестованных австрийскими властями в связи с венгерскими событиями, а также о передаче австрийских подданных, арестованных в России. Во львовских архивах хранятся также письма и мемуары славян — участников венгерской революции, и многочисленные акты о судьбах венгров — эмигрантов Кошута, прибывавших в Галицию или проезжающих через нее в Пруссию как во время революции, так и после ее подавления.

Предлагаемое сообщение основано на архивных источниках (кроме львовских материалов использованы «статейные списки» политических каторжан, приговоренных к работам в Нерчинских рудниках за участие в венгерской революции или за сочувствие ей, из Читинского областного архива и тетради с записями польских песен о венгерской революции из ЦГИА Литовской ССР). Оно является попыткой рассмотреть часть найденных мною материалов в нескольких аспектах: судьбы славян, пришедших из Галиции в Венгрию в 1848—1849 гг. для участия в освободительной борьбе, характеристика их социального состава и общественно-политических стремлений; вооруженные выступления галицийских рабочих-шахтеров и ремесленников против набора рекрутов в австрийскую армию для участия в подавлении венгерской революции; меры австрийского и царского правительств по борьбе с проявлением сочувствия венграм со стороны передовых русских солдат и офицеров; генезис и бытование польских песен о боевом содружестве венгров и поляков.

Несмотря на суровые меры, принятые австрийскими властями, в 1848—1849 гг. на помощь восставшей Венгрии тайно пробирались сотни смелых и вольнолюбивых людей. Как можно судить на основании донесений окружных правлений дирекции полиции во Львове, приблизительно третья часть желавших присоединиться

к революционной венгерской армии была схвачена австрийскими властями при попытке перейти венгерскую границу. Попытка пробраться в Венгрию тоже считалась австрийскими властями преступлением. Студенты, как участники революции, так и пойманные при попытке к бегству, лишались права продолжать учение. Всем учебным заведениям Австрии строго предписывалось не принимать таких лиц. Кроме того, существовала договоренность между австрийским императором и королем Баварии о том, что студенты, исключенные из университетов Австрии, не могут быть приняты в университеты Баварии, и наоборот. Об этом были уведомлены университетские сенаты декретом министерства просвещения от 16 июня 1851 г.³ Все пытавшиеся пробраться в Венгрию принуждались жить в тех местах, откуда они родом, под строгим надзором полиции; русские подданные передавались царским властям.

Студентов, ремесленников, крестьян, разночинцев, принявших активное участие в венгерской освободительной войне, как «злонамеренных лиц (*verderbte Individuen*), которые, несмотря на горький опыт, не изменили своих настроений»⁴, предписывалось брать в штрафные роты на восемь лет в австрийскую армию⁵. Это делалось по приказу императора Франца Иосифа от 29 августа 1849 г. Особенно преследовались австрийскими властями те, кто, несмотря на поражение, хранили верность революционным идеалам, публично рассказывали о героизме венгров и поляков в боях, прославляли Кошута и Бема, предсказывали новые восстания и крах реакционных монархий.

Сохранилось много следственных дел против таких непокоренных участников венгерской революции. Полицией было установлено, например, что во Львове в 1849—1850 гг. в публичных местах выступал в таком духе солдат польского легиона в Венгрии Францишек Тесельский, недавно выпущенный из тюрьмы, в прошлом студент юридического факультета Львовского университета⁶. В Галиции отзвуки венгерской революции были так сильны, что полтора года спустя после ее подавле-

³ ЦГИА УССР (г. Львов), ф. 26, оп. 8, д. 1, л. 4.

⁴ Там же, ф. 146, оп. 7, д. 2976, лл. 55—56.

⁵ ГАЛО, ф. 350, оп. 1, д. 151, л. 9.

⁶ Там же, д. 126, лл. 51—53.

ния из Львова в Вену продолжали идти вести, тревожные для австрийской монархии. Например, 23 марта 1851 г. поступило донесение о том, что в городе «мало доверия к правительству». В кафе при доме Громадзиньского выступал Антоний Шумлянский, вернувшийся из Турции эмигрант, участник боев в Венгрии. В своих речах он прославлял мужество венгров⁷. К агитаторам австрийские власти были особенно жестоки, их сдавали в солдаты, даже если они не были пригодны к службе. Так был сдан в дисциплинарную роту 16 ноября 1851 г. тридцативосьмилетний Каетан Доминиковский, в прошлом мелкий арендатор в Саноцком округе, отправившийся осенью 1848 г. в Венгрию, взяв с собой много оружия⁸.

Социальный состав участников венгерской революции из числа жителей Галиции был самым разнообразным: студенты, гимназисты, учителя, журналисты, художники, врачи, мелкие чиновники, ремесленники, крестьяне, слуги, отставные солдаты, а также сыновья помещиков, иногда в списке участников упоминаются экономы и арендаторы. Архивные материалы свидетельствуют о том, что люди из народа составляли довольно значительную часть среди тех, кто пробрался из Галиции в Венгрию. О социальном составе беглецов из Западной Галиции в Венгрию говорят данные по Саноцкому округу. Они представлены в виде списка, составленного 25 апреля 1850 г. по требованию краевого президиума. Всего в списке представлено 98 участников венгерской революции, 33 чел. (33,6%) из списка представляют низшие социальные слои (рабочий винокуренного завода, каменщик, кузнец, слесарь, двое портных, повар, два каретника, пятеро подмастерьев портных, двое подмастерьев столяра, двое подмастерьев сапожника, подмастерье слесаря, ученик портного, ученик переплетчика, девять слуг и трое крестьян). В списке наряду с поляками значатся и украинцы: Юрко Гига — крестьянин из Радошиц, Илько Драган — слуга из Смольника, Гриц Котик — слуга из с. Воля Михова, Василь Сорока — слуга из Лупкова, Сенько Костев, Матвей Петруник и Федор Петруник — слуги из Смольника⁹.

⁷ ГАЛО, ф. 350, оп. 1, д. 232, лл. 4—7.

⁸ ЦГИА УССР (г. Львов), ф. 146, оп. 7, д. 3071, лл. 149—150.

⁹ Там же, оп. 4, д. 394, лл. 63—68.

В списке, представленном 20 апреля 1850 г. из Бохни (городок в 30 километрах от Кракова), насчитывается 21 чел., в том числе: семь слесарей, крестьянин, двое студентов, шестеро людей без определенных занятий, граф (Эдвард Пониньский), вахтер из рудников в Величке, эконоом, двое сыновей помещиков¹⁰. От 25 до 40 процентов людей из социальных низов можно найти почти в каждом списке. Вот, к примеру, список лиц, освобожденных из штрафных рот крепости Комаром (Комарно). В ноябре 1850 г. им выдали принудительные паспорта в места, откуда они родом, и одновременно уведомили окружные власти о слежке. Всего в списке 23 чел., в том числе: студент, четверо мелких служащих, аптекарь, двое сыновей помещиков, помещик, сын домовладельца, эконоом, пекарь, ученик пекаря, столяр-подмастерье, портной-подмастерье, слесарь, отставной солдат, пятеро людей без определенных занятий¹¹.

Широкие круги галицийских рабочих-шахтеров и ремесленников активно протестовали против реакционной австрийской военщины, выражали солидарность с революционной Венгрией. В городках, расположенных недалеко от Кракова, — Хшанове и Явожне — в апреле 1849 г. вспыхнули народные бунты, имевшие целью воспрепятствовать отправке рекрутов в австрийскую армию и удержать часть ее сил в Галиции. Протокол военной комиссии, составленный в Хшанове 10 апреля 1849 г., свидетельствует, что «туда 10 апреля привезли 15 рекрутов и до отправки в Краков заперли в тюрьме при комиссариате. В полдень группа людей, вооруженных палками, кольями, цепями, ворвалась в комиссариат. Один из них, Антоний Стшемецкий, приказал жандарму Александру Струшу открыть тюрьму. Жандарм твердил, что там рекрутов нет, а только воры, но это не помогло, рекрутов освободили. Сын аптекаря, Валериан Козловский, объявил им, что они свободны и могут идти. Группа около 300 человек, из которых половина была вооружена описанным выше способом, направилась в город, угрожая разоружением жандармов и финансовой стражи. Толпа направилась в казармы жандармерии. По сигналу колокола и одному выстрелу штурмовали ка-

¹⁰ Там же, оп. 4, д. 394, лл. 82—83.

¹¹ Там же, оп. 7, д. 2976, лл. 24—27.

зарму, но комиссар с помощью лояльных граждан разогнал толпу. Свидетели утверждают, что никто не имел оружия, кроме пивовара Мискульского, у которого было под плащом ружье. В качестве активных участников восстания называют, кроме Стшемецкого и Козловского, следующих лиц: Яна Очковского, Францишка Примаха и Антония Косицкого, который был подмастерьем у шапочника. В лесах заметили группы вооруженных людей»¹². В документе содержится просьба о быстрейшей присылке в Явожно и Хшанов хотя бы одной роты, так как среди шахтеров начинает возрастать беспокойство¹³.

Власти в Кракове в апреле 1849 г. были охвачены паникой из-за волнений в самом городе и выступлений в Явожне и Хшанове. В донесении графу Стадиону высший воинский начальник в Кракове Легед сообщал, что на полицию рассчитывать нельзя, что шахтеры в Явожне объявили забастовку в знак протеста против отправки войск в Венгрию¹⁴. В рапортах, поступивших Голуховскому из Кракова, сообщалось, что семеро арестованных в связи с событиями в Хшанове и Явожне были отбиты в пути, а сопровождавший их жандарм застрелен; спасаясь от рекрутчины, молодежь уходила в леса¹⁵.

Факты проявления солидарности передовых русских людей с венграми, перехода русских офицеров в ряды восставших собраны и освещены в ряде исследований¹⁶. Материалы львовских архивов дают новые сведения о революционных настроениях в русской армии, присланной Николаем I для подавления венгерской революции.

Царская армия под командованием Паскевича, как известно, вошла в Венгрию 27 мая 1849 г. Характерно, что за два дня до этого командующий австрийскими войсками в Галиции фельдмаршал Гаммерштейн обратился к губернатору с просьбой известить все окружные управления, чтобы они объявили населению о наградах за пойманных русских дезертиров. За каждого

¹² ЦГИА УССР (г. Львов), ф. 146, оп. 7, д. 2861, лл. 195—196.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, лл. 188—191.

¹⁵ Там же, оп. 7, д. 2861, лл. 215—216, 226.

¹⁶ А. В. Федоров. Отношение передовых людей России к венгерской революции 1848—1849 гг. «Вопросы истории», 1957, № 2, стр. 88—96; Р. А. Авербух. Указ. соч., стр. 318—335.

пехотинца — 4 р. 80 коп., или 8 гульденов, за кавалериста — 7 р. 20 коп., или 12 гульденов¹⁷. При этом фельд-маршал упоминал, что один из русских генералов приказал уже командирам подчиненных ему частей тоже соблюдать этот циркуляр о вознаграждениях. Так австрийское командование, уже будучи, видимо, осведомленным о настроениях в русских войсках, принимало меры для пресечения дезертирства.

Австрийский министр внутренних дел Бах 23 июня 1849 г. извещал губернатора о том, что из Брюсселя в посылках присылаются в Лейпциг торговцам книгами воззвания к русским войскам присоединиться к восставшим венграм. Воззвания вкладываются между неразрезанными листами французских романов и пересылаются в Австрийскую империю и русскую Польшу. Бах требовал от губернатора принять соответствующие меры¹⁸. По поводу воззваний краковский штадтгауптман Нейсер докладывал Баху 3 декабря 1849 г., что «эти воззвания хранят не только солдаты, но и офицеры, в том числе и высшие. Экземпляры прокламации находятся во всех частях возвращающейся царской армии. Это удивительно, как эта агитация может проникать в императорскую русскую армию, которая славилась своей дисциплиной. Оказывается, что эта педантичная строгая дисциплина касается отнюдь не всех сторон жизни русской армии и что в ней царит самый большой беспорядок. Это, по моему, вызвано тем, что со времени капитуляции Гергея солдаты и офицеры русской вспомогательной армии настроились против австрийского правительства, произошло ее отчуждение от австрийской армии и сближение с революционной партией». Далее Нейсер доносил, что русское командование не в силах справиться с нарушениями дисциплины и русский командующий обращался неоднократно к краковскому старосту с просьбой следить за пребывающими в Кракове русскими офицерами¹⁹. «Такие беспорядки,— заключал он,— естественно, создают благоприятную почву для проникновения революционной агитации»²⁰.

¹⁷ ЦГИА УССР (г. Львов), ф. 146, оп. 7, д. 2877, лл. 9—10.

¹⁸ Там же, д. 2864, лл. 1—2.

¹⁹ Там же, д. 2873, лл. 1—5.

²⁰ Там же, д. 2873, л. 5.

Кроме русских солдат и офицеров, перешедших на сторону венгерской армии, в ее рядах сражалось и некоторое число русских жителей Галиции, тайно пробравшихся в Венгрию: например, Леонид Клемм, житель городка Калуш Стрыйского округа. О нем в списке окружного управления сказано, что он русский по национальности, родился в 1827 г., в 1848 г. был на II курсе философского факультета во Львове. Принимал активное участие в венгерской революции²¹. В том же списке участников венгерской революции Стрыйского округа есть немец Давид Карл Бляшке. В 1848 г. он учился на IV курсе факультета права во Львове, в 1849 г. в Венгрии был отдан в солдаты в австрийскую армию. Царское правительство передавало австрийскому его подданных, которые были задержаны за участие в беспорядках в Молдавии, связанных с венгерскими событиями. В списке переданных от 13 сентября 1850 г. есть и русские люди, например Иван Белоус²².

Несмотря на гонения, вернувшиеся из Венгрии инсургенты сохраняли верность своим идеалам, прославляли венгерскую революцию и ее выдающихся деятелей — венгров Кошута, Петефи, поляков Бема, Дембиньского, Высоцкого, серба Дамянича — в своих устных рассказах, письмах, мемуарах. Они распространяли изданные в эмиграции книги о венгерской революции, портреты Кошута, собирали средства для оказания помощи венгерским беженцам и семьям казненных в Венгрии участников революции²³.

Многие поляки, участники венгерской революции, до конца жизни активно боролись за свободу народов. Например: инженер Юзеф Аккорд, арестованный во Львове в 1863 г. за связи с русской революционной эмиграцией, в частности с Бакуниным²⁴. Лешек Висневский, родом из Самбора, за участие в венгерском восстании был отдан в штрафную роту в крепость Комаром, оттуда бежал во Францию, стал инженером, потом вернулся во Львов; как журналист, сотрудничал в польской прогрессивной прессе во Львове. В 1863 г. он организовал в Галиции повстанческий отряд. В битве под

²¹ ЦГИА УССР (г. Львов), ф. 146, оп. 4, д. 394, л. 25.

²² Там же, д. 2975, л. 172.

²³ Там же, д. 3076.

²⁴ ГАЛО, ф. 350, оп. 1, д. 1088, л. 1—13.

Корытницей 28 июля 1863 г. был тяжело ранен, взят в плен и расстрелян 27 ноября 1863 г. во Владимире-Волынском. Перед казнью писал жене и сыну, что выполнил свой долг: «умираю спокойным и счастливым»²⁵; участник двух польских восстаний, венгерской революции и гарибальдийского движения, Владислав Энглерт — варшавский подхорунжий, член организации П. Высоцкого и участник восстания 1830—1831 гг. Из эмиграции поехал в Венгрию в польский легион, был командиром батальона. В 1860 г. под предводительством Гарибальди участвовал в битве под Марсалою. Энглерт погиб в битве под Потокком в Люблинском воеводстве 21 марта 1863 г.²⁶ Архивные материалы воссоздают и другие яркие биографии участников нескольких революций и восстаний. Сын посредника в торговле табаком из Снятына Александр Ляшкович «родился в 1828 г., в 1848 г. был студентом политехники в Вене, принял участие в октябре 1848 г. в революции в Вене, а затем перебрался в Венгрию и там принял участие в революции. 18 февраля 1850 г. в Коломые (Станиславский округ) приведен на пункт рекрутского набора, признан годным, сдан в солдаты и передан в команду крепости Комаром для включения в штрафную роту, там и находится»²⁷. Мужество и волю к борьбе сохранил варшавянин Ф. Вардыньский, перешедший из царской армии к венгерским повстанцам и за это приговоренный к десяти годам каторжных работ в Нерчинских рудниках. А. В. Федоров в своей интересной статье, основанной на материалах филиала Военно-исторического архива в Ленинграде, обратил уже внимание на рядового Муромского пехотного полка Францишка Вардыньского. Он установил, что тот в 1848 г. перешел границу, вступил в венгерскую революционную армию. За отличие в боях ему был присвоен чин поручика. В конце 1849 г. он был арестован и приговорен военно-полевым судом к рас-

²⁵ См.: *Z. Kolumna. Pamiętka dla rodzin polskich*, cz. I. Kraków, 1868, str. 191. Оригинал предсмертного письма Л. Висневского хранится в Отделе рукописей Львовской библиотеки АН УССР.

²⁶ См.: «*Imionospis poległych i straconych ofiar powstania 1863 i 1864. Zebrał i ułożył hr. Stupnicki*». Lwów, 1865, str. 22—23; *M. Tyrowicz. Towarzystwo Demokratyczne Polskie. Przewodnik bibliograficzny*. Warszawa, 1964, str. 162—163.

²⁷ ЦГИА УССР (г. Львов), ф. 146, оп. 4, д. 394, л. 13.

стрелу. Казнь заменена каторжными работами в Сибири²⁸.

Об участии Вардыньского в Сибири сохранились материалы в Читинском областном архиве. Каторга не сломила Вардыньского. В 1858 г. он предпринял попытку к бегству, но был пойман. Сохранился в актах Нерчинской каторги датированный 1872 г. «статейный список» Вардыньского: «Франц Вардыньский, римско-католической веры, уроженец Варшавской губернии, из дворян Царства Польского, не утвержденных герольдиею. Сын бывшего президента города Ловича. Поступил в 1848 г. по рекрутскому набору в военную службу и был рядовым Муромского пехотного полка. За побег за границу, поступление в мятежные венгерские войска и участие в сражениях против австрийских и российских войск, подложное получение перед побегом с почты письма на имя подпрапорщика (ныне прапорщика) Смолинского, кражу перед побегом у крестьянина Стончака вещей на сумму 8 р. 70 коп. и о сокрытии по поимке из бегов настоящего звания и название себя прусским подданным с переменою имени и прозвания по решению Полтавского уголовного суда, утвержденного главнокомандующим, лишен всех прав состояния и сослан в каторжные работы на рудники на десять лет. По высшему повелению, последовавшему в Забайкальское областное правление от 11 февраля 1856 г., срок каторжных работ сокращен до одной трети. В 1858 г. бежал на чужой лошади в Иркутск под именем поселенца Краевского, от телесного наказания за этот проступок освобожден, так как одержим болезненными припадками. Срок работ продлен за побег на один год. Приметы: на затылке шрам от сабельного удара. 30 октября 1870 г. перечислен в крестьяне Татауровской волости Верхнечитинского селения. Временно живет в Чите»²⁹. Любопытно письмо окружного исправника от 28 октября 1872 г.: «Отец Вардыньского, житель Варшавы, Осип Вардыньский, когда император в 1872 г. был в Варшаве, обратился с прошением к императору о возвращении сына на родину. Из канцелярии наместника его императорского величества в Царстве Польском 11 августа 1872 г. пришел от-

²⁸ А. В. Федоров. Указ. соч., стр. 94.

²⁹ ГАЧО, ф. 1, оп. 1, д. 356, л. 9.

вет: отказать в просьбе о возвращении сына. Еще в 1856 г. во время пребывания императора в Варшаве Людвика Вардыньская утруждала его величество просьбой о помиловании сына, что было передано генерал-адъютанту князю Долгорукову на отказ»³⁰.

В 1848—1849 гг. возникли польские революционные песни о венгерской революции. Они близки по идеям и темам венгерским революционным песням этого времени. Песни возникали по горячим следам освободительной борьбы и прославляли содружество и героизм поляков и венгров. Например, польская песня «Бем» возникла во время блестящих побед венгерской армии, полна радостного воодушевления, энтузиазма, проникнута мечтой об освобождении всех угнетенных народов Европы и любовью к польскому революционному генералу Бему. Песня сохранилась в живом бытовании среди польских патриотов и в последующие десятилетия. Ее переписывали от руки и хранили вместе с новыми повстанческими песнями участники восстания 1863 г.³¹ Несколько других песен о венгерской революции опубликовано в мемуарах ее участников и в патриотических песенниках. В одной из них воспеваются победа поляков и венгров в сражении под Сольноком и предводитель польского легиона в Венгрии генерал Ю. Высоцкий³². В другой осуждается предательство Гергея и выражено страстное желание продолжать борьбу, возлагаются надежды на Бема и венгерского генерала Клапку³³. Одна из украинских песен рассказывает о приходе на помощь восставшей Венгрии отряда украинских крестьян³⁴.

Поляки, участники освободительной борьбы венгерского народа, глубоко заинтересовались его богатой и самобытной литературой. Некоторые из них стали переводчиками и пропагандистами венгерской литературы в Польше. Преимущественно переводились поэтические произведения Ш. Петефи, М. Верешмарти, Й. Байзы, Я. Гараи.

³⁰ ГАЧО, ф. 1, оп. 1, д. 356, л. 26.

³¹ ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, ПО, 1864, д. 802, л. 28.

³² «Legiony polskie na Węgrzech. Wspomnienia oficera tychże legionów (Joachima Szyca)». Poznań, 1850, str. 29—30.

³³ «Jeszcze Polska nie zginęła. Zbiór pieśni patriotycznych i narodowych. Zebr. i wyd. F. Barański», cz. II. Lwów, 1897, str. 107.

³⁴ «Народ про Кобилицю. Збірник фольклорних творів». Київ, 1968, стр. 57—59.

Б. Н. Билунов

**К ИСТОРИИ «БОЛГАРСКОЙ ДРУЖИНЫ» —
ОРГАНИЗАЦИИ БОЛГАРСКИХ СТУДЕНТОВ
В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

В общественно-политической жизни болгарского народа до освобождения от турецкого ига видное место занимали воспитанники русских учебных заведений.

В конце 50-х — начале 60-х годов прошлого века в Московском университете обучались такие видные впоследствии деятели, как знаменитый писатель и революционер Любен Каравелов, его брат Петко Каравелов — глава болгарского правительства в 80-е годы, известный историк Марин Дринов, литературный критик Нешо Бончев, министр юстиции, а затем и просвещения Георгий Теохаров, поэт и публицист Райко Жинзифов, писатель и художник Васил Попович и другие.

Факт существования организации болгарских студентов в Москве упоминается в работах об отдельных ее участниках¹, однако до недавнего времени не было специальных работ о деятельности самой дружины. Первой и единственной такой работой явилось сообщение Л. Ерихонова о литературной деятельности дружины². В плане раскрытия российско-болгарских революционных связей о дружине говорится в недавно вышедшей монографии К. А. Поглубко³.

Важное место в сообщении Л. Ерихонова занимает публикация ранее неизвестного программного документа «Болгарской дружины», хранящегося в фонде профессора Московского университета М. П. Погодина⁴. Этот интересный документ не был, однако, прокомментирован.

Текст программы дружины, находящийся в фонде М. Погодина, представляет собой копию, а не оригинал.

¹ См.: М. Арнаудов. Любен Каравелов. Живот, дело, эпоха. 1834—1879. София, 1972, стр. 145; Кр. Шарова. Любен Каравелов и българското освободително движение, 1860—1867. София, 1970, стр. 126; Н. А. Попов. Из истории славянского благотворительного комитета в Москве. Первое пятилетие (1858—1862). М., 1871, стр. 72—73.

² Л. Ерихонов. Литературната дейност на българската дружина. «Език и литература», 1963, № 6, стр. 49—57.

³ К. А. Поглубко. Очерки истории болгаро-российских революционных связей (60—70-е годы XIX века). Кишинев, 1972, стр. 56—58.

⁴ См.: ГБЛ ОР, ф. Пог./IV, п. 2, д. 89, лл. 77/1—77/2.

Об этом свидетельствует отсутствие подписей в конце текста, заканчивающегося словами: «В удостоверение сего все члены дружины собственноручно подписываются»⁵. Кроме того, копия не имеет даты. Тем не менее приложенная к программе справка о финансовом положении членов дружины существенным образом дополняет сведения о «Болгарской дружине». Справка датирована 30 декабря 1857 г., в ней названы наименее обеспеченные члены дружины — Х. Даскалов, К. Миладинов, Т. Ковачев, И. Христович, Л. Каравелов. Дата этой справки вместе с указанной в ней необходимостью получения пособия для «окончательного устройства» дружины «в настоящее время»⁶ позволяет считать конец 1857 г. временем создания организации.

В программе упоминается общее число основателей дружины — 11. Кроме вышеназванных к ним принадлежали, по-видимому, находившиеся в то время в Москве К. Геров, К. Бонев, Б. Запрянов, П. Тодоров, В. Чолаков⁷. Таким образом, программа и справка позволяют воссоздать некоторые моменты истории создания этой организации. Остается добавить, что оба документа написаны на русском языке одним почерком.

Организационное становление дружины совпадало по времени с таким же периодом в истории «Славянского комитета» в Москве⁸. Из-за финансовых затруднений болгарских студентов их инициатива с самого начала должна была соотноситься с задачами создававшегося благотворительного общества, обещавшего стать важным фактором поддержки болгарской молодежи в Москве. Действительно, уже в следующем, 1858 г. комитет оказывал материальную помощь девяти из шестнадцати болгарских воспитанников⁹.

⁵ ГБЛ ОР, ф. Пог./IV, п. 2, д. 89, л. 77/2. Здесь и далее ссылки даются на первоисточник, так как в публикации Л. Ерихонова не соблюдены археографические правила.

⁶ ГБЛ ОР, ф. Пог./IV, п. 2, д. 89, лл. 77/3.

⁷ Нет оснований относить С. Филаретова к учредителям дружины (см.: К. А. Поглубко. Указ. соч., стр. 57), так как в это время он был в Софии (см. «Документи за българската история», т. 1. Архив на Найдено Герова. 1857—1876. София, 1931, стр. 55).

⁸ См.: С. А. Никитин. Славянские комитеты в России в 1857—1876 гг. М., 1960.

⁹ Н. А. Попов. Очерки религиозной и национальной благотворительности на Востоке и среди славян. СПб., 1871, стр. 129.

«Стремление задунайских болгар к образованию,— говорится в программе,— столь отрадное для каждого славянина ... не может не быть отрадным для каждого любителя просвещения, тем более для русских, наших сограждан по вере и племени». Далее отмечается, что «толчок к этому стремлению дан был из России литературными произведениями многих русских писателей, разными пособиями как со стороны правительства, так и частных людей»¹⁰.

В программе выделены четыре направления деятельности дружины: «Знакомить русских с болгарскими письменными», «содействовать развитию болгарской литературы», «обеспечить условия для увеличения числа болгарских студентов в Москве, создать библиотеку. Литературно-просветительский характер организации объясняется не только личными устремлениями ее основателей, большинство которых учились на историко-филологическом факультете университета, а и тем, что в тех условиях проблемы просвещения и создания национальной литературы занимали важное место. Значение создания «Болгарской дружины» в Москве станет яснее, если учесть, что это была одна из первых болгарских организаций такого рода. Вместе с «Обществом болгарской письменности», возникшим в 1857 г. в Константинополе и издававшим там журнал «Български книжици», «Болгарская дружина» в Москве сыграла заметную роль в становлении национальной литературы.

Своеобразие программы дружины, отличающей ее от студенческих землячеств, состояло в преобладающем интересе к судьбам просвещения и литературы на родине. Отмечая достигнутые результаты «в учреждении многих учебных заведений, в издании разных, необходимых для училищ книг... на родном языке», дружина намеревалась войти «в сношение с учителями и сведущими людьми в Болгарии» и побудить их «к литературной деятельности», а также и сама намеревалась подбирать «первоначальные учебные книги» и «печатать их на свой счет или на счет своих покровителей»¹¹. Предусматривалось также пожертвование части библиотеки в пользу болгарских читален.

¹⁰ ГБЛ ОР, ф. Пог./IV, п. 2, д. 89, л. 77/1.

¹¹ Там же, л. 77/2.

Программа «Болгарской дружины», как видно из изложенного, включала более широкий круг задач, нежели программа константинопольского «Общества болгарской письменности», в задачу которого входило: «1-е, чтобы церкви и училища могли приобрести нужные им книги по низкой цене. 2-е, собрать памятники народного языка и мнения ученых об устройстве болгарского языка», а также «начать действия изданием Календаря, а затем предпринять и периодическое издание»¹².

«Особый устав дружины об ее действии и обязанностях [членов.—Б. Б.]» не был приложен к копии программы, и поэтому эта важная сторона организации не может быть рассмотрена. В разделе 5 программы содержатся, однако, некоторые сведения уставного характера. Здесь, в частности, упоминается размер ежегодного членского взноса, равнявшийся 10 руб., говорится об обязанности членов дружины «жить в братском согласии и любви, трудиться по мере сил» для достижения цели.

Председателем дружины был избран студент II курса медицинского факультета университета Христо Даскалов¹³.

Еще раньше он учился в Ришельевском лицее в Одессе, однако за участие «в революционном заговоре» в 1848—1849 гг. был арестован и выслан из России; затем сотрудничал в издававшейся А. Экзархом в Константинополе газете «Цариградски вестник», принимал участие в Крымской войне в качестве добровольца русской армии и в 1856 г. поступил на медицинский факультет Московского университета¹⁴.

Деятельность дружины в соответствии с записанными в программе направлениями дает основание говорить об успехах и последовательности в осуществлении программных задач. Первое направление, намеченное в программе,—ознакомление «русских с болгарами письменно» — включало в себя прежде всего информацию о болгарских делах в русской печати. Нашумев-

¹² Цит. по: А. Р. (А. В. Рачинский). Несколько слов о просвещении болгарского народа. «Русская беседа», 1857, ч. IV, кн. 8, стр. 167.

¹³ См.: «Из архива на Найдено Геров. Писма, доклади и материали за възбуждането на българския народ», кн. 2. София, 1914, стр. 498.

¹⁴ См.: Т. Н. Шишков. Д-р Христо Даскалов. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. 8. София, 1892, стр. 350.

шая в свое время статья «Возрождение болгар или реакция в европейской Турции»¹⁵ была написана председателем дружины Х. Даскаловым. Правдивые сведения о малоизвестном для русского общества положении дел в Болгарии, главным образом о болгаро-греческой церковной борьбе, вызвали крайнее беспокойство и недовольство в правительственных сферах. Из цензурного комитета последовали запросы, основанием для которых было отношение обер-прокурора синода гр. Д. Толстого, увидевшего в статье «плод внушений заграничной пропаганды»¹⁶.

Начало информации о болгаро-греческой церковной борьбе, положенное Х. Даскаловым, было впоследствии поддержано и продолжено другими членами дружины — Л. Каравеловым и Р. Жинзифовым. Пропаганда болгарских требований по церковному вопросу в России была затруднена из-за стремления правительства к сохранению единства православной церкви на Востоке. Против статей Х. Даскалова¹⁷ был направлен изданный в 1859 г. «Ответ «Русскому вестнику» по болгарским делам», по-видимому инспирированный синодом.

Важно отметить, что критически отзывался о выступлении члена «Болгарской дружины» также председатель «Славянского благотворительного общества» А. Бахметьев в письме министру народного просвещения Е. Ковалевскому¹⁸. Если учесть, что и упомянутый выше обер-прокурор синода гр. Д. Толстой занимался благотворительной деятельностью в пользу болгар — в 1858 г. и позднее он содержал одного из болгарских воспитанников¹⁹, то можно заметить определенную независимость дружины в отношении оценки положения дел в Болгарии.

Христо Даскалов наряду с К. Геровым и К. Миладиновым был одним из авторитетных учредителей дружины. Это объяснялось как его положением старшекурсника («старожила»), так и всесторонними познаниями.

¹⁵ «Русская беседа», 1858, т. 2, кн. 10, стр. 1—58.

¹⁶ С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970, стр. 186.

¹⁷ Вероятно, Х. Даскалову принадлежит и статья «Турецкие дела» (см.: «Русский вестник», 1858, т. 13, кн. 2; т. 14, кн. 1; т. 15, кн. 1).

¹⁸ См.: Л. Ерихонов. Указ. соч., стр. 51.

¹⁹ Н. Попов. Очерки религиозной и национальной благотворительности..., стр. 129.

После окончания университета Х. Даскалов служил помощником секретаря в МИД России, затем был назначен секретарем русского посольства в Белграде, а в 1862 г. был временно прикомандирован к учреждавшемуся в то время русскому консульству в Тырнове, его родном городе. Еще находясь в Белграде, Х. Даскалов являлся связующим звеном между признанным руководителем болгарской революционной эмиграции Г. Раковским и ответственным лицом по подготовке и проведению восстания в Болгарии И. Пановым. «Об участии Даскалова в подготовке восстания в Болгарии в литературе сведений нет, оно явилось полной неожиданностью и для МИД России»,— пишет Е. М. Шатохина и далее цитирует письмо русского посланника в Константинополе А. Б. Лобанова-Ростовского директору Азиатского департамента МИД Н. П. Игнатьеву от 11 сентября 1862 г.: «Состоя в близких отношениях с издателем журнала «Дунайский лебедь» Раковским и неосторожно высказывая сочувствие к его крайним мнениям, Даскалов ... передавал письменные наставления г. Панову (Карапанчеву), недавно схваченному турецкими властями»²⁰. Эти новые данные опровергают распространённое мнение, будто все участники «Болгарской дружины», за исключением Л. Каравелова, не принимали участия в революционных выступлениях.

Состав дружины не был, естественно, постоянным. Незадолго до ее образования в Москву в сентябре 1857 г. прибыли Любен Каравелов и Константин Кесяков, в 1858 г. в университет поступил Павел Тодорович, в июле 1858 г. в Москву приехал Хараламби Камбуров, а в октябре — Райко Жинзифов, Константин Станишев, Васил Караконовский, в конце 1858 г. — Георгий Теохаров. Как правило, первоначально вновь прибывшие сдавали экзамен за курс гимназии и лишь затем допускались к вступительным экзаменам в университет. Многие из прибывших юношей в зависимости от способностей и полученного образования включались в литературно-публицистическую деятельность дружины. В 1859—1861 гг. в Москву прибыли Петко Каравелов,

²⁰ Е. М. Шатохина. К вопросу о социально-экономическом положении и национально-освободительной борьбе болгарского народа в 60-е годы XIX в. «Славяне и Россия», М., 1972, стр. 141—142.

Константин Вязанков, Кирко Киркович, Дойчо Перфанов, Андрей Стоянов, Дмитрий Фингов, Младен Желязков, Нешо Бончев, Марин Дринов, Андрей Манолов, Петко Радомиров и, возможно, другие.

Усиление болгаро-греческой церковной борьбы в начале 1860-х годов не осталось незамеченным московскими болгарскими. После отъезда Х. Даскалова из Москвы по этому вопросу в русской печати начал выступать Л. Каравелов. В 1861 г. в газете «Наше время» были помещены семь его статей и заметок²¹. В них Л. Каравелов отмечал общность целей новогреческой буржуазии и духовенства, критиковал окружение самого патриарха, сообщал об усилении католической и протестантской пропаганды в Болгарии. Следует особо отметить, что в этот период Л. Каравелов не видел радикальных средств для разрешения безысходного, по его мнению, положения. Это нашло отражение в его колебаниях относительно оценки униатского движения. Оправдание принятия унии, достаточно смелое для русской печати, болгарский автор справедливо не связывал с окончанием церковной борьбы. Однако он недооценивал опасности расчленения общенационального движения болгар. В этом состоит существенное различие линии Каравелова в церковной борьбе с позицией болгарского патриота Г. Раковского, который решительно выступал против униатского движения на страницах своей газеты «Дунайский лебедь».

Церковная борьба, являвшаяся проявлением политической борьбы, близко воспринималась членами дружины. Однако в последующие годы вместе с ростом революционных выступлений болгарского народа за свою независимость интерес к этим вопросам среди наиболее передовых участников дружины снижается. Наиболее полное отражение перипетий церковного вопроса вплоть до его разрешения содержится в публицистических работах Райко (Ксенофонта) Жинзифова.

Начиная с 1861 г., статьи Р. Жинзифова появляются в славянофильской газете «День». Впоследствии он активно сотрудничает в газетах «Москва», «Москвич», «Московские ведомости», «Современная летопись», в журналах «Русский архив», «Православное обозрение»

²¹ «Наше время», 9, 22, 30.I; 6, 13, 27.II, 20.III, 14.VI 1861,

и в других печатных органах того времени. Преобладающее место в его работах занимали церковные проблемы²², широко освещались внешнеполитический аспект положения балканских народов, польский вопрос в связи с восстанием 1863 г., а также вопросы развития литературы славянских народов. Следует отметить при этом, что публицистические выступления Р. Жинзифова, проникнутые пафосом патриотизма, соответствовали по внешнеполитическим вопросам идейным позициям московских славянофилов.

В печатных выступлениях участников «Болгарской дружины» в полном соответствии с программой освещалось развитие «возрождающейся болгарской литературы». С развернутой рецензией на журнал «Български книжици» выступил в 1859 г. студент историко-филологического факультета Васил Попович²³. Интересные обзоры болгарской литературы публиковал Л. Каравелов²⁴, вольнослушатель университета. В них давался объективный разбор переводной литературы, учебников на болгарском языке, зарождавшейся национальной периодической печати. При этом автор не скрывал своих симпатий к известному болгарскому патриоту Георгию Раковскому.

Говоря о другом направлении деятельности дружины — содействии развитию болгарской литературы, — нельзя не сказать о литературно-художественном творчестве болгарских студентов. Смелый тезис программы о том, что дружина будет способствовать развитию болгарской литературы «своими оригинальными произведениями»²⁵, нашел воплощение в литературной деятельности В. Поповича, Л. Каравелова, Р. Жинзифова, Н. Бончева, а также в издании литературного журнала

²² Преувеличением, однако, является утверждение болгарского историка, церкви Калиника, что статьи Р. Жинзифова «на 90 процентов являются информацией по церковному вопросу» (см.: *Архимандрит Калиник. Райко Жинзифов и българският църковен въпрос*. «100 години от учредяването на българската екзархия». София, 1971, стр. 320.

²³ В. Попович. О «Болгарских книжицах». «Русская беседа», 1859, ч. II, кн. 14, стр. 115—139.

²⁴ См.: Л. Каравелов. Библиография современной болгарской литературы. «Библиографические записки», 1861, т. III, № 9, стр. 277—280; № 15, стр. 467—471; *он же*. Болгарская журналистика. «Московские ведомости», 1862, № 153, 154.

²⁵ ГБЛ ОР, ф. Пог./IV, п. 2, д. 89, л. 77/2.

«Братски труд» на болгарском языке. Если учесть, что никто из основателей дружины ранее не выступал на литературном поприще, а болгарская национальная литература только зарождалась, то значение этой деятельности дружины трудно переоценить.

Опубликованное в 1859 г. произведение Василя Поповича «Отрывок из рассказов моей матери: поездка в виноградник. (Болгарская повесть)»²⁶ является первым проявлением болгарской оригинальной беллетристики. В современном болгарском литературоведении началом оригинальной беллетристики признается повесть В. Друмева «Несчастливая семья», напечатанная в 1860 г. в журнале «Български книжици». Рассматривая эти повести В. Поповича и В. Друмева, а также произведение Л. Каравелова «Атаман болгарских разбойников», опубликованное в 1860 г. в русской газете «Наше время»²⁷, болгарский историк литературы Д. Леков пишет: «Действительно, повесть В. Поповича напечатана годом раньше «Несчастной семьи». Но опубликованная в русском периодическом издании, она стала известной ограниченному кругу читателей и не могла оказать того общественного воздействия, которое оказало творение Друмева. Сходна судьба и произведения Каравелова «Воевода». Оно «уязвимо» в данном случае и хронологически, так как появилось через несколько месяцев после повести Друмева»²⁸. Здесь хочется добавить, что среди «ограниченного» круга читателей повести В. Поповича были и члены «Болгарской дружины», в том числе такие известные впоследствии деятели болгарской литературы, как писатель Л. Каравелов, поэт Р. Жинзифов, критик Н. Бончев. Поэтому значение повести В. Поповича, написанной с реалистических позиций, должно рассматриваться шире, в смысле развития традиций национальной литературы в творчестве болгарских авторов, живших за пределами своей родины, но много сделавших для развития национальной культуры.

²⁶ «Русская беседа», 1859, ч. VI, кн. 18, стр. 77—102.

²⁷ Л. Каравелов. Атаман (из болгарских нравов). «Наше время», 27.XII 1860. Впоследствии это произведение неоднократно переиздавалось на болгарском языке под названием «Воевода», «Атаман болгарских разбойников».

²⁸ Д. Леков. Проблеми на българската беллетристика през Възраждането. София, 1970, стр. 71.

Наиболее значительным был вклад в развитие болгарской литературы одного из учредителей дружины Л. Каравелова. Кроме упоминавшейся публикации в еженедельнике «Наше время», он поместил в русских газетах и журналах следующие повести и рассказы: «Неда. (Рассказ моей бабушки)»²⁹, «Бедное семейство. (Рассказ филиппопольки)»³⁰, «Дончо. (Рассказ болгарского атамана)»³¹, «Слава. Очерк из болгарской жизни»³². «На чужой могиле без слез плачут. (Болгарская повесть)»³³, «Турецкий паша. (Записки болгарской монахини)»³⁴, «Бошко»³⁵, «Болгары старого времени»³⁶. Вместе с другими произведениями болгарского автора, также опубликованными в русской печати, — этнографическим почерком «Святки у болгар»³⁷, автобиографическим произведением «Из записок болгара»³⁸ и очерком «Вук Стефанович Караджич»³⁹ — они были объединены в отдельную книгу — «Страницы из книги страданий болгарского племени», вышедшую в свет в 1867 г. в Москве.

При всем значении творчества отдельных представителей дружины особое место занимают материалы ее коллективного органа — журнала «Братски труд». Это был один из первых болгарских журналов вообще. За недолгий срок существования (1859—1861 гг.) вышло четыре номера журнала. В нем печатались произведения К. Миладинова, В. Поповича, Р. Жинзифова, Л. Каравелова, статьи Г. Теохарова, К. Миладинова, переводы с русского П. Тодоровича, Л. Каравелова, наконец, материалы для изучения болгарского фольклора, подготовленные к печати Н. Бончевым (учившимся в то время в Киеве и присылавшим через П. Тодорова свои работы для этого издания), К. Миладиновым, П. Тодоровым.

Примечательна статья студента юридического факультета Георгия Теохарова «Несколько слов о болгар-

²⁹ «Русский вестник», 1861, т. XXXIII, № 6.

³⁰ «Московские ведомости», 20.III 1862.

³¹ «С.-Петербургские ведомости», 28, 31.V 1864.

³² «Московская газета», 23, 30.I 1866.

³³ «С.-Петербургские ведомости», 10, 11.III 1866.

³⁴ «С.-Петербургские ведомости», 5, 25.VII 1866.

³⁵ «Русский вестник», 1866, т. 64, № 8.

³⁶ «Отечественные записки», 1867, т. 173-174, № 8, кн. 2; № 9, кн. 1.

³⁷ «Московская газета», 9.I, 10.IV 1866.

³⁸ «Русский вестник», 1867, т. 3, № 4.

³⁹ «Филологические записки», вып. 1. Воронеж, 1867.

ской литературе»⁴⁰. Автор критически оценивает состояние новой болгарской, а также переводной литературы, отмечая отсутствие произведений, отображающих жизнь народа. В то же время Г. Теохаров подчеркивает большие творческие возможности болгарской литературы. По мнению автора, литература должна отображать национальный характер и жизнь народа, должна быть интересной для простого болгарина. Положительно оцениваются в статье произведения П. Славейкова, Г. Раковского, С. Доброплодного, а также Зафирова, «Показательно, что эта... статья,— пишет болгарский литературовед Г. Димов,— вышла из-под пера болгарина — русского воспитанника — на страницах журнала, редактировавшегося в России. В правдивых суждениях Теохарова впервые улавливаются более отчетливо влияния русской реалистической эстетики»⁴¹.

Издание «Болгарской дружины» «Братски труд» было благожелательно встречено русским журналом «Современник». В статье «Новые славянские исследования»⁴² А. Н. Пыпин вместе с работами В. Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и Испании» и В. Григоровича «О Сербии в ее отношениях к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетиях» рассматривает первый выпуск журнала «Братски труд». Рецензент «Современника» видит в появлении журнала «...отголосок борьбы, которую поднимает... пробуждающаяся народность болгар»⁴³. По его мнению, «Братски труд» являет собой пример «новой, начинающейся славянской литературы, еще бедной людьми, средствами и читателями, но не теряющей надежды на успех в будущем»⁴⁴. Отмечая опубликованные в журнале стихотворения «патриотического и народного содержания», А. Пыпин разделяет мнение Г. Теохарова в рассмотренной выше его статье о праве болгарского народа на самостоятельность. Залогом успешного развития болгар-

⁴⁰ «Братски труд», 1859, кн. 1; 1860, кн. 2. И. Клиничаров ошибочно указывает, что автором этой статьи был Л. Каравелов (см.: *Ив. Клиничаров. Любен Каравелов. Биография.* София, 1925, стр. 50).

⁴¹ Г. Димов. Българската литературна критика през Възраждането. София, 1965, стр. 35.

⁴² «Современник», 1860, т. 80, апрель, стр. 309—329.

⁴³ Там же, стр. 327.

⁴⁴ Там же.

ской литературы А. Пыпин считает успехи в развитии школьного образования в Болгарии, инициативу молодого поколения, т. е. московской дружины, выразившуюся в издании журнала «Братски труд», а также «рассказы г. Даскалова и г. Поповича об их родине», показывающие «печальное состояние народа, задавленного двойным игом турок и греков»⁴⁵. «Современник» и ранее отмечал работы членов «Болгарской дружины». «В поразительных рассказах Даскалова о современной Болгарии» орган русской революционной демократии справедливо видел «обращение к русскому обществу»⁴⁶.

Болгарские студенты продолжали традиции своих предшественников 40-х — начала 50-х годов XIX в. по собиранию фольклорных материалов. При этом К. Миладинову и Л. Каравелову, готовившим к публикации сборники, предоставляли свои материалы другие члены дружины — К. Геров, Н. Бончев, К. Киркович, И. Христович, П. Каравелов, М. Желязков и др. Сборник песен К. Миладинову не удалось опубликовать в России, а сборник Л. Каравелова, задуманный им как первый том большого издания, вышел в 1861 г. в Москве⁴⁷. «В вышедшем томе содержатся до 3000 пословиц с примечаниями к ним, народный дневник, народные болгарские имена и легенды. Текст на русском языке. В конце книги приложен болгаро-русский словарь. 2-я книга «Памятников» должна быть посвящена преимущественно болгарской женщине. Начиная со второй книги издатель намеревается прилагать изображения народных костюмов. В предисловии к 1-й книге есть несколько указаний на болгарское правописание и грамматические правила», — сообщал в аннотации русский журнал «Библиографические записки», редактировавшийся в то время знаменитым русским фольклористом А. Афанасьевым⁴⁸.

О размерах библиотеки московских болгар трудно судить ввиду отсутствия источников. Но их стремление к созданию фонда для пожертвований книг болгарским читальням, по-видимому, осуществлялось. Сохранилось, например, письмо Л. Каравелова к известному русскому

⁴⁵ Там же, стр. 328.

⁴⁶ Там же, стр. 120.

⁴⁷ «Памятники народного быта болгар, издаваемые Любеном Каравеловым», кн. 1. М., 1861.

⁴⁸ «Библиографические записки», 1861, т. III, № 20, стр. 697.

слависту В. И. Григоровичу от 5 мая 1860 г., в котором излагалась просьба выслать «Очерки путешествия по Европейской Турции» в двух экземплярах: один для Копривштицы, а другой для самого Л. Каравелова⁴⁹.

«Болгарская дружина» включала в себя представителей многих городов и сел страны — Тырнова, Пловдива, Копривштицы, Хаскова, Ловеча, Водена, Габрово, Кирккилисы, Браилы, Охрида, Велеса, Крушево, Калофера, Лясковца, Софии, Сопота, Куручешме, Чирпана, Панагюриште. Пестрым был и социальный состав ее участников. Наиболее активные члены дружины по происхождению были детьми торговцев, учителей, однако, за редким исключением, почти никто из болгарских студентов не мог содержать себя во время учебы в Москве. Стипендии «Славянского комитета», поддержка студентов болгарскими общинами, платные уроки, наконец, сотрудничество в русских журналах и газетах — вот основные источники существования большинства членов дружины.

Дружина, возникшая как литературно-просветительская организация в конце 1857 г., в процессе своей деятельности прошла сложный путь. Значительный вклад внесли в развитие болгарской литературы участники дружины Л. Каравелов, В. Попович, Н. Бончев, Р. Жинзифов, Г. Теохаров. Болгарские студенты положили начало пропаганде болгарского национально-освободительного движения среди русской общественности.

Н. В. Зуева, Е. М. Шатохина

ОТНОШЕНИЕ РОССИИ К ТУРЕЦКИМ РЕФОРМАМ В БОЛГАРИИ (1856—1866 гг.)

В настоящей статье предпринята попытка на основании предварительного изучения документов советских архивов поставить вопрос об отношении правящих кругов России к турецким реформам в плане их интере-

⁴⁹ ГБЛ ОР, ф. 86 (В. И. Григорович), д. 4, л. 58а.

сов, связанных с положением христианских народов Европейской Турции.

После Крымской войны в тяжелом положении оказалась не только Россия, потерпевшая поражение, но и Турция, в которой еще явственнее обозначился экономический и политический кризис и которая по существу превращалась в полуколонию европейских держав.

Правящие круги Турции, пытаясь предотвратить распад империи под ударами национально-освободительного движения поработенных народов, искали выход. Под давлением западных держав, также заинтересованных в сохранении целостности Османской империи, в феврале 1856 г., накануне подписания Парижского договора, от имени султана был обнародован хатти-хумаюн. В нем подтверждались права и привилегии, дарованные Гюльханейским хатти-шерифом 1839 г. всем подданным империи (равенство всех подданных перед законом, обеспечение безопасности жизни, чести и имущества, урегулирование системы распределения и взимания налогов и др.). Хатти-хумаюн включал обещания, которые более определенно говорили о равных правах христиан с мусульманами (свобода вероисповедания, допуск к государственным должностям, к обучению в гражданских и военных школах, к исполнению воинской повинности и т. д.).

Отношение западных держав к реформам в Турции определялось прежде всего их экономическими и политическими интересами. Для полного хозяйничания в Османской империи они стремились сохранить турецкое господство на Балканах и, будучи противниками коренных преобразований, толкали турецкое правительство на проведение реформ, которые лишь модернизировали бы феодальное государство и создавали видимость улучшения в положении угнетенных христианских народов. Критикуя выступления английских государственных деятелей в парламенте в пользу уравнивания в правах христианской и магометанской религий в Турции, К. Маркс писал, что для турецкого государства, которое, «как все восточные государства, имеет своей основой теснейшее переплетение и чуть ли не отождествление государства и церкви», такое уравнивание означало бы «разрушить структуру турецкого общества и создать

на его развалинах новый порядок вещей», т. е. полный социальный переворот в Турции, а на это, подчеркивал Маркс, английские реакционеры, стоящие у власти, неспособны. «У них может быть лишь одна цель — пустить пыль в глаза английскому народу и народам Европы»¹.

Основной политической целью западных держав было использовать реформы для противодействия влиянию России в европейских провинциях Турции. Вскоре после обнародования султаном хатти-хумаюна они широко развернули в печати антирусскую пропаганду, представляя себя покровителями христиан. Ставя себе в заслугу провозглашенный Портой хатти-хумаюн, европейские державы пытались убедить общественное мнение в том, что реформы полностью отвечают интересам христианских народов.

Такая пропаганда, наносившая ущерб влиянию и престижу России на Балканах, не могла не вызвать беспокойства в ее правящих кругах. В апреле 1856 г. директор Азиатского департамента МИД Е. П. Ковалевский писал А. М. Горчакову о необходимости принять меры против враждебных выступлений держав, стремившихся подорвать влияние России на единоверцев в Турецкой империи. В качестве такой меры он предлагал распространить среди славянского населения Европейской Турции обращение (статью), в котором, как он писал, «просто и ясно на их родном языке» сказать, что «право... и свобода для раиев добыты собственно Россией, а не другими державами», что русский царь согласился подписать договор только после того, как султан обещал даровать «надлежащие права христианским своим подданным», т. е., провозгласив хатти-хумаюн, «обязался перед всем светом уравнивать права своих подданных». К обращению были приложены на болгарском и сербском языках текст хатти-хумаюна и манифест о мире².

Нам не удалось выяснить дальнейшую историю этого обращения, но совершенно очевидно, что оно было вызвано стремлением подчеркнуть в противовес Европе и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 10, стр. 130—131.

² «Отчет Публичной библиотеки за 1885 г.» СПб., 1888, прилож., стр. 1—3.

в целях сохранения своего престижа первенствующую роль царской России и участие ее в судьбе этих народов. Действительно, руководствуясь далеко не бескорыстными соображениями, русское самодержавие не упускало возможности выступить в защиту христианского населения Европейской Турции.

Еще за год до объявления хатти-хумаюна, в январе 1855 г., русская дипломатия подготовила проект документа о правах христиан и их церкви, который предусматривал более радикальные меры для улучшения положения единоверцев. В основу его был положен «принцип национальности» и административной автономии. Он требовал административных, судебных и финансовых прав и привилегий общины, гарантии этих прав со стороны Порты. В заключительной статье проекта подчеркивалось, что «права христианских подданных султана и права их церкви должны быть подтверждены новым гатти-шерифом»³.

Проект был отвергнут западными державами и не обсуждался на Венской конференции, предшествовавшей Парижскому конгрессу. Во время переговоров на конгрессе Россия настаивала на включении в текст трактата «точного постановления относительно религиозных и политических прав христиан, находящихся под властью султана»⁴. На конгрессе русские представители, подчеркивая важность статьи о правах христиан, добивались, чтобы она была помещена в начало договора и содержала бы требование о гарантировании великими державами дарованных прав. И только по вине западных держав и Порты статья о правах христианских подданных была принята и включена в редакции, которая не обеспечивала ее выполнение⁵.

Тяжелое положение России после Крымской войны заставило царское правительство главное внимание сосредоточить на внутренних реформах. Но несмотря на первенствующее значение внутренних проблем, оно не могло отказаться от своих внешнеполитических интере-

³ «Москва», 23, 24.III 1867 г.

⁴ «К истории Парижского мира 1856 г.» «Красный архив», 1936, № 2 (75), стр. 37.

⁵ С. С. Татищев. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. 1. СПб., 1911, стр. 196; «Вестник Европы», 1886, т. V, стр. 610—611.

сов на Востоке. Прежде всего Россия стремилась добиться отмены ограничительных статей Парижского договора, восстановить свои позиции на Черном море и укрепить пошатнувшийся в результате поражения в войне свой престиж на Балканах⁶.

Оказавшись в изоляции, Россия вынуждена была воздерживаться от активного вмешательства в европейские дела и борьбу балканских народов против османского гнета. Трезво оценивая свою неготовность к серьезным конфликтам с европейскими противниками и слабость на данном этапе национального движения поработанных народов Османской империи, русский царизм искал мирных путей для восстановления своего влияния на Балканах. В связи с этим стала значительно расширяться русская консульская сеть на территории Европейской Турции (главным образом в Болгарии), увеличиваться материальная помощь (открытие школ, церквей, снабжение их книгами и т. п.). В инструкциях своим консулам российское министерство иностранных дел предписывало «содействовать преуспеянию славянских и других единоверных нам народов и на этом начале основывать свое влияние между ними»⁷.

Хатти-хумаюн давал буржуазии этих народов легальную основу для борьбы за удовлетворение национальных требований. Опираясь на обещанные этим актом права, болгарская буржуазия стала разворачивать прежде всего церковно-национальную борьбу, смысл которой сводился по существу к борьбе за признание болгарской национальности⁸.

Царское правительство, ставившее своей задачей восстановление и укрепление влияния России на Балканах, понимало, что добиться этого оно может только поддерживая национально-освободительные устремления славянских народов Европейской Турции.

Удерживая болгарский народ от решительных действий, оно осуществляло эту поддержку на протяжении десяти лет после Крымской войны в легальных рамках борьбы за выполнение хатти-хумаюна, опираясь главным

⁶ С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX века. М., 1970, стр. 147—149.

⁷ АВПР, ф. Главный архив, I—9, 1830—1868, д. 9, л. 212 об.

⁸ Д. Благоев. Принос към историята на социализма в България. София, 1956, стр. 28—29.

образом на умеренные круги болгарской буржуазии. В одной из первых инструкций (июль 1856 г.) русскому посланнику в Константинополе, одобренной царем, предлагалось «сосредоточить все свое внимание на практическом применении этих реформ»⁹. В мае 1857 г. русским консулам в Болгарии было разослано циркулярное распоряжение, в котором МИД требовал собирать подробные и точные сведения относительно выполнения хатти-хумаюна. Особое внимание предлагалось обратить на статьи, касавшиеся положения христианского населения в Турции. «Вы должны,— говорилось в циркуляре,— сообщать о всех фактах оскорбления этого населения и обо всех актах, которые противоречат смыслу хатти-хумаюна ... держать нас в курсе тех реформ, которые будут проводиться для осуществления султанского приказа, а также сообщать о способе, каким они будут воплощаться в жизнь»¹⁰.

В декабре 1860 г. российским консульствам в Европейской Турции была разослана анкета с вопросами о состоянии подведомственной им территории, о положении и правах христиан, а также о мерах, которые необходимо предпринять для улучшения участи христианских подданных. В частности, такая анкета с циркулярным письмом была направлена в Варну и Филиппополь¹¹. В ответ на циркулярные распоряжения и анкеты от консулов стали поступать в русское посольство в Константинополе, в Азиатский департамент МИД многочисленные донесения, обстоятельные отчеты о степени применения и развития реформ в европейских провинциях Турции, о положении в них христианского населения. Русские дипломаты единодушно отмечали, что цель хатти-хумаюна не достигнута, что он, «равно как и все предшествовавшие ему... обещания турецкого правительства», оставался мертвой буквой¹². В 1857 г. вице-консул в Варне доносил, что хатти-хумаюн не выполняется,

⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1856, д. 43, л. 101 об.

¹⁰ АВПР, ф. Главный архив, II—18, 1855—1867, д. 1, лл. 20—21.

¹¹ В. Тонев. Документи за положението на населението в Североизточна България в средата на XIX в. «Известия на държавните архиви», кн. 19, 1970, стр. 189—203; «Архив на Найден Геров», ч. I (1857—1876). София, 1931, стр. 191—206.

¹² АВПР, ф. Главный архив, II—18, 1855—1867, д. 1, лл. 166 и 166 об., 177 об.

а злоупотребления при распределении и сборе налогов продолжают¹³. Посол в Константинополе А. Б. Лобанов-Ростовский в сентябре 1859 г. сообщал в МИД: «Султанский гатти-гумаюн остался без всякого исполнения, и турки более чем когда-либо мучат и угнетают славян, в то время как Западная Европа прославляет преобразования в Турции»¹⁴.

Суммируя и обобщая сведения, содержащиеся в донесениях и отчетах консулов, необходимо сказать, что в результате наблюдений и изучения ими положения христианских подданных, в частности болгар в Европейской Турции с момента провозглашения хатти-хумаюна, русские дипломаты собрали и представили огромный материал, в котором дали всесторонний, глубокий анализ социально-экономического и политического положения болгарского народа в конце 50-х — начале 60-х годов.

В области социально-экономических отношений они констатировали:

1. Отсутствие гарантии права собственности. Несмотря на закон о земле (1858 г.), продолжалось присвоение турецкими феодалами мирийских земель (крестьянских и общинных); необеспеченность безопасности личности купца и его собственности.

2. Рост налогов и особенно десятины (феодальной ренты), введение новых налогов. Консул в Рушуке В. Ф. Кожевников сообщал, что податная система в христианских провинциях Турции не получила никакого радикального изменения с момента объявления хатти-хумаюна. Турецкое правительство учредило особые комиссии, которые под видом справедливого распределения податей и сокращения злоупотреблений ввели множество новых налогов¹⁵.

3. Наличие национальной дискриминации при распределении и взимании налогов. По-прежнему, писал Кожевников, «угнетенный христианин всегда должен платить первый и более турка. Сумма, падающая приблизительно на христианина при сборе поголовной подати, начиная с бедняка и доходя до зажиточного человека... составляет от 200 до 1000 турецких пиастров; мусуль-

¹³ АВПР, ф. Посольство в Константинополе. 1857, д. 1609, лл. 22—27.

¹⁴ АВПР, ф. Главный архив, I—9, 1853—1862, д. 3, л. 52.

¹⁵ Там же, II—18, 1855—1867, д. 1, л. 191.

манин при совершенно одинаковых условиях уплачивает от 40 до 500 пиастров. С таким же пристрастием распределяются и другие налоги»¹⁶.

4. Сохранение «одного из самых вопиющих злоупотреблений в Турции» — откупной системы налогов, которая не только не была отменена, но на практике увеличивала почти вдвое налоговое бремя. «Десятина,— сообщал в отчете русский дипломат Н. П. Шишкин,— определяется откупщиками совершенно произвольно и так обременительно, что народ не находит более выгод заниматься многими промыслами, составлявшими прежде главнейшие источники его богатства». Показав пагубное действие откупной системы в основных отраслях сельского хозяйства, Шишкин заключил: «Можно, не ошибаясь, сказать, что если правительство в действительности требует со страны миллион подати, то несчастный народ выплачивает этот миллион втрое»¹⁷.

Турецкое правительство предприняло попытку внести некоторые изменения в систему административно-территориального управления, приняв за основу французский образец, что нашло выражение в вилайетской реформе 1864—1867 гг. Тем самым оно намеревалось использовать буржуазные формы правления в интересах господствовавшего класса феодалов.

Русские дипломаты, внимательно следившие за ходом этой реформы, подчеркивали ее политическую направленность, указывая, что целью реформы было: отвлечь внимание болгар от национально-освободительного движения и изолировать борьбу болгарского народа от движения других балканских народов, использовать централизацию и усиление власти внутри страны для борьбы с этим движением¹⁸. Как писал консул из центра Дунайского вилайета, г. Рущука, реформа была вызвана «беспокойным состоянием умов в Сербии и боязнию, чтобы болгаре, возбужденные как-нибудь извне, не приняли участие в замыслах молдо-валахов»¹⁹.

Донесения русских дипломатов убедительно показывают, что провозглашенное равенство в правах христи-

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, IV — 2, 1859—1870, д. 11, лл. 29—31.

¹⁸ Там же, IV — 2, 1862, д. 16, л. 45 об.

¹⁹ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1867, Рушук, д. 2183, л. 36.

ан с мусульманами на деле не осуществлялось. Право участия христианского населения в местном самоуправлении было «пустой формальностью», а свидетельство христианина в судах не имело никакого значения. С учреждением Дунайского вилайета, сообщил В. Ф. Кожевников, никаких существенных изменений в действиях прежней администрации не произошло. «Вся разница заключается лишь в том, что до обнаружения хатти-хумаюна несправедливости, насилия и разные злоупотребления в судах совершались в присутствии одного или двух христианских членов, в настоящее же время то же самое происходит пред глазами 40 и более христиан. Да и какого благоустройства можно ожидать от государства, в котором коренное население — христиане изъяты силою политических обстоятельств от участия в делах»²⁰.

Подводя итоги вилайетской реформы и раскрывая ее политический смысл, посол в Константинополе Н. П. Игнатьев обращал внимание МИД России на то, что искусственное расчленение Болгарии на вилайеты, подчиненные различным генерал-губернаторам, было осуществлено с целью «разъединения болгарской народности»²¹. Естественно, это не могло не иметь отрицательных последствий как для национально-освободительного движения, так и для формирования болгарской государственности в будущем.

Опираясь на собранный русскими дипломатами огромный материал о невыполнении Портой обещанных реформ, царское правительство предприняло ряд дипломатических акций.

Еще в 1858 г. А. П. Бутенев, в то время полномочный представитель российской миссии в Константинополе, в своем донесении А. М. Горчакову констатировал, что после Парижского договора положение христианских народов в Европейской Турции не изменилось, и отмечал, что с самого начала авторы хатти-хумаюна рассматривали его как документ, необходимый лишь для удовлетворения общественного мнения. Что же касается реализации провозглашенных реформ, то западные державы, тем более Порты, сообщил Бутенев, и не думали

²⁰ АВПР, ф. Главный архив, II — 18, 1855—1867, д. 1, лл. 194—195.

²¹ Там же, V — А₂, 1871, д. 759, л. 45 об.

серьезно об этом. К тому же ст. IX договора, запрещавшая державам, подписавшим его, вмешиваться во внутренние дела Османской империи и в отношения ее с подданными, исключала возможность потребовать от Порты отчета о выполнении хатти-хумаюна. Несмотря на такое положение А. П. Бутенев считал необходимым убедить западные державы вместе с Россией поднять вопрос о положении христианских подданных перед султаном²². Полностью разделяя его мнение²³, А. М. Горчаков в апреле 1858 г. ставит вопрос перед европейскими державами о коллективном демарше. Однако инициатива русского правительства была ими отклонена.

И в последующие годы положение христианского населения империи не только не улучшилось, а становилось все хуже: продолжавшиеся притеснения и злоупотребления турецких властей вызвали в 1859—1860 гг. волну восстаний среди поработанных балканских народов. В адрес царского правительства России поступали жалобы, обращения от христианского населения Европейской Турции²⁴. Все это побуждало его снова пытаться обратить внимание западных держав и Порты на положение этого населения.

В мае 1860 г. во все русские миссии был разослан циркуляр А. М. Горчакова, в котором говорилось об ухудшении положения подвластных Турции христианских областей (Боснии, Герцеговины и Болгарии), содержались предложения немедленно расследовать на месте с участием европейских делегатов фактическое положение дел и потребовать от Порты принятия мер, которые внесли бы «улучшение действительное, серьезное и прочное» в отношения ее с христианскими народами²⁵. И на этот раз русская дипломатическая акция не имела успеха, так как Турция, поддержанная западными державами, отклонила предложение России. В результате для расследования положения христианского населения, главным образом болгарского, в инспекционную поездку турецким правительством был направлен великий визирь

²² АВПР, ф. Канцелярия, 1858, д. 45, лл. 90—91.

²³ На полях донесения А. П. Бутенева помета А. М. Горчакова: «Это как раз то, чего бы и я хотел».

²⁴ АВПР, ф. Главный архив, I—9, 1853—1862, д. 3, лл. 99б—100; 115—119 об.

²⁵ Цит. по кн.: С. С. Татищев. Указ. соч., стр. 263—264.

Кипризли-паша. Как и следовало ожидать, никакого практического значения для населения она не имела.

Безуспешно закончились и двусторонние переговоры между Россией и Францией, в ходе которых выдвигалась идея разрешения восточного вопроса путем образования на Балканах «небольших, независимых государств на федеративных началах»²⁶.

В циркулярном предписании от 18 (30) ноября 1866 г. русским консулам предлагалось представить сведения о том, какие статьи хатти-хумаюна приведены в исполнение, а какие необходимо выполнить для благосостояния христианских народов на Востоке. Консулы должны были также высказать свои соображения об имеющихся препятствиях, мешающих выполнять этот акт, и о мерах, необходимых для его осуществления²⁷.

Полученные от консулов материалы убедительно подтверждали бесплодность хатти-хумаюна для христианских подданных Турецкой империи.

Ко второй половине 60-х годов русское правительство, убедившись окончательно в том, что провозглашенные султаном реформы не изменили положения славянских народов, пришло к заключению, что хатти-хумаюн «не был применен, не может быть применен, не только бесполезен, но вреден для христиан и может только соответствовать своекорыстным целям западных держав»²⁸.

Таким образом, при постановке вопроса об отношении царской России к турецким реформам необходимо учитывать ее внутреннее и внешнеполитическое положение. После Крымской войны, не располагая другими возможностями, русское самодержавие могло действовать в основном дипломатическими средствами. Преследуя корыстные цели, правящие круги России, рассматривавшие славянские народы Оттоманской империи, в частности болгарский народ, как естественных союзников в своей политике на Балканах, использовали хатти-хумаюн в качестве легальной основы для поддержки национально-освободительных устремлений этих народов.

²⁶ С. С. Гатищев. Указ. соч., стр. 267—268.

²⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1867, д. 30, л. 13.

²⁸ АВПР, ф. Главный архив, II — 18, 1855—1867, д. 1, л. 137.

**БОЕВОЕ СОДРУЖЕСТВО НАРОДОВ РОССИИ И БАЛКАН
ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877—1878 гг.**

В 60-е годы XIX в. начался быстрый рост национально-освободительного движения южнославянских народов. Борьба против турецкого национального и феодального гнета обострила соперничество великих европейских держав на Ближнем Востоке и на Балканах: Западные державы, особенно Австро-Венгрия и Англия, заинтересованные в сохранении турецкого господства на Балканах, поддержали Порту в ее стремлении силой оружия задушить национально-освободительное движение южных славян. Жестокая расправа Порты с восставшими в апреле 1876 г. болгарами вызвала в России волну народного негодования. В стране началось широкое народное движение в поддержку борющихся славян. Оно еще более усилилось, когда летом 1876 г. в борьбу вступили Сербия и Черногория. По всей России проводился сбор пожертвований, на Балканы направились тысячи добровольцев. Председатель Московского славянского комитета И. С. Аксаков характеризовал это движение как «неслыханное и невиданное не только в русской, но и в ничьей истории»¹. Он возмущался тем, что «общество вело войну помимо своего правительства и без всякой государственной организации»². Другой деятель комитета, А. Пороховщиков, специально ездил в Ливадию, чтобы убедить царя в необходимости изменить свое пассивное отношение к балканским событиям. Он пугал царя тем, что бездеятельность правительства в балканском вопросе может вызвать в стране революцию. Александра II особенно «поразила мысль, что русский народ вступит в войну помимо своего правительства и не ожидая его решения»³. Подобные мысли высказывали в своих донесениях и тайные агенты, внимательно следившие за ростом народного движения в поддержку южных славян. «Если правительство,— говорилось в одном из донесений,— не примет деятель-

¹ И. С. Аксаков. Сочинения. т. 1. М., 1886, стр. 242.

² «Русский архив», 1897, № 5-6, стр. 259.

³ См.: «Исторический вестник», 1914, № 5, стр. 446.

ное участие в устройстве судьбы славян, то тем самым облегчит дело революции»⁴.

Солидарность народов России с освободительной борьбой южных славян оказала определенное влияние на политику правительства в балканском вопросе. Оно решило, не ослабляя поисков мирного разрешения балканского кризиса, начать подготовку к войне с Турцией. В октябре на совещании у Александра II в Ливадии, на котором присутствовали военный министр Д. А. Милютин и другие министры, был заслушан и одобрен план ведения войны с Турцией, представленный генералом Н. Н. Обручевым. В основе его лежала идея взаимосвязи политических и стратегических целей войны. В нем подчеркивалось, что одна из целей войны — «вырвать из власти турок ту христианскую страну, в которой она совершила столько злодеяний»⁵. Это могло быть достигнуто путем решительного наступления на Константинополь через Центральную Болгарию. Планом Обручева предусматривалось также взаимодействие в ходе войны с Румынией, Сербией и Черногорией. На этом же совещании было решено создать болгарское ополчение, которое должно послужить ядром будущей болгарской армии. Обручеву было поручено составить «Основания для организации болгарского войска»⁶. Царское правительство намечало задачу создания в зоне черноморских проливов дружественного России самостоятельного славянского государства, которое должно было стать проводником русского влияния⁷.

В конце октября события на Балканах приняли угрожающий характер. Сербская армия была разбита. Чтобы спасти Сербию от разгрома, русское правительство предъявило Турции ультиматум, который был подкреплен частичной мобилизацией войск. В результате вмешательства России Порты вынуждена была заключить перемирие с Сербией и Черногорией. Русское правительство, чтобы не допустить разгрома сербов в случае возобновления сербско-турецкой войны, планировало направить в Сербию один армейский корпус⁸. В район

⁴ ЦГАОР, ф. 109, оп. 4, д. 482, л. 23.

⁵ М. А. Газенкапф. Мой дневник 1877-78. СПб., 1908, прилож. 1.

⁶ «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. 2. М., 1964, стр. 19.

⁷ См.: «Исторический вестник», 1914, № 1, стр. 66.

⁸ ЦГВИА, ф. 485, д. 737, л. 66.

Кладова, где русские войска должны были переправиться через Дунай, намечалось послать сербские войска и дивизию добровольцев и заготовить переправочные средства. Но планы войны с Турцией при военном содействии Сербии вскоре отпали ввиду противодействия этим планам Австро-Венгрии. Посол в Вене Е. П. Новиков предупреждал Петербург, что «русское вторжение в Турцию через Сербию приведет к австро-русской войне»⁹. А после продления Турцией срока перемирия с Сербией еще на два месяца сербский князь Милан демобилизовал армию и предупредил русское правительство, что «для России лучше не рассчитывать на вооруженное содействие Сербии»¹⁰. Это открывало дорогу для соглашения с Австро-Венгрией.

В январе 1877 г. в Будапеште между Россией и Австро-Венгрией была заключена конвенция, ограничившая возможности русско-сербского военного сотрудничества. По Будапештской конвенции Россия в случае войны с Турцией обязывалась не вводить свои войска в Сербию, Черногорию, Боснию и Герцеговину, а Австро-Венгрия сохранять нейтралитет¹¹. Австрийский нейтралитет имел для России большое значение, так как он устранял угрозу войны с европейской коалицией. 4(16) апреля была подписана русско-румынская конвенция о проходе русских войск через Румынию к Дунаю. Соглашения с Австро-Венгрией и Румынией создавали для России благоприятные внешнеполитические и стратегические условия для войны с Турцией. Учитывая изменившуюся обстановку, Обручев составил новый план ведения войны с Турцией. В этом плане, который назывался «Соображения на случай войны с Турцией весной 1877 г.», политическая цель войны была определена как полное, бесповоротное решение восточного вопроса, как безусловное уничтожение владычества турок на Балканском полуострове. Эта цель, как отмечалось и в прежних планах, могла быть достигнута только решительным наступлением на Константинополь. «Только на берегах Босфора, — писал Обручев, — можно действительно

⁹ D. Mackenzie. The serbs and russian panslavisme. New York, 1967, p. 173.

¹⁰ «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. 1. М., 1964, стр. 568.

¹¹ «Сборник договоров России с другими государствами». М., 1952, стр. 185.

сломить владычество турок и получить прочный мир»¹². В то же время он отмечал, что Россия «никогда не займет Константинополя политически, никогда его себе не присвоит»¹³. План был доложен военному министру Д. А. Милютину 20(22) апреля, а через два дня Россия объявила Турции войну.

Весть об объявлении войны была с энтузиазмом встречена народами России и балканских стран. Они восприняли ее как войну за освобождение угнетенных славянских народов. В России начался сбор пожертвований на санитарные нужды армии. К ноябрю 1877 г. в пользу раненых было собрано 10 млн. руб.¹⁴ На Балканский театр войны добровольно отправились сотни врачей и сестер милосердия. Мобилизация в апреле 1877 г. прошла быстро и организованно. Многие забравшиеся заявили о своем желании служить добровольно, а принятые на службу просили направить их в действующую армию.

Освободительный характер войны обусловил высокий моральный и боевой дух русской армии. В ходе войны сложилось военное сотрудничество России и балканских стран, которое прошло в своем развитии ряд этапов.

В период стратегического развертывания русской армии на Дунае (апрель — июнь 1877 г.) союзниками России стали Румыния и Черногория. Русско-румынская конвенция от 4(16) апреля не предусматривала участия Румынии в войне. Однако с провозглашением 9 мая независимости Румынии ее войска включились в военные действия. На этом этапе войны русско-румынское боевое сотрудничество выразилось в том, что румынские войска, заняв оборонительные позиции вдоль границы с Турцией, обеспечили правый фланг русской армии, сосредоточившейся на Дунае, а также приняли участие в разгроме турецкой флотилии на Дунае.

В период стратегического развертывания русских войск на Дунае наиболее тяжелые испытания выпали на долю черногорской армии. В отличие от Сербии Черногория не заключила с Турцией мирного договора и одна из первых включилась в русско-турецкую войну.

¹² «Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг.», вып. 4, стр. 29.

¹³ Там же, стр. 72.

¹⁴ «Вестник народной помощи», 19.XII 1877, № 29, стр. 9.

Турецкое командование направило в Черногорию огромную армию, чтобы до перехода русскими Дуная расправиться с непокорными черногорцами. Несмотря на малочисленность сил, черногорцы оказали туркам упорное сопротивление. В сражении на Острожской Гряде турки потеряли 5 тыс. убитыми и ранеными, потери черногорцев составили 1600—1800 чел.¹⁵ Своим мужественным сопротивлением черногорцы способствовали успешному форсированию русскими войсками Дуная в июне 1877 г. С появлением русских войск в Болгарии тридцатисемитысячная армия Сулеймана-паши была срочно переброшена из Черногории в Южную Болгарию. Перейдя в наступление, черногорцы очистили свою страну от турецких войск.

Таким образом, в период стратегического развертывания русской армии на Дунае только черногорская армия вела активные действия, румынская армия придерживалась тактики пассивной обороны, а Сербия продолжала оставаться нейтральной. Александр II, уверенный в быстрой победе русской армии, возражал против активного участия в боевых действиях Румынии и Сербии. «Мы великолепно можем обойтись без нее»,— писал он по поводу военного сотрудничества с Румынией за Дунаем¹⁶. Князю Милану он дал совет оставаться нейтральным, а «ежели народное настроение принудит его к войне, то чтобы он не иначе действовал, как вне Сербии»¹⁷.

С развертыванием наступления русских войск в Болгарии летом 1877 г. в развитии боевого содружества народов России и Балкан наступил новый этап. В период наступления наибольшего успеха добился передовой отряд генерала И. В. Гурко. Он преодолел хребет и занял ряд городов в Южной Болгарии. В этот отряд вошло болгарское ополчение, формирование которого началось в Кишиневе и завершилось в Плоешти (Румыния). Было создано шесть дружин, в которых насчитывалось 7400 чел. Ополченцы прошли военную подготовку под руководством русских офицеров и унтер-офицеров, которые занимали в ополчении командные должности. В июле 1877 г. под Эски-Загрой (Стара-Загора)

¹⁵ «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. 2, стр. 113.

¹⁶ Там же, стр. 68.

¹⁷ Там же, стр. 112.

ополченцы получили первое боевое крещение. После боя под Эски-Загрой начальник болгарского ополчения генерал Н. Г. Столетов мог с полным правом заявить, что «многострадальный болгарский народ не только имеет право на свободу, но и достоин ее»¹⁸. Передовому отряду из-за своей малочисленности (12 тыс. чел.) не удалось закрепить свой успех. Русское командование не решилось бросить в наступление на Константинополь главные силы русской армии, как это предусматривалось планом Обручева. Нерешительность и медлительность царского командования стоили много крови русским солдатам. Была упущена возможность с ходу взять Плевну. Когда турецкие войска укрепились в Плевне, русские дважды пытались взять ее штурмом, но оба раза были отбиты с большими потерями.

Неудачи под Плевной вынудили царя обратиться к содействию румынских и сербских войск, а также смириться с формированием и использованием болгарских партизанских отрядов. С румынским командованием была достигнута договоренность о замене румынскими войсками гарнизона в г. Никополе и об участии румын в третьем штурме Плевны. Сербскому правительству для подготовки армии к войне была предоставлена субсидия в 1 млн. руб. Половина этой суммы в начале августа была доставлена в Белград¹⁹. В Сербию был командирован полковник Г. И. Бобриков с целью проверить готовность сербской армии к войне²⁰. Г. И. Бобриков успешно справился со своей задачей.

Неудачи под Плевной отразились на положении передового отряда. Он был расформирован. Дружины болгарского ополчения были переброшены на защиту Шипкинского перевала, к которому устремилась армия Сулеймана-паши. Болгарские ополченцы совместно с войсками Орловского и Брянского полков четыре дня вели ожесточенные бои с превосходящими силами врага. Благодаря мужеству защитников Шипки были сорваны планы турецкого наступления в Северную Болгарию. Шипка стала символом боевого братства русского и болгарского народов.

¹⁸ «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. 2, стр. 229.

¹⁹ Там же, стр. 237.

²⁰ Г. И. Бобриков. В Сербии. Из воспоминаний о войне 1877—1878 гг. СПб., 1891, стр. 15.

Участие болгар в войне не ограничилось действиями одного только ополчения. В боевом содружестве с русскими войсками боролись за свободу Болгарии партизанские отряды (четы) и народная милиция. Русская армия была окружена заботой и вниманием болгарского населения. Болгары снабжали войска продовольствием и фуражом, чинили дороги, мосты, ухаживали за ранеными, были проводниками и переводчиками, сообщали сведения о противнике. По словам участника войны, русские шли по Болгарии «как по родной матушке России»²¹.

Символом русско-румынского боевого содружества стала Плевна. Три румынские дивизии приняли участие в конце августа в третьем штурме Плевны. Румынские войска атаковали Гривицкий редут и при содействии русских войск взяли этот сильно укрепленный пункт врага. После неудачи третьего штурма румыны участвовали в боях по окружению и взятию Плевны. Русско-румынский отряд под командованием И. В. Гурко захватил Телиш, Горный Дубняк и другие опорные пункты на дороге Плевна — София, замкнув тем самым кольцо блокады. В начале ноября румыны участвовали во взятии крепости Рахов и в бою под стенами Плевны, который закончился пленением армии Османа-паши. После завершения боев под Плевной главнокомандующий румынской армией князь Карл в своем обращении к русским войскам писал: «Я не могу не высказать вам, что вы служили примером доблести и воинских добродетелей моим юным войскам, которые, приняв боевое крещение в союзе с главной русской армией, навсегда соединились с вами узами братства»²². Кровь, пролитая в совместных боях за Плевну, скрепила русско-румынскую дружбу.

На завершающем этапе войны, который ознаменовался зимним переходом русской армии через Балканский хребет и разгромом армии Вессель-паши под Шипкой—Шейново, освобождением Софии и выходом русских войск к Константинополю, союзниками России стали почти все народы Балканского полуострова. В начале

²¹ В. М. *Вонлярлярский*. Воспоминания ординарца о войне 1877—1878 гг. СПб., 1891, стр. 34.

²² А. А. *Скалон*. Мои воспоминания 1877—1878, т. 2. СПб., 1913, стр. 35.

декабря в войну вступила Сербия. На другой день после заключения Адрианопольского перемирия военные действия против Турции начала Греция.

Объявив войну Турции, Сербия сразу же повела энергичное наступление в направлении Софии. План наступления был разработан при непосредственном участии полковника И. Г. Бобрикова. Цель наступления — отвлечь внимание софийской группировки противника и тем самым содействовать наступлению на Софию войск генерала И. В. Гурко. Взяв Пирот, сербы вошли в связь с русскими войсками, которые, перевалив через Балканский хребет, освободили Софию. «Долг справедливости требует признать за сербами ту заслугу,— писал Бобриков,— что они не выжидали перехода Балкан нашими войсками, но, напротив, добровольно шли вперед, стараясь быть полезными союзниками, насколько могли»²³. В ходе дальнейших наступательных действий сербы взяли сильную турецкую крепость Ниш.

Успешно действовала на своем участке фронта черноморская армия. Своим победам она во многом обязана русской помощи. Ежегодно Черногория получала субсидию в размере 46 тыс. рублей²⁴. Полковник И. Филиппенко при участии двух русских мастеровых организовал в Черногории производство снарядов (гранат) и пуль²⁵. Русское правительство подарило черногорцам четыре пушки и 2 тыс. снарядов к ним. Пушки обслуживались русскими артиллеристами, которые удивляли черногорцев своей меткой стрельбой. «С такими топами (пушками) нам не страшны большие крепости»,— говорили черногорцы после взятия Никшича²⁶. В конце декабря после двухмесячной осады был взят Антивари (Бар) на Адриатическом побережье.

Действия сербских и черноморских войск сковали до 80 тыс. турецких солдат и способствовали успешным боевым действиям русских войск в зимней кампании 1877—1878 г.²⁷

²³ Г. И. Бобриков. Указ. соч., стр. 177.

²⁴ «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. 2, стр. 301.

²⁵ А. В. Щербак. Черногория и ее война с турками в 1877—1878 гг., вып. 1. СПб., 1880, стр. 30—32.

²⁶ А. В. Щербак. Черногория..., вып. 2, стр. 50.

²⁷ Н. Беляев. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1956, стр. 417.

На завершающем этапе борьбы широкий размах приобрело русско-болгарское военное сотрудничество. Болгары оказали активное содействие русским войскам в преодолении ими балканских перевалов. Большую помощь оказали партизанские отряды, руководимые опытными болгарскими воеводами. Они действовали в авангарде русских войск, вели боевую разведку, охраняли горные проходы. Болгарские вооруженные отряды были созданы также при русских воинских частях. Высокую боевую выучку и храбрость показали болгарские ополченцы в боях под Шипкой — Шейново. В дальнейшем ополченцы участвовали в боях в районе г. Котел, где действовали шайки башибузуков. Часть ополченцев сражалась в отряде, которым командовал полковник А. А. Пушкин — старший сын великого поэта. Ополчение, как отмечал Н. Г. Столетов, «достойно закончило свой славный боевой курс, показав, что для этого не существует никаких преград»²⁸.

На последнем этапе войны боевые действия румын ограничились наступлением на Видин, который был ими взят уже после заключения перемирия.

В отличие от прошлых русско-турецких войн, война 1877—1878 гг. возникла в условиях мощного национально-освободительного движения южнославянских народов и широкого общественного движения в их поддержку. Русский царизм в борьбе за влияние на Ближнем Востоке и на Балканах вынужден был ставить вопрос об освобождении балканских народов от турецкого ига и идти на военное сотрудничество с ними. В результате победы русского оружия в войне 1877—1878 гг. сбросил цепи пятивекового турецкого рабства болгарский народ и обрели полную национальную независимость Румыния, Сербия и Черногория. В ходе войны сложился и окреп боевой союз народов России и Балкан, сыгравший важную роль в борьбе балканских народов против национального и социального гнета Османской империи.

²⁸ «Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877—1878 гг.», вып. 94, стр. 371.

**ГРУЗИНСКАЯ ГАЗЕТА «ДРОЭБА»
О НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ
ПОЛЬСКОГО НАРОДА**

В грузинской революционно-демократической печати, несмотря на жестокую цензуру, часто публиковались статьи, очерки и сообщения, в которых выражалось горячее сочувствие братскому польскому народу как во время восстания 1863 г., так и в последующие годы. В этом отношении особенно выделялась газета «Дрозба» («Время»), которая в течение длительного времени освещала социальные вопросы и вопросы национально-освободительного движения польского народа. Можно без сомнения утверждать, что не было ни одного значительного события в жизни Польши, которое не нашло бы отражения на страницах этой газеты.

Газета «Дрозба» издавалась в Тбилиси в течение пятнадцати лет (1866—1885). Вокруг нее группировались передовые общественные деятели Грузии И. Чавчавадзе, А. Церетели, Г. Церетели, Н. Николадзе, Я. Гогешвили, С. Месхи, И. Мачабели, К. Лордкипанидзе и др. Большинство из них в конце 50-х — начале 60-х годов поддерживало связи с Н. Г. Чернышевским и его соратниками по редакции журнала «Современник», с Герценом, Огаревым и редакцией «Колокола» в Лондоне.

В газете широко освещались деятельность I Интернационала и его вдохновителя К. Маркса, борьба парижских коммунаров, освободительная борьба народов Европы, Азии, Африки и Америки. На страницах ее осуждались захватнические войны Англии, Франции, Германии и других капиталистических государств Европы.

Национально-освободительное движение польского народа находилось в центре внимания газеты «Дрозба» уже с самого начала ее издания. Так, в № 35 за 1866 г. газета опубликовала обзорную статью «Поляки намереваются восставать», в основу которой был положен официальный документ из «Варшавского дневника», представлявший часть годового отчета царской администрации в Польше. Содержание многочисленных примечаний

и разъяснений к официальному документу не оставляло сомнений в антиправительственной настроенности автора статьи — редактора Георгия Церетели¹.

Например, в статье приводились сведения из отчета о деятельности польских эмигрантов, а в комментариях говорилось: «Польская эмиграция не прекращает борьбы, и она оказывает такое же влияние, какое оказывала в 1830 году в провинции, принадлежавшей польскому государству... Польские эмигрантские газеты... единодушно убеждают свой угнетенный народ ненавидеть царскую Россию, чтобы готовиться совместно к новому восстанию...» А вот как излагалось в статье содержание воззвания, изданного в Лейпциге: «Пусть омертвеют губы, которые пытаются утверждать, что Польша не будет снова восставать. Нет, борьба не окончена! И не будет окончена до тех пор, пока мы не победим. А победить мы можем путем борьбы и ценой многочисленных жертв,— так говорится в брошюре неизвестного автора». Далее газета сообщала: «Одна польская газета («Отчизна») советует создавать революционные школы, чтобы в будущем эти школы подготовили повстанцев».

В комментариях подробно освещалась борьба партий («красных» и «белых») в среде польской эмиграции, давалась характеристика этим партиям: «белым» — как консервативно-клерикальному направлению, «красным» — как прогрессивной организации, связанной с «Революционным товариществом народов», комитет которого находится в Лондоне.

В 1867 г. на страницах газеты было напечатано письмо сына Адама Мицкевича — Владислава Мицкевича, адресованное проходившему в Женеве конгрессу Лиги мира и свободы (перевод письма принадлежал Г. Церетели).

«Мир между народами,— писал В. Мицкевич,— должен опираться на справедливость, но поставим вопрос, что представляет собою сейчас мир, когда народы угнетаются деспотизмом? Может быть, вы скажете народу, что он не имеет права бороться против деспотизма? Если так, то поляки имеют право выступить против такого мира, так как Польша терпит невыносимые притеснения. Поляков притесняют в области религии, политики и социальных отношений...

¹ «Дрозба», 1866, № 35.

В настоящее время правду нужно отстаивать мечом. О мире пока не стоит говорить. Восстановление Польши возможно только путем вооруженной борьбы». Далее Владислав Мицкевич призывал к вооруженному выступлению против угнетателей, заявляя, что без этого «все старания о мире будут бесплодными»².

Публикация такого смелого письма Владислава Мицкевича на страницах газеты «Дрозба» вызвала большой общественный интерес.

В том же номере газеты было опубликовано еще одно письмо, адресованное участникам Женевского конгресса. Его автором был представитель женевской группы польских эмигрантов Булевский. «Невозможно примириться с деспотами, которые уничтожают свободу, препятствуют распространению просвещения и попирают человеческую справедливость,— говорилось в письме.— Если вы действительно хотите, чтобы правда восторжествовала, то заставьте те государства отказаться от угнетения других народов, пусть они бросят оружие»³.

Следует отметить, что редактор «Дрозбы» Георгий Церетели — бывший студент Петербургского университета и активный участник студенческого революционного движения, находившийся в дружественных связях с польскими революционно настроенными студентами, с большим интересом следил за революционной борьбой польского народа. На страницах редактируемой им газеты часто упоминались имена Адама Мицкевича и его сына Владислава, профессора А. Ходзько и др. Церетели сам перевел на грузинский язык и, снабдив комментариями, поместил в «Дрозбе» статью парижского корреспондента «Петербургских ведомостей» о деятельности польских общественных организаций в Париже. В этой статье описана жизнь польских эмигрантов и особенно подробно освещена деятельность Владислава Мицкевича и польского ученого Александра Ходзько, который долго жил в Грузии и с уважением относился к грузинскому народу, его культуре.

На страницах газеты нашла широкое освещение деятельность поляков во время Парижской Коммуны. В одной из публикаций «Дрозба» особое место отвела заме-

² «Дрозба», 1867, № 39.

³ Там же.

чательному польскому революционеру-интернационалисту Ярославу Домбровскому. Широко комментируя факт избрания Домбровского комендантом Парижа в дни Коммуны, газета приводила текст прокламации, в которой о Домбровском говорилось как об активном деятеле польского восстания и военном специалисте, которого «уважает и ценит сам Гарибальди»⁴.

В «Дрозбе» часто упоминалось участие поляков в баррикадных боях Коммуны, публиковались тексты прокламаций, в которых говорилось о Валерии Врублевском⁵.

Нередки на страницах «Дрозбы» были публикации произведений польских писателей, в том числе Генрика Сенкевича («Из дневника познаньского учителя»).

Этот рассказ, повествующий о том, как из польских школ изгонялся родной язык и как детей насильно заставляли учиться немецкому языку, в последующие годы перепечатывался и в других грузинских изданиях. Популярность таких произведений у грузинской общественности объяснялась тем, что подобные факты имели место и в Грузии.

Пример газеты «Дрозба» свидетельствует о том, что передовая грузинская общественность внимательно следила за освободительной борьбой польского народа и сочувственно относилась к этой борьбе.

⁴ «Дрозба», 1871, № 16.

⁵ Там же, № 13.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

С. М. Стецкевич, В. А. Якубский

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС О ВНУТРЕННИХ ПРИЧИНАХ ПАДЕНИЯ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

(К вопросу об истоках марксистской концепции)

Круг проблем польской истории, рассматриваемых К. Марксом и Ф. Энгельсом в статьях и в переписке, как известно, весьма широк. Но когда основоположники научного коммунизма говорили о прошлом Польши, в центре их интересов неизменно оставалось падение Речи Посполитой. Осуждая политику соседних держав, поделивших добычу «по тому же праву, по которому три разбойника с большой дороги делят между собой кошелек безоружного путника»¹, Маркс и Энгельс большое внимание уделяли выяснению внутренних причин падения Польского государства.

Основные высказывания по поводу тех причин, которые превратили шляхетскую Речь Посполитую в «заезжую корчму» для могущественных соседей и затем свели ее в могилу, принадлежат Ф. Энгельсу. Он не только по-новому, с позиций исторического материализма, поставил проблему, но и чрезвычайно много сделал для ее разрешения. Его идеи плодотворно развивает современная марксистская историография. Однако если в целом значение трудов Энгельса для разработки истории Польши глубоко раскрыто в польской и советской нау-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 6, стр. 488.

ке², то в отношении темы, внесенной в заголовок нашего сообщения, сделано сравнительно меньше.

В предлагаемом сообщении мы останавливаемся лишь на некоторых аспектах этой большой проблемы.

Для того чтобы в полной мере оценить вклад, который внес Ф. Энгельс в формирование марксистской концепции падения Польши, необходимо прежде всего комплексно рассмотреть все, что им сказано по данному предмету. При этом нужно выяснить эволюцию его взглядов — насколько и как менялись его суждения и оценки, не менее важно установить, чем были вызваны эти изменения.

Если под таким углом зрения подходить к научному наследию Ф. Энгельса, то можно увидеть, что его представления о перспективах экономического, социального, политического развития Польши конца XVIII в. эволюционировали и что эта эволюция была обусловлена как углублением знакомства с польской историей, так и переменами в Европе XIX в. (в особенности, подъемом и спадом революционного движения), причем второе обстоятельство иной раз имело решающее значение.

Интерес к Польше проявился у Энгельса рано³. Его активизировали события второй половины 40-х годов: восстание 1846 г., революция 1848 г., контакты Маркса и Энгельса с левым крылом польской эмиграции. Польский вопрос занял видное место в «Новой Рейнской газете». Среди работ Энгельса этого цикла выделяется серия статей, печатавшихся с 9 августа по 7 сентября 1848 г., — «Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте».

Маркс и Энгельс в своих произведениях не раз упоминают известные им труды о Польше. В их переписке

² См.: С. *Bobińska*. Marks i Engels a sprawy polskie do osiemdziesiątych lat XIX w. Warszawa, 1955; С. *Bobińska*. Słowo wstępne. «Marks i Engels o Polsce. Zbiór materiałów», t. 1. Warszawa, 1960; В. А. Дьяков. Маркс, Энгельс и польское освободительное движение. М., 1968; И. И. Костюшко. Ф. Энгельс об аграрном развитии Центральной и Восточной Европы. СС, 1971, № 1. Достаточно полный обзор литературы вопроса содержится в названной книге В. А. Дьякова.

³ См., в частности, письмо Ф. Энгельса В. Греберу от 8 октября 1839 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 41, стр. 421—422).

неоднократно встречаются справки о книгах по польской истории и интереснейшие суждения по поводу этих книг. Сохранилась часть их конспектов (некоторые из них опубликованы). Тем не менее этих материалов недостаточно для того, чтобы полностью восстановить источники, откуда основоположники научного социализма черпали сведения о Польше и ее истории. Ученые уже предпринимали попытки такого рода, но в большинстве случаев приходится довольствоваться предположениями.

Затруднительно назвать все те работы о Польше, которые уже были известны Энгельсу в 40-х годах. Сам он приводит названия лишь небольшой части из прочитанных им книг. Так, в полемике с депутатом Франкфуртского собрания профессором истории Густавом Штенцелем, который изображал дело так, как будто в Польше дворянство и аристократия едины суть, Энгельс для подкрепления своей точки зрения называет «Историю Польши», Лелевеля, «Спор между революцией и контрреволюцией в Польше» Мерославского и «много других новейших сочинений»⁴.

По-видимому, Ф. Энгельс в основном опирался на первый том «Истории Польши» И. Лелевеля, включавший в себя краткий, первоначально предназначавшийся для юношества очерк польской истории, и работу «Возрождающаяся Польша»⁵. В пользу этого говорят и прямые одобрительные упоминания Энгельса о Лелевеле, и текстологические наблюдения. Слова Энгельса о «трех коронованных ворах», которые в 1793 г. поделили свою добычу — Польшу — по тому же праву, по какому три разбойника с большой дороги делят между собой кошельки безоружного путника, перекликаются с тем, что писал о «трех коронованных разбойниках» И. Лелевель⁶.

На близость мнения Ф. Энгельса, осудившего в «Дебатах...» предательскую роль польской аристократии и отметившего, что все остальные классы польского обще-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 5, стр. 357.

⁵ J. Lelewel. Histoire de Pologne, t. 1. Paris, 1844. Трудно сказать, когда Энгельс прочел второй том этого издания. Маркс ознакомился с «Размышлениями об истории Польши», заключенными во втором томе, лишь в 50-х годах (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 29, стр. 67).

⁶ J. Lelewel. Histoire de Pologne, t. 1, p. 236.

ства объединились против своей аристократии и иноземных завоевателей, к выводам Лелевеля, в частности, недавно обратил внимание Б. С. Попков, на протяжении многих лет плодотворно изучающий историческую концепцию этого крупнейшего польского историка первой половины XIX в.⁷ Но только вряд ли можно на основании такой близости утверждать, как это делает Б. С. Попков, что «ряд выводов Лелевеля приближался к мнению Маркса и Энгельса». На наш взгляд, с уверенностью можно говорить об обратном: Ф. Энгельс, с самого начала критически отнесшийся к лелевелевской идеализации шляхетской демократии, счел возможным воспроизвести ту оценку действий аристократов, которую дал великий польский ученый, и вслед за ним констатировать, что против своих предателей и иностранных угнетателей формируется союз всех остальных классов.

Маркс и Энгельс, применяя к истории польского народа теорию исторического материализма, значительно глубже, чем Лелевель или другие современные им историки, оценивали внутренние процессы, происходившие в Речи Посполитой. Но в отношении фактического материала им приходилось в основном полагаться на существующие работы, и это не вправе упускать из виду современный историк.

Разоблачая шовинистические рассуждения Вильгельма Иордана, Энгельс в «Дебатах...» четко ответил на вопрос, «в чем же заключалась неумолимая, железная необходимость, которая на время уничтожила Польшу». Ее он видел ни в чем ином, как «в разложении дворянской демократии, покоящейся на крепостном праве, т. е. возникновении крупной аристократии *внутри* дворянства»⁸. Таким образом, и здесь он, подобно Лелевелю и Мерославскому, отделял аристократию от массы дворянства. Но Энгельс иначе, чем они, рассматривал дворянскую демократию.

Дворянская демократия — этот столь милый сердцу польских историков-романтиков первой половины XIX в.

⁷ См.: Б. С. Попков. Иоахим Лелевель о национально-освободительной борьбе польского народа и путях возрождения Польши. В кн.: «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах». М., 1970, стр. 286—287.

⁸ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 5, стр. 367.

(не исключая и Лелевеля) вид демократизма — у него ставилась в ряд закономерно сменяющих друг друга форм феодальной государственности. Возникновение крупной аристократии внутри дворянства расценено в «Дебатах...» как шаг вперед, поскольку являлось единственным выходом из отжившего свой век строя шляхетской демократии. Признавая выделение верхушки внутри правящего класса прогрессом и считая, что «аристократия принуждена была заключить союз с заграницей, чтобы расправиться с дворянской демократией»⁹, Энгельс подходил к вопросу диалектически. Он показал, что политика знати привела к «насквозь реакционному» разделу Польши и, больше того, подчеркивал, что для магнатов раздел, осуществленный в результате их союза с тремя соседними монархиями, являлся последним средством спасения от революции¹⁰.

Таким образом, у Энгельса различается, во-первых, борьба аристократии с дворянской демократией, стадияльно предшествовавшей господству знати, и, во-вторых, борьба на новом этапе, когда само это господство становилось таким же изжившим себя, как в 1772 г. «демократия мелкого дворянства», и когда назревала демократически-аграрная революция.

«Последствием уже первого раздела был, совершенно естественно, союз остальных классов, т. е. дворянства, городского бюргерства и отчасти крестьянства, как против угнетателей Польши, так и против крупной аристократии своей собственной страны,— утверждал Энгельс, анализируя перегруппировку социальных сил в польском обществе последней четверти XVIII в.— Насколько ясно поляки уже тогда понимали, что их независимость вовне неотделима от свержения аристократии и от аграрной реформы внутри страны, показывает конституция 1791 г.»¹¹.

Содержание Конституции 3 мая у Энгельса прямо связано с аграрной реформой. Сходного мнения придерживался и К. Маркс в своей речи на торжественном собрании 22 февраля 1848 г. в Брюсселе в честь второй годовщины Краковского восстания, когда говорил, что конституция 1791 г. провозглашала наряду с други-

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 5, стр. 367.

¹⁰ См.: Там же, стр. 352.

¹¹ Там же, стр. 352.

ми принципами конституционной монархии отмену крепостного права¹².

Перед нами — напоминание современному читателю о том, что суждения Маркса и Энгельса должны прежде всего восприниматься в историографическом контексте той эпохи, когда они возникли. Создатели теории научного коммунизма не могли не зависеть об объема и качества доступной им информации, а как раз информация о польских делах, какой они располагали, далеко не всегда была полной и достоверной, даже если поступала из демократического лагеря.

Известно, что Конституция 3 мая И. Лелевелю и его соратникам рисовалась актом, предоставившим крестьянам личную свободу. Иначе говоря, они развивали толкование Г. Коллонтая и других авторов «Установления и упадка польской конституции 3 мая 1791 г.»¹³, хотя, как знаем, текст соответствующего, четвертого, артикула «Правительственного закона» не давал повода для подобной интерпретации. Неудивительно, что классики марксизма, не имевшие в руках подлинного текста конституции, приняли версию Лелевеля. В дальнейшем, ознакомившись с рядом других книг о Польше, они изменили свое мнение. В набросках 1863 г. к брошюре о польском вопросе в европейской политике Маркс, по-прежнему высоко оценивая Конституцию 3 мая, ее важнейшим недостатком назовет сохранение крепостничества¹⁴.

50-е годы — время усиленных занятий Маркса и Энгельса историей Польши, о чем свидетельствует хотя бы богатая польскими экскурсами их переписка. В эти годы суждения классиков марксизма о польских делах проникнуты зачастую горечью, вызванной неудачей восстаний 1846 и 1848 гг. Концентрированное выражение это нашло в письме Энгельса Марксу 23 мая 1851 г.¹⁵ Поэтому же в работах той поры превалирует убежде-

¹² См.: Там же, т. 4, стр. 488.

¹³ К. Маркс непосредственно ознакомился с этой книгой по ее немецкому переводу 1793 г. (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 32, стр. 369). Ф. Энгельс приобрел это издание и прочел осенью 1882 г. (Ср.: С. *Vobińska*. Marks i Engels a sprawy polskie..., стр. 35).

¹⁴ П. Н. Поспелов, А. Ф. Смирнов. Карл Маркс о роли польского вопроса в европейской политике. (Новые материалы). «Новая и новейшая история», 1967, № 2, стр. 20.

¹⁵ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 27, стр. 240—242.

ние, что у Речи Посполитой не было сил выйти из тупика. Такое мнение отразилось, например, на некоторых разделах «Революции и контрреволюции в Германии»¹⁶.

Новый этап в разработке польской проблематики был связан с восстанием 1863 г. Не будем останавливаться на подготовке брошюры по польскому вопросу, где основную часть работы Маркс отвел своему другу, о своей части скромно говоря, что «она будет лишь добавком»¹⁷. Наброски Энгельса не сохранились, а черновики и конспекты Маркса¹⁸ требуют специального рассмотрения.

Развернутое изложение своих взглядов на польский вопрос Энгельс дал в цикле статей «Какое дело рабочему классу до Польши?». Написанный в начале 1866 г. по просьбе Маркса для обоснования позиции Интернационала и для критики национального нигилизма прудонистов и бонапартистского «принципа национальностей», цикл, к сожалению, остался незавершенным.

Как освещены там причины гибели Польши? В третьей, последней из напечатанных статей, содержится место, на которое очень часто ссылаются в специальной литературе и учебниках: «Постепенная деморализация правящей аристократии, недостаток сил для развития буржуазии и постоянные войны, опустошавшие страну, сломали, наконец, мощь Польши. Страна, упорно сохранявшая в неприкосновенности феодальный общественный строй, в то время как все ее соседи прогрессировали, формировали свою буржуазию, развивали торговлю и промышленность и создавали большие города,— такая страна была обречена на упадок»¹⁹.

Здесь обозначен целый комплекс взаимодействующих факторов, которые оказались роковыми для польского государства. Но, подчеркнем, Энгельс, по-видимому, не стремился дать здесь исчерпывающее определение, так как, например, не упомянул о национальном гнете в Речи Посполитой (о чем идет речь в конце той же статьи). Тем не менее историки выбирают обычно эту цитату (а нередко отсекают еще и первую ее часть, остав-

¹⁶ См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. 8, стр. 53.

¹⁷ Там же, т. 30, стр. 270.

¹⁸ См.: *К. Маркс. К истории польского вопроса. Рукописи 1863—1864 гг. «Архив Маркса и Энгельса»*, т. 14. М., 1973.

¹⁹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения*, т. 16, стр. 164.

ляя вторую фразу), когда хотят кратко обозначить причины гибели феодальной Польши.

Как ни часто приводятся слова Энгельса о стране, упорно сохранявшей в неприкосновенности феодальный общественный строй, они не стали объектом историографического исследования. Мы не претендуем на окончательное решение вопроса, но хотели бы поделиться некоторыми своими соображениями.

В цитате ищут опоры те ученые, которые главную вину за крушение Речи Посполитой возлагают на фольварочно-барщинную систему²⁰. Но при этом, очевидно, незаметно для себя они производят подмену понятий: отождествляют «феодальный общественный строй», о котором писал Энгельс, с барщинно-крепостническими порядками, хотя нужно ли доказывать, что последние — только один из возможных вариантов феодализма.

Давайте далее посмотрим, насколько указанные при противопоставлении Польши «всем соседям» признаки подходят к участникам разделов — России, Австрии, Пруссии. Сравним это высказывание Энгельса с другими, содержащимися в его работах предшествующих и последующих лет.

В статье «Начало конца Австрии» (январь 1848 г.) Энгельс яркими красками изобразил отсталость тех земель, что вошли в Габсбургскую монархию²¹. Перемены к лучшему он связывал лишь с распространением машин, к интересующему нас периоду это не относится. К слову сказать, между статьями 1848 и 1866 гг. заметно даже внешнее сходство. И там, и здесь состояние рассматриваемой страны показано на контрастирующем фоне. Обратим внимание и на то, что в работе 1848 г. австрийским владениям — «убежищу варварства и феодализма» — противопоставлены точно обозначенные области: «В то время как во второй половине средневековья Италия, Франция, Англия, Бельгия, а также северная и западная Германия одна за другой высвободились из феодального варварства, в то время как там

²⁰ См., например: *О. Е. Иванова*. К вопросу о польском фольварке XVI в. «Вестник ЛГУ», 1958, № 14, стр. 33; *Ю. М. Гроссман*. Аграрные отношения в Русском и Белзском воеводствах Речи Посполитой (вторая половина XVI — первая половина XVII в.). Львов, 1968, стр. 3, 31 и др.

²¹ См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 4, стр. 472—473.

развивалась промышленность, расширялась торговля, возвышались города и горожане приобретали политический вес,— в это же время часть Германии отстала от уровня развития Западной Европы»²². Это суждение едва ли можно считать случайным или утверждать, что потом взгляды Энгельса радикально переменялись. Не стремясь к исчерпывающей полноте, приведем несколько его высказываний о Германии позднего феодализма.

Судя по так называемым «Заметкам о Германии» начала 70-х годов, его мнение о хозяйственной развитости страны не изменилось к лучшему.

Там читаем: «Положение Германии в 1789 г... Промышленность — прямо в нищенском состоянии, преобладает ручной труд»²³. В письме В. Бракке (1878 г.) Энгельс утверждал, что «мы в Германии едва только выкарабкались из средневековья», и «экономическое разложение феодальных порядков к востоку от Эльбы является для нас, на мой взгляд, самым неотложным шагом вперед»²⁴. Обращаясь к П. Эрнсту (1890 г.), он дает уничтожающую оценку состоянию Германии после Тридцатилетней войны²⁵. Насчет хозяйственного развития России до XIX в., как видно по «Внешней политике русского царизма» и по другим трудам, он также придерживался невысокого мнения.

На фоне этих проходящих через произведения разных лет суждений относить слова о формировании буржуазии, развитии торговли и промышленности и создании больших городов всеми соседями Польши²⁶ непосредственно к трем участвовавшим в разделах Речи Посполитой монархиям или по крайней мере выдавать это за твердое и постоянное убеждение Энгельса, казалось бы, рискованным. Во всяком случае для тех ученых, которые выводят крах Речи Посполитой непосредственно из факта существования фольварочной системы, такое умозаключение было бы рискованным вдвойне: ведь и в Российской империи, и в империи Габсбургов, и в Прусском королевстве господствовали такие же в принципе барщинно-крепостнические порядки.

²² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 472.

²³ Там же, т. 18, стр. 574.

²⁴ Там же, т. 34, стр. 255—256.

²⁵ См.: Там же, т. 37, стр. 351—352 (ср.: т. 22, стр. 85).

²⁶ См.: Там же, т. 16, стр. 164.

По своему тону приведенные выше слова из статьи «Какое дело рабочему классу до Польши?» близки к письмам и статьям 50-х годов, когда, как помним, Энгельсу казалось, что у Речи Посполитой не было шансов на спасение. Не было ли утверждение, что в XVIII в. «страна была обречена на упадок», отзвуком представлений тех лет, когда после неудач польских восстаний 1846 и 1848 гг. Энгельс, болезненно переживая поражение революции, производил переоценку ценностей? Ведь статья «Какое дело рабочему классу до Польши?» появилась в 1866 г., вскоре после разгрома восстания 1863 г. в Царстве Польском, т. е. в обстановке, в какой-то мере сходной с той, в которой создавались «Революция и контрреволюция в Германии».

Это только гипотеза. Но неоспоримо, что в позднейших произведениях постановка вопроса меняется. Если раньше лейтмотивом ряда работ Энгельса служила мысль, что Речь Посполитая была обречена из-за своей отсталости, то в опубликованной летом 1874 г. «Польской прокламации» звучит уверенность, что Польша, даже изуродованная первым разделом, «поставила себя гораздо выше всех своих соседей» актом 3 мая 1791 г. «Старый польский порядок был этим уничтожен; несколько десятилетий спокойного, не нарушаемого извне развития,— и Польша стала бы самой передовой и самой могущественной страной к востоку от Рейна»²⁷.

Приведенные строки взяты из первой части статьи, где Энгельс излагал содержание прокламации, с которой польские революционные эмигранты в мае 1874 г. обратились к английскому народу по поводу визита царя Александра II в Англию. Может показаться, что он не говорил от собственного имени, и потому цитаты нельзя привлекать для реконструкции его личных воззрений на историю Польши.

Это был бы веский аргумент. Правда, по всему тону статьи чувствуется, что Энгельс солидаризировался с воззванием, с которым обратился к англичанам «Люд польский». Больше того, с текстом прокламации его познакомил В. Врублевский еще до ее обнародования²⁸ и даже есть предположение, что он участвовал в редак-

²⁷ Там же, т. 18. стр. 505.

²⁸ См. письмо В. Врублевского Ф. Энгельсу 4 мая 1874 г. (Marks i Engels o Polsce», Warszawa, 1971, str. 434—435).

тировании прокламации²⁹. Но все равно, если такое редактирование и было (оно не доказано), то Энгельса должно было интересовать прежде всего политическое звучание документа и едва ли бы он занимался проверкой всех упоминаний о прошлом Польши, которыми изобилует текст прокламации. Поэтому нет оснований приписывать Энгельсу, например, фразу (содержащуюся в прокламации и воспроизведенную в виде цитаты в статье) о том, что аграрный вопрос в Польше в принципе был решен Конституцией 3 мая 1791 г.

Однако слов о том, что Польша имела мужество Конституцией 3 мая водрузить над Вислой знамя Французской революции и этим поставила себя гораздо выше всех своих соседей и что за несколько десятилетий она могла бы стать самой передовой и самой могущественной страной к востоку от Рейна,— этих слов нет в обращении организации «Люд польский»³⁰. Они, следовательно, принадлежат Энгельсу, доказывая, насколько далеко отошел он к середине 70-х годов от своих прежних оценок.

Разумеется, и эту статью Энгельса нельзя истолковать в отрыве от условий, в которых она родилась, и от тех конкретных задач, которые ставил перед собой автор. Ныне, когда трудами поколений историков достаточно выяснены социально-экономические предпосылки реформ, прослежены перипетии подготовки «Правительственного закона» и определена доля участия в его составлении Гуго Коллонтая, Станислава Августа и других лиц, связи между событиями в Париже и Варшаве представляются в ином свете, чем столетие назад. Но, несмотря на сдвиги в наших знаниях о Польше XVIII в., концепция Энгельса сохраняет жизненность и в наши дни.

Развивая мысль, которая присутствовала уже в первых работах о Польше, Ф. Энгельс в статьях «Польская прокламация», «За Польшу» и других подчеркивает роль государственного строя Речи Посполитой и тех политических преобразований, которые призваны были этот строй радикально изменить. Он подчеркивает, что первый раздел Польши был вызван стремлением польского дворянства сохранить такую конституцию и

²⁹ *J. Borejsza. W kręgu wielkich wygnańców. Warszawa, 1963, str. 110.*

³⁰ Ср. текст обращения: «Marks i Engels o Polsce...», str. 468—473.

такие привилегии, которые уже утратили право на существование ³¹.

О том же говорилось во «Внешней политике русского царизма» (1889—1890 гг.) — произведении, которое представляет исключительную важность для понимания взглядов Энгельса на причины падения Польского государства. Оно как бы подводит итоги многолетним размышлениям о судьбах феодальной Польши.

Не выпуская из поля зрения классовый характер основанной на грабеже и угнетении крестьян многонациональной Речи Посполитой, Энгельс специально остановился на внутривполитическом состоянии страны, чья «конституция делала невозможным какое-либо общенациональное действие и в силу этого обрекала страну на положение легкой добычи соседей» ³².

Отрывок о Польше особенно выразителен в общем контексте. В статье последовательно характеризуется политическое состояние восточноевропейских стран к 1760 г.: Россия — огромная абсолютистская держава, Речь Посполитая — дворянская республика, находившаяся в состоянии полного расстройствa и служившая постоянным двором и трактиром для иностранных войск, которые непрерывно оккупировали страну или проходили через нее. Однако на этом сравнительный анализ не закончен. «За Польшей,— продолжает Энгельс,— лежала другая страна, которая, казалось, окончательно пришла в состояние полного распада,— Германия. Со времени Тридцатилетней войны германская Римская империя являлась государством лишь номинально» ³³. В описании внутреннего развала Германской империи снова возникает параллель с польскими порядками: о праве имперских князей не повиноваться воле императора сказано, что оно заменяло в Германии польское *liberum veto* ³⁴. Далее говорится о постепенном возвышении Австрии и Пруссии, соперничавших между собой.

Последовательное обозначение особенностей государственного устройства России, Польши, Германии и уподобление немецкого имперского князя носителю польского *liberum veto* чрезвычайно выразительны. Не рассмат-

³¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 553.

³² Там же, т. 22, стр. 18.

³³ Там же, стр. 19.

³⁴ См.: Там же.

ривал ли Энгельс Польшу как государственный организм, промежуточный между Российской державой и Германской империей не только географически, но и типологически (в Речи Посполитой не утвердился ни абсолютизм великодержавный, ни абсолютизм регионально-княжеский, т. е. оказались невозможными ни российский, ни немецкий варианты)?

Если так (а думается, что «Внешняя политика русского царизма» дает основание для такого предположения), то идея, которая, несмотря на свою очевидную перспективность, даже в современной историографии выражена недостаточно четко, ведет свое начало от трудов Ф. Энгельса.

В нашей литературе государственно-политический фактор нередко объявлялся для феодального Польского государства второразрядным (одному из авторов этих строк уже приходилось выступать с критикой подобных взглядов)³⁵. Если же за ним и признается значение, то проблему обычно рассматривают с прямолинейно-антимонархической позиции. Авторы при этом охотно ссылаются на Маркса и Энгельса, не останавливаясь даже перед прямыми натяжками. К сожалению, не уберечься от такого соблазна и новый учебник по истории южных и западных славян. Слова Маркса: «...Только демократическая Польша может быть независимой... польская демократия невозможна без уничтожения феодальных прав, без аграрного движения, которое бы превратило крепостных крестьян в свободных собственников»³⁶ — без всяких оговорок отнесены там к XVIII в., причем добавлено, что Маркс их писал, анализируя причины падения Речи Посполитой³⁷. Но, если обратиться к Марксу, легко убедиться, что он говорил о событиях и обстановке 40-х годов XIX в., а не конца XVIII столетия. Историк не вправе переносить характеристику Марксом Польши времен Краковского восстания 1846 г. на Речь Посполитую эпохи разделов.

Что же касается существа дела, то мы стремились

³⁵ В. А. Якубский. Республиканские и монархические тенденции в Речи Посполитой накануне ее падения и их освещение в историографии. В сб.: «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах». М., 1968.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 490.

³⁷ «История южных и западных славян». М., 1969, стр. 162.

показать, как, возвращаясь в разные годы и по разным поводам к анализу причин падения Польши, Энгельс последовательно выдвигал на первый план причины социально-политические. Не напрасно польские порядки, которые Екатерина II и Фридрих II договором 1764 г. обязались охранять силой оружия, были им названы «лучшим средством разрушения Польши»³⁸.

Так же подходил Энгельс и к истории других стран. Напомним, какое значение придавал он, к примеру, такому фактору, как выборность германского императора. Он был убежден, что средневековая Германия могла быть централизована, даже несмотря на отсутствие экономических связей между отдельными ее частями, если бы не ряд препятствий. Среди этих не абсолютных, но тем не менее важных преград на пути к объединению Энгельс ставил «выборность императора, которая никак не допускала, чтобы династическая императорская власть сделалась воплощением нации»³⁹.

Мы остановились лишь на некоторых аспектах проблемы. Но и сказанного, полагаем, достаточно, чтобы не только еще раз констатировать: Маркс и Энгельс — создатели новой, марксистской концепции истории Польши эпохи реформ и разделов, но и подчеркнуть, что наша историческая наука еще не в полной мере освоила идейное богатство, заключенное в трудах основоположников марксизма по польскому вопросу.

Е. М. Двойченко-Маркова

ЗАРОЖДЕНИЕ РУМЫНСКОЙ СЛАВИСТИКИ

(А. Хашдеу и В. А. Мацеевский)

Начало румынской славистики обычно связывают с именем выдающегося румынского ученого и писателя Богдана Петричейку Хашдеу. Называя Б. П. Хашдеу «отцом румынской славистики», румынский историк

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22, стр. 23.

³⁹ Там же, т. 18, стр. 572.

П. П. Панайтеску пишет: «Изучение румынской истории и языка невозможно без знания языков и истории славянских народов. Сейчас это — истина, признанная всеми. Но первым, кто ее открыл и доказал, был Богдан Петричейку Хашдеу»¹. Признавая большие заслуги Б. П. Хашдеу в развитии славяноведения в Румынии, многие румынские и советские ученые вместе с тем уже в 30-е годы нашего века склонны были считать, что фактически первым румынским славистом был не Б. П. Хашдеу, а его отец Александр Хашдеу². Действительно, в трудах А. Хашдеу впервые была отмечена культурная взаимосвязь румынского народа со славянами. В статье «Румынские народные песни на русском языке» А. Хашдеу первым показал, насколько важно для славистики изучение румынского языка и истории³. Впоследствии его мысль была повторена в работах славистов П. А. Сырку и А. И. Яцимирского. Сырку писал: «Нам, славистам, никогда не будут ясны некоторые весьма существенные части славянской истории без знания истории, литературы и языка румынов, подобно тому, как и история последних будет всегда неясна без истории славян»⁴. Об этом писал и Яцимирский в статье «Значение румынской филологии для славистики»⁵.

О работе А. Хашдеу в области славяноведения мы узнаем из его довольно обширной переписки с известным польским славистом В. А. Мацеевским.

Исследования В. А. Мацеевского (1793—1883) сыграли значительную роль в изучении славянской истории. Известны контакты польского ученого с П. И. Шафариком и В. Ганкой, которые принимали деятельное участие в издании монументального труда В. А. Мацеевского «История славянских законодательств». Эта работа выдержала два польских издания (1832—1835 и

¹ P. P. Panaitescu. Rolul lui Bogdan Petriceicu Haşdeu în slavistica românească. «Romanoslavica», vol. VI, 1962, p. 235—248.

² J. Gane. A. T. Haşdeu, primul slavist român. «Viaţa Basarabiei», 1933, N 204; p. 1; Tr. Ionescu — Nişcov. Sur la premier slaviste roumain. «Recueil des commune cations du II-me congrès des slavistes», vol. III. Varsovie, 1934, p. 37—39; см. также: И. С. Василенко. Стихи Александра Хашдеу. В кн.: Избранное. Кишинев, 1956, стр. 3.

³ См.: «Телескоп», 1833, ч. 14, № 8, стр. 491.

⁴ П. А. Сырку. Значение румыноведения для славянской науки. ЖМНР, 1884, ч. ССXXIV, стр. 246.

⁵ ЖМНР, 1908, ч. XV, стр. 121.

1856—1865 гг.) и была переведена на немецкий и сербский языки.

В России интерес к труду В. А. Мацеевского проявился после 1831 г., когда журнал «Телескоп» поместил известие из Варшавы о том, что польский ученый «предпринял важное дело как для славянских народов, так и для всей Европы, намереваясь представить весь славянский мир в отношении к его политическому и юридическому образованию. В его исследовании обнаруживается, что многие учреждения, коими славится нынешняя Европа, давно уже были известны славянам»⁶.

Интересно отметить, что вопрос о приоритете славян, особенно в учреждении суда присяжных, поднятый В. А. Мацеевским, пришелся многим в Европе не по вкусу. Несмотря на последующие исследования, доказывавшие правоту польского слависта, на его труды был наложен запрет римского папы.

Вопрос о существовании суда присяжных у славян раньше, чем у других народов, еще в студенческие годы интересовал А. Хашдеу. Тема эта была затронута им в конкурсном сочинении «Дух законодательства императора Александра I» (1830). Сочинение А. Хашдеу получило премию, но при его издании начались осложнения. Были запрещены к печатанию главы, касающиеся сравнения русских законодательств со славянскими и европейскими. В результате этот труд остался в рукописи.

Заинтересованный исследованиями В. А. Мацеевского, А. Хашдеу написал польскому ученому письмо, предлагая свои услуги по переводу «Истории славянских законодательств» на русский язык. В 1833 г. он перевел первый том книги Мацеевского, а в 1834 г. закончил перевод второго. В 1835 г. в «Телескопе» было опубликовано переведенное А. Хашдеу «Введение в историю славянских законодательств»⁷. Это был первый по-

⁶ «Розыскания о славянских законодательствах Мацеевского». «Телескоп», 1831, ч. 6, стр. 139—142.

⁷ «Телескоп», 1835, № 1—4. Почти одновременно с А. Хашдеу начал перевод книги В. А. Мацеевского по поручению М. И. Погодина студент Московского университета И. Савинич. Другие отрывки из «Истории славянских законодательств» были переведены Евецким (Варшава, 1840) и Дубровским (в «Чтениях Московского об-ва истории и древностей», 1846. кн. 2; 1858, кн. 1; 1860, кн. 3).

явившийся в России отрывок из труда В. А. Мацевского.

Переписка А. Хашдеу с В. А. Мацевским дошла до нас далеко не полностью. Оригиналы писем А. Хашдеу хранились до войны в библиотеке Чешского музея в Праге. Из них только одно было опубликовано полностью биографом В. А. Мацевского В. А. Францевым⁸. Позже в статье известного исследователя польско-румынских культурных связей Станислава Лукасика появился отрывок из письма В. А. Мацевского к А. Хашдеу⁹. Другие отрывки из писем В. А. Мацевского сообщал А. Хашдеу в «Молве»¹⁰ и в «Журнале Министерства народного просвещения»¹¹. О других письмах мы узнаем из упоминания о них в опубликованных отрывках и в книге В. А. Францева¹². Таким образом, нам известно, что первые письма А. Хашдеу В. А. Мацевскому были написаны 28 февраля 1833 г. и 21 сентября 1834 г. В них А. Хашдеу уведомлял польского ученого о переводе им первого и второго томов «Истории славянских законодательств»¹³.

15 декабря 1834 г. А. Хашдеу, подтверждая получение очередного письма от В. А. Мацевского, сообщал польскому ученому подробности о своих исследованиях в области славянской истории. Он писал: «Около семи лет я занимаюсь изысканиями, относящимися к истории верований, знаний и законодательств народов славянских, ибо я твердо решился писать «Историю славянской народности» в полном ее объеме и развитии, сосредоточивая в одном взгляде все основные составы образования и гражданственности славянских народов, исторически преследуя целый круг времени и целое пространство местности и критически отличая общее от

⁸ В. А. Францев. Из переписки В. А. Мацевского с русскими учеными. М., 1901, стр. 7—18.

⁹ S. *Lukasik*. Quelques contributions à l'histoire des relations entre les pays roumains et la Pologne. Kraków, 1936, p. 2—3.

¹⁰ А. Ф. Хашдеу. Отрывки из письма д-ра В. А. Мацевского, писанного из Варшавы. «Молва», 1934, ч. 8, № 48, стр. 339—341; А. Ф. Хашдеу. Ученые новости (из письма В. А. Мацевского). «Молва», 1835, № 18, стр. 273.

¹¹ ЖМНП, 1835, ч. 5, стр. 623; E. *Dvoicenco*. Două note dintr'o revistă rusească despre A. Hașdeu. «Revista istorică», 1934, N 1—3, p. 9—11.

¹² В. А. Францев. К биографии В. А. Мацевского. Варшава, 1909.

¹³ Там же, стр. 3.

частного, самородное от чуждого, дух народа от духа обстоятельств»¹⁴.

Предполагая выступить со своей «Историей славянской народности», которую он намеревался издать в шести томах, А. Хашдеу решил предварительно ознакомить русского читателя с лучшими трудами по славистике и с этой целью предпринял переводы таких известных сочинений, как книга П. И. Шафарика «История славянских языков», «Славянская сравнительная грамматика» Геркеля, «История славянского язычества» Моне и, наконец, «История славянских законодательств» В. А. Мацеевского¹⁵.

Как юриста, А. Хашдеу особенно интересовало сравнительное изучение славянских законодательств, в которые он включал и законодательства Валахии и Молдавии. В письме к В. А. Мацеевскому он писал: «Я полагал бы, что исследователи славянской истории должны особое внимание обращать на малые славянские племена... Для примера скажу, что при ближайшем обследовании законодательных памятников малых славянских народов можно открыть и объяснить много народных установлений. Таким образом я составляю книжечку «История присяжных». У черногорцев они известны под именем «поротных судей», у болгаров назывались «задушными судьями», у молдован — «чурями»¹⁶.

Занятия славистикой привели А. Хашдеу к мысли создать «Историю славянской философии». Его внимание привлек украинский философ Г. С. Сковорода. Из всех трудов А. Хашдеу статьи о Г. С. Сковороде принесли ему самую большую известность. Он был одним из первых исследователей жизни и творчества этого замечательного философа, первым, кто пытался показать значение Г. С. Сковороды в развитии русской философской мысли¹⁷. Главный труд А. Хашдеу о Сковороде, по-

¹⁴ В. А. Францев. Из переписки В. А. Мацеевского..., стр. 9.

¹⁵ E. Douïenco. Douïa pote..., p. 11.

¹⁶ В. А. Францев. Из переписки В. А. Мацеевского..., стр. 11—12.

¹⁷ См.: «История украинской литературы», т. I. Киев, 1954, стр. 115; Д. Багалій. Український мандрівний філософ Гр. Сав. Сковорода, Харків, стр. 106. А. Ф. Хашдеу. Три песни Сковороды. «Телескоп», 1831, ч. 6, стр. 578—583; он же. Г. С. Сковорода. «Телескоп», 1835, № 5—6, стр. 3—42, 151—178; он же. Сократ и Сковорода. Отрывок из рукописи: Сковорода и современное ему общество. «Одесский вестник», 1833, № 57.

мещенный в «Телескопе» за 1835 г., был переведен на румынский язык¹⁸.

А. Хашдеу проявлял интерес к языкам и народному творчеству южных славян, в частности к сербскому языку и к сербским народным песням. Нами уже отмечалось, что в 1830 г. в Харькове А. Хашдеу перевел с сербского языка песню «Морлак в Венеции», оставшуюся в рукописи¹⁹. Он был знаком со многими сербскими учеными и политическими деятелями. Очевидно, о них писал А. Хашдеу В. А. Мацеевскому, высказывая надежду на успех своего перевода «Истории славянских законодательств»: «Лишь бы дело началось, а все будет ладно. Я имею сильную надежду на Сербию, где имею много знакомых между сербскими воеводами в Белграде»²⁰. Возможно, что, пользуясь этими связями, Александр Хашдеу содействовал переводу книги В. А. Мацеевского на сербский язык и ее распространению в Сербии.

В свою очередь В. А. Мацеевский сообщал Александру Хашдеу о тех откликах, которые вызвал его труд в славянских странах.

Переписка А. Хашдеу с В. А. Мацеевским интересна тем, что содержит новые данные о деятельности известного польского ученого и о его влиянии на научные замыслы А. Хашдеу, а в дальнейшем — и на творчество его сына Б. П. Хашдеу.

Б. П. Хашдеу, как и его отец, получил образование в Харьковском университете. Уже во время учебы у А. Хашдеу начал проявляться интерес к историческим связям Молдавии и Украины. Историческому и культурному содружеству этих народов впоследствии были посвящены не только научные, но и художественные его произведения. Тема румынско-украинских связей отражена и в литературных произведениях его сына, таких, как «Домница Руксанда» (1866), «Женщина» (1895). Б. П. Хашдеу по праву считается основателем украинистики в Румынии, одним из первых, указавших на важность изучения румыно-украинских связей для лучшего

¹⁸ Перевод был сделан в 1930 г. М. Маевским и появился в журнале «Convorbiri literate» (1930, р. 568—588).

¹⁹ Е. М. Двойченко-Маркова. Русско-румынские литературные связи в первой половине XIX века. М., 1966, стр. 118—119.

²⁰ В. А. Францев. Из переписки В. А. Мацеевского..., стр. 15.

понимания проблем румынской историографии, лингвистики и фольклора²¹.

В Харьковском университете Б. П. Хашдеу слушал лекции профессора П. Лавровского, который преподавал «Славянские древности» по П. И. Шафарыку²². Как и его отец, Б. П. Хашдеу был большим почитателем знаменитого слависта, он называл его «королем славянской лингвистики и археологии»²³. По образцу «Славянских древностей» П. И. Шафарика Б. П. Хашдеу был создан монументальный труд «Критическая история румын»²⁴. И если «История славянской народности» А. Хашдеу не появилась в печати, то отзвуки ее мы видим в ранних работах его сына. В 1852 г. Б. П. Хашдеу в письме к М. П. Погодину сообщал, что собирается послать в Московское историческое общество несколько статей, в том числе «О Хорсе, древнем божете славян» и «История славянских письмен у румын»²⁵. Б. П. Хашдеу продолжил исследования, интересовавшие в свое время его отца, о славянских элементах в румынском языке и о румынских элементах в славянском²⁶. Еще яснее видна тесная связь исследований Б. П. Хашдеу с трудами по славистике его отца в неоконченной работе молодого Б. П. Хашдеу «Древнейший быт славян»²⁷.

Исследования Б. П. Хашдеу так тесно связаны с научными интересами и трудами его отца, что нельзя говорить о роли Богдана Петричейку Хашдеу в формировании румынской славистики без изучения научного пути и творчества Александра Хашдеу.

²¹ *M. Laszlo*. *Belațiile literare româno-ucrainene. Autoreferatul tezei de doctorat*. București, 1966, p. 5—6; *O. Романець*. Джерела братерства Б. П. Хашдеу і східноромансько-українські взаємини. Львів, 1971, стр. 46—64.

²² *E. Dvoicenco*. *Începuturile literare ale lui B. P. Hașdeu*. București, 1936, p. 24; *P. Panăitescu*. Указ. соч., стр. 237.

²³ *B. P. Hașdeu*. *Istoria critică a României*. București, 1873, p. 31.

²⁴ *P. P. Panăitescu*. Указ. соч., стр. 243—244.

²⁵ *E. М. Двойченко-Маркова*. Дин кореспонденца луи Б. П. Хашдеу ку саванций рушь. «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1958, № 2, стр. 67—68.

²⁶ *B. P. Hașdeu*. *Limba slavică la români*.— «Traian», 1869; *P. P. Panăitescu*. *Op. cit.*, p. 242 (ср.: *А. Ф. Хашдеу*. Румынские народные песни на русском языке, стр. 491).

²⁷ *M. Laszlo*. *B. P. Hașdeu și Giambattista Vico*. «*Revista de filozofie*», 1966, v. 13, N 3, p. 364.

**АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ НА ТЕРРИТОРИИ СЛОВАКИИ
В ПЕРИОД ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА
(Историографический обзор)**

Научное изучение данной темы началось после второй мировой войны. В 50—60-е годы появился ряд монографических трудов, рассматривавших положение крестьянства, проблему кризиса феодальной системы хозяйства и аграрные реформы Габсбургов.

По мнению некоторых ученых (Я. Тибенский, П. Хорват, К. Ребро), в первой половине XVIII в. продолжали ухудшаться поземельный и правовой статусы словацкого крестьянства, возрастала феодальная эксплуатация, увеличивалась имущественная дифференциация. В работах Я. Тибенского констатируется обезземливание крестьянства в XVIII в.¹ Главную причину этих явлений упомянутые ученые видят в подъеме крупнопоместной экономики. По нашему мнению, прямой сгон крестьян с земли не мог получить сколько-нибудь широкого распространения в условиях подъема барщинно-фольварочного хозяйства. Диалектика развития этого хозяйства толкала помещика на захват крестьянских земель, но, с другой стороны, заставляла его сохранять и даже увеличивать число держателей, так как их барщинный труд, их тягловый скот и инвентарь составляли производственную основу майерского хозяйства. Вместе с тем убежавшие из поместий или согнанные с наделов крестьяне не становились обычно безземельными пауперами, а оседали в других областях страны в качестве зависимых держателей. В этом смысле второе издание крепостничества не имело в XVIII в. ничего общего с так называемым первоначальным накоплением капитала, хотя П. Хорват и пытается установить прямую связь между этим процессом и массовыми побегами крестьян из поместий². В то же время не вызывает возражений другой тезис этого автора: захваченные

¹ J. Tibenský. Slovensko po Szatmarskom mieri a v prvom období «osvietenského» absolutizmu. «Historický časopis», 1956, N 3, str. 337—338.

² P. Horváth. Poddaný ľud na Slovensku v prvej polovici 18. storočia. Bratislava, 1963, str., 254.

помещиками крестьянские земли обычно уже не возвращались в руки держателей. Это положение было закреплено терезианской реформой и стало основой для поземельного устройства в середине XIX в.³

В словацкой деревне первой половины XVIII в. П. Хорват пытается найти элементы капиталистических отношений⁴. А. Шпис и Й. Ватцка, авторы монографии о положении зависимого крестьянства в Текове в XVIII в., считают возможным говорить о стабилизации крестьянского хозяйства, даже об известном развитии в нем производительных сил⁵. Для основательного заключения по вопросу о положении крестьянства в XVIII в. необходимо, по-видимому, изучение статуса, диалектики и тенденции развития крупнопоместного хозяйства. Отсутствие в трудах упомянутых словацких историков конкретных сведений о его размерах, профиле, товарной продукции и т. п. не позволяет судить о величине барщины, масштабах обезземеливания крестьянства, конкуренции поместного и крестьянского товарного производства и о других важных экономических вопросах. По этой же причине тезис П. Хорвата о подъеме майерского хозяйства в первой половине XVIII в.⁶, как и утверждение А. Шписа и Й. Ватцки о его тенденции к упадку и одновременно о новом подъеме во второй половине столетия⁷, выглядят лишенными основания, недоказанными.

Без изучения состояния майеров нельзя с достаточной полнотой представить развитие всей феодальной экономики, а следовательно, судить о наличии или отсутствии в ней кризисных явлений. Говорить о нарастающем кризисе феодализма в XVIII в. и одновременном развитии по восходящей линии барщинно-фольварочного хозяйства, как делает это Я. Тибенский⁸, значит впадать в явное противоречие.

Другой автор — К. Ребро — обращает внимание на противоречие в статусе сельского хозяйства первой по-

³ Там же, стр. 133.

⁴ Там же, стр. 197, 200, 205.

⁵ A. Speisz, J. Watzka. Poddaní v Tekove v 18. storočí. Bratislava, 1956, str., 226—227.

⁶ P. Horváth. Указ. соч., стр. 119—121.

⁷ A. Spiesz, J. Watzka. Указ. соч., стр. 201, 205.

⁸ J. Tibenský. Указ. соч., стр. 340, 342, 383.

ловины XVIII в., которое якобы создает его кризис: землевладельцы решительно и быстро расширяют майеры, а крестьяне не заинтересованы в повышении производительности своего труда⁹. Здесь, по-видимому, более приемлемым был бы тезис об элементах кризиса, его отдельных признаках и проявлениях. Нам кажется, что о кризисе как таковом можно говорить при наличии по крайней мере двух факторов: не только отсутствия у крестьян заинтересованности в своем труде, но и определенно выраженной нерентабельности майерского хозяйства. Такая ситуация в Словакии накануне реформ, по-видимому, еще не сложилась.

Исследование проблемы кризиса венгерского феодализма в теоретическом и конкретно-историческом плане позволило бы с большей полнотой судить о причинах аграрных реформ Габсбургов и их содержании. Дело в том, что ни Я. Тибенский, ни К. Ребро, посвятивший этим реформам свою монографию, не связывают их с попытками выхода из якобы существовавшего кризиса феодально-крепостнических отношений. Причины реформ они видят главным образом в фискальных интересах государства и отчасти в стремлении двора остановить развитие антифеодальной борьбы крестьянства¹⁰. Вместе с тем К. Ребро неоднократно декларирует стремление двора сохранить и укрепить основы феодализма¹¹. Возможно, что эту широкую платформу мероприятий Габсбургов следовало бы выдвинуть на первый план при рассмотрении вопроса об их причинах и целях, тем более что конкретное содержание реформ К. Ребро анализирует именно в указанном аспекте. Он считает, что определение размера «седлацкого» надела и упорядочение феодальной ренты должны были стать средством укрепления стабильности «седлака», увеличения его заинтересованности в результатах своего хозяйствования и одновременно прикрепления его к наделу¹². Видеть в этом только фискальные интересы — значит сужать проблему и снимать вопрос о причинах реформ.

⁹ *K. Rebro. Urbárská regulácia Marie Terézie a poddanské úpravy Josefa II na Slovensku. Bratislava, 1959, str., 28, 246.*

¹⁰ *J. Tibenský. Указ. соч., стр. 376, 379; K. Rebro. Указ. соч., стр. 17, 75, 245, 534.*

¹¹ Там же, стр. 28, 74, 441.

¹² Там же, стр. 245.

Анализируя содержание реформы Марии-Терезии, К. Ребро отмечает, что ее основой стало определение размеров и качества «седлацкого» надела. Он развивает и аргументирует высказанное ранее Я. Тибенским мнение о том, что при переписи крестьянских земель не были учтены многие пустующие и захваченные помещиками наделы. Последние оказались навсегда потерянными для крестьян как класса в целом. Это была уступка классу землевладельцев, особенно с точки зрения исторической перспективы¹³. Помещики не были заинтересованы в полном захвате земель крестьян и ликвидации их самостоятельного хозяйства, так как нуждались в барщине¹⁴. В результате урбариального регулирования, продолжает автор, число «седлацких» наделов увеличилось по сравнению с дореформенным положением в 2—3 раза, а их размеры уменьшились¹⁵. Реформа не ликвидировала крестьянского малоземелья и раздробленности наделов¹⁶.

Что касается правового отношения «седлака» к наделу, то оно, по мнению К. Ребро, осталось прежним. Урбариальное регулирование не затронуло феодальной земельной собственности. Для этого у двора не было ни желания, ни сил, ни объективных и субъективных условий. Таких целей двор попросту и не ставил перед собой¹⁷.

К. Ребро справедливо полагает, что обеспечиваемая реформой Марии-Терезии стабильность «седлака» на наделе была скорее проявлением феодального интереса к нему как непосредственному производителю. В правовой области терезианская «охрана подданных» свелась к охране их землепользования и «седлачества» как общественного слоя. Реформа не обеспечила крестьянину, хотя бы в ограниченной мере, право свободно распоряжаться наделом¹⁸. Отношение к нему «седлака» автор называет правом пользования, понимая последнее как специфическую правовую форму феодальной собственности на землю и феодальной эксплуатации.

¹³ К. Rebro. Указ. соч., стр. 97—98.

¹⁴ Там же, стр. 239—242, 522.

¹⁵ Там же, стр. 173, 202.

¹⁶ Там же, стр. 524.

¹⁷ Там же, стр. 255.

¹⁸ Там же, стр. 255, 266, 524.

Особая глава монографии К. Ребро посвящена анализу урбарияльных повинностей словацкого крестьянства. Феодальная рента была унифицирована для всей страны и устанавливалась пропорционально доходности надела и его качеству. Реформа не ставила вопрос об абсолютном снижении крестьянских повинностей, но предполагалось, что во многих случаях такое снижение реально произойдет. Поэтому, подчеркивает автор, практическое осуществление принципа пропорциональности играло здесь решающую роль¹⁹.

Сравнивая до- и пореформенное состояние барщины, он приходит к выводу, что в целом по Словакии она снизилась²⁰. Терезианское регулирование стремилось оградить «седлака» как налогоплательщика от чрезмерной эксплуатации. Это, считает К. Ребро, было значительным прогрессом в отношениях землевладельца и зависимого держателя и в определенном смысле делало последнего самостоятельным в распоряжении своей рабочей силой²¹. В принципе же конкретное устройство реформы имело в виду интересы феодалов, в частности их предпочтительное право найма сельскохозяйственных работников. Поэтому при проведении реформы в жизнь существенного снижения отработочных повинностей не произошло²². С другой стороны, запрет выкупа барщины и натурального оброка задержал развитие товарно-денежных отношений и применение наемного труда в сельском хозяйстве.

Большой интерес представляет шестая глава монографии, трактующая права помещика в отношении зависимых крестьян. Насколько нам известно, К. Ребро первым среди словацких ученых выделил эту проблему и попытался дать ее историко-правовой анализ применительно ко временам урбарияльной реформы. Автор настойчиво повторяет, что реформа не имела целью затрагивать основы феодального порядка. Она была направлена преимущественно против злоупотреблений землевладельцев и отрегулировала некоторые их права, приняв за основу предшествующий статус²³. В XVIII в.

¹⁹ К. *Rebro*. Указ. соч., стр. 327.

²⁰ Там же, стр. 342.

²¹ Там же, стр. 355.

²² Там же, стр. 348, 359.

²³ Там же, стр. 441—442.

правом собственности на землю пользовалось лишь феодальное дворянство. В связи с реформой не произошло никакого ограничения этого права ни в пользу короля, ни в пользу крестьянства²⁴. Как и прежде, так и в терезианский период право земельной собственности обеспечивало феодалу не только власть в отношении рабочей силы непосредственного производителя, но, безусловно, и власть над его личностью вообще²⁵. Это относится как к «седлакам», так и к безземельным «желярам» и «поджелярам», что не позволяет поставить последних в положение наемных работников. Всем слоям крестьянства, утверждает К. Ребро, была присуща одна черта: их личное прикрепление к господину было постоянным и вечным.

Этот внеэкономический характер отношений крестьян и помещика квалифицирует их как феодальные, относящиеся, однако, не к периоду расцвета феодализма, а ко времени его разложения. Они вызваны новым способом ведения поместного хозяйства, развитием майерской экономики²⁶.

Терезианская реформа, заключает автор, означала известный шаг вперед в том смысле, что хотя бы формально был провозглашен принцип необходимости решать взаимоотношения господина и подданного на правовой основе. Она оставила, однако, много возможностей для произвола землевладельца и в новых пореформенных условиях²⁷.

Последняя глава работы К. Ребро посвящена реформам Йозефа II, который, по мнению автора, продолжал в данном случае деятельность своей матери. Полемизируя с историками, восхвалявшими гуманистические мотивы мероприятий Йозефа II, автор утверждает, что отмена крепостного права имела преимущественно экономические и военные причины. Вместе с тем он полагает, что в Словакии не была подготовлена почва для проведения йозефинских реформ, в частности, здесь не требовалось освободить производительные силы из сельского хозяйства для промышленности. Зато стоял вопрос о заселении южных областей и только отчасти

²⁴ Там же, стр. 451.

²⁵ Там же, стр. 455.

²⁶ Там же, стр. 457—458.

²⁷ Там же, стр. 513—514.

о потребности сельского хозяйства в наемной рабочей силе²⁸.

К. Ребро с полным основанием подчеркивает ограниченный характер патента об отмене крепостного права: он обеспечивал лишь свободу перехода для крестьян и не внес никаких изменений в поземельные отношения. Патент не способствовал ни радикальной ликвидации феодализма, ни существенному освобождению сил для развития капиталистических элементов. Известные последствия имело установление о наследовании надела только старшим сыном: оно ограничило дробление наделов и фактически повлекло за собой увеличение численности безземельных крестьян²⁹.

Попытки Йозефа II поставить вопрос о выкупе барщины и разделе поместий между «седлаками» не имели оснований в реальной словацкой действительности и поэтому не дали здесь конкретных результатов. Практически они имели лишь то значение, что в известной мере подтачивали правовое положение о запрещении недворянам быть владельцами земли³⁰.

К. Ребро справедливо указывает, что реализация налоговой реформы Йозефа II, по которой господские земли подлежали налогообложению, значительно повлияла бы на развитие сельского хозяйства по капиталистическому пути³¹. В целом реформы Йозефа II носили, по мнению автора, просвещенно-абсолютистский характер. Во многом они были более интенсивными, глубокими и позитивными, чем мероприятия Марии-Терезии. Их осуществление (известно, что в Словакии большинство реформ Йозефа II не было претворено в жизнь) помогло бы развитию капитализма в стране³².

Последующие исследования К. Ребро посвящены дальнейшему анализу правовой стороны аграрных реформ Габсбургов³³. Они подтверждают, что в Словакии XVIII в. и в аграрном законодательстве, и в право-

²⁸ К. Rebro. Указ. соч., стр. 550—553.

²⁹ Там же, стр. 553—558.

³⁰ Там же, стр. 557.

³¹ Там же, стр. 567.

³² Там же, стр. 585.

³³ См.: «Právnické štúdié», 1963, str., 612—637; «Přynéhistorické štúdié», X. Praha, 1965, str., 59—103; «Historické štúdié», 1965, str. 194—216; 1968, str. 5—25.

вой практике имели место явления, характерные для второго издания крепостничества.

Изучение аграрной истории Словакии XVIII в. и особенно реформ просвещенного абсолютизма находится, по-видимому, в такой стадии, когда можно сравнивать известные моменты переходного пути от феодализма к капитализму в Словакии с так называемым прусским путем развития сельского хозяйства, найти определенный подход к проблеме первоначального накопления капитала.

М. Ю. Досталь

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ЧЕШСКОГО И СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Эпоха национального возрождения (1780—1848) является одним из ключевых периодов в истории чешского и словацкого народов. Не случаен поэтому постоянный и неослабевающий интерес к ней историков.

Среди многих проблем национального возрождения в Чехии и Словакии можно выделить в качестве самостоятельной проблему взаимовлияния чешского и словацкого национальных движений. Проблема эта необычайно сложна и многогранна, и поэтому необходимо сразу же наметить, хотя бы в самых общих чертах, круг составляющих ее вопросов. Взаимовлияние чешского и словацкого национальных движений проявлялось прежде всего через связи этих народов, их ведущих представителей. Естественно, что степень проявления этого воздействия в разных областях была неодинаковой: например, в области экономической иной, чем в области политики, идеологии, культуры, науки и т. д. Исследуя вопрос о силе воздействия одного национального движения на другое, следует учитывать и целый ряд объективных и субъективных факторов, в частности исторически сложившийся в связи со многими обстоятельствами неодинаковый уровень социально-экономического

развития чешского и словацкого народов. Не следует забывать также и о неодинаковой степени воздействия и отражения национальных идей и концепций в различных социальных слоях этих народов.

Кроме того, говоря о взаимовлиянии национальных движений, необходимо принимать во внимание и вопрос о взаимном учете опыта национальной борьбы, методов ее ведения и т. д.

Проблема взаимовлияния в той или иной степени затрагивает практически все наиболее важные аспекты национального возрождения в Чехии и Словакии в первой половине XIX в., поэтому ее решение поможет, на наш взгляд, по-новому взглянуть на многие вопросы национального движения в этих странах, на чешско-словацкие связи этого периода, уточнить и, может быть, пересмотреть некоторые точки зрения по ряду вопросов.

В настоящее время можно констатировать, что ни чехословацкие, ни наши историки этой проблемой во всей совокупности не занимались. Наиболее разработанным аспектом ее в чехословацкой послевоенной историографии является освещение истории чешско-словацких культурно-политических и научно-просветительских связей, причем взаимному влиянию этих национальных движений как таковому особого внимания практически не уделялось.

Не пытаясь осветить эту проблему в целом — для этого еще нет достаточного материала, — ограничимся лишь кратким обзором современной чехословацкой литературы по чешско-словацким отношениям и отметим те вопросы в этой области, которые решались и решаются историками Чехословакии.

Вопросы эти интенсивно разрабатывались и буржуазными чешскими и словацкими историками: М. Годжей, Й. Шкультетым, А. Пражаком, К. Крофтой и др. (этой теме посвящена специальная статья Я. Новотного)¹. Преодолеть недостатки буржуазной историографии, творчески осмыслить все положительное, что было ею достигнуто, начать исследования, опираясь на новую методологическую основу стало задачей марксистской историографии Чехословакии в 50-е годы.

¹ J. Novotný. Otázky obrozeneckých vztahů Cechů a Slováků v dosavadní historiografii. «Historický časopis», VI, 1958, N 2.

Исследование проблем чешско-словацких отношений историками народно-демократической Чехословакии шло вместе с общим накоплением знаний и развитием представлений о чешском и словацком национальном возрождении. Наиболее примечательными работами в этом плане являются: сборник статей к 200-летию со дня рождения Йозефа Добровского², сборники исследований «Людовит Штур»³, «О взаимоотношениях чехов и словаков»⁴, статья И. Ткадлечковой «Взгляды и деятельность К. Гавличка-Боровского с точки зрения развития чешско-словацких отношений»⁵, монография Я. Новотного «О братской дружбе чехов и словаков в период национального возрождения»⁶, ряд его статей по этой проблематике⁷ и др.

Несомненной заслугой чехословацких историков в этот период был принципиально новый по сравнению с буржуазной историографией подход к решению ряда проблем истории чешского и словацкого возрождения и соответственно чешско-словацких связей.

1. Прежде всего было выработано марксистское понимание термина «национальное возрождение», четко определена социально-экономическая обусловленность этого явления.

2. Были выделены общие черты и специфические особенности, присущие чешскому и словацкому национальному возрождению.

3. Те или иные события, например первая попытка кодификации словацкого литературного языка А. Бернолаком в конце XVIII в., языковая реформа Л. Штура и т. п., а также деятельность выдающихся представителей национального возрождения чехов и словаков, таких, как А. Бернолак, Й. Добровский, Я. Коллар, П. Й. Шафа-

² «Jozef Dobrovský 1753—1953». Praha, 1953, См. также: «Slavia», 1954; N 2—3.

³ «L'udovít Štúr. Život a dielo 1815—1856». Bratislava, 1956.

⁴ «O vzájomných vzťahoch Čechov a Slovákov». Bratislava, 1956.

⁵ J. Tkaďlečková. Názory a činnosť Karla Havlíčka Borovského z hľadiska vývoja česko-slovenských vzťahov. «Historický časopis», VI, 1958, N 1.

⁶ J. Novotný. O bratrské družbe Čechů a Slováků za národního obrozeni, Praha, 1959.

⁷ См., например: J. Novotný. K úloze Františka Cyrila Kampelíka v česko-slovenských vzťahách v době předbřeznové. «Časopis Matice Moravské», 1957, N 3-4.

рик, Л. Штур, К. Гавличек-Боровский и др., оценивались с точки зрения конкретно-исторических условий чешской и словацкой национальной жизни, с точки зрения исторической необходимости.

4. Была дана строго научная периодизация отдельных этапов чешского и словацкого национальных движений и соответственно им отдельных периодов развития чешско-словацких отношений.

Основное внимание чехословацких историков в это время было обращено на проблемы чешско-словацких связей в 40-е годы XIX в., т. е. на период постепенной политизации чешского и словацкого национальных движений, и в этой связи особенно на деятельность Л. Штура и К. Гавличка-Боровского.

Было отброшено представление, господствовавшее среди многих буржуазных историков — сторонников политики чехословакизма, о том, что создание Л. Штуром словацкого литературного языка внесло раскол и отрицательно повлияло на чешско-словацкие отношения этого периода, была показана историческая необходимость этой реформы и национального самоутверждения словацкого движения. С другой стороны, была объяснена экономико-политическая подоплека отрицательного отношения чешской либеральной буржуазии к языковой реформе Л. Штура, критиковавшей ее с позиции формирующейся политической программы автрославизма. Было подчеркнуто также, что взгляды чешской либеральной буржуазии по этому вопросу разделяло далеко не все чешское общество, в частности, радикально настроенная чешская молодежь с большим сочувствием относилась к движению штуровцев.

В 60-е годы можно говорить о новом этапе в развитии марксистской историографии Чехословакии, который знаменовал в целом более высокий уровень изучения проблем национального возрождения и чешско-словацких отношений, постепенное избавление от некоторых догматических установок и прямолинейных выводов предшествующего периода, многоплановый, конструктивный, с учетом сложных взаимозависимостей подход к решению проблем. Вопросы истории чешско-словацких отношений периода национального возрождения по-прежнему разрабатывались параллельно с накоплением нового научного материала. Исследование истории чешского и словацкого

возрождения группировалось в основном вокруг следующих проблем.

1. Идея славянской взаимности и ее роль в национально-освободительной борьбе чешского и словацкого народов.

Этой теме была посвящена конференция чехословацких ученых в 1959 г. в Смоленице⁸, выявившая новые взгляды в оценке деятельности Я. Коллара и П. Й. Шафарика, книга Й. Колейки «Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX—XX веках» (Прага, 1964), работа Й. Бутвина «К проблематике славянской идеи у словаков в 20—30-е годы XIX в.»⁹, коллективная монография «Славянская идея в национальной жизни чехов и словаков»¹⁰ и т. п. Выработать более широкий взгляд на указанную проблематику позволил и симпозиум о чехословацко-югославских отношениях (сентябрь 1966 г., Братислава)¹¹, где были выявлены, в частности, некоторые общие тенденции общественно-политических движений чешского, словацкого и югославянских народов в эпоху национального возрождения.

2. Истоки словацкого национального возрождения и в связи с этим проблема развития двух течений словацкого национального движения в первой половине XIX в.—протестантской и католической интеллигенции.

Этой теме были посвящены конференция в ознаменование 200-летия со дня рождения выдающегося деятеля словацкого возрождения А. Бернолака (1962 г.)¹², монография Й. Бутвина «Словацкое национально-объединительное движение»¹³ и ряд его статей, а также конференция, посвященная изучению деятельности Мартина Гамуляка и Общества словацкого языка и литературы (май 1969 г., Мартин)¹⁴. Важным итогом указанных

⁸ См.: «Historický časopis», VIII, 1960, N 2—3.

⁹ J. Butvín. K problematike slovanskej myšlenky u Slovákov v 20. až 30. rokoch 19. storočia. «Sborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Historika», XVIII, 1967.

¹⁰ «Slovanství v národním životě Čechů a Slováků». Praha, 1968.

¹¹ См.: «Československo a Juhoslávia». Bratislava, 1963.

¹² См.: «K počiatkom slovenského národného obrodzenia». Bratislava, 1964.

¹³ J. Butvín. Slovenské národno-zjednocovacie hnutie (1780—1848). Bratislava, 1965.

¹⁴ Материалы конференции опубликованы в журнале «Biografické štúdie». Martin, 1970.

исследований явилась выработка новой концепции словацкого национального возрождения.

3. Словацкое национальное движение во главе с Л. Штуром в 30—40-е годы XIX в.

Новые, уточняющие взгляды на оценку деятельности Л. Штура и других представителей словацкого национального возрождения, на теоретическое осмысление ими словацкого и славянских национальных движений даны в работе философа Е. Вароссовой «Идеология словацкого национального возрождения»¹⁵. Этому способствовали также итоги научной конференции, посвященной Л. Штуру¹⁶, и ряд статей к его юбилею в чехословацких журналах¹⁷, а также статья В. Матулы «Л. Штур и формирование словацкой национальной идеологии»¹⁸ и др.

4. Идейные течения в среде чешской буржуазии и интеллигенции в 40-е годы XIX в. (проблемы австрославизма, чехословакизма, чешского национализма).

В этом плане примечательны: книга Ф. Червинки «Чешский национализм в XIX веке»¹⁹, серия статей Й. Кочи о деятельности К. Гавличка-Боровского²⁰, статья В. Гостички «Возникновение чешского австрославизма и его отношение к идее славянской взаимности»²¹ и др.

В 60-е годы были уточнены некоторые выводы и выдвинуты новые вопросы в изучении чешско-словацких связей. К сожалению, специальных работ в этой области не так уж много. Упомянем наиболее интересные из них. В статье Й. Бутвина (сборник «Освещение вопроса об укреплении дружбы чехов и словаков при обучении истории») ²² кроме подведения итогов изучения чешско-словацких отношений предшествующего периода были наме-

¹⁵ E. Várossová. Slovenské obrodenské myslenie. Jeho zdroje a základní idey. Bratislava, 1963.

¹⁶ «Ludovít Štúr und die slawische Wechselseitigkeit». Bratislava, 1969.

¹⁷ См., например: журнал «Slovenská literatúra», 1965, XII, N 5.

¹⁸ См.: «Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах». М., 1970.

¹⁹ F. Červinka. Český nacionalismus v XIX století. Praha 1965.

²⁰ Эти статьи опубликованы в журналах: «Dějiny a současnost», 1966, N 4—6; «Slovanský přehled», 1971, N 3.

²¹ V. Hostička. Vznik českého austroslavismu a jeho vztah k obrozeneckému slovanství. «Slovanský přehled», 1971, N 3.

²² «Upevňovanie vzťahov Čechov a Slovákov pri vyučovaní dejepisu. Bratislava, 1961.

чены новые пути решения этой проблемы исходя из более детального исследования основных направлений словацкого национального движения. Эти идеи затем были развиты в статье Я. Новотного²³, где автор обратил внимание не только на традиционные связи словацких протестантов с представителями чешского национального движения, но также и на подобные связи сторонников А. Бернолака. Этой же теме посвящена и статья Р. Пражака «К вопросу об отношении второго поколения бернолаковцев и чешской юнгмановской интеллигенции в период национального возрождения»²⁴.

Своеобразным итогом исследования проблем чешско-словацких отношений периода национального возрождения за последнее десятилетие снова стала монография Я. Новотного²⁵. Этому же вопросу посвящена и I глава книги Я. Ткадлечковой-Вантуховой²⁶, которая в сжатом виде резюмирует достижения чехословацкой историографии по указанной проблематике.

Следует отметить, что в целом концепция чешско-словацких отношений, сложившаяся в 50-е годы, не претерпела и в 60-е годы значительных изменений. Уточнения и дополнения касались, как правило, отдельных частностей. Принципиальные же изменения были внесены в эту концепцию в основном по линии оценки бернолаковской интеллигенции и ее отношения к своим братьям-протестантам и к чешскому национальному движению.

Буржуазные историки в общих работах по данной тематике, как правило, односторонне подчеркивали взаимное недоверие чешской и словацкой католической интеллигенции. Это недоверие, по мнению отдельных исследователей, вытекало из отрицательного отношения словаков-католиков к старому чешскому языку Кралци-

²³ *J. Novotný*. Ke vzájemnému vzťahu českých buditelů v období národního obrození. «K počiatkom slovenského národného obrodzenia». Bratislava, 1964.

²⁴ *R. Pražák*. Ke vzťahu druhej bernolákovskej generácie a české jungmanovskej intelligencie za národného obrození. «Biografické štúdie». Martin, 1970.

²⁵ *J. Novotný*. Češi a Slovinci za národného obrození a do vzniku československého štátu. Praha, 1968.

²⁶ *J. Tkaďelčková-Vantuchová*. Češi a Slovinci v národnooslobodzovacom boji do rakousko-uhorského vyrovnania roku 1867. Bratislava, 1970.

кой библии, употреблявшемуся словаками-протестантами в качестве литературного языка, из мнимого «унгаризма» А. Бернолака, из отрицательного отношения чешских будителей к его национальным идеям, которые, по их мнению, нарушали чешско-словацкое единство.

Новая концепция словацкого национального движения дает возможность объективно взглянуть на отношения бернолаковцев и представителей чешского национального возрождения.

В последних работах словацких историков указывается, что хотя бернолаковцы и выступали за необходимость национального литературного языка и подчеркивали в связи с этим самобытное положение словаков в рамках славянского целого и их отличия от чехов, но это еще не означало, что они были против установления, дальнейшего развития и укрепления чешско-словацкого сотрудничества. Об этом свидетельствуют высказывания и многие факты установления личных контактов и обмена культурными ценностями между представителями второго поколения бернолаковцев во главе с М. Гамуляком, Я. Голлым и чешскими будителями. С другой стороны, указывается и на определенный интерес чешской интеллигенции к литературе последователей А. Бернолака и особенно к творчеству Я. Голлого. При этом, однако, объясняются и объективные условия проявления противоречий между ними.

Разработка проблематики чешского и словацкого национального возрождения и чешско-словацких отношений не теряет своей научной и политической актуальности и в настоящее время.

Основываясь на последних работах чехословацких историков, можно сделать вывод, что к числу первоочередных задач они относят: окончательное преодоление некоторых негативных явлений историографии, обусловленных событиями 1968 г., дальнейшее исследование не только внутренних вопросов чешско-словацких отношений, но и рассмотрение их на фоне общего комплексного изучения проблематики истории национального возрождения и взаимоотношений народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Н. П. Данилова

**БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА
В ПЕРИОД ПЕРВОГО СЕРБСКОГО ВОССТАНИЯ
(Некоторые вопросы историографии)**

Истории Первого сербского восстания 1804—1813 гг. посвящена в Югославии большая литература — крупные монографические исследования, статьи по отдельным вопросам, юбилейные доклады, публикации источников, мемуарные издания¹.

В югославской историографии восстание 1804—1813 гг. характеризуется как крупное событие сербской истории².

Академик В. Чубрилович, на наш взгляд, совершенно справедливо отмечает отличительные черты новейшей югославской историографии при рассмотрении вопроса о характере Первого сербского восстания и о его роли в развитии национального движения южнославянских народов. «В новейшее время,— отмечает В. Чубрилович,—

¹ *Л. Арсенијевић-Баталака*. Историја српског устанка, Београд, 1898; *L. Ranke*. Die Serbische Revolution. Berlin, 1844; *Д. Пантелић*. Београдски пашалык пред први српски устанак, 1794—1804. Београд 1949; *М. Вукчевић*. Карађорђе, т. I. Београд, 1907; т. II. Београд, 1912; *С. Новаковић*. Васкрс државе српске. Београд, 1954; *В. Чубриловић*. Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958; *М. Ђорђевић*. Политичка историја Србије у XIX и XX веку, т. 1, 1804—1813. Београд, 1956; *Р. Гузина*. Кнежина и постанак српске буржоаске државе. Београд, 1955; *М. Ђорђевић*. Прва година српског устанка. Прилог проучавању карактера устаничких циљева 1804—1805. «Годишњак Историског друштва Босне и Херцеговине». Сарајево, 1954; *М. Ђорђевић*. Босна и Херцеговина у стратегијским плановима српских устанака. «Преглед», Сарајево, 1954; *В. Чубриловић*. Први српски устанак и босански Срби. Београд, 1939; *М. Милићевић*. Поменник знаменитих људи српског народа. Београд, 1956; «Грађа за историју Првог српског устанка». Београд, 1954; «Грађа из Земунских архива за историју првог српског устанка, т. I—III. Београд, 1955—1969. *А. Ивић*. Списи бечких архива о првом српском устанку, т. I—V. Београд — Суботица, 1935—1939; «Исписи из париских архива (Грађа за историју Првог српског устанка)». Београд, 1954; *Г. Јакишић* и *В. Вучковић*. Француски документи о Првом и Другом српском устанку. «Живот и обичаји народа српског». Нови Сад — Београд, 1960; *Х. Шабановић*. Турски извори о првом српском устанку. Београд, 1956.

² *В. Чубриловић*. Први српски устанак. «Историски гласник», 1954, № 1-2, стр. 3.

сербское восстание понимается как исторический революционный процесс, который начался в 1804, а завершился в 1830 г.

Эта эпоха распадается на три периода: 1) Первое сербское восстание 1804—1813 гг.; 2) восстановление турецкой власти в Сербии после поражения восстания — 1813—1814 гг.; 3) Второе сербское восстание 1815 г. и создание вассального Княжества Сербии — 1815—1830 гг.

В этом историческом процессе освобождения Сербии существенным является стремление сербского народа уничтожить турецкий феодальный порядок и создать буржуазное общество и в то же самое время на развалинах турецкой власти в стране создать свое национальное государство. В этом существо Первого и Второго сербских восстаний, а также попыток Сербии в 1815—1830 гг. мирным путем и медленной ликвидацией турецкой власти и турецкого феодального порядка с помощью России достичь того, к чему стремились открытой войной и революцией в 1804—1813 гг.»³

Касаясь национально-освободительного характера восстания, он далее пишет: «Военные цели Сербии с 1807 г. уже недвусмысленно были поставлены перед русскими военными и дипломатическими представителями: полная независимость и освобождение Сербии и объединение с Сербией всех сербских земель. Стремление Сербии путем восстаний и военных походов распространить освободительное движение на соседние южнославянские земли придает восстанию в период 1807—1809 гг. широкое южнославянское и балканское значение»⁴.

Влияние восстания сербов Белградского пашалыка на дальнейшее развитие национально-освободительного движения соседних с ним земель рассматривается в ряде работ югославских историков. Таковы работы В. Стоянчевича «Первое сербское восстание, его связь с Болгарией и болгарам», С. Гавриловича — «Крестьянское движение в Среме во время Первого сербского восста-

³ В. Чубриловић. У чему је суштина и каква је историјска и културна улога првог српског устанка 1804. «Југословенски историјски часопис», № 3/63. Посебан отисак, стр. 7.

⁴ В. Чубриловић. У чему је суштина..., стр. 10.

ния», С. Димитриевича — «Лесковчане в Первом сербском восстании» и др.⁵

О влиянии Первого сербского восстания на развитие освободительного движения в Боснии и Герцеговине говорится в нескольких специальных работах, а также в работах о восстании общего характера.

Статья М. Джорджевича «Первый год сербского восстания. К вопросу об изучении характера повстанческих целей в 1804—1805 годах»⁶ написана в основном на изданных документальных материалах из парижских и венских архивов. Автор подчеркивает важность изучения начального периода восстания, так как, по его мнению, уже в это время у повстанцев «проявилось стремление свергнуть турецкое господство и осуществить освободительный союз с остальными угнетенными народами, особенно в Боснии, Герцеговине и Черногории». М. Джорджевич утверждает, что фактически «освободительный союз в том объеме, в каком он замышлялся старейшинами восстания, никогда не был осуществлен. Но фактом является и то обстоятельство, что с первых дней восстания предпринимались шаги для его осуществления и что восстание не имело других целей, кроме борьбы за независимость».

Далее автор подчеркивает, что повстанцы выработкой стратегического плана совместных операций занимались уже в 1804 г., понимая, что нельзя перейти границы Белградского пашалыка и вступить в войну с Портой, пока не будут созданы все предпосылки для совместной освободительной борьбы. М. Джорджевич приводит примеры установления связей на протяжении 1804—1805 гг. между сербами и черногорцами, особенно черногорским митрополитом Петром I, а также старейшинами Герцеговины и Боснии.

План совместных военных операций М. Джорджевич наиболее подробно рассматривает в другой своей статье,

⁵ В. Стојанчевић. Први српски устанак према Бугарској и бугарима «Историски гласник», 1954, № 1-2; С. Гавриловић. Сельачки покрети у Срему у доба Првог српског устанка. «Зборник Матице српске», 1954, № VII; С. Димитријевић. Лесковчани у Првом српском устанку. Београд, 1954.

⁶ М. Борђевић. Прва година српског устанка. Прилог изучавању карактера устаначких циљева 1804—1805 гг. «Годишњак историског друштва Босне и Херцеговине». Сарајево, 1954, год. VI, стр. 5—27.

«Босния и Герцеговина в стратегических планах сербских повстанцев»⁷. Подчеркнув в предыдущей статье факт существования такого плана уже в 1804 г., автор здесь следит за его развитием во время военных операций 1806, 1807 и 1809 гг.

В представлении М. Джорджевича этот стратегический план состоял в следующем. Ликвидировав турецкие гарнизоны в Белградском пашалыке, сербские повстанцы должны выйти за его пределы, поднимая население соседних областей на вооруженную борьбу. В это же время должно начаться восстание в Черногории. Соединяясь с сербскими повстанцами, черногорцы поднимают восстание в Герцеговине, а затем частью сил со стороны Герцеговины и одновременно из Сербии через Дрину вступают в Боснию. Вследствие освобождения Боснии и Герцеговины был бы создан военный союз южнославянских народов, который мог бы успешно противостоять Порте.

Наиболее интересной является работа В. Чубриловича «Первое сербское восстание и боснийские сербы»⁸, написанная автором на основе документов из венских архивов.

Автор довольно подробно раскрыл связи восставших сербов Белградского пашалыка с босняками, а также с граничарами, герцеговинцами и черногорцами в период подготовки восстания в Боснии подробно освещает влияние военных успехов сербских повстанцев в бассейне р. Дрины на усиление и распространение восстания в Боснийском Подринье в 1807 г. В работе представлена картина широко задуманного и продолжительно готовившегося с помощью Сербии восстания в Боснийской Крайне в 1809 г. Подготовка его падает как раз на период успехов сербских повстанцев, что, несомненно, способствовало успешному распространению восстания в Боснии. Обращает на себя внимание характеристика участников восстания в Боснии — торговцев, ремесленников, крестьян, представителей православного и католического духовенства. В работе показана роль некоторых официальных представителей Австрии и француз-

⁷ М. Ђорђевић. Босна и Херцеговина у стратегијским плановима српских устанака. Поводом 150-годишнице српског устанка. «Преглед». Сарајево, 1954, бр. 1, стр. 1—9.

⁸ В. Чубриловић. Први српски устанак и босански Срби. Београд, 1939.

ских властей в Далмации, дана оценка переговоров с ними руководителей восстания в Боснии о конкретной военной помощи. Однако начало восстания — осень 1809 г. — относится уже к периоду упадка наступательных действий сербов. В связи с этим В. Чубрилович пишет, что восстание 1809 г. в Боснии было последним революционным движением среди сербов Турции и Австрии, возникшим как эхо сербских побед у Мишары и Делиграда в 1806 г.

Краткий обзор работ югославских авторов, посвященных истории Боснии и Герцеговины в период Первого сербского восстания, свидетельствует, что накоплен известный фактический материал, раскрывающий как развитие самого освободительного движения в Боснии и Герцеговине под влиянием сербского восстания, так и развитие идеи единства югославянских народов в борьбе против турецкого гнета. Однако по целому ряду проблем, в том числе и уже освещенных, фактического материала недостаточно. Вышеуказанные работы написаны в основном на документальных материалах из венских и других австрийских архивов, частично по документам из парижских и югославских архивов. Поэтому освещение ряда вопросов является не всегда полным и разносторонним.

В подготавливаемой Институтом славяноведения и балканистики АН СССР совместно с Сербской Академией наук и искусств публикации документов по истории Первого сербского восстания представлены новые данные о взаимоотношениях сербских повстанцев с босняками и герцеговинцами, о попытках последних установить контакты с отрядами сербских повстанцев и русской армией.

Дальнейшие разыскания обогатят наши представления о политической и социальной истории Боснии и Герцеговины в период Первого сербского восстания 1804—1813 гг.

А. П. Барбасов

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
ВООРУЖЕННОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ
БОЛГАРСКОГО НАРОДА
КОНЦА XVIII — 70-х ГОДОВ XIX в.
В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Методологической основой для исследования истории вооруженной освободительной борьбы болгарского народа служат высказывания основоположников научного коммунизма. В ряде статей Ф. Энгельса и В. И. Ленина даны принципиальные оценки характера и исторической роли русско-турецких войн, сыгравших важную роль в судьбах балканских народов. Наряду с отрицательным отношением к завоевательной политике русского царизма на Балканах основоположники научного коммунизма указывали и на объективно прогрессивный ее характер¹⁻².

Освобождение Болгарии от османского ига способствовало образованию болгарского национального государства и открыло простор развитию капиталистических отношений. Эту особенность социально-экономических изменений на Балканах отмечал В. И. Ленин, который писал, что «наилучшие условия развития капитализма на Балканах создаются как раз в мере создания на этом полуострове самостоятельных национальных государств»³.

По своим последствиям русско-турецкая война 1877—1878 гг. имела для Болгарии значение буржуазно-демократической революции. «Основным объективным содержанием исторических явлений во время войн не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 года (русско-турецкая) и 1896—1897 годов (война Турции с Грецией и армянские волнения) были буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества», — подчеркивал В. И. Ленин⁴.

¹⁻² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 9, 31—32; т. 27, стр. 241.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 262.

⁴ Там же, т. 26, стр. 144.

Советскую литературу по рассматриваемой проблеме, изданную в послевоенные годы, можно сгруппировать следующим образом.

1. Национально-освободительное движение.
2. Создание болгарского ополчения и участие его вместе с русской армией в освобождении Болгарии.
3. Братская солидарность и взаимопомощь русского и болгарского народов в ходе войны.
4. Роль России в создании вооруженных сил Болгарии.
5. Истоки и характер многовековой дружбы двух братских народов.

В послевоенной советской историографии относительно широко изучены проблемы русско-болгарских политических, экономических и культурных отношений, боевого содружества в борьбе с османскими поработителями с конца XVIII в. до освобождения Болгарии в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

В исследованиях В. Д. Конобеева, В. А. Ляхова, Н. П. Мунькова и В. В. Ниякого воссоздана история вооруженной борьбы болгарского народа против османского ига⁵.

В работах В. Д. Конобеева и Н. П. Мунькова подчеркивается, что начало XIX в. ознаменовалось массовым движением народных масс Болгарии против турецких завоевателей. Движущей силой вооруженных выступлений болгар было крестьянство. Выступления крестьян происходили стихийно, они охватывали отдельные районы страны, связь между повстанцами разных районов, как правило, отсутствовала. Стимулом в борьбе против османских поработителей для болгар являлись успехи России в ее войнах против Турции. Появление

⁵ В. Д. Конобеев. Русско-болгарские отношения в 1806—1812 гг. «Из истории русско-болгарских отношений. Сборник статей». М., 1958; *он же*. Национально-освободительное движение в Болгарии в 1828—1830 гг. УЗИС, т. 20, 1960, *он же*. О плане вооруженной борьбы Г. С. Раковского в Болгарии в период Крымской войны. СА. М., 1959; *он же*. Национально-освободительное движение в Болгарии в 1853—1854 гг. УЗИС, т. 29, 1965; В. А. Ляхов. Русско-турецкая война 1828—1829 гг. и национально-освободительное движение болгарского народа. УЗЯПИ, вып. 76, 1970; Н. П. Муньков. М. И. Кутузов и национально-освободительное движение на Балканах в начале XIX в. УЗКПИ, вып. XI, ч. 1, 1959; В. В. Ниякий. Национально-освободительное и антифеодалное восстание крестьян в северо-западной Болгарии в 1850 г. УЗГУ, вып. 51, 1959.

русских войск в соседних с Болгарией княжествах, в Сербии, а тем более в самой Болгарии неизменно вызывало мощный подъем болгар на борьбу за независимость.

Особый характер национально-освободительное движение в Болгарии приняло в 1806—1812 гг., в годы войны России против Турции. В этой войне отряды болгарских добровольцев сражались вместе с русскими не только на территории княжеств, но и в самой Болгарии.

Царское правительство использовало выступления болгар, снабжало их вооружением, способствовало созданию отрядов добровольцев и даже созданию земского войска, но не давало никаких гарантий автономии и тем более независимости Болгарии в случае победы. Но в совместных боях зарождалось русско-болгарское боевое содружество, болгарские добровольцы воспринимали опыт русских воинов, крепла дружба между двумя народами. Этому способствовали русские полководцы М. И. Кутузов и П. И. Багратион, которые прекрасно понимали значение такого содружества для национальных интересов Болгарии. Благодаря настойчивости Кутузова царское правительство было вынуждено согласиться на создание болгарского земского ополчения, которое, действуя совместно с регулярной русской армией, внесло определенный вклад в разгром войск Османской империи.

В работе В. Д. Конобеева о болгарском национально-освободительном движении в 1828—1830 гг.⁶ анализируются его социально-классовое содержание, движущие силы, цели и влияние на последующую борьбу болгарского народа. Автор подчеркивает, что борьба болгарского народа против османского ига в 1828—1830 гг. знаменовала важный сдвиг в развитии национально-освободительных сил. Движение становилось массовым и вылилось в вооруженное восстание. Главную силу движения составляло крестьянство, городские низы и мелкая буржуазия. Борьба болгарского народа против османского гнета в 1828—1830 гг. явилась переходным этапом к организованному национально-освобо-

⁶ В. Д. Конобеев. Национально-освободительное движение в Болгарии в 1828—1830 гг. УЗИС, т. 20, 1960.

дительному движению под руководством Г. С. Раковского.

Видинскому восстанию посвящена работа В. В. Ниякого «Национально-освободительное и антифеодалное восстание крестьян в северо-западной Болгарии в 1850 г.» Автор изучил ряд новых архивных документов, которые вместе с использованием опубликованных в Болгарии материалов позволили нарисовать широкую картину восстания и сообщить ряд ранее неизвестных фактов.

Значительный вклад в изучение Апрельского вооруженного восстания болгарского народа в 1876 г. сделали советские историки Н. В. Зуева, И. В. Козьменко, С. А. Никитин, Е. М. Шатохина, Н. Н. Яковлев⁷.

Большое внимание советские исследователи уделили русско-турецкой войне 1877—1878 гг., принесшей освобождение Болгарии, независимость Румынии, Сербии и Черногории, ликвидацию османского господства в Боснии и Герцеговине, освобождение некоторой части Западной Армении и Грузии. Так, созданию болгарского ополчения, участию его в боях совместно с русской армией у Стара-Загора, на Шипке, в Забалканском походе, в сражении у Шипка — Шейново посвятили свои работы Н. И. Беляев, М. С. Гурбанов, И. В. Козьменко, В. Д. Конобеев, С. З. Новак, П. К. Фортунатов⁸.

⁷ Н. В. Зуева и Е. М. Шатохина. 90-летие восстания 1876 г. в Болгарии. СС 1966, № 5; И. В. Козьменко. Русское общество и апрельское болгарское восстание 1876 г. ВИ, 1947, № 5; С. А. Никитин. Революционная борьба в Болгарии в 1875—1876 гг. и Апрельское восстание. «Освобождение Болгарии от турецкого ига. 75 лет. Сборник статей». М., 1953; он же. Очерки по истории южных славян и русско-болгарских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970; Н. Н. Яковлев. Русское добровольческое движение на Балканы в 1876 г. УЗКГПИ, вып. 15, 1955.

⁸ Н. И. Беляев. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1956; М. С. Гурбанов. Формирование болгарского ополчения в Кишиневе в 1876—1877 гг. ТЦА МССР, т. 1. Кишинев, 1969; он же. Самарское знамя. Кишинев, 1970; И. В. Козьменко. Из истории Болгарского ополчения (1876—1877). «Славянский сборник». М., 1948; В. Д. Конобеев. Русско-болгарское боевое сотрудничество в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. М., 1953; С. З. Новак. Участие бесарабских болгар в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. «Юбилей дружбы. Сборник статей». Кишинев, 1969; П. К. Фортунатов. Война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950; он же. Боевой русско-болгарский союз. «Освобождение Болгарии от турецкого ига. 75 лет. Сборник статей». М., 1953.

Братская солидарность, различного рода материальная взаимопомощь двух братских народов, вооруженная помощь болгарского народа русской армии в ходе войны нашли отражение в исследованиях А. Я. Кипермана, В. М. Хевролиной, Н. Н. Яковлева⁹.

В них рассматривается отношение к войне передовых деятелей русской культуры и науки — Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. К. Михайловского, Г. П. Успенского, Д. И. Менделеева, В. В. Верещагина, Н. И. Пирогова, приводятся новые сведения об отношении к войне различных социальных групп России. Во многих исследованиях раскрывается вооруженная и материальная помощь болгарского народа русской армии во время войны, значительное внимание уделяется показу боевого содружества русской армии с болгарским ополчением.

Развитию освободительной борьбы болгарского народа в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. посвятил свои исследования А. А. Улунян¹⁰. Используя достижения современной советской и болгарской историографии, автор рассматривает различные формы освободительного движения болгар в годы войны, недостаточно или слабо освещенные в исторической литературе. В его работах утверждается, что участие болгарского народа в русско-турецкой войне являлось продолжением его национально-освободительной борьбы против османского ига.

В исследованиях А. А. Улуняна говорится о большой

⁹ А. Я. Киперман. К вопросу об общественном подъеме в России в связи с балканскими событиями 1875—1878 гг. УЗШПИ, вып. 9, 1960; В. М. Хевролина. Об отношении русского общества к войне и освобождению Болгарии от турецкого ига. КСИС, вып. 40, 1964; она же. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и революционное народничество. «Славянская историография и археология». М., 1969; Н. Н. Яковлев. Народная помощь в борьбе за освобождение балканских славян в 1877—1878 гг. УЗКГПИ, вып. 41, 1963.

¹⁰ А. А. Улунян. Помощь болгарского народа русской армии в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. КСИС, вып. 40, 1964; он же. Участие болгарского народа в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. «Славянское возрождение. Сборник статей и материалов». М., 1966; он же. К истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг. «Славянская историография и археология». М., 1969; он же. Русская пресса об участии болгар в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. «Юбилей дружбы». Кишинев, 1969; он же. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1971 г.

материальной помощи болгарского народа русским войскам. Она выражалась в бескорыстном, добровольном и в большинстве своем безвозмездном снабжении русской армии продовольствием и фуражом, в предоставлении помещений для госпиталей, средств транспорта и тягловой силы, в уходе за ранеными и больными солдатами, в постройке оборонительных сооружений, телеграфных линий, дорог, мостов и т. п.

Можно согласиться с заключением автора, что «содействие болгарского народа русской армии имело большое моральное значение в укреплении братских отношений между двумя народами. Русские войска находились на территории дружелюбного народа, который делал все, что было необходимо солдату для победы над врагом»¹¹.

Новые документы о роли России в создании вооруженных сил, организации обороны независимого болгарского государства после окончания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. приводятся в публикациях В. Д. Конобеева, Н. В. Зуевой, Е. М. Шатохиной¹².

Особое место в литературе, посвященной истории вооруженной освободительной борьбы болгарского народа, занимает совместная русско-болгарская публикация документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига»¹³.

В первом томе помещены документы о национально-освободительном движении в Болгарии в 70-х годах XIX в., во втором — о русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и в третьем — о послевоенном устройстве Болгарии. Материалы трехтомника позволяют более точно представить картину происходивших в то время исторических процессов, а ряд вопросов осветить по-новому.

Они дают возможность правильно решить проблему освещения роли болгарского народа в освобождении

¹¹ А. А. Улунян. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1971, стр. 182.

¹² В. Д. Конобеев. К вопросу о передаче Болгарии в 1879 г. русских судов Дунайской флотилии. КСИС, вып. 9, 1952; он же. Образование вооруженных сил Болгарии в период ее освобождения от турецкого ига. 1875—1879 гг. КСИС, вып. 12, 1954; В. Д. Конобеев, Н. В. Зуева и Е. М. Шатохина. Из истории борьбы за национальную автономию Южной Болгарии в 1878—1879 гг. «Юбилей дружбы». Кишинев, 1969.

¹³ «Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трех томах», т. 1 и 2. М., 1964; т. 3. М., 1967.

своей родины, свидетельствуют о том, что русско-турецкая война дала мощный толчок подъему национально-освободительного движения в Болгарии.

Наконец, новые документы трехтомника позволяют заключить, что русско-турецкая война 1877—1878 гг. не только принесла освобождение болгарскому народу, но и способствовала упрочению независимости других балканских народов. Поэтому русской армии в ходе войны помогали армии Румынии, Сербии и Черногории, ее поддерживали национально-освободительные движения в Боснии и Герцеговине, Фессалии и Эпире.

Многовековой дружбе двух братских народов посвящен целый ряд научно-популярных книг ¹⁴.

Краткий обзор советской исторической литературы свидетельствует, что вопросы вооруженной освободительной борьбы болгарского народа конца XVIII—XIX в. нашли отражение во многих трудах советских историков и изучение их носит разносторонний и систематический характер.

А. С. Мыльников

**НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ
СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
В РУКОПИСЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ
БИБЛИОТЕКИ им. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
(Источниковедческий обзор)**

Дальнейшее расширение источниковедческой базы славяноведческих исследований, вовлечение в научный оборот малоизвестных или забытых печатных и рукописных источников, выявление новых, ранее неизвестных

¹⁴ См.: *Л. Н. Андроников и др. Нерушимая дружба*. М., 1959; *А. Д. Бачинский и М. Д. Дыхан. Дай руку, другар!* Одесса, 1965; «Болгария, сестра родная». Кишинев, 1967; *М. С. Гурбанов. Невгасимое пламя советско-болгарской дружбы*. Кишинев, 1969; *К. С. Комаров. Вековая дружба*. М., 1960; «Навеки вместе» М., 1969; «О дружбе вечной и нерушимой. Сборник статей». Л., 1963; *П. С. Сохань. Вогонь вічної дружби*. Київ, 1966; *Н. Н. Яковлев. Наш друг Стара-Загора. Куйбышев, 1967; он же. Дружба навечно. Куйбышев, 1969.*

архивных материалов является существенной предпосылкой для дальнейшего углубления разработки проблем истории и культуры славянских народов. В свою очередь это ставит новые задачи и перед славистами, и перед работниками библиотек, музеев и архивов, в которых сосредоточены материалы, имеющие отношение к славяноведческой проблематике.

Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, являющаяся старейшей русской национальной библиотекой (основана в 1795 г., открыта 2(15) января 1814 г.), хранит в своих фондах уникальные материалы по истории славянской культуры. Традиция их собирания восходит к таким ее известным сотрудникам, как В. С. Сопиков, И. А. Крылов, А. Х. Востоков, А. Ф. и И. А. Бычковы, В. В. Стасов, Н. С. Державин и др. В качестве не только национальной русской, но, шире, славянской библиотеки ее воспринимали многие выдающиеся деятели зарубежных славянских народов — Й. Юнгман, П. И. Шафарик, В. Ганка, В. Караджич, Г. Э. Коста и др., передававшие в фонды Публичной библиотеки книги и рукописи¹. В результате длительного, почти двухвекового накопления в Публичной библиотеке сложилось уникальное собрание рукописей, среди которых славянские занимают видное место². Кратко рассмотрим рукописные материалы по истории и культуре периода национального возрождения, т. е. приблизительно с конца XVIII до середины XIX в.

Они представлены в основном в составе личных фондов деятелей русской науки и культуры прошлого и начала нынешнего столетия (фонды И. С. Аксакова, П. К. Батюшкова, В. Г. Бенедиктова, И. Е. Бецкого, О. М. Бодянского, Б. П. Гаевского, Я. Ф. Головацкого, Н. А. Добролюбова, К. Ф. Калайдовича, А. А. Котляревского, М. С. Куторги, А. А. Майкова, В. Ф. Одоевского, С. Ф. Платонова, М. П. Погодина, П. П. Прейса, А. Н. Пыпина, М. Ф. Раевского, В. В. Стасова, С. П. Ше-

¹ Подробнее см.: «История Государственной ордена Трудового Красного Знамени публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина». Л., 1963.

² А. Л. Гольдберг и А. С. Мыльников. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и историческая наука. «Вопросы истории», 1964, № 1, стр. 165—170.

вырева, И. В. Ягича и др.). Отчасти материалы интересующей нас тематики представлены в фондах советских ученых-славистов К. Н. Державина и К. А. Копержинского.

В Публичной библиотеке хранятся и рукописи западно- и южнославянского происхождения: собрание польских автографов и грамот XV—XIX вв. (ф. 985), собрание чешских рукописей XIV—XIX вв. (ф. 962), собрание сербских рукописей XVIII—XIX вв. (ф. 960), а также личные фонды польских и чешских ученых и коллекционеров: Г. Вронского (ф. 968), А. Заштовта (ф. 973), И. А. Залуского (ф. 972), Г. Косты (ф. 979), И. Юнгмана (1079) и др. О фондах этого рода исследователи осведомлены гораздо меньше, хотя здесь в ряду прочих имеются некоторые важные материалы, в том числе по рассматриваемой теме.

В фондах отечественного происхождения представлен материал преимущественно эпистолярного характера. Среди авторов писем попадает немало имен крупных деятелей славянской культуры конца XVIII — середины XIX в. (В. Караджич, Ф. Миклошич, Б. Копитар, Ф. Курелац, А. Мушицкий, В. Пелагич, И. Смоляр, С. Стратимирович, Ф. Шопен и др.). Кроме переписки в личных фондах и собраниях рукописей библиотеки имеется немало автографов сочинений или материалов к ним русских славяноведов. Для историографии вопроса представляют несомненный интерес записанные молодым Н. А. Добролюбовым лекции И. И. Срезневского «История новых литератур славянских» (ф. 255, № 125) и «История чешской и польской литературы» (№ 127), записи И. Е. Бецким лекций М. Т. Каченовского «История славянских языков и литератур» (1838 г.) (ф. 71, № 2), речь А. Ф. Гильфердинга «О литературе чешской», черновые и беловые автографы ряда работ Т. Д. Флоринского: речи «Западные славяне в начале и конце XIX в.» (1894), статьи «Ян Коллар — певец славянской взаимности», «О Словакии» (1898), «Л. Штур и его сочинение «Славянство и мир будущего»», отзыв на монографию В. А. Францева «Очерки по истории чешского Возрождения» и др. (ф. 818, № 32, 33, 76, 98, 100), материалы для изучения славянских языков, собранные академиком Ф. Б. Грефе (ф. 217, № 13), выписки (1846) А. А. Майкова из «Журнала чешского музея»,

сочинений Я. Коллара, журналов «Москвитянин», «Маяк» и др. на русском и чешском языках (ф. 452, оп. 1, № 179), оттиск статьи С. Д. Полторацкого «Об аббате Добровском» с его пометами (ф. 603, № 1), «Новые материалы для изучения народной польской литературы» П. П. Дубровского (ф. 440). Ряд материалов отражает историю литературных отношений и быта той эпохи: «Ежедневные записки русской путешественницы в 1827 и 1828 г.» Е. С. Телепневой с переводом стихотворения В. Ганки (ф. 478, № 399), фрагменты писем В. С. Попова из Вены, Берлина и Кёнигсберга с известием о смерти Леопольда II и др., относящиеся к 1790—1813 гг. (ф. 609, № 14), перевод В. Г. Бенедиктовым поэмы немецкого поэта-романтика XIX в. Альфреда Майснера «Жижка» (ф. 62, № 13).

Каждый из этих материалов представляет научный интерес. Так, хранящаяся в Публичной библиотеке рукопись поэмы «Жижка» является беловым экземпляром с посвящением А. П. Греку. Любопытно, что, выражая ему благодарность за ознакомление с поэмой Мейснера и за идею перевода ее на русский язык, В. Г. Бенедиктов пишет: «Вы были руководителем моим в передаче на язык наш как собственных имен тех лиц, которые введены автором в его поэму, так и названий городов, рек и пр. сообразно с избранною им эпохою (1419—1424 гг.)» (ф. 62, л. 3). И хотя перевод поэмы «Жижка» опубликован, рукопись должна привлечь внимание исследователей русско-славяно-германских литературных связей.

Заслуживают упоминания хранящиеся в ряде личных фондов отечественного происхождения подлинники и копии дипломатических и иных документов, касающихся Чехии и других славянских стран, материалы, отражающие пребывание в России австрийского императора Йозефа II (ф. 609, оп. 1, № 437; ф. 874, оп. 2, № 90).

Среди сравнительно недавних поступлений выделяется «Каталог книг библиотеки... протоиерея Гавриила Меглицкого, служившего при имп. Российском посольстве в Вене», составленный в 1841 г. Каталог этот ценен в первую очередь как своеобразный источник по истории межславянских культурных связей. Он содержит, в частности, материал о контактах, существовавших между Г. Меглицким и зарубежными славянскими учеными.

Что касается фондов инославянского происхождения, то в собрании польских автографов и грамот и в фонде Залуских встречаются эпистолярная и хозяйственные архивы крупных польских магнатов — Радзивиллов и Залуских за XVIII—XIX вв. Экономическая, политическая и культурная жизнь Польши до середины XIX в. освещается в собранной Альбертом Заштовтом коллекции польских грамот, главным образом актов польских епископов и архиепископов (с 1670 г.). Заслуживает внимания архив польского математика и философа-мистика Гёне Вронского (1778—1853), состоящий из его сочинений: «*Histoire génétique et absolue de la philosophie...*», «*Accomplissement de la Réforme de Mathématiques...*» и др., писем к кн. Чарторыскому, разного рода заметок и т. д. Этот фонд может представить интерес для исследователей польской истории и культуры середины XIX в.

К истории чешского национального возрождения прямое отношение имеет архив Йозефа Юнгмана, а также отчасти собрание чешских рукописей, где есть рукописные книги XVIII — начала XIX в.

Наиболее примечательную (и основную) часть фонда Й. Юнгмана составляют подготовительные материалы к «Истории чешской литературы», имеющие авторский заголовок «*Zásoba k české literatuře*». Они отражают несколько этапов работ ученого. Во-первых, это части, дающие историко-библиографическое освещение чешской культуры и литературы с 1550 по 1806 г. Во-вторых, это черновой автограф второго варианта первой (разделы 1—5) и второй (раздел 6) частей «Истории чешской литературы». В-третьих, это библиографические заметки, сослужившие, видимо, для Й. Юнгмана службу при подготовке монографии. Практически все эти материалы еще ждут своего исследователя — совершенно неиспользованные чехословацкими историками и литературоведами, они не привлекли к себе достаточного внимания и со стороны советских ученых. В составе библиотеки Й. Юнгмана, поступившей почти полностью в 1856 г., было также некоторое количество рукописных книг, в настоящее время выделенных в отдельное собрание. Некоторые из них имеют прямое касательство к рассматриваемой проблематике. Таков, например, сборник чешского писателя-самоучки Йозефа Благи (1754—

1831), составленный им в последние годы жизни. Здесь собраны исторические и литературные произведения, преимущественно посвященные трагическим событиям 1620-х годов и расправе Габсбургов с чешскими протестантами. В архивохранилищах Чехословакии попадаются также сборники этого автора и других «письмаков». Подобные источники имеют первостепенное значение для понимания духовного мира деятелей культуры эпохи национального возрождения. В личных фондах, хранящихся в Публичной библиотеке, представлены рукописи и эпистолярии многих видных представителей чешской и словацкой науки и культуры той эпохи: Й. Добровского, П. Шафарика, Яна Коллара, Ю. Палковича, Б. Таблица, Ф. Палацкого, В. Ганки, К. Я. Эрбена и др.³

Собрание сербских рукописей и архив Генриха Косты содержат ценные и до конца еще далеко не использованные материалы по истории южных славян XVII—XIX вв. В первом собрании имеются рукописи, содержащие списки произведений южнославянских (в том числе дубровницких) поэтов, записи сербского фольклора В. Караджича и др. Бургомистр г. Любляны, историк по своим научным интересам, Генрих Этбин Коста (1832—1875) собрал обширный материал по истории и культуре Словении и родного города. Здесь мы находим черновые рабочие материалы и выписки, разного рода указатели, вырезки из газет, литературные произведения, освещающие экономическую, политическую и культурную историю не только собственно Словении, но также Австрии и ряда других европейских государств вплоть до 1870-х годов. Уместно подчеркнуть, что, как и в случае с Й. Юнгманом, в Публичную библиотеку в конце XIX в. поступил не только архив, но и личная библиотека Косты, хранящаяся вместе с собранием Й. Юнгмана в иностранном книжном фонде. Исследователям следует помнить об этом, поскольку маргиналии на книгах личных библиотек славянских ученых (как и пометы на книгах вообще) содержат порой существенный дополнительный материал,

³ Подробнее см.: А. С. Мильников. Чешские и словацкие рукописи Публичной библиотеки. Труды ГПБ, т. 5 (8). Л., 1958, стр. 124—132.

нередко забываемый и в данном случае почти совершенно неизученный.

В силу ряда причин некоторые комплексы документальных материалов, восходящие к инославянской культурной среде, хранятся в составе фондов деятелей русской науки и культуры. Примером может служить архив польского археолога и этнографа-фольклориста Адама Чарноцкого (1784—1825), известного под псевдонимом Доленга-Ходаковский. Поступивший в свое время вместе с другими рукописями М. П. Погодина, этот архив, состоящий из 112 документов, полезен для исследователей польской науки, культуры и русско-польских связей первой четверти XIX в. Кроме рукописей, черновых автографов трудов Доленги-Ходаковского и материалов к ним здесь сосредоточена эпистолярная переписка: письма его к Н. П. Румянцеву, А. Н. Голицыну и др., письма к нему В. Г. Анастасевича, С. Бандтке, В. И. Гечевича, В. К. Гижицкого, И. Добровольского, Л. Ширмы и др. (ф. 588, оп. 4).

Анализируя рукописные материалы Публичной библиотеки, так или иначе связанные с историей зарубежных славянских народов периода национального возрождения, можно заключить, что они отложились недостаточно равномерно. Наиболее полно представлены материалы по истории русского славяноведения, по истории польского и чешского, отчасти — словацкого народов. За ними следуют документальные материалы южнославянского происхождения (сербские, словенские и т. д.). История остальных славянских народов рассматриваемого периода представлена разрозненными, хотя в отдельных случаях и интересными, памятниками письменности. В целом охарактеризованная часть рукописного собрания Публичной библиотеки заслуживает более систематического, нежели это имело место до сих пор, использования со стороны советских историков-славистов.

В. П. Грачев

ИСТОРИЯ ПЕРВОГО СЕРБСКОГО ВОССТАНИЯ 1804—1813 гг. В СОБРАНИИ В. БОГИШИЧА

О материалах по истории Первого сербского восстания 1804—1813 гг., собранных В. Богишичем, впервые стало известно еще в 1888—1889 гг.¹ С тех пор и вплоть до настоящего времени они продолжают привлекать внимание ученых разных стран. Но особый интерес, вполне естественно, эти материалы вызывают у югославских историков, которые неоднократно поднимали вопрос о необходимости их издания. Еще в конце прошлого столетия внимание к собранию В. Богишича в значительной степени привлекла статья видного сербского политического деятеля и историка В. Джорджевича, помещенная в издаваемом им журнале «Отаджбина» («Отечество»). В ней он писал, что В. Богишич, затратив большие личные средства и много труда, «из неприступных государственных архивов на далеком севере извлек столь драгоценный материал... что его труд может быть расценен как научный подвиг, который может прославить сербский народ» («учинити роду глас») ². Обращаясь к В. Богишичу, он восклицал: «Ни у кого другого не хватило бы такого разностороннего образования, чтобы выбрать из этого моря старых исписанных бумаг именно те тысячи листов, на которых написана политическая, военная, экономическая и другая история нашего первого восстания. Только ученый твоего ранга мог совершить это огромное и кропотливое дело и сделать его с той исчерпывающей немецкой основательностью (Gründlichkeit), без которой он не имел бы пользы, которую имеет теперь» ³.

¹ Валтазар Богишич (1834—1908) — известный хорватский ученый-славист, автор многих работ по истории славянского права. В течение ряда лет преподавал в Новороссийском (Одесском) университете и работал в Петербурге над составлением свода гражданских законов для Черногории. Тогда же в русских архивах им была собрана большая коллекция материалов по истории Первого сербского восстания 1804—1813 гг. Основная коллекция до сих пор остается неизданной и хранится в архиве Богишича в Цавтате (СФРЮ).

² В. Ђорђевић. Богишићеве збирке. «Отаџбина». Београд, 1892, год X, књ. 32, св. 125—129, стр. 9.

³ Там же. —

Несколько позже, в 1904 г., другой видный сербский политический деятель и ученый, Ст. Новакович, подобным же образом оценил собрание В. Богишича. Характеризуя труд русского историка Н. А. Попова «Россия и Сербия», Ст. Новакович в своей работе «Устанак на дахије» писал, что самой большой заслугой книги Н. А. Попова является то, что «она обратила внимание и побудила В. Богишича работать в русских архивах». Получив допуск в архивы, В. Богишич, по словам Ст. Новаковича, «начал широкое исследование» архивных материалов⁴.

Нетрудно заметить, что вышеприведенные оценки В. Джорджевича и Ст. Новаковича имели совершенно определенную направленность: убедить общественность Сербии в необходимости издать эти материалы к 100-летней годовщине Первого сербского восстания.

Следующая попытка публикации материалов Богишича была предпринята к 150-летней годовщине восстания. По признанию югославского историка В. Новака подготовка к годовщине «была начата с обследования цавтатской коллекции Богишича и сличения этих материалов (с оригиналами.— В. Г.) в Ленинграде»⁵. Дело казалось настолько реальным, что академик Д. Пантелич счел возможным заявить о выходе в свет сборника этих документов в течение юбилейного года⁶. Однако, по мнению В. Новака, и на этот раз помешала «злая судьба, которая преследовала В. Богишича в течение всей его жизни и в его стремлениях издать свой, с такими муками выявленный и собранный материал...»⁷

Несколько лет назад, с началом работ советских и югославских ученых по подготовке совместной публикации документов по данной теме, коллекция В. Богишича вновь привлекла к себе внимание историков. Но теперь ею заинтересовались уже в ином отношении: насколько она сможет облегчить работу по выявлению соответствующих материалов и как ее можно использовать в подготовляемом издании.

⁴ Ст. Новаковић. Устанак на дахије. Београд, 1954, стр. 42—43.

⁵ В. Новак. Три значајна писма Валтазара Богишића Владану Борђевићу. «Глас САНУ», ССVXXX, књ. 15. Београд, 1971, стр. 119. Кстати, следует заметить, что в тот период оригиналы находились в ЦГВИА (Москва).

⁶ Там же, стр. 120.

⁷ Там же.

По мнению В. Новака, критические замечания В. Богишича «являются драгоценным путеводителем как для использования собранного им материала, так и для тех материалов, которые взялись издавать совместными усилиями сербские и русские ученые», а вся цавтатская коллекция «может и должна быть использована как генеральный (свеопшти) путеводитель для (поиска.— В. Г.) всего того, что было перед глазами В. Богишича». Такое право, заключает В. Новак, она заслужила не только своей научной ценностью, но и «приоритетом громадного значения»⁸.

В данной связи нужно отметить, что при планировании поисковых работ как югославская, так и советская части редакционной коллегии учитывали наличие коллекции В. Богишича и, действительно, намеревались в той или иной мере использовать ее для практических целей. В частности, об этом было заявлено в первом же проекте плана работ, представленном югославской частью редколлекции. Учитывая отсутствие достаточной информации об истории происхождения коллекции В. Богишича, неясность причин отказа от ее публикации и ряд других моментов, которые имеют чисто практическое значение, советская часть редакционной коллегии поручила автору настоящей статьи собрать необходимый материал по вышеназванным вопросам и, насколько это позволят источники, выяснить состав, происхождение и научную ценность собранных В. Богишичем материалов, чтобы решить вопрос об использовании цавтатской коллекции в предстоящей работе.

Знакомство с литературой свидетельствует, что вопрос о материалах по истории Первого сербского восстания 1804—1813 гг., собранных В. Богишичем, специально не исследовался и тем более не освещался на страницах научной печати.

Все упомянутые высказывания о материалах собрания, в том числе и статья В. Джорджевича, были основаны, как правило, на информации, которая исходила от самого В. Богишича.

Так, статья В. Джорджевича, как это удостоверяет и В. Новак, была написана исключительно на основании

⁸ Там же, стр. 120.

писем к нему В. Богишича в декабре 1891 г.⁹ Ст. Новакович также знал о коллекции лишь из писем, которые писал ему В. Богишич. Об этом весьма красноречиво свидетельствует недавно изданная переписка между ними¹⁰.

Более близкое знакомство с информацией Богишича показывает, что последний старался осветить данный вопрос в самых общих чертах, односторонне, не вдаваясь во все детали и порой нарушая хронологию событий. В отдельных случаях он специально акцентировал внимание лишь на тех деталях, которые наиболее выгодно подчеркивали его работу по сбору и обработке этих материалов. Это было сделано им для того, чтобы как можно внушительнее и весомее представить научной и политической общественности Сербии имеющиеся в его распоряжении документы.

Чтобы устранить эту односторонность, автор настоящей статьи предпринял попытку разыскать новые и разные по своему происхождению источники. С этой целью им просмотрены соответствующие фонды советских (ЦТВИА, АВПР и др.) и югославских (В. Богишича в Цавтате, Сербской академии наук и искусств и др.) архивов, в которых удалось обнаружить ряд новых, до сих пор не привлекавшихся документов.

Среди них особое место следует отвести письмам А. И. Ивановой, которая в течение 1870—1874 гг. переписывала для В. Богишича в петербургских архивах те документы, копии которых затем составили основу интересующей нас коллекции. С этими письмами А. И. Иванова посылала В. Богишичу очередные партии переписанных ею копий и информировала в них о ходе работы, о встретившихся затруднениях, о выполнении других поручений В. Богишича, связанных с выявлением и изданием части этих материалов, регулярно указывала сумму, которую должен ей уплатить В. Богишич за сделанные копии. Данные письма позволяют проследить не только процесс переписки и график отправки материалов, но и установить фонды и дела, которые были скопированы А. И. Ивановой. Значительный интерес представляют и сделанные для В. Богишича списки, в кото-

⁹ Подробнее см.: В. Новак. Три значајна писма..., стр. 114—121.

¹⁰ «Преписка Стојана Новаковића и Валтазара Богишића». Изд. Б. Недељковић. Београд, 1968.

ры́е были в́несены́ доку́менты, подлежа́щие переписке. Они́ позволя́ют ча́стично устано́вить ста́рую нуме́рацию фондов и дел, кото́рые по́зднее были́ распределе́ны по дру́гим архивам и фунда́м. Это в опреде́ленной мере́ может бы́ть использо́вано для органи́зации по́иска интере́сующих нас исто́чников.

Для выяснения́ причин отказа́ от публика́ции ма́териалов В. Боги́шича ва́жную роль игра́ет переписка́ В. Боги́шича с Л. Коваче́вичем, кото́рому Сербская́ ака́демия наук поручи́ла вести́ перегово́ры об усло́виях приоб́ретения́ этих ма́териалов. На́ми выя́влены́ три пи́сьма Л. Коваче́вича В. Боги́шичу (от 25.V, 16.VII и 10.VII 1904 г.), кото́рые храня́тся та́кже в архиве́ В. Боги́шича в Цавта́те, и пять пи́сем В. Боги́шича Л. Коваче́вичу, из кото́рых то́лько три (от 29.VII, 30.VII 1904 г. и от 5.II 1905 г.) име́ют пря́мое отноше́ние к на́шей теме. Э́ти пи́сьма храня́тся в Государ́ственном архиве́ Социали́стической Респу́блики Сербии́ в фонде́ Л. Коваче́вича. Пи́сьма Вл. Джордже́вича, Ва́цлика, Селе́цкого, Л. Смирно́вой, Липранди́ и дру́гих позволя́ют уясни́ть отде́льные дета́ли, хронологи́ю собы́тий и да́ют ориента́цию для органи́зации по́исков нужных ма́териалов. Ве́сьма ва́жные све́дения о хронологи́и собы́тий соде́ржатся в ряде́ офици́альных доку́ментов разли́чных ведомств и ми́нистерств Росси́и, разреша́ющих В. Боги́шичу рабо́тать в архива́х и публи́ковать архивные́ доку́менты, и в регистра́ционных кни́гах архивных́ учрежде́ний.

В. Боги́шич, как изве́стно, специа́льно не занима́лся изуче́нием исто́рии Первого́ сербского́ восста́ния. С э́той пробле́матикой́ свел его́ случа́й. Полу́чив при́глашение́ Новоросси́йского́ универси́тета заня́ть кафед́ру исто́рии славя́нских зако́нодательств, В. Боги́шич в конце́ 1869 г. при́был в О́дессу, где́ вскоре́ присту́пил к чтению́ лекци́й по исто́рии славя́нского́ права.

В э́том же́ году́ вы́шла в свет кни́га профе́ссора Моско́вского́ универси́тета Н. А. По́пова «Росси́я и Сербия́», кото́рая была́ вы́двинута́ на конкур́с по присужде́нию Уваровско́й премии́. В э́той связи́ Росси́йская́ ака́демия наук обрати́лась к В. Боги́шичу с просью́бой да́ть свое́ заклю́чение об э́той кни́ге. В. Боги́шич при́нял э́то предложе́ние и 4 июня́ 1870 г. обрати́лся к дире́ктору́ Азиатского́ департа́мента́ МИД Росси́и П. Н. Стре́моухову́ за разре́шением по́знакомиться́ с доку́ментами́

архива МИД, касающимися истории русско-сербских отношений в 1806—1839 гг. Это разрешение ему было дано 10 июня 1870 г.¹¹ По приезде в Петербург В. Богишич сначала работал в архиве МИД, а затем в течение июля — в Военно-ученом архиве Главного штаба, который был создан в 1867 г. на базе архива Военно-топографического депо (ВТД)¹². Впоследствии в разговоре с В. Джорджевичем, В. Богишич так рассказывал о своем знакомстве с русскими архивами: «Как перед посланником Академии передо мной без труда открылись главные столичные архивы, и я действительно удивился множеству документов, которые здесь хранились, особенно из времени Первого восстания»¹³. Из этого же рассказа известно, что Богишич прежде всего отобрал несколько десятков наиболее важных, на его взгляд, документов для того, чтобы издать их в качестве приложения к своему отзыву на книгу Н. А. Попова. Параллельно с этим он выбрал еще не менее тысячи самых разнообразных документов, относящихся к истории Первого сербского восстания. Собранный нами материал дает основание считать, что в данном рассказе допущено некоторое отклонение от последовательности в хронологии событий. В июле 1870 г. В. Богишич только просмотрел архивные фонды и поручил работникам архива составить списки заинтересовавших его документов. Отбор документов для приложения к отзыву был сделан позднее, во время второго приезда В. Богишича в Петербург осенью 1870 г. Бесспорно одно, что в июле 1870 г. у него уже были три списка, в которые были включены выборочно документы из фондов ВУА. Первый список составили документы, написанные на сербском языке, второй — письма и донесения русского ди-

¹¹ ЦГАДА, ф. 31, оп. 1, д. 254, л. 1.

¹² В «Книге для записывания лиц, пользовавшихся материалами Военно-ученого архива» сохранилась запись, что в июле 1870 г. профессор Новороссийского университета В. Богишич пользовался «материалами для истории отношений наших к Сербии в 1806—1812 гг.» (ЦГВИА, ф. 492, д. 89, л. 1). Из переписки В. Богишича выясняется, что в июле 1870 г. он работал в Петербурге не менее 2—3 недель. В частности, отправленные оттуда им письма В. Ягичу датированы 5 и 21 июля 1870 г. («Korespondencija V. Jagica», knj. 2. Zagreb, 1970, str. 43, 45). 3 августа 1870 г. В. Богишич был уже в Одессе, куда ему было адресовано письмо И. Делянова, отправленное из Петербурга.

¹³ В. Новак. Три значајна писма..., стр. 115.

пломатического представителя в Белграде К. К. Родофиникина и третий — переписка главнокомандующих Молдавской армией с царем, военным министром, разными ведомствами, руководителями сербских повстанцев и частными лицами по сербскому вопросу¹⁴. Эти списки сохранились до настоящего времени и находятся в архиве В. Богишича в Цавтате¹⁵. Документы, внесенные в каждый из этих списков, в свою очередь подразделяются на 13 частей, а каждая часть соответствует архивному номеру папки. Перед каждой частью рукой В. Богишича проставлен инвентарный номер папки с указанием места ее хранения. На 1—12-й папках соответственно обозначено: номера 23306—23317, ВТД, шкаф 213, полка 3 (для ч. XII — полка 4). Перед некоторыми номерами (ч. VIII и IX) есть дополнительная помета «О сербах». 13-я по счету папка в списках В. Богишича не имеет номера. Эту группу документов В. Богишич обозначил: «Книга без номера. Дело о сербах при покойном генерале от кавалерии Михельсоне».

Включенные в данные списки документы в настоящее время хранятся в ЦГВИА в фонде Военно-ученого архива (ВУА), а все тринадцать папок (или частей) включены в дело 394 под названием «Дело о сербах».

История формирования этого дела такова. До 1867 г., т. е. до образования Военно-ученого архива, эти документы хранились в Военно-топографическом депо Главного штаба и относились к большой коллекции документов по истории России в период царствования Александра I. До 1863 г. документы оставались неразобранными, хранились в плохих условиях и были труднодоступны для исследователей. Каталогизация материалов началась только в 1863 г. по инициативе известного военного историка генерала М. И. Богдановича. Всеми работами по описанию фондов руководил сам М. И. Богданович, а непосредственными исполнителями были прикомандированные к Главному штабу офицеры и небольшой персонал архива: начальник архива И. И. Ореус,

¹⁴ Там же, стр. 115—116.

¹⁵ По просьбе советской части совместной советско-югославской редколлегии югославские коллеги сделали микрофильмы и ксерокопии этих списков и любезно предоставили их в наше распоряжение. Пользуясь случаем, выражаем им сердечную благодарность за отзывчивость и оперативность.

его заместитель А. Н. Петров и др. Описание дел производилось в тетрадах на полулистах. В первую очередь описывались шкафы с материалами о войнах, в которых участвовали русские войска¹⁶.

23 апреля 1867 г. при Главном штабе под председательством того же Богдановича была учреждена особая комиссия «для правильной разборки Военно-ученого архива и для отделения из оного материалов, долженствующих составить военно-топографический склад»¹⁷.

Из годовых и ежемесячных отчетов о работе этой комиссии видно, что дело по разборке и описанию продвигалось довольно быстро. В рапорте от 24 августа 1870 г. начальник ВУА И. И. Ореус докладывал Богдановичу, что описание «исторических и военно-исторических материалов, хранящихся в Военно-ученом архиве, приведено к окончанию и ведется работа по распределению их по отделам и надписываются новые номера согласно утвержденному комиссией каталогу¹⁸. Из отчетов И. И. Ореуса за апрель и май 1869 г. выясняется, что «Дело о сербах» с номера 23305 по 23317 разобрал и описал штаб-ротмистр Вукович¹⁹.

Более половины включенных в дело 394 документов представляют собой копии с оригиналов, которые хранятся в других фондах и архивах. В подавляющем большинстве случаев копии сняты с русских документов, исходящих из различных ведомств и канцелярий. Оригинальные документы также различны по своему происхождению, но большую их часть составляют письма, исходящие из канцелярий Правительствующего совета сербского, верховного вождя Карагеоргия и других руководителей Первого сербского восстания и относящиеся к 1806—1812 гг. Все эти материалы сгруппированы в папках в хронологическом порядке, кроме папки XIII, в которую собраны документы 1807 г. В ней они подшиты произвольно, без соблюдения хронологии: январь—

¹⁶ В. А. Дьяков. Об использовании документальных материалов Центрального государственного военно-исторического архива русскими военными историками периода капитализма. «Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР». № 9. М., 1958, стр. 96.

¹⁷ ЦГВИА, ф. 492, д. 65, л. 1.

¹⁸ Там же, л. 166.

¹⁹ Там же, лл. 113, 131.

ские документы находятся в конце, апрельские — в начале, а сентябрьские — в середине.

При знакомстве с хранящимися в архиве Богишича в Цавтате списками нетрудно заметить, что они написаны по меньшей мере тремя разными почерками, идентичными тем, которыми написаны копии, подшитые в деле 394. Это дает основание считать, что упомянутые списки были составлены для Богишича писарями ВУА. Не располагая временем для работы в Петербурге, он был вынужден через Министерство народного просвещения просить военного министра разрешить высылку в Одессу из ВУА документов, которые необходимы ему «для составления разбора сочинения г. Попова о Сербии». На запрос товарища министра народного просвещения И. Делянова генерал-адъютант Милютин сообщил, что он затрудняется выполнить просьбу Богишича, так как по «высочайше утвержденному положению» документами этого архива можно пользоваться только в самом архиве. Решение военного министра было сообщено В. Богишичу письмом И. Делянова от 3 августа 1870 г.²⁰

Получив составленные для него списки, В. Богишич стал искать переписчика, который мог бы немедленно заняться снятием копий с отобранных им материалов.

В своем письме к В. Джорджевичу от декабря 1891 г. В. Богишич не называет имени переписчика, но характеризует его как «весьма образованную и, как утверждали, надежную особу». Этим переписчиком была Александра Ивановна Иванова. Она снимала копии с документов для В. Богишича с августа 1870 по 1874 г. включительно²¹. Партию готовых копий она обычно посылала В. Богишичу почтой и в сопроводительных письмах подробно информировала его о ходе работы. Первую партию копий она отправила в Одессу 3 сентября 1870 г.

Прежде чем приступить к непосредственному анализу состава отправленных В. Богишичу копий, следует

²⁰ Архив В. Богишича в Цавтате, кор. XIII/25.

²¹ А. И. Иванова была профессиональной переписчицей и стенографисткой. Ее услугами пользовались многие известные историки (М. И. Богданович, Н. А. Попов и др.), писатели (Блюммер, Графман и др.) и юристы. По приглашению «первого стенографа в Петербурге» Горшенова она участвовала в стенографировании «дела Нечаева» в судебной палате.

более детально разобраться в истории выявления и обработки той группы документов, которые В. Богишич намеревался опубликовать в качестве приложения к своему разбору книги Н. А. Попова.

Из имеющейся литературы уже известно, что текст разбора книги Н. А. Попова без приложений спешно готовился В. Богишичем к заседанию комиссии по присуждению наград графа Уварова, которое состоялось 25 сентября 1870 г. Но есть все основания предполагать, что текст был передан в Президиум Российской академии наук несколько раньше, где-то в первой декаде сентября 1870 г., когда В. Богишич вновь приехал в Петербург²². Но к этому времени у него еще не были подобраны документы для приложения.

В своем разборе книги Н. А. Попова он пишет, что эта группа документов была извлечена «в короткое время моего случайного пребывания в Петербурге осенью 1870 года из архива Министерства иностранных дел...»²³. В связи с этим можно предполагать, что и сама мысль о приложении документов возникла у В. Богишича не во время его работы в архивах в июне 1870 г., а в процессе написания разбора, т. е. где-то в августе 1870 г. Полного списка выявленных документов в архиве МИД, к сожалению, не сохранилось²⁴. Но известно, что копии с документов были сняты той же А. И. Ивановой. Кроме того, она по просьбе В. Богишича неоднократно бывала в архиве МИД для наведения необходимых спра-

²² Из письма Срезневского В. Богишичу видно, что последний был в Петербурге 10 сентября 1870 г. и остановился в доме Лившица на Александровском проспекте. (Архив В. Богишича в Цавтате, переписка, S — XIX/12.) 19 сентября Богишич был уже в Одессе и сообщал Н. А. Попову, что им получено от Срезневского известие о присуждении Н. А. Попову Малой Уваровской награды несмотря на то, что рецензент в своем отзыве настаивал на Большой. (Отдел рукописей ГБЛ, ф. 239, п. 5, д. 25.) В официальном отчете о присуждении наград графа Уварова 25 сентября 1870 г. действительно сообщалось, что Н. А. Попову за его труд присуждалась Малая награда, а В. Богишичу за его рецензию — золотая медаль Академии.

²³ В. Богишич. Разбор сочинения Н. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872, стр. 94.

²⁴ В ЦГАДА сохранилось дело под названием «Выписки Богишича, сделанные из бумаг архива МИД в июне 1870 г.». Текст написан его рукой, состоит из шести документов (ЦГАДА, ф. 31, оп. 1, д. 254).

вок²⁵. Корректурa документов, предназначенных для приложения к «Разбору...», была готова к началу марта 1871 г.²⁶, но выход книги в свет по ряду причин задерживался²⁷. Из письма Стремоухова от 28 марта 1872 г. выявляется, что где-то в конце 1871 или в начале 1872 г. корректурные листы с приложениями были переданы на рецензию В. И. Ламанскому, который после прочтения со своими замечаниями передал их в цензурный отдел МИД²⁸. Летом 1872 г. «Разбор...» с приложениями был выпущен в свет.

Рассмотренный материал позволяет заключить, что в выявлении, обработке и подготовке к печати изданных в приложении к «Разбору...» В. Богишича документов самое непосредственное участие принимали русские ученые, архивные работники и переписчица

²⁵ В частности, 27.XI 1870 г. она была на приеме у директора архива МИД и наводила справки об оригиналах донесений К. К. Родофиникина. Получив нужные разъяснения у самого директора и у других архивных чиновников, она сделала подробные выписки из рекомендованных ей справочников о деятельности министров иностранных дел А. Я. Италинского и А. Я. Будберга. Составленная ею справка была использована В. Богишичем для комментария к публикуемым документам и почти дословно повторена в примеч. 1 на стр. 152 его «Разбора...» (ср.: Архив В. Богишича в Цавтате, переписка, J—VI/5; В. Богишич. Указ. соч., примеч. 1, стр. 152).

²⁶ В письме от 5 марта 1871 г. А. И. Иванова сообщила В. Богишичу, что 3 марта она получила у директора МИД необходимые справки, а 4 марта «доставила корректурные листы в правление Академии наук, где их принял от меня г. экзекутор, чтобы передать г. Веселовскому», который был в то время ученым секретарем Российской АН (Архив В. Богишича в Цавтате, переписка, J—VI/9).

²⁷ В январе 1872 г. В. Богишич писал Ст. Новаковичу из Петербурга: «Моя критика работы Н. Попова напечатана год тому назад, но приложения еще не готовы, поэтому книга не выходит; к тому же корректуру мне прислали в Одессу и, кроме того, я был три месяца за границей, из-за чего печатанье также задержалось. Но я думаю, что через 2—3 недели она выйдет из печати, и как только я получу отгиски, то сразу же pošлю Вам один из экземпляров» («Преписка...», стр. 56).

²⁸ 28 марта 1872 г. Стремоухов сообщил В. Богишичу, что секретарь Российской академии наук Веселовский обратился в Азиатский департамент с просьбой «процензуровать написанный Вами разбор», предложенный к напечатанию в «Записках Академии». В связи с этим он уведомил В. Богишича, что со стороны Азиатского департамента «не было встречено никаких препятствий к напечатанию Вашего труда с приложенными к нему историческими документами, за исключением сделанного г. Ламанским на стр. 301 замечания к записке Броневского» (Архив В. Богишича в Цавтате, кор. XIII/25).

А. И. Иванова, которая параллельно с этим продолжала переписывать документы в ВУА.

Возвращаясь к истории происхождения коллекции В. Богишича о Первом сербском восстании, необходимо отметить, что, вопреки утверждению В. Богишича, А. И. Иванова не знала сербского языка и поэтому при переписывании сербских текстов ей помогали знающие сербский язык студенты, которых по просьбе В. Богишича время от времени направлял в архив В. И. Ламанский²⁹. Переписка немецких и сербских документов шла с большими затруднениями, в чем А. И. Иванова неоднократно и откровенно признавалась³⁰. Согласно данным, содержащимся в письмах А. И. Ивановой, можно установить, что в период с августа 1870 по июнь 1872 г. для В. Богишича было переписано и отправлено около тысячи копий с документов, написанных на русском языке, и около 300 документов — на сербском, немецком и других языках.

Оставшаяся сравнительно небольшая часть документов была переписана ею же к марту 1874 г. и передана В. Богишичу лично в марте—мае 1874 г., когда он находился в Петербурге³¹.

В своем предпоследнем письме от 6 марта 1874 г. А. И. Иванова сообщала В. Богишичу: «Переписку в архиве окончила сегодня, но оставила ее в архиве. В ней есть пропуски, может быть, Вы прочтете то, что я не могла разобрать»³². Судя по отсутствию регистрационной записи в книге посещения ВУА, В. Богишич так и не смог в это время сверить копии с оригиналами. Не сделал он это и в последующие годы.

²⁹ В письмах А. И. Ивановой упоминаются три студента: серб Шушак, серб из Далмации Драгутин Томай-Тулинский и Шемеро (Архив В. Богишича в Цавтате, переписка, J — VI).

³⁰ Например, в письме от 30.VII 1870 г. она писала: «Я знаю, что немецкие документы переписаны дурно: в Архиве было темно от пасмурной погоды, а огня не полагается, кроме того я еще некоторые слова не могла разобрать и не решалась беспокоить полковника (И. И. Ореуса — начальника ВУА.— В. Г.); теперь я спрашиваю у него, и он так добр, что объясняет» (Архив В. Богишича в Цавтате, переписка, J — VI/7).

³¹ Из письма В. Богишича А. С. Ионину от 14(25) ноября 1874 г. известно, что в Петербурге В. Богишич оставался до мая 1874 г., где был занят главным образом составлением отчета о своей работе в Черногории (ЦГАОР, ф. 939, д. 62, лл. 32—33).

³² Архив В. Богишича в Цавтате, переписка, J — VI/24.

К этой работе он вернулся только 15 лет спустя, в 1888 г.³³, когда Сербская королевская академия наук начала подготовку к юбилею в связи со 100-летием Первого сербского восстания³⁴.

Из «Книги для записывания пользовавшихся материалами Военно-ученого Архива» видно, что В. Богишич работал с интересующими нас материалами в июне 1888 г., в феврале 1889 г. и в январе 1890 г.³⁵ По словам В. Богишича, в это время он сам ходил в архив и лично расшифровывал непрочитанные А. И. Ивановой тексты. Наряду с этим он продолжил работу и по выявлению новых документов. На этот раз в ВУА им была обнаружена «еще одна, до сих пор незамеченная папка с письмами повстанцев», из которых больше половины были подлинными³⁶. Просмотрев внимательнее все «Дело о сербах», В. Богишич на этот раз принял решение переписать и ту часть документов, которые в 1870 г. он не стал вносить в свои списки.

Желание пополнить свою коллекцию новыми документами побудило В. Богишича изменить и перестроить порядок первоначально составленных списков. Он пришел

³³ В своем письме к В. Джорджевичу В. Богишич писал в конце 1891 г.: «Когда я совсем закончил свои кодификаторские дела в Черногории, мне нужно было возвращаться в Петербург, где я смог остаться более продолжительное время. Только тогда у меня появилась возможность, собрав все копии, просмотреть их и привести в порядок (В. Новак. Три значајна писма..., стр. 116).

³⁴ В протоколе заседания Сербской академии наук от 18 мая 1889 г. записано: «Г. Миятович сообщил, что ему стало известно, что у г. Богишича есть коллекция писем сербских воювод и старейшин из 1809—1813 гг. и чтобы он уступил ее Академии». По этому поводу было решено, чтобы руководство Академии договорилось с В. Богишичем об условиях, на которых он смог бы уступить эти документы («Годишњак Српске Краљевске Академије, III за 1899 г.». Београд, 1890, стр. 43).

³⁵ ЦГВИА, ф. 492, д. 89, лл. 19 об., 20, 21.

³⁶ В. Новак. Три значајна писма..., стр. 117. Из описаний В. Богишича можно установить, что там были собраны разные по происхождению документы, относящиеся к 1806 г. В ней были подшиты донесения К. К. Родофиникина с приложениями писем турецких пашей, переписка Михельсона по делу Бея Новокрещеного и оригинальные письма Карагеоргия, Младена Миловановича и Миленки Стойковича. В 1870 г. за этой книгой был закреплен номер 23338, а обработал эту группу документов штаб-ротмистр Вукович в сентябре 1869 г., т. е. несколько позже, чем другие дела о сербах, помеченные номерами 23305—23317. (ЦГВИА, ф. 492, д. 65, л. 142.) В настоящее время это дело хранится в фонде ВУА под № 395 и содержит 163 листа.

к убеждению, что они должны составляться по хронологическому принципу, с включением вновь найденных и ранее выпущенных материалов ³⁷.

Из писем В. Богишича можно установить, что в данный период в ВУА для него переписывали эти материалы Ф. Гаврилович, Н. И. Долинская и Вайхт, а за их работой в отсутствие В. Богишича следил чиновник из ВУА Кокушкин, который, по всей вероятности, тоже занимался составлением новых списков для Богишича.

Выявление документов по истории Первого сербского восстания в московских архивах по просьбе В. Богишича пытался организовать известный русский историк В. А. Ульяницкий, который в свою очередь привлек к этому и переписчицу Л. И. Смирнову ³⁸.

Судя по письмам, переписка новых документов началась только в конце 1889 г. или в начале 1890 г. и велась ускоренным темпом, так как в начале 1890 г. В. Богишич должен был навсегда уехать в Париж. Несмотря на это, общее число снятых копий было небольшим, причиной чему явились неразборчиво написанные документы, особенно письма князя Прозоровского ³⁹. Не желая откладывать отъезд, В. Богишич принял решение заказать дорогие по тем временам фотокопии с наиболее важных, на его взгляд, документов ⁴⁰.

Если учесть свидетельство В. Богишича, что после завершения всех работ его коллекция материалов по истории Первого сербского восстания насчитывала около 1500 документов ⁴¹, а А. И. Ивановой в 1870—1874 гг. было переписано около 1300 копий, то можно думать, что с 1888 по 1890 г. для В. Богишича было скопировано всего около 200—300 документов.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод.

³⁷ В. Новак. Три значајна писма..., стр. 117.

³⁸ В недатированном письме Л. И. Смирнова сообщила В. Богишичу, что ее обещание «просмотреть каталоги в Главном архиве Министерства иностранных дел в Москве» не может быть выполнено по независящим от нее причинам. «Владимир Антонович Ульяницкий,— писала далее Л. И. Смирнова,— говорил мне, что Вам нужно что-то переписать, но я не знаю номера; если Вам нужна эта копия, будьте добры обозначить номер. Я к Вашим услугам и перепишу Вам немедленно» (Архив В. Богишича в Цавтате, S — 1/9).

³⁹ В. Новак. Три значајна писма..., стр. 117.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, стр. 118.

что вся коллекция материалов по истории Первого сербского восстания, находившаяся в распоряжении В. Богишича, представляет собой копии, которые были выборочно сняты как с оригинальных документов так и с копий. Все эти документы сгруппированы в двух делах (д. 394 и 395), хранящихся теперь в фонде ВУА ЦГВИА. Большинство копий ($\frac{4}{5}$) было сделано в 1870—1874 гг. в основном одной переписчицей — А. И. Ивановой и лишь примерно $\frac{1}{5}$ переписана или сфотографирована в 1888—1890 гг.

Из рассмотренного материала видно, что идея создания коллекции действительно принадлежит В. Богишичу. Но возникла эта идея случайно, в процессе знакомства с документами, которые незадолго до появления Богишича в ВУА были разобраны, сгруппированы и описаны офицерами Генерального штаба русской армии. Архивные работники ВУА не только предложили Богишичу подборку документов о сербах, но и составили списки отобранных им документов. На работу в архивах В. Богишич затратил не более 2 месяцев. Археографическая обработка, переписка, комментирование, подготовка к печати, рецензирование и читка корректур «Приложения» к отзыву Богишича о книге Н. А. Попова «Россия и Сербия» также были выполнены силами русских ученых, архивных работников и переписчиков. Все отмеченные факты дают основание считать, что формирование всей коллекции В. Богишича и издание «Приложения» в особенности являются результатом совместного сотрудничества В. Богишича с русскими учеными, архивистами и переписчиками.

В Сербии материалами В. Богишича прежде всего заинтересовалась Сербская королевская академия наук в 1889 г. Но более широкую известность они приобрели после публикации 25 документов из его коллекции и упоминаемой статьи В. Джорджевича в журнале «Отаджбина». После статьи В. Джорджевича вопрос о приобретении материалов В. Богишича вновь рассматривался на одном из заседаний отделения общественных наук Академии. В протоколе от 20 декабря 1893 г. зафиксировано решение просить В. Богишича прислать на рассмотрение в Академию все его материалы⁴².

⁴² «Годишњак СКА, VII». Београд, 1894, стр. 83—84.

Однако В. Богишич не собирался их высылать до тех пор, пока Академия не даст своего принципиального согласия на приобретение коллекции и не изложит своих условий. Академия же, в свою очередь, не спешила принимать окончательного решения до тех пор, пока не ознакомится со всеми материалами и не определит качество их исполнения. В. Богишич стал действовать через Ст. Новаковича, который в это время был посланником в России и стоял в оппозиции к тогдашнему руководству Сербской королевской академии наук. По его просьбе Ст. Новакович в октябре 1901 г. сделал запрос в Академию по этому вопросу, но руководство Академии, по словам самого Ст. Новаковича, не захотело ответить ничего определенного⁴³. Из других источников Ст. Новакович узнал, что в Россию должен был вскоре приехать один молодой ученый с намерением заново переписать те же документы, поскольку в копиях В. Богишича, по мнению специалистов, допущено много ошибок. Эти слухи взволновали не только В. Богишича, но и Ст. Новаковича. Поэтому в одном из писем он предложил В. Богишичу еще раз сверить все сделанные для него копии. Эту работу, по мнению Ст. Новаковича, с успехом могли бы выполнить те сербы, которые живут или учатся в России. В ответном письме от 3.XII 1901 г. В. Богишич поспешил заверить своего друга, что все сделанные переписчиками копии были сверены им лично и он не нашел никаких ошибок даже в написании сербских имен. «Мои выписки,— писал В. Богишич,— вообще говоря, никому не известны, поэтому я не знаю, как можно уверять, что имена переписаны ошибочно»⁴⁴.

На переговоры между Академией и В. Богишичем об условиях приобретения материалов по истории Первого сербского восстания влияли не только научные интересы. В еще большей степени они зависели от факто-

⁴³ «Преписка...», стр. 165.

⁴⁴ «Преписка...», стр. 167. В черновике письма есть весьма любопытное, но не вошедшее в оригинал место, в котором отражены истинные намерения В. Богишича и находится оценка своей работы по сбору и обработке этих материалов. В. Богишич писал: «Мне было бы приятно, если бы Академия решила вновь начать дело, на которое я, как ненормальный (као људ), потратил столько времени... Одному переписчику, да и то достаточно ученому человеку, понадобилось бы несколько лет работы, чтобы сделать то, что я сделал за много лет»... (там же).

ров политического характера. Именно в эти годы в Сербии чрезвычайно обострилась политическая борьба между сторонниками правящей династии Обреновичей и Карагеоргиевичами. Вполне естественно, что Обреновичи и их сторонники не могли оставаться равнодушными к факту публикации большой группы документов из русских архивов, освещающих борьбу народа под предводительством их политического противника. Поэтому руководство Академии, следившее за ходом этой борьбы, не хотело принимать опрометчивого решения по данному вопросу. Однако майский переворот 1903 г. внес кардинальные изменения в политическую ситуацию страны: династия Обреновичей и их сторонники были устранены от власти и на сербский престол был возведен внук Карагеоргия король Петр. Вполне естественно, что изменение политического положения существенным образом должно было отразиться и на отношении к материалам В. Богишича.

Прежде всего этим воспользовался Ст. Новакович. Получив предложение занять пост председателя Государственного совета, он прибыл в Белград и сразу же, 2 июля 1903 г., получил аудиенцию у короля. В ходе ее среди прочих дел Ст. Новакович специально поставил вопрос о серии публикаций материалов по истории Первого сербского восстания, основу которой, по его замыслам, должна была составить коллекция В. Богишича. Для этих целей Ст. Новакович просил короля Петра вотировать особый юбилейный кредит и пригласить Богишича в Белград. Делясь своими впечатлениями об этой аудиенции, он писал В. Богишичу: «Я видел, что король Вас хорошо знает (что мне было очень приятно) и интересуется историей своего славного деда. Не могли бы Вы теперь приехать в Сербию?»⁴⁵

В первой половине сентября 1903 г. Ст. Новакович подготовил проект издания задуманной им юбилейной серии документов и направил его на рассмотрение в Сербскую королевскую академию⁴⁶. В нем он предлагал издать все известные тогда архивные документы по истории Сербского государства с 1772 (т. е. от Свиштовского мира) и до 1830 г. (т. е. до первого признания

⁴⁵ «Преписка...», стр. 171.

⁴⁶ Там же, стр. 244—246.

государственной независимости Сербии). Основу этой серии должны были составить собрание документов из петербургских архивов В. Богишича и аналогичная коллекция М. Гавриловича, сделанная на базе французских архивов⁴⁷. В оставшееся до юбилея время он предлагал собрать подобные коллекции в австрийских, прусских и английских архивах. В этом же проекте он предложил провести специальную конференцию, председателем которой должен был стать В. Богишич. Во время его пребывания в Белграде, по мнению Ст. Новаковича, было бы проще решить вопрос и «об откупе его коллекции копий из петербургских архивов, которая до сих пор является наиболее значительной (и наиболее ранней) среди неопубликованных собраний, поскольку она была собрана вот уже треть столетия тому назад»⁴⁸. Ознакомившись с проектом Ст. Новаковича, В. Богишич написал ему 23.IX 1903 г.: «Ваше предложение Академии превосходно: это — настоящая литературная композиция (книжевни саставак)»⁴⁹. Но поскольку руководство Академии состояло из политических противников Ст. Новаковича и имело свой проект издания, то предложение его было принято с большим количеством поправок, которые по существу лишали его основной идеи. Усмотрев в этом произвол и политическую интригу, Ст. Новакович с возмущением писал Богишичу: «Я забираю свое предложение назад и не допущу, чтобы о нем

⁴⁷ «Переписка», стр. 245.

⁴⁸ Там же, стр. 246. Данный пункт проекта был изменен и отредактирован Ст. Новаковичем с учетом замечаний самого В. Богишича, который предварительно был ознакомлен с первоначальным вариантом предложения. По данному пункту В. Богишич просил Ст. Новаковича учесть и субъективный фактор, касающийся лично «исследователя и коллекционера». Он писал Новаковичу по этому поводу: «Если Вы хотите, чтобы моя коллекция была выделена среди других, то не забывайте, что она не только наиболее богатая, но и самая ранняя, так как прошло уже треть столетия (1870 г.) с тех пор, как она была собрана только по моей инициативе, при больших затратах, исключительно на мои личные средства и риск» (там же, стр. 249). Одновременно с этим В. Богишич просил не поднимать вопрос об откупе коллекции в ходе самой конференции, а решить его до или после нее. Но сам он предпочитал решать его путем личной переписки. При таком варианте, полагал он, результаты переговоров не будут опубликованы в печати, чего В. Богишич по каким-то причинам избегал (там же, стр. 250).

⁴⁹ Там же, стр. 178.

больше говорили»⁵⁰. Но, отклонив предложение Ст. Новаковича, руководство Академии не прекращало переговоров с Богишичем. В июне 1904 г. Л. Ковачевич направил В. Богишичу обширное послание, в котором намекал, что они не могут пригласить В. Богишича в Сербию, но готовы издать его материалы. Если же он по какой-либо причине не пришлет свои выписки, то Академия будет вынуждена издавать выписки М. Вукичевича, который к этому времени переписал в петербургских архивах около 600 документов⁵¹. Делясь своими впечатлениями об этом предложении Академии, В. Богишич 12 июля 1904 г. писал Ст. Новаковичу: «Даже слепой видит, что во всем этом главный элемент — политика, от которой хотя бы Академия могла быть пощажена»⁵².

Между тем в том же 1904 г. в «Годишнике» (XVIII) Академии было опубликовано сообщение, что редакционная коллегия журнала «Историски зборник» продолжает переговоры с Богишичем об условиях публикации собранных им документов. Более того, в мае 1905 г. Л. Ковачевич сообщил Ст. Новаковичу, что Сербская королевская академия наук согласна выделить В. Богишичу в качестве гонорара самое высокое вознаграждение, которое она может установить за подобного рода публикации⁵³. Но, судя по всему, и это предложение не устраивало В. Богишича.

В начале 1906 г. Ст. Новакович был избран президентом Сербской королевской академии наук. Ученым секретарем и казначеем ее стал Л. Ковачевич. Ст. Новакович прежде всего поднял вопрос о внесенном им ранее проекте и добился его одобрения. Затем он предложил правительству выделить Академии для этой цели особую сумму в 10 тыс. динаров. Но его предложение было отклонено. Ссылаясь на тяжелое финансовое положение, вызванное таможенной войной, скупщина утвердила Академии прежний бюджет. Однако, несмотря на это, переговоры о покупке коллекции Академией не прекращались вплоть до последних дней жизни В. Богишича (1908 г.).

⁵⁰ «Переписка...», стр. 188.

⁵¹ Архив В. Богишича в Цавтате. Переписка, XVII—5/1. стр. 193.

⁵² Там же, стр. 194.

⁵³ «Преписка...», стр. 212.

Весь архив вместе с библиотекой после смерти В. Богишича перешел к его сестре Марии Поль, которая в 1912 г. перевезла его на родину в Цавтат. Там в память о брате она основала библиотеку и музей В. Богишича. Позднее собрание Богишича было перенесено в соседний дом, где хранится вплоть до настоящего времени.

Подводя итог рассмотренному материалу, можно сделать следующие выводы.

История формирования коллекции материалов по Первому сербскому восстанию 1804—1813 гг. показывает, что она была создана в результате совместных усилий В. Богишича и ряда русских ученых, архивных работников и переписчиков, которые по самым разным соображениям были привлечены к осуществлению идеи, предложенной В. Богишичем. Несмотря на недостаточную археографическую, научную и техническую обработку копий, данный сборник документов при недостатке материалов по этой важнейшей проблеме в самой Сербии, несомненно, представлял собой большую ценность для сербской исторической науки того времени. Вместе с тем политические круги России и особенно Сербии рассматривали его и как сильное средство воздействия, которое смогло бы оказать определенное влияние не только на ход внутривнутриполитической борьбы в Сербии, но и на ее внешнеполитическую ориентацию.

Данный фактор до мая 1903 г. был решающей причиной, которая препятствовала изданию этих материалов в Сербии.

С ее устранением на первый план выдвинулась другая, не менее важная причина — научное и техническое несовершенство сделанных для Богишича копий. Кроме того, есть основание предполагать, что не последнюю роль при этом сыграла и известная меркантильность самого В. Богишича. С нашей точки зрения, научное (произвольный и случайный отбор документов, то, что большинство документов было переписано с копий, ограниченные возможности выявления оригиналов и комментирования и т. д.) и техническое (наличие ошибок при снятии копий с оригиналов, неудовлетворительная сверка копий с оригиналами и ряд других погрешностей) несовершенство копий до сих пор остается той основной причиной, которая не позволила Сербской королевской академии наук и другим научным учреждениям старой

Сербии издать эти очень важные для сербской исторической науки материалы.

Если учесть, что основу коллекции составляет произвольная и случайная выборка материалов, причем большая часть их представлена копиями, то, с нашей точки зрения, коллекция В. Богишича в ее современном виде вряд ли может рассматриваться в качестве основы новой публикации, которая готовится совместными усилиями советских и югославских историков. Ее основой может быть только материал, выявленный в результате систематического обследования всех советских и югославских архивов. При такой постановке дела коллекция В. Богишича в лучшем случае может быть привлечена лишь в целях лучшей организации поиска соответствующих материалов.

Ю. И. Штакельберг

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ СФРАГИСТИКИ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863—1864 гг.

Для изучения сфрагистики повстанцев 1863—1864 гг. были привлечены следующие материалы:

1. Уцелевшие матрицы повстанческих печатей¹.
2. Оттиски печатей на документах и бланках, а также сделанные в позднейшее время с коллекционерскими или мемориальными целями².

¹ Всего их известно 109. Наибольшее количество (68) хранится в Львовском государственном историческом музее, по шесть матриц имеется в Историко-этнографическом музее Академии наук Литовской ССР и в Государственном Эрмитаже, по одной — в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и в Каунасском историческом музее. Кроме того, 25 матриц хранятся в музеях, архивах и частных собраниях Польской Народной Республики и по одной — в частных коллекциях в Англии и Швейцарии.

² Часть оттисков известна только по воспроизведениям в печати в качестве иллюстративного материала. Такие воспроизведения требуют к себе очень осторожного отношения. Не говоря уже о том, что прориси печатей бывают неточными, иногда встречаются просто фантастические их изображения. Так, например, в изданной

3. Упоминания о печатях как в современных повстанческих либо правительственных документах, так и в публикациях или мемуарной литературе.

В результате ныне выявлено свыше 600 печатей, представляющих около полутысячи повстанческих институций. При изучении их применялась методика сравнительного анализа размера, текста и рисунка, что потребовало большой тщательности, так как зачастую незначительное отклонение от нормы содержит указание на изготовление печати в ином месте или в другое время. Изучение отдельных деталей рисунка позволило с достаточной достоверностью выделить помимо Варшавы и другие места изготовления печатей: Вильно, Киев, Краков, Львов, Познань, Кёнигсберг, Лондон, Париж и Галац³. При этом следует отметить, что в галицийских и прусских городах, по-видимому, работало по несколько резчиков.

Анализ сфрагистического материала позволяет установить громадную роль печатей во время восстания, специфической чертой которого была анонимность руководства. При этом в условиях подпольной конспирации, требующей строжайшей дисциплины, несомненно, наиболее практичным и в сущности единственно возможным средством подтверждения достоверности любого документа являлась заверка печатью. Не случайно один из руководящих деятелей восстания — Ю. К. Яновский писал впоследствии: «Тайное Национальное правительство было по существу «мифом», более того — лишь печатью»⁴.

в 1967 г. биографии М. Лянгевича в число употреблявшихся им печатей включена и типографская виньетка, очень часто встречающаяся на отпечатанных в Кракове листовках и газетах. Другой пример — суперобложка к воспоминаниям Ядвиги Прендовской, где художник, желая изобразить печать Национального правительства, скомпоновал известные ему отдельные элементы повстанческой сфрагистики и медалистики.

³ Практически за рубежом печати могли изготовляться в любом месте, если только на то существовало разрешение Национального правительства. Но так как там это не подвергалось полицейскому преследованию, то сведения о фактах изготовления печатей за границей были случайными. Так о печати, вырезанной в Лондоне, известно из донесения Балашевича, а о печатях, изготовленных для Мрозовицкого в Галаце, — из сообщений русской консульской службы.

⁴ *J. K. Janowski. Pamiętniki o powstaniu styczniowym, t. I. Lwów, 1923, str. 318.*

Уже в начальный, манифестационный, период движения различные, еще не объединившиеся кружки и группировки применяли печати, характер которых определялся, как правило, политическими воззрениями их создателей. На печатях наиболее демократических организаций было изображение «рук дружбы», в Галиции и тяготевших к ней южных районах Королевства Польского на печатях вырезался польский одноглавый орел, причем чаще всего коронованный. Иногда употреблялись и другие изображения.

К лету 1862 г. национально-освободительное движение консолидируется и создается единая, охватывающая все воеводства организация. Это организационное единство проявилось и в повстанческой сфрагистике. Образовавшийся Центральный национальный комитет в первых числах июля 1862 г. учреждает для себя новую печать. Помещенный на ней герб — польский орел и литовский всадник на щите, увенчанном королевской короной, — становится официальным гербом национально-освободительного движения.

10 мая 1863 г. Центральный национальный комитет преобразуется в Национальное правительство. При этом на его печати вырезается новый, триединый, герб. Этот герб включал изображение архангела Михаила (герб Киевской губернии). Идея создания триединого герба была выдвинута Ст. Бобровским еще в январе 1863 г., когда проектировалась печать для будущего повстанческого правительства. Однако тогда этот план осуществлен не был. Теперь же ситуация существенно изменилась. С одной стороны, ориентация определенных кругов повстанческого руководства на вмешательство европейских держав вызвала необходимость дать в национальном гербе указание на территориальные претензии восставших. С другой, повстанцы на Правобережной Украине фактически уже осуществили давнюю идею триединого герба, введя соответственный рисунок на печати Временного правительства на Руси. Таким образом, начиная с мая 1863 г. все вновь создаваемые повстанческие институции получали печати с изображением триединого герба. Последнее обстоятельство может служить известным основанием для датировки. Одновременно предполагалось заменить старые, двугербовые, печати на новые. Однако такая замена из-за техниче-

ских трудностей затянулась до осени 1863 г. и практически осуществлена не была, так как количество замененных печатей не превышает двух десятков. Фактически наряду с новыми, трехгербовыми, до конца восстания продолжали употребляться старые, двугербовые печати.

Таково общее направление развития сфрагистики во время восстания 1863—1864 гг.

Анализируя характер исполнения повстанческих печатей, следует обратить внимание прежде всего на ясно выраженную тенденцию к единообразию. Эта тенденция проявляется в наличии нескольких групп одинаковых печатей, предназначенных для идентичных институций. Впервые такое стремление к унификации замечается осенью 1862 г. на группе одинаково выполненных печатей для воеводских организаций. Все они такого же рисунка и размера, как и печать Центрального национального комитета, их отличительным признаком является еще текст: «Organiz[acja] Narodowa» (табл. I, 1). Надо полагать, что это было проявление унификации структуры повстанческой организации, о которой говорит в своем «Историческом очерке» Эд. Янчевский, связывая ее с именем З. Падлевского и относя к ноябрю 1862 г.⁵

В начале 1863 г. отмечены еще две большие группы единообразных печатей (около 15% всех известных) для воеводской, городской и повятовой гражданской администрации Королевства Польского и Литвы с Белоруссией, а также для начальников военных отрядов в воеводствах Королевства Польского. При этом для каждой институции сохранялся единый рисунок, кроме того, выдерживалась еще и иерархия размеров печатей. Печати воеводских институций были диаметром 30—32 мм, а повятовых и городских, как и начальников военных отрядов,— 26—28 мм. Характерной чертой этих печатей явилось также то, что орел и всадник помещались или на щите, не увенчанном короной (табл. I, 2), или в рассеянном надвое поле печати, где для короны не оставалось места (табл. I, 3). Такой рисунок печатей свидетельствует, что эта реформа проводилась «красным», демократическим, крылом повстанческого руководства.

⁵ ГПБ, ф. 1020, тетр. XIV, лл. 42—43; тетр. XV, лл. 202—203.

Реорганизация административного управления была провозглашена декретом Центрального национального комитета от 28 марта 1863 г. Однако следует отметить употребление печати начальника 3-го отряда Мазовецкого воеводства уже 7 февраля 1863 г., что свидетельствует о начале этих преобразований (во всяком случае по военной части) еще до принятия декрета⁶. Очевидно, известную роль тут сыграла мартовская диктатура Лянговича, замедлившая осуществление задуманной реформы.

Руководство повстанческим движением в лице Центрального национального комитета, а затем Национального правительства исходя из соображений централизации все время стремилось удержать под своим контролем изготовление печатей и снабжение ими местных организаций. Именно этим объясняется известное единообразие повстанческой сфрагистики, в значительной мере определяемое единством исполнения. Известны многочисленные документы, в которых снова и снова подчеркивается, что печати должны изготавливаться только в Варшаве по заявкам, посланным туда⁷.

Даже в конце восстания, когда декретом от 15 декабря 1863 г. была реорганизована повстанческая армия, Военный отдел Национального правительства через неделю циркулярно потребовал от всех военных властей присылки заявок о количестве «соответствующих печатей, которые нужно будет приготовить для рот, эскадронов, батальонов и т. д.»⁸ Однако ситуация в Варшаве была уже иной, и печати там не могли быть изготовлены.

2 марта 1864 г. Траугутт писал назначенному командиром 2-го корпуса генералу Гауке-Босаку: «Все печати, не исключая и Вашей, прикажите сами изготовить под пристальным наблюдением доверенного человека»⁹. Далее давались конкретные указания, каки-

⁶ ЦГВИА СССР, ф. 484, оп. 3, д. 839, л. 8.

⁷ «Документы Центрального национального комитета и Национального правительства 1862—1864 гг.» Wrocław, 1968, стр. 231; «Подпольная пресса 1861—1864 гг.», ч. 3, Wrocław, 1970, стр. 32.

⁸ «Документы Военного отдела Национального правительства 1863—1864». Wrocław, 1973, стр. 189.

⁹ «Документы Центрального национального комитета и Национального правительства», стр. 348—349.

ми должны быть рисунок и текст этих печатей. Но все равно известные нам печати институций, возникших в результате этой военной реформы, отличаются друг от друга¹⁰. В то же время нет сомнения, что эта реорганизация должна была сопровождаться введением для новых воинских частей единообразных печатей.

Известно, что одним из основных противоречий в руководстве национально-освободительного движения 60-х годов был вопрос о государственном устройстве в будущем. Вопрос этот, в частности, вызвал бурные дебаты в Центральном национальном комитете при утверждении печати повстанческого правительства. Не желая предопределять будущее государственное устройство Польши, члены Комитета согласились корону, увенчивающую герб, заменить крестом¹¹. Впоследствии Национальное правительство все же оставило корону в триедином гербе, сохранив при этом республиканского, некоронованного польского орла¹². В галицийской сфрагистике характерным признаком был орел именно коронованный, что являлось отличительной чертой изготовленных там печатей.

Подобный факт связан с печатью Временного правительства на Руси и некоторыми печатями институций на Правобережной Украине, вырезанными во Львове. Если первая была вообще без венчающей короны, что, несомненно, говорит о сильных демократических тенденциях киевского центра, то на остальных уже не только появляется королевская корона, но и происходит перемещение частей, символизирующих Русь, на более почетное место.

Изучение сфрагистики позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся структуры повстанческой органи-

¹⁰ В настоящее время известны 10 печатей 2-го корпуса, две — 1-го и одна — 4-го. Кроме того, еще около 50 печатей 2-го корпуса были закопаны в землю и найдены в 1935 г. К сожалению, во время войны они исчезли. Анализ сохранившихся печатей показал, что они были вырезаны по крайней мере в двух местах — в Кракове и в Познани.

¹¹ *J. K. Janowski*. Указ. соч., т. 1, стр. 56—57.

¹² Характерный штрих: 1 сентября 1863 г. Национальное правительство писало в Париж, в Комиссию национального долга, по поводу рисунка проектировавшихся бумажных денег: «Корона, которая на голове (орла.— Ю. Ш.) не нужна» («Подпольная пресса...», ч. 3, стр. 315).

зации. Совершенно определенно можно утверждать, что все существовавшие печати были печатями *действовавших* повстанческих институций, если бы мы и не имели других источников, подтверждающих это положение. Характерным примером является типография Исполнительного отдела на Руси, о деятельности которой нам ничего не известно, а в то же время сохранившаяся печать неоспоримо свидетельствует, что таковая существовала. Более того, судя по значительной сработанности матрицы (табл. I, 4), печать эта была приложена к очень большому количеству документов не дошедших до нас.

На базе известных печатей различных институций воеводского, городского и повятового масштабов можно сделать выводы о структуре этих органов. В этом отношении весьма любопытны, например, печати референтов Меховского и Стопницкого повятов или печати революционных трибуналов и прокуроров при них в Августовском, Люблинском, Подольском и Волынском воеводствах. Более того, на основании сфрагистического материала иногда можно сделать известные заключения о существовании даже таких институций, печати которых не сохранились.

Так, например, известны печати для командиров 1—4-го и 8-го Волынского отрядов и гражданских комиссаров для 1-го и 5-го отрядов. Надо полагать, что существовали печати для командиров 5—7-го отрядов и комиссаров 2—4-го, 6—8-го отрядов, хотя сведений об этих должностях не встречено.

Второй пример: в начале 1864 г. (а может быть, и ранее) функционировали повстанческие экспедиции Волыни на границе с Галицией. Известны три идентичные печати для них, отличающиеся только номерами, для 1-й, 4-й и 6-й экспедиций. Нет никаких сомнений, что были еще и 2-я, 3-я, 5-я экспедиции, печати которых до нас не дошли. И, наконец, следует указать на печати командиров отрядов в воеводствах Королевства Польского, которые были изготовлены в Варшаве в феврале—марте 1863 г. Все они абсолютно одинаковые и различаются только текстом, в котором указаны название воеводства и порядковый номер отряда для данного воеводства. Само собой разумеется, что если известна печать для отряда с наибольшим порядковым

номером, то несомненно, что в данном воеводстве в это же время были отряды с меньшими номерами. Отсюда можно утверждать, что в феврале—марте 1863 г. были также изготовлены не дошедшие до нас печати для командиров следующих отрядов: 1, 5, 6, 7-го и 8-го — в Августовском воеводстве; 1-го — в Калишском; 1-го — в Люблинском; 1, 4, 6-го и 7-го в Мазовецком; 3, 4, 5-го и 6-го — в Плоцком и 1, 3-го и 4-го — в Подляском.

Изучение повстанческой сфрагистики позволяет выяснить не только соподчиненность различных институций, что зачастую явствует из самих текстов печатей, но и так называемый организационный путь, которым распоряжения руководящих органов спускались на места. Многие документы помимо скрепления печатью институции, от которой они исходили, имели еще и контр-ассигновку низовой организации. Например, на экземпляре «Инструкции для десятников», распространявшейся в конце лета 1862 г., кроме обычного скрепления двумя печатями варшавской городской организации имеется еще и скрепление печатью литовской организации «красных»¹³.

Точно так же манифест Центрального национального комитета от 22 января 1863 г. с призывом к населению принять всемерное участие в вооруженном восстании на экземплярах, распространявшихся в Литве и Белоруссии, заверен печатью Провинциального комитета Литвы¹⁴. Такая заверка на местах иногда даже предусматривалась заранее. Так, «Устав гражданской администрации» от 28 марта 1863 г. был сразу отпечатан с припиской «za zgodność», а затем заверялся на местах (известный нам экземпляр скреплен печатью начальника Калишского воеводства)¹⁵. Подобная же заверка на «организационном пути» встречается и в обратном порядке, когда документы, исходящие от низовых институций, скреплялись дополнительно печатями вышестоящих органов.

¹³ ГПБ, ф. 629, д. 122.

¹⁴ ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 394, лл. 169—179; Archiwum Główne Akt Dawnych (Warszawa), Rząd Narodowy, N 4.

¹⁵ ГПБ, ф. 1020, тетр. IX, лл. 31—33; см. также «Документы Центрального национального комитета и Национального правительства», стр. 77.

Таким образом, контрастирование второй печатью подтверждало как аутентичность документа (что особенно важно было для финансовых документов — квитанций о сборе денег, облигаций национального займа и т. п.), так и прохождение документа по всем инстанциям организации. Это правило еще более усиливало значение сфрагистики в деятельности повстанческой организации.

Надо отметить, что в повстанческой документации имело значение не только наличие на документе оттиска соответствующей печати, но и цвет этого оттиска. Какие это могло иметь последствия, можно судить по случаю, происшедшему в Новогрудском повете Минского воеводства. К моменту начала вооруженного восстания во главе новогрудской организации стоял принадлежавший к партии «красных» доктор Владислав Борзобогатый. Первоначально он выполнял функции комиссара повета, однако весьма скоро, с устранением от дел гражданского начальника повета, представителя «белых» К. Кашица, Борзобогатый занял также и эту должность. Вся деятельность его была направлена на развитие восстания, что, естественно, вызывало противодействие «белых». 8 июля 1863 г. доктор Борзобогатый был вынужден скрыться от преследования царских властей. При этом печать начальника повета через несколько дней попала в руки Зенона Новодворского, с самого начала восстания относившегося отрицательно к действиям Борзобогатого и всей партии «красных».

В своих показаниях Новодворский говорил: «Между тем я все более убеждался в том, что печать единственно составляет главное [...] Я был убежден, что если только завладею печатью, то я очень легко положу конец всему. Случай помог мне [...]. Завладев печатью, я тотчас дал циркулярное распоряжение следующего содержания: так как появились поддельные распоряжения, скрепленные национальной печатью синего и зеленого цвета, то, объявляя об этом, вместе с тем прошу, чтобы все члены революционного управления приостановились в своих действиях окончательно впредь до особого распоряжения, при чем будет объявлен и цвет печати. Циркуляр этот скрепил я черной печатью и дал г. Дубичинскому, чтобы он пустил его из-под рукава. Это было около

Таблица 1

Повстанческие печати

10 июля. С тех пор все стало тихо; никто не выходил в мятеж — главное, чего я добивался»¹⁶.

В заключение следует коснуться вопроса о фальсификациях. Хотя во время восстания и возникали иногда слухи о фальшивых печатях, но распространялись они главным образом в Галиции и, как можно судить на базе документов и сфрагистических материалов, были лишены основания¹⁷. Скорее всего это было проявлением борьбы различных партийных группировок (как это видно на примере Новодворского). Имеется только одна подделка печати. Речь идет о так называемой большой провокации в январе — марте 1865 г., когда

¹⁶ ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2 д. 970, т. 1, лл. 140—143; см. также: «Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг.» М., 1965 стр. 466.

¹⁷ Научная библиотека АН УССР (Львов), ф. Дзедуш., д. VIII, л. 418; «Wydawnictwo materiałów do historii powstania styczniowego», t. III. Lwów, 1890, str. 300.

Поддельные («треповские») печати

несколько ведущих деятелей восстания, скрывшихся за границу, оказались в ловушке, расставленной генерал-полицмейстером Треповым. Не вдаваясь в подробности этой хорошо известной истории, остановимся только на ее сфрагистическом аспекте.

Оказавшиеся в Варшаве уже в январе 1865 г. первые жертвы Трепова — Зд. Янчевский и М. Улятовский — составили вместе с двумя его агентами фиктивный (о чем сами они, конечно, не подозревали) «Жонд народовы». Но так как без печатей Национального правительства и начальника г. Варшавы любые манифесты и декреты «Жонда» были бы недействительны, то они пытались обнаружить место хранения этих печатей. Однако, несмотря на закулисную помощь полиции, попытки эти не увенчались успехом. В конечном итоге 1 февраля 1865 г. были вырезаны новые печати, копирующие рисунок старых. Ими-то и были припечатаны декреты «Жонда», среди которых был и декрет об уничтожении всех имевшихся печатей и учреждении новых, «соответственной формы и совершенно иной против прежних»¹⁸. Какие именно новые печати предполагалось ввести (и предполагалось ли вообще?) — неизвестно, но важна сама идея — ликвидировать всю старую повстанческую сфрагистику и тем самым парализовать всю деятельность остатков старой организации, если она где-либо еще уцелела. Декреты «Жонда», в том числе и декрет об отставке Я. Кужины, представителя Национального правительства, были отправлены в Париж. Вот тут-то и выяснилось, что новые печати имели незначительные отличия от старых. Правда, заметить их можно только при очень тщательном сличении оттисков (табл. II). Я. Кужина, которому, очевидно, были известны место хранения подлинных печатей и тот факт, что они никому из членов «Жонда» не были переданы, заявил, что отставку не принимает, так как печати поддельные. На заседании Представительного комитета он доказал это путем сравнения оттисков. В результате «недоверчивость вкралась в среду комитета»¹⁹. И хотя Даниловский и Рудницкий как главные пропагандисты идеи нового «Жонда» и оказались вынужденными поехать в Варшаву,

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 547, оп. 1, д. 263, л. 126.

¹⁹ Там же, л. 243.

но более никто в треповскую ловушку не попал²⁰. Да и сами царские власти не решились далее продолжать эту игру.

Таким образом, вся эта провокационная операция, продуманная, казалось бы, с такой иезуитской тщательностью, по существу провалилась из-за такой вроде бы мелочи, как незначительное несоответствие печатей. Сфрагистика и тут сыграла большую роль.

²⁰ Добавим, что вся эта история трагически отразилась на судьбе Кужины. Проникшие в эмигрантскую среду сведения о происшедшем вместе с известием об аресте в Варшаве Даниловского и других привели к распространению слухов, что именно из-за Кужины Даниловский, Рудницкий и прочие попали в ловушку. Это обвинение оказалось поводом к дуэли, состоявшейся 10 мая 1865 г. между Гуттри и Кужиной. Последний был смертельно ранен и через три недели скончался. (*J. Struś. Ludzie i wypadki z 1861—1865. Lwów, 1894, str. 50*).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР	— Архив внешней политики России
АСАНИ	— Архив Српске Академије Наука и Искуства
АСРС	— Архив Социјалистичке Републике Србије
АСРЦГ	— Архив Социјалистичке Републике Црне Горе
ВИ	— Вопросы истории
ГАЛО	— Государственный архив Львовской области
ГАЧО	— Государственный архив Читинской области
ГПБ	— Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей
ГБЛ ОР	— Государственная библиотека им. В. И. Ленина, Отдел рукописей
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
КСИС	— Краткие сообщения Института славяноведения
СА	— Славянский архив
САНИ	— Српска Академија Науки и Искуств
СБИД	— Списание на Българското икономическо дружество
СС	— Советское славяноведение
ТЦА МССР	— Труды Центрального архива Молдавской ССР
УЗГУ	— Ученые записки Горьковского государственного университета
УЗИС	— Ученые записки Института славяноведения
УЗКПИ	— Ученые записки Казанского государственного педагогического института
УЗШПИ	— Ученые записки Шуйского государственного педагогического института
УЗЯПИ	— Ученые записки Ярославского государственного педагогического института
ЦГАДА СССР	— Центральный государственный архив дипломатических актов СССР
ЦГАОР СССР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции
ЦГВИА СССР	— Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИАА	— Центральный государственный исторический архив Армянской ССР
ЦГИА Лит. ССР	— Центральный государственный исторический архив Литовской ССР
ЦГИА УССР	— Центральный государственный исторический архив Украинской ССР
ČSCH	— Československý časopis historický

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авербух Р. А. 171, 176
Аккорд Ю. 178
Аксаков И. С. 205, 265
Александр I 59, 61, 153, 233, 277
Александр II 99, 126, 180, 197,
205, 206, 209, 227, 277
Алеш М. 144—149
Али, паша 155
Анастасевич В. Г. 270
Анасян А. С. 150
Андич Э. 171
Андроников Л. Н. 264
Априлов В. 35
Арато Э. 10
Арнаутов М. 182
Арсениевич-Баталака Л.—253
Арш Г. Л.—151, 153
Атанасов А. Д. 38
Афанасьев А. Н. 193
- Багалий Д. И. 235
Багратион П. И. 260
Байрактар М., паша 151
Байрон Д. 157
Бакунин М. А. 178
Балаж Х. 16, 17, 22
Балашевич Ю. 292
Балев Д. 37
Бандтке С. 270
Бараньский Ф. 181
Баронеску К. 108, 111
Барт Г. 37
Бартелеми 16
Бартковский Ю. 160
Бархударян Г. 152
Батаклиев И. 38
Баттенберг Ф.-И. 38
Баттяни Л. 116—118, 121
Батюшков П. К. 265
Бах А. 171
Бахметьев А. 186
Бацарис М. 157
- Бацуров И. 37
Бачинский А. Д. 264
Бей Новокрещеный 283
Белоглавек М. 54
Белоус И. 178
Беляев Н. И. 212, 261
Бем Ю. 173, 178, 181
Бенедиктов В. Г. 265, 267
Беренд И. 18
Берзевици Г. 22
Бериндей Д. 106
Бернолак А. 247, 249, 251, 252
Беров Л. 35
Бестужев-Рюмин М. П. 131
Бецкой И. Е. 265, 266
Бибеску Г. 113
Бибиков Д. Г. 172
Блавчиньский 125
Блага Й. 269
Благоев Д. 198
Блюммер 279
Бляшке Д. К. 178
Боа ле Конт 47, 48
Бобиньска Ц. 219, 223
Бобриков Г. И. 210, 212
Бобровский С. 293
Богданович М. И. 277—279
Богишич В. 84, 271—277, 279--
291
Богоров И. 42
Бодянский О. М. 265
Божич И. 44
Бокль Т. 138
Боллиак Ч. 112, 113
Бонев К. 183
Боннал, братья 36
Бончев Н. 182, 188—191, 193, 194
Борейша Е. 228
Борзобогатый В. 299
Бортников А. И. 165, 169, 170
Ботев Х. 37, 39
Бочев С. 42

- Боцарис Т. 156
 Бракке В. 226
 Браницкий К. 163
 Брезояну 108, 113
 Брлич А. Т. 119, 122
 Брлич И. А. 119, 120
 Броневский 281
 Брониковский К. 160
 Будберг А. Я. 281
 Булевский Л. 216
 Бурович М. 86, 87, 89
 Бутвин Й. 249, 250
 Бутенев А. П. 202, 203
 Бушати, М., паша 81
 Буэ А. 33
 Бычков А. Ф. 265
 Бычков И. А. 265
 Бэлческу Н. 94, 95, 108, 109, 111, 113

 Вавак Ф. 54
 Вайхт 284
 Вардыньская Л. 180
 Вардыньский О. 180
 Вардыньский Ф. см. Краевский 179, 180
 Вароссова Е. 250
 Василенко И. С. 232
 Васильчиков И. И. 172
 Ватцка Й. 239
 Вацлав, князь 146
 Вацлик Я. 275
 Ваян 107, 108, 112
 Вежховский М. 165
 Велестинлис Р. 151, 152
 Венцковский В. 63
 Верешмарти М. 181
 Верещагин В. В. 262
 Вержбицкий В. Г. 165, 166
 Веселовский А. Н. 281
 Вессель-паша 211
 Висневский Л. 178, 179
 Владимиреску Т. 108, 109, 111, 153
 Владимиров Л. 37
 Вольский В. 124
 Вольтер Ф.-М. 19, 20
 Вонлярлярский В. М. 211
 Ворцель Ст. 160, 164
 Восканян С. 155
 Востоков А. Х. 265
 Вронский Г. 266, 267
 Вротновский Ф. 161, 162, 164
 Врублевский В. 217, 227

 Врубровский Э. 35
 Вукичевич М. 253, 289
 Вукович 278, 283
 Вукчевич В. 253
 Вучо Н. 44
 Высоцкий П. 179
 Высоцкий Ю. 178, 181
 Вязанков К. 188

 Габсбурги 3, 9, 11, 16, 21, 114, 124, 238, 240, 244, 269
 Гавличек-Боровский К. 247, 248, 250
 Гаврилович М. 288
 Гаврилович С. 254
 Гаврилович Ф. 284
 Гавроньский А. 125, 127, 130
 Гаевский Б. П. 265
 Газенкампф М. А. 206
 Гай Л. 120, 122
 Гайза Й. 181
 Гаммерштейн 176
 Гамуляк М. 249, 252
 Гандев Х. 34, 37—39
 Гане Н. 232
 Ганка В. 232, 265, 267, 269
 Гараи Я. 181
 Гарашанин И. 120
 Гарибальди Д. 179, 217
 Гарнакерян О. 153, 154
 Гауке-«Босак» Ю. 295
 Гельнер Ф. 148
 Георгиев М. 38, 42
 Гёргей А. 177, 181
 Гердер И.-Г. 21, 22, 26
 Геркель Я. 235
 Геров К. 183, 186, 193
 Геров Н. 34, 183, 199
 Герцен А. И. 131, 132, 171, 214
 Гечевич В. И. 270
 Гзовский Г. 63, 64
 Гига Ю. 174
 Гижицкий В. К. 270
 Гика А. 107, 108, 110
 Гика И. 109
 Гильдебрандт К. 165—169
 Гильфердинг А. Ф. 266
 Гладстон У. 142, 143
 Гогешвили Я. 214
 Гогенцоллерны 114
 Годжа М. 246
 Голеску Н. 95
 Голицын А. Н. 270
 Голлый Я. 252

- Головацкий Я. Ф. 265
 Головин И. 132
 Головинский В. 161
 Голуховский А. 171, 172, 176
 Гольдберг А. Д. 265
 Голштейн И. см. Каменский Я.
 73, 77, 78
 Горов К. Ж. 42
 Горчаков А. М. 96, 196, 202, 203
 Горшенов 279
 Гостичка В. 250
 Гох К. 53
 Гошинский С. 78
 Графман 279
 Гребер В. 219
 Грек А. П. 267
 Грефе Ф. Б. 267
 Григорович В. И. 192, 194
 Григорьев 167
 Гродецкий К. 159
 Гродецкий Н. 159
 Грозев И. 37
 Громадзиньский 174
 Гросс А. 63
 Гроссман Ю. М. 225
 Гузина Р. 253
 Гурбанов М. С. 261, 264
 Гурко И. В. 209, 211, 212
 Гус Я. 146
 Гуттри А. 303
 Гыбенски П. 36
 Гыбенски Х. 36
 Гююшгердан А. 33
 Гююшгердан М. 33, 34

 Дамянич Я. 178
 Дамянов С. 36, 38
 Данилевский 119
 Даниловский В. 302, 303
 Даскалов Х. 183, 185—188, 193
 Дверницкий Ю. 73, 160
 Двойченко-Маркова Е. М. 234—
 237
 Дворжак А. 147
 Дежелич В. 122
 Делянов И. Д. 276, 279
 Дембинский Г. 178
 Дембовский Э. 63, 65, 67
 Дениско Н. 162
 Державин Н. С. 42, 265, 266
 Джахджахан М. 155
 Джорджевич В. 271—273, 275,
 276, 283, 285
 Джорджевич М. 253, 255, 256

 Джумалиев Г. 38
 Димитриевич С. 254
 Димов Г. 192
 Длask И. 54
 Добровольский И. 270
 Добровольский Э. 163
 Добровский Й. 247, 267, 269
 Добролюбов Н. А. 265, 266
 Доброплодный С. 192
 Долгоруков В. А. 181
 Доленга-Ходаковский см. Чар-
 ноцкий А.
 Долинская Н. И. 284
 Домбровский Я. 217
 Доминиковский К. 174
 Дончев Л. 37
 Достоевский Ф. М. 262
 Драган И. 174
 Драгичевич Р. 86
 Дринов М. 182, 188
 Дружиловский 79
 Друмев В. 190
 Дубецкий Т. 160
 Дубичинский М. 299
 Дубровский П. П. 233, 267
 Дунин А. 159, 160
 Дуткевич Ю. 164
 Духньский Ф. 131, 132
 Дучич Н. 91
 Дьяков В. А. 63, 64, 68, 158,
 219, 278
 Дыхан М. Д. 264

 Евецкий 233
 Едлицкий Е. 69
 Екатерина II 231
 Елачич Й. 118—120, 123
 Еловицкие, братья 159, 161
 Еловицкий А. 162, 164
 Елимениц Е. 155, 156
 Ерихонов Л. 182, 183, 186

 Жаба Н. 124
 Жевуский В. 159
 Желязков Д. 33
 Желязков М. 188, 193
 Живанчевич М. 116
 Жижка Я. 146, 267
 Жинзифов Р. 182, 186—191, 194
 Жирмунский В. М. 21
 Журавицкий 73, 79

 Завиша А. 131
 Заевский В. 160, 161

- Зайцев В. М. 158
 Залеский В. М., губернатор Галиции в 1848-1849 гг. 176, 177
 Залесский 166
 Заливак С. 169
 Залуские 268
 Залуский И. А. 266
 Занэ Г. 110, 111
 Запрянов Б. 183
 Зафиров 192
 Захарян Г. 152—154
 Заштовт А. 266, 267
 Зуева Н. В. 261, 263
- Иванов Т. 168
 Иванова А. И. 274, 279—285
 Иванова О. Е. 225
 Ивич А. 253
 Игнатъев Н. П. 187, 202
 Илиев А. 35, 36
 Илич Б. 52
 Ионеску-Нишков Т. 232
 Ионин А. С. 282
 Иордан В. 221
 Иосиф II (Йозеф II) 16, 22, 243, 244, 267
 Ипсиланти А. 151—153
 Ипсиланти К. 153
 Иречек К. 35—37
 Иржи из Подебрад 146
 Итальянский А. Я. 281
 Йованович С. 50
- Кавелин А. А. 166
 Казинци Ф. 21, 25
 Калайдович К. Ф. 265
 Калембка С. 62
 Калиник, архимандрит 189
 Камарашеску К. 111
 Камбуров Х. 187
 Каменский Я. см. Голштейн И.
 Кампелик Ф. С. 247
 Канаа-заде Х. 37
 Канёва Й. 53, 54
 Каниц Ф. 33, 36, 37
 Каподистрия И. 59—61, 151
 Каппер З. 48
 Каравелов Ж. Л. 182, 183, 186—194
 Каравелов П. 182, 187, 193
 Карагеоргиевичи 287
 Карагеоргий 278, 283, 287
 Карагьозов С. 36
- Караджич В. С. 191, 253, 265, 266, 269
 Караконювский В. 187
 Карапанчев см. Панов И.
 Каранович Д. 138
 Карасев В. Г. 44
 Карл Гогенцоллерн 211
 Карпинский А. 63, 65, 66
 Катуш Л. 12, 13
 Каховский П. Г. 131
 Каченовский М. Т. 266
 Кашиц К. 299
 Квициньский 168
 Кеневич С. 62, 72
 Кесяков К. 187
 Киперман А. Я. 262
 Киракос I 154
 Киркович К. 188, 193
 Клапка Д. 181
 Клемм Л. 178
 Клиничаров И. 192
 Кобылица Л. 171, 181
 Ковалевский Е. П. 186, 196
 Ковач Э. 171
 Ковачев Т. 183
 Ковачевич Л. 275, 289
 Когэлничану М. 99, 100
 Кожевников В. Ф. 200—202
 Козаров Г. 33, 38
 Козаров И. 33
 Козина Я. 146
 Козловский В. 175, 176
 Козловский Э. 171
 Козьменко И. В. 261
 Кокушкин 284
 Коланджян С. 152
 Колька Й. 249
 Коллар Я. 247, 249, 266, 267, 269
 Коллонтай Г. 69, 223, 228
 Колокотронис Т. 157
 Колушки Г. Н. 38
 Кольсон 107
 Колюмна З. 179
 Комаров К. С. 264
 Конарский Ш. 131, 165—167, 169, 170
 Кондратьева В. Н. 89
 Конобеев В. Д. 259—261, 263
 Константинович З. 48
 Копержинский К. А. 266
 Копитар Б. 266
 Кораис А. 152

- Косев Д. 32, 40
 Косев К. 32, 37—40
 Косицкий А. 176
 Коста Г. Э. 265, 266, 269
 Костев С. 174
 Костюшко И. И. 219
 Костюшко Т. 78
 Котик Г. 174
 Котляревский А. А. 265
 Кочи Й. 53, 54, 57, 250
 Кошари Д. 24
 Кошут Л. 115, 117, 118, 172, 173, 178
 Краевский см. Вардыньский Ф.
 Краушар А. 63
 Кремовецкий Т. 160
 Крофта К. 53, 246
 Круковецкий Я. 164
 Круликовский Л. 124
 Крылов И. А. 265
 Кужина Я. 302, 303
 Куза А. И. 97, 100, 101
 Кузьмин-Караваев А. Н. 165—170
 Кульмер Ф. 118
 Куниберт Б. 45
 Курелац Ф. 266
 Кутнар Ф. 53
 Куторга М. С. 265
 Кутузов М. И. 259, 260
 Кшижановский С. 131
 Кымпиняну И. 110, 113

 Лавровский П. 237
 Лазарев О. 154
 Ламанский В. И. 192, 281, 282
 Ламбрев К. 36, 39
 Ласло М. 236, 237
 Лацко М. 8, 11, 18
 Легед 176
 Ледуховский Я. 124
 Леков Д. 190
 Лелевель И. 74, 78, 159, 162, 170, 220, 222, 223
 Ленин В. И. 18, 19, 27, 37, 40, 70, 101, 102, 114, 144, 258, 259
 Леопольд II 267
 Лепковский Т. 70, 71
 Лимановский Б. 164
 Липранди И. П. 275
 Литвинов 168
 Лобанов-Ростовский А. Б. 187, 200

 Лобри 169
 Локк Д. 19
 Лордкипанидзе К. 214
 Лукасик С. 234
 Лукасинский В. 130, 131
 Лукашевич В. 164
 Люблинер Л. 124—126
 Любомирский Г. 163
 Люсине, де 165—170
 Лянгевич М. 127, 292, 295
 Ляхов В. А. 259
 Ляшкович А. 179

 Мабли Г. Б. 76
 Маевский М. 235
 Мажуранич А. 116
 Мажуранич И. 116, 118
 Майергофер Ф. 120, 121
 Майков А. А. 265, 267
 Македонский Д. 108, 111, 112
 Маккензи Д. 206
 Мамурян М. 156
 Манес Й. 144
 Манолов А. 188
 Маноловы, братья 37
 Марат Ж.-П. 19, 76
 Мария-Терезия 14, 20, 241—244
 Марков Д. Ф. 4
 Марков Т. 86
 Маркович С. 51, 137
 Маркс К. 3, 62, 68, 70, 106, 171, 195, 196, 214, 218—224, 230, 231, 258
 Мартинович И. 25
 Мартинович М. 86
 Мартинович Н. 84
 Маслеша В. 51
 Матиаш Корвин 146
 Матич Д. 123
 Матула В. 250
 Мацевский В. А. 232—235
 Мачабели И. 214
 Меглицкий Г. 267, 268
 Медакович М. 83
 Мейснер А. 267
 Менделеев Д. И. 262
 Мерей Д. 16, 17
 Мерославский Л. 128, 220, 221
 Месхи С. 214
 Меттерних К. 61
 Миаулис А. 157
 Миклошич Ф. 266
 Милаванович М. 283
 Миладинов К. 183, 186, 191, 193

- Милан, князь см. Обренович Ми-
 лан
 Милич Д. 44
 Миличевич М. 253
 Миллер А. Ф. 151
 Миллер И. С. 4, 62
 Милль Д. 138
 Милош, князь см. Обренович Ми-
 лош
 Милютин Д. А. 206, 208, 277, 279
 Мирзаян М. 151
 Миркович Ф. Я. 166, 168
 Мискульский 176
 Митрофанов П. 16
 Михайлов М. Л. 152
 Михайловский Н. К. 262
 Михельсон И. И. 277, 283
 Мицкевич А. 78, 215, 216
 Мицкевич В. 125, 215, 216
 Миятович Ч. 283
 Младенов Д. 35—37, 39, 40
 Млынарский З. 64
 Молнар Э. 10
 Моне 235
 Монтескье Ш. 19, 20
 Мохнацкий М. 159
 Мошинский А. 165—170
 Мошин А. 39
 Мрзовицкий М. 292
 Муньков Н. П. 259
 Муравьев-Апостол С. И. 131
 Мурад М. см. Шахмурад 150
 Мургу Е. 108, 112
 Мушицкий А. 266
 Мыльников А. С. 265, 269
- Наполеон I 30
 Натан Ж. 32, 35
 Наумов Е. П. 44, 45
 Негош П. П. 136
 Неделькович Б. 51, 274
 Нейсер 177
 Неофит, митрополит 111, 112
 Неруда Я. 147
 Нессельроде К. В. 120
 Нечаев С. Г. 279
 Никитин С. А. 183, 186, 198, 261
 Николадзе Н. 214
 Николай I 72, 169, 176
 Николчов С. В. 37
 Никчевич Т. 81, 83, 85—87
 Нифонтов А. С. 171
 Ниякий В. В. 259, 261
- Новак В. 272—274, 276, 283, 284
 Новак С. З. 261
 Новакович С. 253, 272, 274, 281,
 286—289
 Новиков Е. П. 207
 Новодворский З. 299, 300
 Новотный Я. 246, 247, 251
 Норатункян П. 157
- Обренович Милан 207, 209
 Обренович Милош 45, 47
 Обренович 287
 Обручев Н. Н. 206, 207, 210
 Обрущенкова Л. А. 158, 162
 Оганесян Р. П. 157
 Огарев Н. П. 214
 Одоевский В. Ф. 265
 Олизар Н. 160, 163, 164
 Ореус И. И. 278, 282
 Осман-паша 91, 211
 Оцетя А. 106
 Очковский Я. 176
- Павичевич Б. 81, 84, 88, 90
 Павлищев Н. И. 125
 Павлов А. 39
 Павлович Л. 52
 Павловский 169
 Падлевский З. 294
 Палаузов С. Н. 109
 Палацкий Ф. 269
 Палеолог К. 150
 Палкович Ю. 269
 Пальмерстон Г. Д. 116
 Панайческу Р. Р. 237
 Панов И. см. Карапанчев 187
 Пановский К. 108
 Пантелич Д. 253, 272
 Пармос 38
 Паскевич И. Ф. 68, 166, 169, 176
 Патканян Р. 156
 Пач Ж. П. 10
 Пейович Д. 91
 Пелагич В. 134—144, 266
 Перович-Цуца С. 86
 Перуничич Б. 52
 Перфанов Д. 188
 Пестель П. И. 72, 76, 131
 Петефи Ш. 178, 181
 Петкович К. 87, 90
 Петр I, митрополит 83, 88, 255
 Петр II, митрополит 83, 84, 86
 Петр Карагеоргиевич 287
 Петров А. Н. 278

- Петрович Г. 86
 Петрович Д. 83, 84, 87, 89
 Петрович Е. 45
 Петрович Машан 86
 Петрович Мирко 87
 Петрович Н. 87
 Петровичи-Негоши 83, 84, 86, 88
 Петруник М. 174
 Петруник Ф. 174
 Пешак В. 53, 54
 Пеякович С. 121
 Пий IX, папа 126
 Пирогов Н. И. 262
 Пирх О. Д. 47
 Платонов С. Ф. 266
 Поглубко К. А. 182, 183
 Погодин М. П. 182, 183, 233, 237, 266, 270
 Полторацкий С. Д. 267
 Поль М. 290
 Поиньский Э. 175
 Понсонби Д. 116, 117, 123
 Попков Б. С. 221
 Попыко Д. Ф. 135, 137
 Попов В. С. 267
 Попов К. 36, 37
 Попов Н. А. 182, 183, 186, 272, 275, 276, 279—281, 285
 Попович В. 182, 189—191, 193, 194
 Пороховщиков А. 205
 Поспелов П. Н. 223
 Пражак А. 246, 251
 Прейс П. П. 266
 Прендовская Я. 292
 Примах Ф. 176
 Прозоровский А. А. 284
 Прокупек Я. 53, 54, 56
 Прудон П.-Ж. 94
 Пулаский К. 160
 Пушкаревич К. А. 159
 Пушкин А. А. 213
 Пшевловский К. 35
 Пыпин А. Н. 192, 193, 266
- Равита-Гавроньский Ф. 163
 Раденич А. 44
 Радзивиллы 268
 Радомиров П. 188
 Радоничи 84
 Радощану Г. 111
 Раду Л. 113
 Раевский М. Ф. 266
 Райович Ц. 47
- Раковский Г. С. 42, 187—189
 192, 261
 Ракоци Ф., 2-й 14
 Ранке Л. 253
 Ранки 8, 11, 18
 Рапант Д. 116, 118
 Рачинский А. В. 185
 Ребро К. 238—244
 Реваи Й. 11, 12
 Рихтер В. 47, 48
 Робеспьер М. 19
 Родофиникин К. К. 277, 281, 283
 Романец О. 237
 Романовы 114
 Росетти К. А. 98
 Роубик Ф. 53
 Рубинштейн Н. Л. 164
 Рудницкий В. 302
 Ружаньский 125, 126, 130
 Румянцев Н. П. 270
 Русев Х. 35, 37, 40
 Русиян Л. 171
 Руссо Ж.-Ж. 19—21, 74, 76
- Саббатин К. 159
 Савинич И. 233
 Савицкий Я. см. «Струсь» 303
 Салтыков-Щедрин М. Е. 262
 Сапитай С. 36
 Себастьян П. 151
 Сен-Жюст А. 19
 Свобода Й. 53, 54
 Селецкий 275
 Сенкевич Г. 217
 Сенкевич И. Г. 89
 Сергиенко Г. Я. 62
 Сергиеску М. 108, 111, 113
 Сероцинский Я. 78, 79
 Сируни А. Д. 151
 Скалон А. А. 211
 Скворода Г. С. 235
 Сксинецкий Я. 164
 Славейков П. 192
 Сладек Й. В. 147
 Слиш А. 125, 133, 134
 Служевский С. 159
 Смирнов А. Ф. 62, 165, 223
 Смирнова Л. И. 275, 284
 Смоляр И. 266
 Смолинский 180
 Собаньские, братья 159
 Солтык Р. 131
 Сопиков В. С. 265
 Сорока В. 174

- Сохань П. С. 264
 Спазьер Р. С. 162
 Спасов А. 35, 36
 Срезневский И. И. 266, 280, 281
 Стадион Ф. 171, 176
 Станев С. 40
 Станислав-Август Понятовский 228
 Станишев К. 187
 Стасов В. В. 265, 266
 Сташиц Ст. 27—31, 73, 75, 77
 Стефанович-Тенка С. 123
 Стойкович М. 283
 Столетов Н. Г. 210, 213
 Стончак 180
 Стороженко А. Я. 169
 Стоянов А. 188
 Стоянчевич В. 254
 Страт И. 94
 Стратимирович С. 266
 Стремоухов П. Н. 275, 281
 Строганов Г. А. 61
 «Струсь» см. Савицкий Я.
 Струш А. 175
 Ступин Н. 34
 Ступницкий Г. 179
 Стшемецкий А. 175, 176
 Сугер П. Ф. 20
 Сукич А. 119
 Сулейман-паша 209
 Сухан М. 18
 Сцегенный К. 65
 Сцегенный П. 64, 65, 67, 68
 Сырку П. А. 232
 Сюч Е. 26

 Табаков С. 33, 37, 38
 Таблиц Б. 269
 Тавернье 107
 Таль Э. 47, 48
 Татищев С. С. 197, 203
 Тележеску К. 108, 111—113
 Телепнева Е. С. 267
 Теохаров Г. 182, 187, 191, 192, 194
 Тесельский Ф. 173
 Тибенский Я. 238—241
 Тирович М. 179
 Тишков П. 38
 Ткадлечкова-Вантухова Я. 247, 251
 Тодоров Н. 32, 34
 Тодоров П. 183, 191
 Тодоров П., историк 34

 Тодорович П. 187, 191
 Толнаи Д. 8
 Толстой Д. А. 186
 Толстой Л. Н. 262
 Томай-Тулинский Д. 282
 Томов П. 86
 Тонев В. 199
 Торкват А. 120
 Тот З. И. 115, 118
 Траугутт Р. 295
 Трепов Ф. Ф. 302
 Тувенель 112
 Тургенев И. С. 262
 Тюрнер М. Е. 16

 Уваров С. С. 275, 280
 Угринич К. 139
 Улуян А. А. 262, 263
 Ульманн 125
 Ульянский В. А. 284
 Улятовский М. 302
 Унтербергер А. 35
 Урбановский К. 125

 Федоров А. В. 176, 179
 Феньё И. 21
 Фердинанд I 123
 Филаретов С. 183
 Филипеску Д. 105, 107—113
 Филипеску И. 108
 Филиппенко И. 212
 Филитти И. 108, 110
 Фингов Д. 188
 Флоринский Т. Д. 266
 Фонтон Ф. П. 120, 121
 Фортунатов П. К. 261
 Фотино Г. 95
 Франко И. 171
 Франц-Иосиф 173
 Франц-Карл 118
 Францев В. А. 234—236, 266
 Фридрих II 231
 Фрич Й. 124, 130
 Фролов Н. П. 100

 Хайночи И. 25
 Ханак П. 8, 11, 18, 171
 Хашдеу А. Ф. 232—237
 Хашдеу Б. П. 231, 232, 236, 237
 Хевролина В. М. 262
 Хекенашт Г. 17
 Хлопицкий Ю. 78
 Ходзько А. 216
 Хоецкий Э. 124

- Хорват П. 238, 239
Храбовский Я. 123
Хримян М. 157
Христов Х. 39
Христович И. 183, 193
- Цавелас Ф. 155, 156
Церетели А. 214
Церетели Г. 214—216
Цинцендорф К. 15
Цонев С. 32
Цончев П. 36, 38
Цэрану С. 108, 111, 113
- Чавчавадзе И. 214
Чайковский М., 163
Чаплярош И. 171
Чарноцкий А. см. Доленга-Хода-
ковский 270
Чарторыйский А. 163, 164, 268
Чарторыйский В. 128, 129
Червинка Ф. 250
Чермак Я. 144
Чернышевский Н. Г. 148, 214
Чиньский Я. 124—127
Чолаков В. 183
Чубрилович В. 44, 253, 254, 256,
257
- Шабанович Х. 253
Шандор В. 9, 10
Шарова К. 182
Шатохина Е. М. 187, 261, 263
Шаудер Й. 21
Шафарик П. Й. 232, 235, 237,
247, 249, 265, 269
Шахмурад см. Мурад М.
Шевырев С. П. 266
Шемеро 282
Шинглярский И. 160
- Ширма Л. 270
Шишкин Н. П. 201
Шишков С. 42
Шишков Т. Н. 185
Шкультеты Й. 246
Шлегель Ф. 22
Шопен Ф. 266
Шпира Д. 17, 115
Шпис А. 239
Штур Л. 247, 248, 250, 251, 266
Шумлянский А. 174
Шушак 282
- Щербак А. В. 212
Щербатов А. П. 68
- Экзарх А. 185
Экхардт Ш. 20
Энгельс Ф. 3, 62, 70, 171, 218—
231, 258
Энглерт В. 179
Энчев Г. 36—38, 40
Эрбен К. Я. 147, 269
Эренберг Г. 63, 66
Эристов 170
Эрнст П. 226
- Юнгман Й. 265—268
Юрданов Ю. 36, 38, 42
- Ягич Й. В. 266, 276
Яковлев Н. Н. 261, 262, 264
Якубский В. А. 230
Якшич Г. 253
Янкович Д. 44, 46
Яновский Ю. К. 292, 296
Яноушек Э. 53
Янчевский З. 294, 302
Яцимирский А. И. 232

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 5

I. Социально-экономические отношения

<i>Г. М. Исламов.</i> Некоторые вопросы истории Венгрии конца XVIII — первой половины XIX в.	7
<i>О. Е. Иванова.</i> Аграрный вопрос в Польше во второй половине XVIII в. в оценке Ст. Сташица	27
<i>С. С. Гринберг.</i> Болгарские фабрики в период национального возрождения	32
<i>Е. П. Наумов.</i> К истории социальных отношений в Сербии в 30—50-е годы XIX в.	43
<i>Л. Н. Алексашкина.</i> Социально-экономическое расслоение чешского крестьянства накануне революции 1848—1849 гг.	53

II. Освободительные движения и их идеология

<i>Г. Л. Ариш.</i> И. Каподистрия и греческое национальное движение (1809—1822 гг.)	59
<i>В. А. Дьяков.</i> О социальном облике и классовой сущности польского освободительного движения 30—40-х годов XIX в.	62
<i>Н. П. Митина.</i> К вопросу об идеологии участников польского национально-освободительного движения 30-х годов XIX в.	72
<i>Н. И. Хитрова.</i> Социальные основы освободительного движения в Черногории (конец XVIII в.—1878 г.)	81
<i>В. Н. Виноградов.</i> Узловые проблемы истории Гумынии в середине XIX в.	91
<i>Э. А. Джапаридзе.</i> Заговор Д. Филипеску (Из предыстории революции 1848 г. в Валахии)	105
<i>И. И. Лещиловская.</i> Хорватский вопрос в первые месяцы революции 1848 г.	113
<i>С. М. Фалькович.</i> Польская эмигрантская печать в Бельгии в период восстания 1863—1864 гг.	124
<i>Д. Ф. Поплыко.</i> Васо Пелагич. Путь от просветительства к революционности	134
<i>Л. С. Кишкин.</i> М. Алеш и национально-освободительное движение	144

III. Международные общественно-политические и культурные связи

<i>М. Н. Акопян.</i> Освобождение Греции и армянская общественная мысль	150
<i>Л. В. Баженов.</i> Политические течения в польском восстании 1831 г. на Правобережной Украине.	158
<i>А. И. Бортников.</i> Русские офицеры и солдаты в деле Ш. Конарского и А. Н. Кузьмина-Караваева (К вопросу о тайном обществе «L'Humanité»)	165
<i>Д. Б. Кацнельсон.</i> К истории участия славян в венгерской революции 1848—1849 гг. (По материалам львовских архивов)	171
<i>Б. Н. Билунов.</i> К истории «Болгарской дружины» — организации болгарских студентов в Московском университете	182
<i>Н. В. Зуева, Е. М. Шатохина.</i> Отношение России к турецким реформам в Болгарии (1856—1866 гг.)	194
<i>В. И. Виноградов.</i> Боевое содружество народов России и Балкан во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.	205
<i>Н. Г. Николайшвили.</i> Грузинская газета «Дрозба» о национально-освободительной борьбе польского народа	214

IV. Историография и источниковедение

<i>С. М. Стецкевич, В. А. Якубский.</i> Фридрих Энгельс о внутренних причинах падения Речи Посполитой (К вопросу об истоках марксистской концепции)	218
<i>Е. М. Двойченко-Маркова.</i> Зарождение румынской славистики (А. Хашдеу и В. А. Мацевский)	231
<i>И. Р. Фишер.</i> Аграрные реформы на территории Словакии в период просвещенного абсолютизма (Историографический обзор)	238
<i>М. Ю. Досталь.</i> Взаимовлияние чешского и словацкого национального возрождения в современной историографии Чехословакии	245
<i>Н. П. Данилова.</i> Босния и Герцеговина в период Первого сербского восстания (Некоторые вопросы историографии)	253
<i>А. П. Барбасов.</i> Некоторые вопросы истории вооруженной освободительной борьбы болгарского народа конца XVIII—70-х годов XIX в. в советской историографии	258
<i>А. С. Мыльников.</i> Национальное возрождение славянских народов в рукописях Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Источниковедческий обзор)	264
<i>В. П. Грачев.</i> История Первого сербского восстания 1804—1813 гг. в собрании В. Богишича	271
<i>Ю. И. Штакельберг.</i> Некоторые результаты изучения сфрагистики польского восстания 1863—1864 гг.	291

Список сокращений	304
-----------------------------	-----

Указатель имен	305
--------------------------	-----

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ
И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В НОВОЕ ВРЕМЯ**

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Г. В. Шелудько*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *В. Н. Тикунов*
Технический редактор *Н. П. Кузнецова*
Сдано в набор 1/III 1974 г.
Подписано к печати 11/VI 1974 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2
Усл. печ. л. 16,18 Уч.-изд. л. 17,6 Тираж 1450
Т-08164 Тип. зак. 246.
Цена 1 р. 27 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10